

А.И. ПОДБЕРЕЗКИН

РОЛЬ США В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ И БУДУЩЕЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. Подберезкин

РОЛЬ США В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ И БУДУЩЕЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Монография

Под редакцией О.Е. Родионова

Москва
Издательский дом
«Международные отношения»
2019

УДК 327(100-87)
ББК 66.4(0)'6
П44

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований по проекту № 19-011-34022, не подлежит продаже

ИСИ

Экспертный
институт социальных
исследований

Подберезкин, Алексей Иванович.

П44

Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки : монография / А.И. Подберезкин; под редакцией О.Е. Родионова. — М. : ИД «Международные отношения», 2019. — 462 с.

ISBN 978-5-906367-94-5

Работа посвящена очень актуальной теме — эволюции военной политики и политики безопасности США при президенте Д. Трампе в 2016–2019 годы. Именно в это время США радикально переоценили свою стратегию «силового принуждения» не только по отношению к России, но и в отношении Китая и даже своих союзников. Их глобальная цель осталась прежней — сохранение контроля над сложившейся в последние десятилетия финансово-экономической и военно-политической системами в мире, однако средства и способы её достижения были существенно изменены. Эти новые средства и способы силового принуждения рассматриваются в работе с тем, чтобы дать читателю представление о новых военно-политических реалиях в мире.

Книга предназначена как для специалистов-международников, так и для аспирантов и старшекурсников высших специальных учебных заведений.

The present research is devoted to a compelling subject — evolution of military policy and security policy of the USA under D. Trump in 2016–2019. At this particular time the USA considerably overestimated the strategy of “power coercion” not only in relation to Russia, but also concerning China and even the US allies. Their global purpose remained the same — preservation of control over developed in the last decades financial and economic and military-political systems in the world. However, means and ways have changed significantly. These new means and ways of power coercion are considered in present research to give to the reader an idea of current military-political realities in the world.

The book is intended both for specialists in foreign affairs and for graduate students and undergraduates of the highest specialized educational institutions.

УДК 327(100-87)
ББК 66.4(0)'6

ISBN 978-5-906367-94-5

© Подберезкин А.И., 2019

Оглавление

Предисловие	7
--------------------------	---

Глава I.

Оценка военно-политического положения США в мире 19

1.1. Противоборство и сотрудничество США с другими субъектами военно-политической обстановки в мире.....	25
1.1.а). Методология исследования.....	26
1.1.б). Историческая инерция.....	44
1.1.в). Новый этап в развитии военно-силовой политики США	49
1.2. Основная тенденция развития военной политики США — усиление противоборства с локальными человеческими цивилизациями	56
1.3. Оценка современного положения и будущего экономики США	71
1.3.а). Общая характеристика значения экономики США для военно-политической обстановки в мире	74
1.3.б). «America First» — программа укрепления военно-политического контроля США в мире.....	79
1.3.в). Военно-технические возможности США по контролю будущей военно-политической обстановки	92
1.4. Основная тенденция военно-политического развития США.....	110
1.4.а). Концепция базового сценария развития США до 2025 года	115
1.4.б). Соотношение основных сил при базовом сценарии развития США.....	117

Глава II.

Конкретные варианты базового сценария развития политики безопасности США до 2025 года..... 135

2.1. Основные тенденции в развитии базового сценария США	141
2.2. Обоснование базового сценария развития США.....	142
2.3. Модель базового сценария военно-политического развития США до 2025 года	156
2.3.а). От «защиты демократии» до прагматической защиты глобальных интересов США: универсальный военно- политический модуль	164
2.3.б). США и другие локальные человеческие цивилизации	166

2.4. Враждебные действия США как принцип политики	167
2.4.а). Политическая цель и базовый сценарий развития США	168
2.4.б). Категория «Враждебные действия»	169
2.4.в). Враждебные невоенные действия в политике США	177
2.4.г). «Цифровая среда» противоборства	178
2.4.д). Коалиционная военная политика	180
2.4.е). Превосходство в стратегическом планировании	184

Глава III.

Три наиболее вероятных конкретных варианта реализации базового сценария развития военной политики США

до 2025 года	189
3.1. Вариант № 1: «Оптимистический» вариант развития США	
до 2025 года как попытка усилить позиции в мире	198
3.1.а). Основные характеристики развития США	
по «Варианту № 1» базового Сценария до 2025 года	207
3.1.б). Политика «новой публичной дипломатии»	
США и военная сила.....	225
3.1.в). Международный терроризм как инструмент политики	
силового принуждения США.....	233
3.1.г). Особенности военной политики США при реализации	
«Варианта № 1» до 2025 года	242
3.2. Вариант № 2 («Реалистический»)	
базового сценария военно-политического развития США	259
3.2.а). Основные показатели военно-политического	
развития США.....	262
3.2.б). Военно-политические особенности «Варианта № 2»	
базового сценария	269
3.3. Вариант № 3 («Пессимистический»)	278

Глава IV.

На горизонте: прогноз развития США после 2025 года..... 297 |

4.1. Особенности «переходного периода» в развитии США	
после 2025 года	303
4.1.а). Соотношение мировых сил и сценарии развития США	
после 2025 года.....	304
4.1.б). Логика развития сценариев	310
4.2. Сценарии развития США после 2025 года, основанные	
на известных парадигмах	313
4.2.а). Прогноз эволюции развития национальных	
интересов США	315
4.2.б). Основные особенности развития США после 2025 года.....	330

4.2.в). Инерционный сценарий развития США после 2025 года, основанный на сохранении влияния старых парадигм.....	342
4.2.г). Наиболее вероятные варианты инерционного сценария развития США после 2025 года	348
4.2.д). Варианты основного сценария развития США после 2025 года, основанного на известных парадигмах	352
4.3. Варианты развития США после 2025 года, основанные на известных новых парадигмах	362
4.3.а). «Вариант №1» («Силовое принуждение») базового сценария развития США после 2025, основанного на влиянии новых парадигм.....	372
4.3.б). Вариант № 2 базового сценария развития США после 2025 года («Решительное уничтожение»).....	390

Глава V.

За горизонтом: сценарии развития США после 2025 года, основанные на возможном доминировании неизвестных новых парадигм.....	429
5.1. Варианты сценария развития США после 2025 года, находящегося под доминирующим влиянием новых парадигм.....	436
5.1.а). «Вариант № 1» сценария развития на основе новых парадигм в период 2025–2040 годов — «Резкое усиление враждебности США по отношению к исламской локальной человеческой цивилизации»	437
5.1.б). «Вариант № 2» сценария развития США в период 2025–2040 годов, основанного на новых парадигмах — «Гражданско-религиозный конфликт в США»	439
5.1.в). «Вариант № 3» — «Война с КНР».....	447
5.2. Гипотетические опасности и угрозы.....	449
5.2.а). «Вариант № 4» — «Угрозы США со стороны новых центров силы и локальных человеческих цивилизаций (Бразилии, Индонезии, Мексики), вытекающие из доминирования новых парадигм мирового развития в период 2025–2040 годов»	449
5.2.б). Энергетический кризис.....	450
5.2.в). Новые средства и способы вооруженной борьбы.....	452

Предисловие

Центральным звеном в системе стратегического управления на государственном и корпоративном уровнях являются **долгосрочные прогнозы**¹

*Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец
авторы учебника по стратегическому
прогнозированию*

Не просто огромное, но решающее влияние на будущее России, ее локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) и всей международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО) в ближайшие десятилетия будут оказывать Соединенные Штаты Америки и возглавляемая ими широкая военно-политическая коалиция. Решающая роль США, как минимум, до 2050 года, — сегодня не вызывает сомнений, а их внешняя политика (и особенно политика в области безопасности) остается главным фактором формирования ВПО в мире, не смотря на быстрое развитие других центров силы.

Независимо от того, какие центры силы в перспективе 20-30 лет будут играть новую роль в мире — Китай, исламские государства, Индия, либо другие, стремительно развивающиеся государства, — необходимо снова подчеркнуть, что США в будущем, как и в настоящее время, будут продолжать выступать главным фактором, формирующим МО и ВПО, причем не только в группе других субъектов, государств и союзов, но и (опосредованно) в группе всех других факторов и тенденций, формирующих ВПО². Это влияние настолько велико, что можно спорить лишь о его степени — решающем или сильном, — но не о том, что какие-то другие силы смогут оттеснить США от решающей роли в формировании новой

структуры мирового порядка, который они пытаются создать по своему образцу: США никогда не отказывались и не откажутся от своей роли «мирового полицейского».

Даже изменение соотношения сил в мире не в их пользу (а, в еще большей степени ожидаемые будущие изменения), пока что не влияют качественно на их позиции, которые в мировой экономике, финансах, торговле и политике, в особенности военной, продолжают оставаться решающими. Можно проиллюстрировать этот тезис по-разному, но, на мой взгляд, достаточно привести лишь два примера, доказывающих правоту этого тезиса в последнее время:

С политической точки зрения, в 2017 году Д. Трамп попытался инициировать реформу ООН, которую поддержали сразу же 137 стран, и не поддержали 56 стран (включая трех членов Совета Безопасности ООН — России, Франции и КНР), т.е. практически 3/4 государств, которые очевидно следуют в фарватере американской внешней политики. Этот пример означает, что США создали мировую политическую систему «концентрических кругов», когда «большой круг» — контролируемые в политическом отношении государства — составляют абсолютное большинство стран мира, «средний круг» — члены широкой американской коалиции, участвующие в практической политике США (например, в Ираке и Сирии, где так или иначе задействованы более 60 государств), наконец, «малый круг» — члены союза, связанные с США жесткими обязательствами.

С финансово-экономической точки зрения, в это же время США пригрозили не только России, но и крупнейшей экономике мира — КНР «перекрыть доступ к финансовой долларовой системе»³. Это означает, что США продолжают не только сильно влиять, но и контролировать мировую финансовую систему, обладая возможностями использовать этот контроль в качестве политических и даже военных инструментов;

С военно-политической точки зрения, США продолжают оставаться самым сильным государством, способным оказать решающее влияние на глобальном уровне в любом районе мира при этом, сохраняя самые крупные в мире расходы на военные цели, они «не переходят черты», оставляя, тем самым, возможности для развития своей экономики. Достаточно сказать, что только «прибавка» военного бюджета США в 2019 ф.г. на 50 млрд. долларов равна всему

военному бюджету России, а в целом возглавляемая США коалиция может уже сегодня тратить на военные цели более 1500 млрд. долларов. При этом — важно подчеркнуть — доля военных расходов относительно ВВП остается на прежнем уровне, а в случае США — даже снижается.

Из сказанного выше следует три важнейших вывода:

Во-первых, США контролируют и будут стремиться сохранить такой контроль, всю военно-политическую, финансовую и экономическую системы в мире, что и является их реальной и основной целью политики, которая на практике означает, что то или иное государство должно, как минимум, входить в «дальний круг» влияния США.

Во-вторых, единственный способ сохранить такой контроль это проведение военно-силовой политики, которая в настоящее время приняла форму политики «силового принуждения».

В-третьих, у США и возглавляемой ими широкой коалиции есть огромные ресурсы и резервы, которые превосходят ресурсы и резервы других центров силы и возможных коалиций. Так, с точки зрения военных расходов, США могут, при необходимости, быстро увеличить свои расходы на оборону с 700 (900) млрд. долларов до 2-2,5 трлн. долларов, а коалиции — до 4-5 трлн. долларов. (Рис.1)⁴

Таким образом, США контролируют важнейшие области в международных отношениях, а их прямая цель внешней политики, на ближайшие десятилетия, заключается в сохранении этого глобального контроля.

Этот факт имеет исключительно важное значение, для прогноза развития ВПО, неизбежно делает анализ и прогноз любого сценария развития ВПО непосредственно в мире и в целом ряде регионов, зависящим по целому ряду ключевых параметров от состояния и будущего положения и политики США, а соответствующие оценки — имеющими большое значение.

В свою очередь сам стратегический прогноз политики и сценария развития США (и его конкретных вариантов) до 2050 года зависит от огромного числа объективных мировых, региональных и страновых факторов, и тенденций, а также вполне субъективных обстоятельств, т.е. огромного множества относительно постоянных и переменных величин, о которых я не раз писал в предыдущих работах⁵. Некоторые из них исследуются в этом разделе, в частности, соотно-

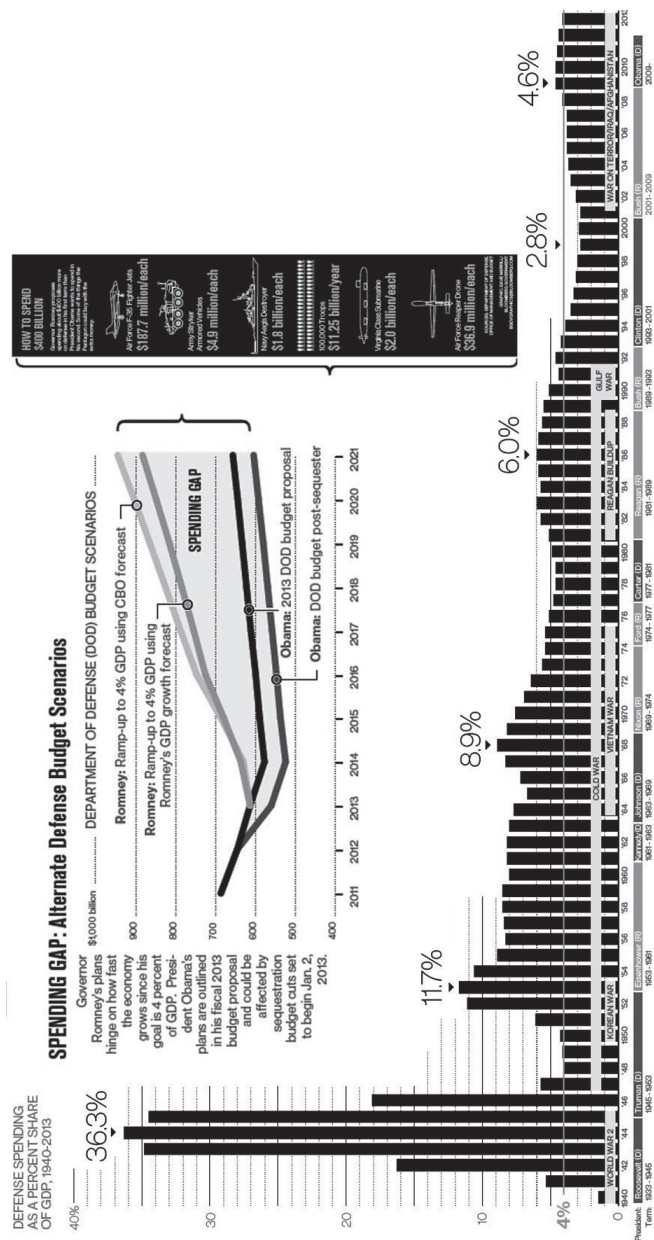

Рис. 1

шение сил между ведущими центрами силы, темпы развития основных ЛЧЦ, особенности развития США и возможные угрозы, но основные теоретические положения можно посмотреть в других работах Центра военно-политических исследований МГИМО МИД РФ⁶, который был создан в 2012 году⁷.

Однако в настоящей работе рассматриваются лишь наиболее общие из них, а также только те факторы, тенденции и условия, которые известны в настоящее время и уже могут учитываться в той или иной степени. Будущие парадигмы развития США и МО, которые могут радикально повлиять на ситуацию, лишь затрагиваются в самом общем плане, имеющем значение именно для прогноза развития этой страны и ее стратегии⁸.

В частности, например, многое зависит от адекватности и точности оценки современной политики и военной доктрины США, которая, безусловно, является, достаточно субъективной в экспертном сообществе и правящей элите России, но имеет огромное и непосредственное значение для долгосрочного прогноза и планирования. Особенно если речь идет о долгосрочных программах развития вооружений и военной техники, которые в современной реальности планируются на десятилетия, вплоть до 70-х годов нашего века.

Связь российской внешней и военной политики с оценкой политиками и экспертами современной политики США и их военной доктрины — прямая и непосредственная. Если говорить, например, о военной доктрине США (как о системе официальных взглядов на цели и характер войны, а в более широком контексте — как о научно-аргументированных, в установленной форме принятых на продолжительное время концепций директивных предписаний, которыми определяется использование военных сил и средств для реализации политических целей, а также основных направлений в военном строительстве), то она устанавливается достаточно прямо как в отношении к содержанию, целям и характеристикам вероятных войн (политике государств), так и военно-политическим, стратегическим, техническим, экономическим, правовым, и другим важнейшим аспектам собственно военной политики, относящихся к подготовке государственных структур к войне или к отражению нападения⁹. Иными словами, российская внешняя и военная политика во многом является следствием политики США и их союзников, той ВПО, которая формируется под влиянием этой политики.

Другими словами, военная доктрина, с одной стороны, прямо, непосредственно вытекает из политики государства, зависит от нее политически, финансово, идеологически, делая ее производной от политики вообще (в том числе не только внешней, но и внутренней), но и сама в определенной степени влияет на ее формирование, с другой¹⁰. Так, приход к власти в стране в 2017 году Д. Трампа усилил собственное военно-силовую составляющую американской внешней политики (в т.ч. за счет дипломатии и «мягкой силы»), что немедленно отразилось на финансировании военных программ и всей военной политики и военном искусстве страны и отдельных видов вооруженных сил¹¹.

Основной посыл политики Д. Трампа в области внешней политики был сформулирован министром обороны Дж. Мэттисом, вполне определенно в основополагающем документе «Обзор Национальной оборонной стратегии», опубликованном в январе 2018 года, следующим образом: «В случае, если сдерживание традиционными инструментами дипломатии провалится, МО США обеспечит военные возможности президенту и нашим дипломатам вести переговоры с позиции силы»¹².

Таким образом, прогноз развития внешней политики США и эволюция политики и военной доктрины этого государства зависят от огромного числа внешних и внутренних факторов: политических, экономических, финансовых, идеологических, военных и пр., которые в итоге, в свою очередь, будут влиять не только на будущее МО и ВПО, но и во многом на будущее России¹³. И такое влияние до сих пор адекватно не оценено. До настоящего времени ведутся споры о том, насколько политика США, например, повлияла на то, что происходило в СССР и в России в XX веке и начале нового столетия. Примечательно, что оценки предлагаются самые разные — от «практически нулевого» влияния на Россию и ее политику до практически «абсолютного» влияния, когда наша страна и ее политика рассматриваются в качестве управляемого из Вашингтона субъекта¹⁴.

Существующий разброс мнений очень широк, что вынуждает исследователя так или иначе, но остановиться на какой-то, как ему кажется, наиболее аргументированной позиции. Эта оценка порой бывает не просто различной, но и прямо противоположной, зависящей не от объективного анализа, а от субъективных факторов — места работы, идеологических пристрастий, обязательств (политических, фи-

нансовых, личных) и многого другого. К сожалению, очень часто подобные оценки являются прямым следствием конформизма и желания следовать доминирующей сегодня «линии партии», будь эта «линия» Брежнева, Горбачева, Ельцина или Путина. Именно так и ведут себя почти 90% политиков (что естественно) и ученых (что неестественно, но привычно)¹⁵.

Так или иначе, но проще изначально ассоциировать ту или иную личную позицию исследователя с позицией какой-то политической, социальной или научной группы, обладающей неким корпоративным подходом. Так, на мой взгляд, наиболее адекватной оценкой является та, которая была дана в докладе «Изборского клуба» несколько лет назад, но вполне сохранила свою актуальность и доказала адекватность сегодня. Она начинается с признания того, что требуется признать сегодня, чтобы двигаться дальше в своем развитии: «Парадоксально, но факт: у нас не было, и нет адекватного анализа причин геостратегического поражения СССР в 80-е годы, нет соответствующей имитационной модели и даже необходимого понятийного аппарата. Казалось бы, в любом случае, такой системный, многофакторный анализ должен был стать одной из главных задач Совета безопасности РФ. Но не стал. Хотим мы того или нет, но надо констатировать, что из геостратегического поражения Советского Союза так и не были извлечены соответствующие уроки».

И это действительно так — до настоящего времени не было сделано ни публичного политического анализа произошедшего (кроме признания В. Путиным «геополитической катастрофы» России), ни названы виновные, ни наказаны преступники. Это создает иллюзию того, что — по меньшей мере, для части элиты — все было сделано правильно и «хорошо». И так и надо делать. Особенно если речь идет о приватизации или перераспределении национального богатства¹⁶.

А раз так, то и повторение российским руководством многих фатальных ошибок «перестройки» 80-х годов практически неизбежно, справедливо делают вывод авторы доклада. В нынешней ситуации глобального системного кризиса важнейшее значение имеет фиксация понятия «победа» в рефлексивной системной войне. Цель «победы» в такой войне для военно-разведывательной элиты США заключается в том, чтобы использовать все основные ресурсы потенциального противника (России) в своих интересах с целью реализации собственной

долгосрочной политико-экономической стратегии, прежде всего, сохранения своего контроля над ситуацией в мире.

Смысл этой стратегии заключается в том, чтобы сформировать и реализовать глобальную модель управляемого переформатирования экономических, социальных и политических структур, соответствующих технологическим комплексам шестого уклада, в интересах правящей элиты западной ЛЧЦ и, соответственно, против интересов других стран и ЛЧЦ¹⁷.

С этой точки зрения, например, ракетно-термоядерная война, в принципе неприемлемая с разных точек зрения, становится возможной только на финальной стадии развития целенаправленной «конфронтационной спирали» и только в случае потери управляемости такой «спиралью»¹⁸. Поскольку термоядерное столкновение станет вероятно (если военно-технические средства ее контроля, в т.ч. ПРО, дадут сбой) конечным поражением для всех участников, то одна из главных задач рефлексивной системной войны — добиться стратегического выигрыша как можно на более ранних стадиях развертывания конфронтационной спирали»¹⁹.

Существуют и иные оценки, и прогнозы, чаще всего, внешне объективные («научные»), которые, однако, ни о чем не говорят на практике. Так, оценивая МО в мире, эксперты РСМД (т.е. фактически МИД РФ) пишут: «Современный мир переживает коренные трансформации. Они являются частью длительного транзита, начавшегося по завершении Холодной войны. Однако в последние годы у них появляется новое качество. Из переходного состояния последних двадцати пяти лет система международных отношений сползает к серьезным конфликтам между ключевыми участниками. Появляются новые разграничительные линии. Конфликт России и коллективного Запада — одна из наиболее ярких составляющих этого нового состояния»²⁰.

Сразу возникает масса вопросов к авторам, в частности, зачем и кому нужны эти обезличенные и бессодержательные обращения, «появляются новые разграничительные линии» и т.п.? Они, что, сами по себе, как грибы, растут? Сравните эти оценки с оценками, сделанными, например, Л.П. Берия накануне смерти: «Подготовку к войне возглавляют американские империалисты, и, тем не менее, деятели Соединенных Штатов не перестают болтать о своих будто бы мирных намерениях». — Писал он в 1952 году. — «Они, видите ли,

не прочь «сохранить» мир, но на «условиях», которые будут продиктованы Соединенными Штатами. А каковы эти «условия»? Народы мира должны стать на колени перед американским капиталом, отказаться от своей национальной независимости, принять ту форму правления, какую навяжут американские «советники», ввести у себя «американский образ жизни», развивать лишь те отрасли хозяйства и лишь в тех размерах, какие угодны и выгодны американским монополистам...»²¹. Удивительно точная и современная оценка, которая полярно отличается от кашеобразного псевдонаучного подхода современных российских экспертов из РСМД, боящихся или не желающих называть вещи своими именами.

И далее в том же духе «эксперты» просвещают общественность: «Одновременно мир характеризуется беспрецедентным уровнем глобализации, мобильности людей и капиталов, возможностей для сотрудничества в самом широком наборе областей. Фактор глобализации пока смягчает политические противоречия. Но в самом процессе глобализации наметились серьезные дисбалансы. Их наложение на политические противоречия и социальное расслоение может породить серьезную разбалансировку системы международных отношений, увеличить риски открытых конфликтов между сложившимися центрами силами»²².

И совсем уже пошло: «Современный мир стоит на развилке. Либо усилятся тенденции к росту конфликтности и достижения глобализации будут подорваны. Либо тенденция к глобализации окажется сильнее, сделав цену конфликтов неприемлемой. В интересах России содействовать реализации второго сценария. Россия крупный и ответственный центр силы мировой политики. В основе ее позиционирования в мире должно быть содействие урегулированию конфликтов и созданию комфортной, демократичной, управляемой и безопасной международной среды без ограничительных линий и расколов»²³.

Другими словами, можно и нужно использовать военную силу в возрастающей степени (что и делает Запад), сохраняя контроль над эскалацией на всех этапах. Эта внешняя политика и военная доктрина США являются теми главными факторами формирования будущей военно-политической обстановки в мире, которые будут доминировать в будущем²⁴. Надеяться на то, что США и их ЛЧЦ откажутся от

этих целей в пользу равноправия с другими международными субъектами, — политическая наивность, как и наивно-предательская политика Горбачева и возглавлявшейся им правящей элиты СССР. Но, не признанные ошибки могут повториться. Не трудно увидеть, что, не смотря на резкое обострение МО в 2008–2017 годах, значительная часть правящей элиты планирует свое будущее (и ориентирует на это будущее всей нации) в зависимости от намерений правящих кругов США²⁵.

¹ Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. — М.: Экономика, 2011. — С. 43.

² Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с, СС. 25-59.

³ США пригрозили отключить Китай от долларовой системы / Эл. ресурс: «Эксперт», 2017. 13 сентября / <http://expert.ru/2017/09/13/mnuchin/>

⁴ https://philebersole.files.wordpress.com/2012/10/20120829_military.png

⁵ См., например: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 743 с.

⁶ В частности, см.: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 874 с.

⁷ МГИМО-Университет: традиции и современность / И.А. Арсеньев, А.А. Байков, Я.И. Ваславский, А.И. Подберезкин и др. — М., 2014 (3-е изд., испр. и доп.).

⁸ См., например, соответствующие разделы работы: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁹ Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития / А.И. Подберезкин, Ш.З. Султанов, М.В. Харкевич и др. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 7–11.

¹⁰ Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-поли-

тических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

¹¹ *Подберезкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018, №№ 5 и 6, а также: *Подберезкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России / Журнал «Обозреватель», 2018, №4; *Дербин Е.А., Подберезкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации / Вестник МГИМО-Университет, 2018, №3 (60).

¹² Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. 19 Jan., 2018, P.12.

¹³ *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России / Вестник МГИМО-Университета, 2018, №2 (59); *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018, №3; *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года / Вестник МГИМО-Университет, 2017, №4 (55).

¹⁴ Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. *Подберезкин А.И.* — М.: МГИМО-Университет, 2015.

¹⁵ *Подберезкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» / Вестник МГИМО-Университет, 2017, №1 (52).

¹⁶ Секреты российской приватизации / *А.И. Подберезкин, С. Стреляев, О. Хохлов, Я. Ястребов.* — М. 2004 г.

¹⁷ Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / *А.И. Подберезкин*; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

¹⁸ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. 19 Jan., 2018, P.12.

¹⁹ Доклад «Изборского клуба».

²⁰ Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024 гг.). — М.: РСМД, 2017. Июнь. — С. 9.

²¹ *Берия Л.П.* «Пожить бы еще лет 20!». — М.: Яуза-пресс, 2012, с.37.

²² Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024 гг.). — М.: РСМД, 2017. Июнь. — С. 9.

²³ Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–

2024 гг.). — М.: РСМД, 2017. Июнь. — С. 9.

²⁴ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. 19 Jan., 2018, P.12.

²⁵ Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / *А.И. Подберезкин*; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

Глава I.
Оценка военно-
политического
положения США
в мире

Рассматривая мир в рамках семи или восьми цивилизаций, мы избегаем множества подобных сложностей. Это обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира...¹

*С. Хантингтон,
политолог*

Уже говорилось выше, что объективная оценка состояния и роли США в мире имеет исключительно важное значение: субъективные оценки, тех или иных политиков и ученых, политики США в СССР и России имели нередко крайне негативное значение для нашей страны, более того, они продолжают сказываться и сегодня. Достаточно напомнить об излишнем оптимизме целого ряда политиков и ученых во главе с М. Горбачевым, который активно использовал оценки Г. Арбатова, А. Яковлева и других специалистов, или о многолетних попытках ученых во главе с Г. и А. Арбатовыми и др. доказать «бесперспективность» ПРО (программы которой за 40 лет достигли беспрецедентных масштабов).

В современной России можно также выделить две основные группы политиков и ученых, чьи оценки политики и роли США порой существенно отличаются друг от друга. Одна группа ориентируется фактически на признание исключительной роли США в мире (хотя и высказывается по-разному) и, так или иначе, толкает Россию на уступки и невыгодные компромиссы. Эта группа отражает взгляды либерально-западной касты правящей элиты, готовой на серьезные, порой, принципиальные уступки.

Другая группа политиков и ученых, которую длительное время не допускали к подготовке и принятию решений, объективно и негативно относится к современной политике США, к сожалению, их позиция находит подтверждение в реальной политике

США, которая приобрела с начала века резко антироссийский характер².

Современное положение и будущая политика США в мире в период до 2025 года во многом предопределяется:

- **во-первых**, огромными ресурсами, прежде всего, — экономическим и технологическим лидерством в мире и ресурсами и возможностями созданной ими коалиции;
- **во-вторых**, сохранением западной ЛЧЦ практически полного политического, финансово-экономического и военного контроля над созданной ими же мировой системой экономических и военно-политических отношений;
- **в-третьих**, общими целями выживания и развития всей западной ЛЧЦ и примкнувшим к ним субъектам МО по политическим причинам, в основе которых лежит общность интересов и огромные ресурсы западной ЛЧЦ³.

Таким образом, возглавляемая США западная ЛЧЦ является главным субъектом формирования будущей МО и ВПО до 2025 года, а внешняя и военная политика США — определяющим фактором в развитии международных отношений в ближайшие 20–25 лет. При этом такая форма объединения субъектов и акторов вокруг США является, прежде всего, формой военно-политической коалиции, т.е. **политическим объединением**.

Локальная человеческая цивилизация — как социо-культурная общность⁴, не имеет абсолютно четких границ потому, что культурная самоидентификация не только отдельных стран, но и социальных групп (и даже людей) может быстро меняться (приведем еще раз пример ООН). Яркими примерами являются Австралия, Новая Зеландия и даже Япония, а также ряд других государств (Саудовской Аравии, например), ставших частью западной ЛЧЦ. Иными словами, политическая ориентация сегодня во многом предопределяет культурно-религиозную и историческую самоидентификации.

В каждый исторический отрезок времени — надо подчеркнуть — отдельные нации, социальные группы и даже конкретные личности могут радикально меняться под воздействием внешних и внутренних причин. Так, показательно, что самоидентификация значительной части граждан Украины по принадлежности к современной западной ЛЧЦ⁵ (по некоторым оценкам до 40%) произошла в последние

25–30 лет под влиянием внешних сил и внутренних процессов, имевших в значительной степени инспирированный и организованный западной ЛЧЦ характер.

Поэтому стратегический прогноз развития отношений между ЛЧЦ — первое и обязательное условие стратегического прогноза развития того или иного сценария МО и ВПО. Этот прогноз лежит и в основе прогноза развития военной политики США, которая, в свою очередь, также оказывает сильное влияние на формирование ВПО в мире. Эта взаимосвязь оказывается решающей при оценке политики США.

Но не только. Эта же взаимосвязь и предопределяет развитие всей западной ЛЧЦ. Так, выбор на рубеже XXI века западной ЛЧЦ политики силы предопределяет вектор развития отношений с другими ЛЧЦ, но, прежде всего, с теми, кто (по мнению правящей элиты страны) больше всего угрожает Западу⁶. С практической, военно-политической точки зрения, это означает, что в начале 2000-х годов США, как лидер западной ЛЧЦ, окончательно сделали ставку на развитие именно военно-силовых сценариев МО и их вариантов, которые в той или иной степени должны будут реализоваться в конкретных сценариях развития военно-политической обстановки. Нападение на Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и другие страны можно рассматривать как конкретные действия по реализации этой политики. Это хорошо видно на примере роста военных расходов (в т.ч. на зарубежные операции) США после 2001 года, т.е. в условиях доминирования США в мире. (Таблица 1.1.)

Динамика развития военных расходов США после 11 сентября 2001 года показывает:

- рост на 100% основных расходов;
- рост на 300% расходов на зарубежные операции.

Для России это также означает, что уже почти 20 лет США и их союзники по ЛЧЦ фактически реализуют эскалацию такого силового сценария развития ВПО, когда Россия и другие ЛЧЦ должны — постоянно и во всех областях жизнедеятельности — стоять перед все более жестким выбором: либо безусловное подчинение правилам и нормам западной ЛЧЦ, либо силовое (в т.ч. военное, если необходимо) противостояние, включающее санкции, внутривнутриполитическую дестабилизацию, давление на правящую элиту, беспрецедентную информационную войну и т.п.

Таблица 1.1. Основные направления развития военного бюджета США
после 11 сентября 2001 года⁷

(\$ in billions)	FY 2001	FY 2002	FY 2003	FY 2004	FY 2005	FY 2006	FY 2007	FY 2008	FY 2009
Base	287,4	328,2	364,9	376,5	400,1	410,6	431,5	479,0	513,2
OCO	22,9	16,9	72,5	90,8	75,6	115,8	166,3	186,9	145,7
Other*	5,8	—	—	0,3	3,2	8,2	3,1	—	7,4
Total	316,2	345,1	437,5	467,6	478,9	534,5	600,9	665,9	666,3

(\$ in billions)	FY 2010	FY 2011	FY 2012	FY 2013	FY 2014	FY 2015	FY 2016	FY 2017	FY 2018
Base	527,9	528,2	530,4	495,5	496,3	497,3	521,3	521,8	574,5
OCO	162,4	158,8	115,1	82,0	84,9	63,0	58,9	65,0	64,6
Other*	0,7	—	—	0,1	0,2	0,1	—	—	—
Total	691,0	687,0	645,5	577,6	581,4	560,4	580,3	586,7	639,1

*Other non-war supplemental funding

Numbers may not add due to rounding

К сожалению, осознание (а тем более публичное признание) этого факта в российской правящей элите не произошло до конца и в 2017 году. Ее значительные части, прежде всего, по групповым и личным мотивам, пытаются строить политику страны, исходящую из возможности широкого международного сотрудничества, которое существовало в очень ограниченных форматах только в 70-е и 80-е годы. Эти колебания выражаются, например, в запоздалых ответных мерах на высылку в декабре 2016 года российских дипломатов, периодически возникающих приступов «трампофилии» и других иллюзиях, мешающих адекватной оценке действительности.

1.1. Противоборство и сотрудничество США с другими субъектами военно-политической обстановки в мире

Даже беглое перечисление интересов двух держав (РФ и США — А.П.) показывает, что (они) не совпадают по масштабам, целям и в содержательной части⁸

*Т. Шаклеина,
профессор МГИМО*

Амбициозные, игнорирующие в основном интересы других ЛЧЦ и акторов, цели внешней политики, вытекают из глобальных и бескомпромиссных интересов сохранения полного контроля над сложными до XXI века системами экономических, финансовых и военно-политических отношений в мире, которые были закреплены к 2018 году многочисленными и соответствующими этим задачам нормами международного права. Иначе говоря, к началу нового века однополярный мир был очень удобен и комфортен США и их правящая элита открыто декларировала задачу сохранения в будущем этого мира. Это, например, было откровенно обозначено в «политическом завещании» — письме уходящего президента Б. Обамы новому президенту Д. Трампу, о котором стало известно осенью 2017 года.

Но во втором десятилетии нового века изменения в экономике, торговле, технологиях и, как следствие, в политике новых центров силы поставили (как было воспринято в правящей элите США) перед ними задачу «переформатирования» существующих норм и правил в сторону еще большего укрепления контроля. На практике это привело к массовому пересмотру таких норм и правил — от торгово-экономических до военно-политических — с тем, чтобы укрепить контроль США в мире.

На самом деле признание Б.Обамы в политике США ничего не меняло: суть американской политики была абсолютно понятна для

тех, кто хотел ее понять и признать. Простейший анализ интересов и целей США, их практических действий за XX век очень наглядно свидетельствовал об их намерениях. Детали, порой важные, не меняли общей картины. К таким важным деталям относится, например, соотношение элементов сотрудничества и противоборства в политике Вашингтона, а также субъективное признание, реальная оценка такого соотношения⁹.

1.1.a). Методология исследования

Стратегия национальной безопасности реагирует на комплекс глобальных угроз, характеризующихся растущими опасностями международному порядку и новыми долгосрочными угрозами, вытекающими из стратегического соперничества государств¹⁰

*Дж. Мэттис,
министр обороны США*

Методология и теоретические положения анализа военной стратегии США основаны на исследовании основных (базовых) интересах страны в их субъективном восприятии большинством правящей элиты, а также на развитии тех реальных возможностей — политико-дипломатических, военно-технических и других, — которые есть в распоряжении США и возглавляемой ими военно-политической коалиции.

Представляя в январе 2018 года военную стратегию, Джеймс Мэттис вспомнил британского премьера Уинстона Черчилля, в годы Второй мировой войны сказавшего: «Что может быть хуже, чем воевать одним фронтом с союзниками? Только одно — воевать без союзников». Глава Пентагона заявил о важности поиска партнеров — в том числе «нетрадиционных для страны». К числу же старых друзей в стратегии отнесены страны-члены НАТО, а также ряд государств Индо-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Африки. Вашингтон высказывает им ряд пожеланий — в первую очередь, увеличить вклад в общую оборону. «Экономическая мощь современных демократий и наших партнеров растет, и они должны делать больше»¹¹, — заверил Джеймс Мэттис.

Сохранение контроля в мире со стороны правящей элиты западной ЛЧЦ — главная цель правящих кругов США на ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу (с раной степенью вероятности и реализуемости). В анализе и прогнозе политического процесса субъекта ВПО важное значение имеют не только главные политические цели, но и другие факторы, в частности, имеющиеся у США ресурсные возможности и стратегии, а также политические и когнитивные способности правящей элиты, сложное взаимодействие которых в самом общем виде может быть отображено на следующем абстрактно-логическом рисунке, изображающем систему взаимосвязей основных факторов, формирующих политику страны¹².

К этому рисунку я неоднократно прибегал в прошлых работах и в предыдущей части работы, посвященной перспективам развития России, но в данном случае имеет особое значение уже не абстрактное логическое предположение, а иллюстрация конкретных факторов, влияющих на стратегию США. В особенности, субъективные представления правящей элиты и коалиционные ресурсы западной ЛЧЦ. Аналогия (с любым субъектом ВПО) в этом случае вполне допустима, естественно, что при том понимании, что «набор» этих факторов (как и их характеристики) существенно отличается в американском случае от российского¹³.

Этот рисунок используется мною достаточно часто, в том числе и в предыдущей части применительно к России, но в данном случае он нужен, чтобы продемонстрировать дальнейшую логику рассуждений и суть моей концепции¹⁴ и представлений о будущем развитии США. Так, исходя из этого рисунка видно, например, что каждый новый этап развития страны основывается на достижениях и результатах — положительных и негативных — другого этапа, а революционные скачки, смена парадигм отнюдь не отменяют этого правила.

Поэтому изначально важно понимать, что даже самые революционные изменения в ВПО и состоянии субъекта (страны, нации, общества, экономики) в основе своей имеют накопленную совокупность качеств прежнего. Так, в частности, состояние военной мощи США, например, в 2050 году будет во многом определяться научно-техническими и технологическими качественными изменениями, которые обязательно повлияют на ВС, но в эти же годы будут продолжать существовать и прежние ВВСТ¹⁵.

Это — главная цель, но в политическом процессе развития важное значение имеют не только цели, но и политические и иные задачи, и другие факторы, взаимодействие которых в наиболее общем виде, абстрактно, но системно может быть отображено на следующем рисунке¹⁶. Этот рисунок отражает в целом и всю логику настоящей работы.

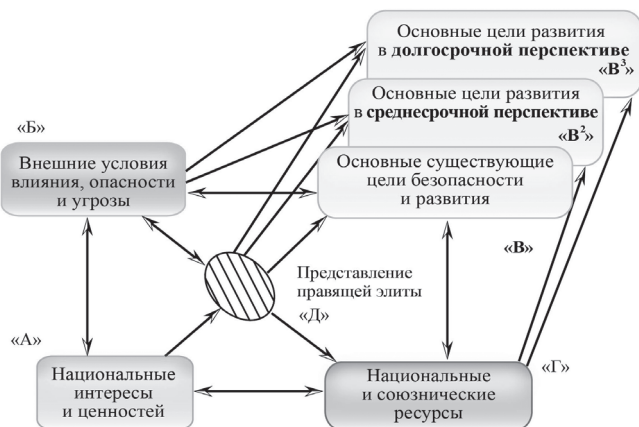

Рис. 1.1. Сценарий развития США (долгосрочный и среднесрочный прогноз) и основные группы факторов влияния

Будущий сценарий развития внешней и военной политики США сконцентрированный в целях развития и безопасности (B^1 и B^2) до 2025 года или до 2040 года и далее, таким образом, основывается на прежних сценариях и является их продолжением — революционным или эволюционным. Он формируется в основном под влиянием следующих четырех основных групп различных постоянных и переменных факторов и тенденций (которые, в свою очередь, также находятся в динамичном развитии):

- **группы факторов «Б»** (внешние условия существования и развития субъекта МО): отношений между ЛЧЦ, общего состояния МО и в отдельных регионах планеты, вытекающего из него состояния ВПО, наконец, конкретных стратегических обстановок СО (в мире, регионах и субрегионах), а также конкретных военных конфликтов и войн; эти внешние условия формируют

международную среду, в которой существует то или иное государство и его союзники и партнеры, внешние опасности и угрозы, прежде всего национальной безопасности, которые требуют соответствующего поведения, в т.ч. затрат ресурсов и т.п.

В нынешнем веке именно сами США и их союзники во многом создают эту внешнюю среду, а также контролируют ее развитие. Но уже далеко не во всем: если 70 лет назад США производили более 50% мирового ВВП, то сегодня — менее 20% и их доля будет падать относительно других субъектов ВПО. Если в начале 50-х годов они были единственной страной, обладающей ЯО, то сегодня таких стран, в том числе не относящих себя к союзникам США, уже несколько. Внешняя среда меняется и в США, конечно, понимают и признают эту тенденцию, но полагают, что им удастся ей противодействовать с помощью политики «силового принуждения».

- **группы факторов «Г»** (ресурсы, которыми обладает данный субъект или актор, а также его союзники по коалиции), так, западная ЛЧЦ во главе с США имеет огромные ресурсы, которые по некоторым критериям в несколько раз превосходят ресурсы других ЛЧЦ. В частности, военный бюджет США в настоящее время превосходит все военные бюджеты ведущих 10 государств, но — что не менее важно — его доля является самой небольшой относительно всего ВВП со времен вьетнамской войны, а темпы роста экономики (ожидаемые в 2017 году в 4%) позволяют его быстро и относительно безболезненно увеличивать. Поэтому можно прогнозировать рост военных расходов США к 2025 году не менее чем до 1 трлн. долл., а при необходимости, — и до 1200–1400 млрд. долл.
- **группа факторов «Д»** (субъективные представления и когнитивные возможности правящей элиты США), эта группа факторов играет все более важное значение. От нее зависит:
 - конечная эффективность политики США и всей западной ЛЧЦ и коалиции;
 - эффективность политики тех субъектов и акторов, которые влияют на политику США;
 - важнейшие особенности и акценты политики США, определяющие, в конечном счете, не только конкретные варианты, но и сценарии развития США и их союзников.

- **группа факторов «А»** (фундаментальные интересы и система ценностей США). Эта группа фундаментальных факторов и тенденций имеет наиболее важное стратегическое значение потому, что она:
 - формирует основные национальные интересы и особенности развития на основе принципиальных и реальных представлений и потребностей;
 - имеет долгосрочный, стратегический характер, достаточно консервативна и последовательна;
 - является принципиальной реальной основой любой политики, которая при любых обстоятельствах будет стремиться, в конечном счете, к этому «общему знаменателю».

Таким образом стратегический прогноз того или иного сценария развития США зависит от множества основных и менее важных внешних (по отношению к США) и внутренних факторов, которые формируют политику страны во взаимодействии между собой и в своей совокупности.

Применительно к развитию ВПО в мире, являющейся главной задачей этой работы, прежде всего, важно понять закономерности и перспективы развития и влияния собственно внешней и военной политики США как главного субъекта, от которого, прежде всего, и зависят во многом те или иные сценарии международной и военно-политической обстановки, отношения между ЛЧЦ, динамика глобальных процессов в важнейших областях экономики, технологиях, демографии и т.д. А также целей политики правящей элиты потому, что относительные объемы ресурсов США и их союзников меняются, не так быстро (условно со скоростью роста экономики в 2–3%), а система ценностей и национальных интересов правящей элиты США еще медленнее.

Иными словами, группы факторов «А» и «Г» менее динамичны, чем группы «Б», «В» и «Д», изменения в которых, прежде всего, и отражаются на внешней политике США в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Именно эти группы формируют в своей совокупности те важнейшие внешние условия существования и развития любого субъекта или актора МО, от которых в современном мире, прежде всего, зависит их будущее.

Поэтому важно изначально объективно попытаться осмыслить состояние и перспективы развития будущей ВПО, которая является частью международной обстановки и во многом следствием развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в XXI веке.

Самая общая логика сценария развития США, таким образом, будет определяться влиянием развития МО и ВПО в мире, которые будут представлять собой наиболее динамичную группу тенденций (глобальных, региональных, национальных, политических, экономических, военно-технических и пр.) и факторов (субъектов МО — ЛЧЦ, коалиций, государств, центров силы и влиятельных акторов).

При этом она становится все более зависимой **от цивилизационных и межкультурных отношений**, без которых невозможно понять не только отношения между государствами (например, России и США, и стран ЕС), но и негосударственными акторами (инциденты в спортивном сообществе, отношения с экстремистскими, националистическими организациями)¹⁷. Особую роль в этой связи с конца XX века начинают играть локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и их военно-политические коалиции, что справедливо отмечали в то время еще С. Хантингтон, А. Тойнби и С. Бжезинский. Это влияние ЛЧЦ в системе факторов значительно усилилось во втором десятилетии XXI века, когда та или иная ЛЧЦ фактически превратилась не только в центр силы, но и в военно-политическую коалицию, о которых подробнее будет сказано ниже¹⁸.

Здесь же отметим, что структуру МО проще всего представить в виде некоего «мальтийского креста», где четыре основные группы факторов, существующие автономно, взаимодействуют при соприкосновении, усиливая или ослабляя друг друга. Главное в этой модели не наличие или отсутствие тех или иных факторов формирования и влияния на МО, а их значение, роль в МО и ВПО в мире, взаимодействие и взаимовлияние друг на друга, диалектика сосуществования и развития¹⁹.

В самом общем виде эта последовательность выражается следующим образом.

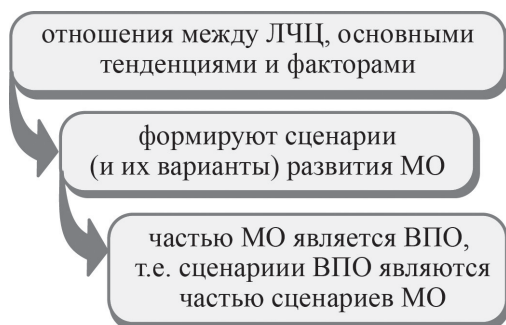

Рис. 1.2.

Особую роль при этом начинают играть именно локальные человеческие цивилизации и их военно-политические коалиции, в которых прежде всего и реализуются эти конкретные политические различия. Они формируются под силами центростремительного влияния в силовые центры (центры силы), которые создают политическую, экономическую и военную основу для военно-политических коалиций. Среди всех факторов, формирования ВПО в мире, ЛЧЦ начинают играть решающую роль²⁰.

Рис. 1.3. Структура современного состояния МО и место в ней ЛЧЦ

Из этого рисунка видно, например, что на состояние (и перспективу) МО, влияют не только крупные государства и отношения между ними, но и другие факторы. Иными словами в XXI веке появилось качественно новое явление — мощное, оказывающее решающее влияние уже не только на формирование МО, но и на развитие глобальных тенденций — новые факторы, тенденции и акторы, например, негосударственные акторы, которые стали инструментом продвижения интересов и ценностей ЛЧЦ в мире, а также НЧК и его институты.

В полной мере это утверждение справедливо и для других аспектов формирования современной и будущей МО. При этом решающее влияние на формирование будущей МО в возрастающей степени оказывают именно ЛЧЦ, которые формируют разные центры силы и коалиции — военно-политические, финансово-экономические, торговые, идеологические и пр.

В этой связи для нас принципиально важно попытаться определить, в какой степени МО и ВПО оказывает влияние на политику США, а в какой степени политика США и возглавляемой ими коалиции — на МО и ВПО.

Прежде всего, в приоритетных целях нашего исследования изначально важно определить самые общие тенденции развития, прежде всего, всей западной ЛЧЦ до 2025 года, которые уже представляются достаточно определенными и выглядят следующим образом, а также основные цели, которые ставятся перед ней правящими кругами Запада. Они представляют достаточно радикальными и категоричными. На мой взгляд, таких основных целей может быть сформулировано три. (Рис. 1.4)

Основные цели западной ЛЧЦ до 2025 года представляются такими:

Во-первых, создание принципиально новой системы международной безопасности, основанной на военно-силовых возможностях западной ЛЧЦ, а не на компромиссах, договоренностях и традициях, когда западная военно-политическая коалиция будет определять мировую повестку дня.

Во-вторых, разработку самого широкого спектра средств и способов применения силы (включая военную), которые обеспечат коалиции абсолютное превосходство над любым противником.

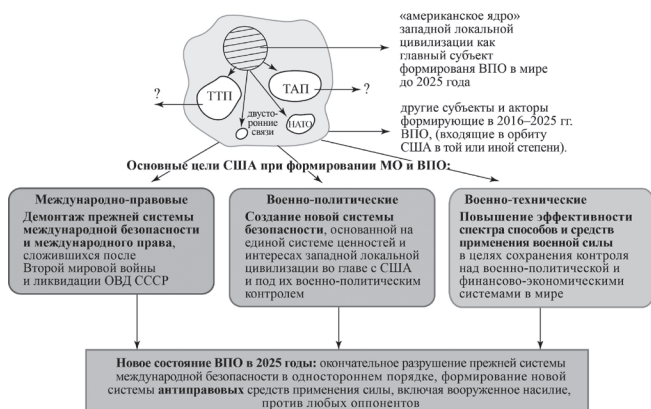

Рис. 1.4. Основные направления среднесрочной стратегии США и возглавляемой ими коалиции западной локальной цивилизации (ЛЧЦ) до 2025 года относительно других ЛЧЦ

В-третьих, демонтаж прежней и создание новой системы международного права, защищающей интересы западной ЛЧЦ.

Очевидно, что большое значение имеет существующее и будущее соотношение сил между ЛЧЦ и их лидерами, которое быстро меняется в XXI веке и является главной угрозой системам, контролируемым США. При этом ключевым ресурсом при формировании такого явления как соотношения мировых сил локальной человеческой цивилизации **стал национальный (цивилизационный) человеческий капитал** ведущей нации, в которой сконцентрированы основные преимущества: ресурсы, история, человеческий потенциал, политическая воля. От его количества демографического показателя и качества в решающей степени будет зависеть как соотношение будущих сил в мире, так и будущее существование той или иной ЛЧЦ. На его основе, в настоящее время, прежде всего, и формируются, в свою очередь, политические центры силы и военно-политические коалиции. Именно НЧК ведущей нации и ЛЧК обеспечивает не только основной прирост промышленной продукции и ВВП, военную мощь и другие показатели конкурентоспособности, но и обеспечивает выживаемость этих наций, сохранение их идентичности²¹.

Соответствующую направленность имеет и стратегия США и Запада в целом, ориентированная, прежде всего, против российской ЛЧЦ и ее правящей элиты. Известный закон, принятый в июле 2017 года конгрессом США, имеет, прежде всего, антироссийскую направленность, где главной целью выступает правящая элита страны. Документ, в частности, предполагает ежегодную подготовку ряда докладов Президента и Правительства США по вопросам, касающимся России.

Более того, этот закон предполагает дальнейшую эскалацию силовых санкций. Так, Министр финансов США по согласованию с Директором национальной разведки и Госсекретарем не позднее 180 дней после принятия закона, а впоследствии ежегодно, должен предоставлять соответствующим комитетам Конгресса открытый Доклад об олигархах и полугосударственных организациях РФ. В нем, в частности, должны быть представлены данные:

- о ключевых политических фигурах России и олигархах;
- идентифицирован уровень их близости к Путину и другим членам российской правящей элиты;
- установлены масштабы их состояний и источники доходов;
- перечень их родственников, включая супругов, детей, родителей, их активы, включая инвестиции, бизнес-интересы, собственность, приносящую доходы;
- выявление зарубежных компаний, аффилированных с этими лицами.

Доклад должен проанализировать также происхождение полугосударственных организаций и компаний, их роль в экономике России; выяснить их руководящие структуры и бенефициарную собственность; объемы их зарубежной собственности.

Кроме того, «будут выяснены масштабы проникновения российских лиц, с политическим влиянием, и полугосударственных организаций в ключевые сектора американской экономики — банковский, страхование, ценные бумаги, недвижимость».

В целом закон, принятый Конгрессом США, является уникальным универсальным актом, который программирует негативную эскалацию отношений с Россией на десятилетия. По сути дела Россия объявляется Конгрессом США (который вправе объявлять войну) «Врагом № 1» на долгие годы, а ее **уничтожение возводится в высший приоритет американской политики.**

Содержание этого уникального закона в той части, которая касается России, приводится ниже. Из него, в частности, видно, что основное внимание уделяется именно России, а не КНДР или Ирану.

H. R. 3364

One Hundred Fifteenth Congress
of the
United States of America

AT THE FIRST SESSION

*Begun and held at the City of Washington on Tuesday,
the third day of January, two thousand and seventeen*

An Act

**PART 1 — CONGRESSIONAL REVIEW OF SANCTIONS
IMPOSED WITH RESPECT TO THE RUSSIAN FEDERATION**

Sec. 215. Short title.

Sec. 216. Congressional review of certain actions relating to sanctions imposed with respect to the Russian Federation.

**PART 2 — SANCTIONS WITH RESPECT
TO THE RUSSIAN FEDERATION**

Sec. 221. Definitions.

Sec. 222. Codification of sanctions relating to the Russian Federation.

Sec. 223. Modification of implementation of Executive Order No. 13662.

Sec. 224. Imposition of sanctions with respect to activities of the Russian Federation undermining cybersecurity.

Sec. 225. Imposition of sanctions relating to special Russian crude oil projects.

Sec. 226. Imposition of sanctions with respect to Russian and other foreign financial institutions.

Sec. 227. Mandatory imposition of sanctions with respect to significant corruption in the Russian Federation.

Sec. 228. Mandatory imposition of sanctions with respect to certain transactions with foreign sanctions evaders and serious human rights abusers in the Russian Federation.

Sec. 229. Notifications to Congress under Ukraine Freedom Support Act of 2014.

Sec. 230. Standards for termination of certain sanctions with respect to the Russian Federation.

Sec. 231. Imposition of sanctions with respect to persons engaging in transactions with the intelligence or defense sectors of the Government of the Russian Federation.

Sec. 232. Sanctions with respect to the development of pipelines in the Russian Federation.

Sec. 233. Sanctions with respect to investment in or facilitation of privatization of state-owned assets by the Russian Federation.

Sec. 234. Sanctions with respect to the transfer of arms and related materiel to Syria.

Sec. 235. Sanctions described.

Sec. 236. Exceptions, waiver, and termination.

Sec. 237. Exception relating to activities of the National Aeronautics and Space Administration.

Sec. 238. Rule of construction.

PART 3 — REPORTS

Sec. 241. Report on oligarchs and parastatal entities of the Russian Federation.

Sec. 242. Report on effects of expanding sanctions to include sovereign debt and derivative products.

Sec. 243. Report on illicit finance relating to the Russian Federation.

Subtitle B—Countering Russian influence in Europe and Eurasia

Обращает на себя особое внимание и раздел закона, посвященный проблеме «противостояния российскому влиянию в Европе и Евразии». В нем утверждается, что «Конгресс выявил попытки России оказать влияние на политические процессы в Европе и Евразии путем предоставления ресурсов политическим партиям, «мозговым центрам», группам гражданского общества, которые «сеют недоверие

к демократическим институтам, продвигают ксенофобские и нелиберальные взгляды, подрывают европейское единство».

В этой связи, «не позднее, чем через 90 дней после принятия закона, Президент США должен представить доклад «Об организациях СМИ (Медиа), контролируемых и финансируемых правительством России». В него будет включена информация о тех СМИ, которые влияли на исход избирательных кампаний в любой стране Европы и Евразии в течение предыдущего года, включая, как прямую поддержку политических партий, кандидатов, лоббистских кампаний, так и поддержку неправительственных организаций и структур гражданского общества.

Не случайно, видимо, что даже само подозрение о влиянии России через свои СМИ на зарубежные страны привело к шагам по нейтрализации информационного и гуманитарного влияния нашей страны, а также к свертыванию официальных контактов. Сокращение дипломатического присутствия и закрытие ряда консульств и торгпредств России в США находилось в одном ряду именно с этими мерами.

США также поддержит создание комиссии по свободе СМИ в Совете Европы по аналогии с Венецианской комиссией, занимающейся вопросами верховенства закона. Эта комиссия будет готовить экспертные рекомендации правительствам по поддержанию правового и регулятивного режимов, поддерживающих свободные и независимые СМИ и информированное гражданское сообщество, «способное делать различия между репортажами, основанными на фактах, мнением и дезинформацией».

Наконец, Конгресс утвердил финансирование «Фонда противодействия российскому влиянию» в размере \$250 млн. на 2018 и 2019 финансовые года.

Как видно из короткого обзора политики США и Запада в отношении России, российская ЛЧЦ и ее институты, в т.ч. в Евразии, избраны самым приоритетным объектом военно-силового давления США из всех существующих ЛЧЦ, хотя можно было бы ожидать, что китайская или исламская ЛЧЦ в силу разных причин могли бы представлять для Запада значительно большую опасность.

Формально и логически, западная ЛЧЦ может находиться в состоянии противоборства с несколькими, более сильными, чем рос-

сийская, ЛЧЦ, но этого практически не происходит. Соединенные Штаты — надо признать — разработали и применяют достаточно эффективно коалиционную военно-политическую стратегию против России, состоящую сразу из нескольких направлений:

- формирования широкой антироссийской военно-политической коалиции, членов которой можно использовать в зависимости от появления потребностей по-разному — в качестве военных союзников и участников операции; в качестве партнеров по экономическим санкциям; в качестве участников дипломатической блокады и т.д.;
- разрушения системы безопасности, сформированной в мире к началу нового века, и ее институтов, которые могут быть либо заморожены, либо уничтожены, либо трансформированы в удобные для США институты. Речь идет, прежде всего, об ООН, ОБСЕ и многочисленных организациях международного сотрудничества, а в целом — системе международного права;
- дестабилизации и разрушению противостоящих государств, их институтов, систем ценностей и, в конечном счете, наций. Особое значение уделяется политике противодействия формированию враждебных коалиций и центров силы, внесению провокационных идей и действий в любые попытки объединения государств в интересах своей безопасности. Речь идет не только об отказе сотрудничать с ОДКБ или ШОС, но и попыткам расколоть эти организации, причем даже такие «мягкие» клубные объединения как БРИКС. Так, США пытаются превратить Индию в своего политического союзника, ослабив БРИКС, а ряд исламских государств, сделать своим инструментом в противоборстве с влиянием России и КНР.

Именно Россия и ее ЛЧЦ, наравне с КНДР и Ираном, названа в числе наиболее приоритетных объектов американской внешней и военной политики, как минимум, до 2025 года. Причем приоритет даже среди этих трех объектов принадлежит России. Причин этому несколько:

- во-первых, России в силу геополитического, территориального и культурно-исторического прошлого и международно-политического статуса настоящего может являться базой, основой для интеграции сил, готовых противодействовать экспансии западной ЛЧЦ;

- во-вторых, Россия обладает полным спектром военно-силовых возможностей, которым (кроме КНР) сегодня обладают только США. Это не только стратегические наступательные вооружения, но и ВКО, прежде всего эффективные средства обороны, а также современные ВВС и Сухопутные силы;
- в-третьих, Россия может взять на себя историческую инициативу борьбы с агрессором, которую она не раз и не два брала в истории, что делает ее еще более уникальным центром силы в мире;
- наконец, в-четвертых, Россия принадлежит к уникальной православной цивилизации, способной к длительному и мирному развитию с другими цивилизациями — мусульманской, протестантской, католической, буддистской.

Это сочетание качеств российской ЛЧЦ делает ее наиболее вероятным претендентом на роль объединения сил, противодействующих экспансии Запада, компенсируя в то же время отчасти два существенных слабых аспекта ее мощи — экономическую мощь и демографическую слабость.

В 2017 году примерное соотношение сил в мире по показателю количества НЧК складывалось следующим образом.

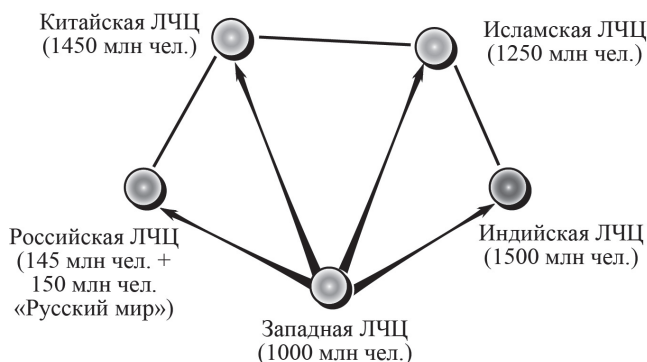

Рис. 1.5. Соотношение между новыми центрами силы ЛЧЦ, по количественному показателю национального человеческого капитала

Как видно на рисунке, за исключением российской ЛЧЦ (в ее нынешнем, урезанном виде), остальные ЛЧЦ вполне сопоставимы с западной ЛЧЦ по количественным показателем уже в настоящее время

и будут еще в более сопоставимом положении к 2040 году. При условии, если Запад не предпримет решительных действий. Но Запад их обязательно предпримет, как он это сделал в последние месяцы против России.

Важно также понимать и другое: сокращение численности населения и НЧК некоторых ЛЧЦ относительно других ЛЧЦ не имеет принципиального значения потому, что гораздо важнее становится общее качество НЧК ЛЧЦ, а также соответствующих институтов, прежде всего, способность нации к творчеству, опережающему развитию и самоорганизации.

Определенное впечатление об этом может дать такой общепринятый критерий, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), принятый с начала 1990 годов по инициативе ООН²². Быстрое увеличение качества НЧК в Индии и КНР, когда в этих странах, например, сотни миллионов человек получили высшее образование, развитие науки, техники, технологий, темпы которых существенно опережают общемировые, ведут к тому, что неизбежно изменение в соотношении уже не только финансово-экономических, но и политических и военных сил между этими ЛЧЦ и их центрами силы.

Отчет в развитии этой тенденции отдают себя как в Китае и Индии, где усиливаются быстро политические амбиции, но и в США, где понимают неизбежность изменения сил не в их пользу, с одной стороны, и считают, что этот процесс может быть компенсирован военной силой, — с другой.

Таким образом, для адекватной оценки состояния и прогноза развития политики США в XXI веке требуется прежде всего оценить влияние МО и ВПО, т.е. пройти по всей «цепочке» избранного сценария развития отношений между ЛЧЦ, МО и ВПО, вплоть до сценариев стратегической обстановки, войн и частных военных конфликтов, включая частных особенностей эволюции современной военно-стратегической обстановки, характера войн и современных конфликтов, а, главное, совершенствование средств политического влияния и принуждения²³.

Оно объясняет резко возросшее с конца прошлого века усиление значения военной силы в политике стран, особенно в политике США, что нашло свое отражение во множестве примеров, в частности, в увеличении военных расходов и сокращении расходов на дипломатию

и «мягкую силу» при Д. Трампе в 2017 году. Это влияние имеет «обратный» характер известной традиционной логики развития сценариев МО и ВПО, которая последовательно эволюционирует «сверху — вниз», от общего к частному.

Некоторое представление об этом дает следующая общая логическая последовательность развития сценариев, которая объясняет логику развития сценариев МО-ВПО:

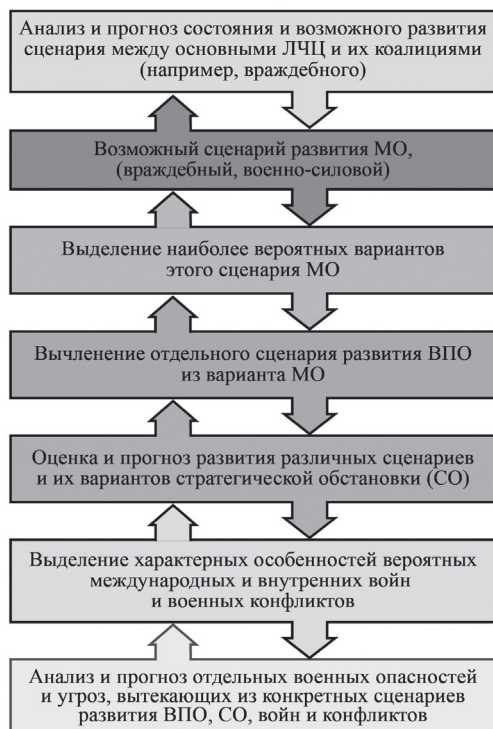

Рис. 1.6. Логика последовательности анализа и стратегического прогноза возможного влияния сценария и его развития МО, ВПО и СО на политику США

Подобная «многоступенчатая» логика развития анализа и стратегического прогноза того или иного варианта ВПО предполагает, что на каждом из ее этапов будет проведено самостоятельное системное исследование, оценка результатов и прогноз, по итогам которых мож-

но перейти к анализу и прогнозу следующего этапа. При этом тот или иной сценарий и его вариант развития (МО, ВПО или СО) не только вытекает из развития вышестоящего, но и сам в определенной (иногда значительной) мере может влиять на его развитие. Так, например, усиление противоборства между ЛЧЦ в ущерб сотрудничеству неизбежно ведет к развитию враждебных сценариев МО, а те, в свою очередь, — к развитию военно-силовых сценариев ВПО и их вариантов, но инерция существования враждебного сценария ВПО влияет и на развитие сценария противоборства МО. Так, обострение в течение нескольких лет ВПО в Сирии вело не только к обострению характера военного противостояния, жестокости, росту потерь и т.п., но и влияло на «вышестоящий» сценарий развития МО — обострению отношений между Россией и США, Турцией, Ираком и Ираном, Израилем и Сирией и т.д.

Из этой логики с неизбежностью следует вывод о том, что развитие негативных сценариев отношений между ЛЧЦ неизбежно влечет за собой усиление военно-силовой составляющей в политике США, которые с ее помощью будут пытаться повлиять на политику не только Китая и России, но и Индии и других стран.

Но вполне справедливо и «обратное» движение. В данном случае от прогноза и анализа военных конфликтов и войн к анализу и прогнозу стратегической обстановки, ее влиянию на военно-политическую обстановку, а той — на международную обстановку. Прежде, как правило, политики и военные занимались этим на самом высоком уровне. Достаточно вспомнить, например, штабные учения, которые проводил Сталин и Жуков накануне Второй мировой войны, где Г.К. Жуков выступал за немцев.

Сегодня для анализа МО не хватает именно анализа ВПО, в основе которого лежал бы анализ СО и соответствующей военной политики и военной стратегии Запада, который избрал военно-силовой сценарий конфликта.

Естественно, что на развитие государства или иного субъекта МО влияют и на внутренние факторы и тенденции в развитии США. В разные периоды развития страны это влияние сказывается по-разному. Иногда как при выборах Д. Трампа и обвинения России во вмешательстве, — сильно. Причем самого широкого спектра — от политико-дипломатических до финансовых и экономических, нравственных,

духовных, моральных и пр. Они традиционно относятся к социально-экономической стратегии государства, хотя на практике далеко не все и не всегда учитываются при анализе внешней политики. Представляется, в конечном счете, что только совокупное, системное и комплексное представление о внешних и внутренних факторах и тенденциях, влияющих на формирование основных сценариев развития США и их конкретных вариантов, включая субъективные оценки, представления и особенности, может дать относительно полный анализ состояния и прогноз политики США в будущем.

При этом необходимо постоянно иметь в виду, что такой прогноз предопределен знанием и пониманием на современном уровне существующих парадигм мирового и национального развития и может лишь отчасти опираться на предположения о тех будущих парадигмах, под влиянием которых в основном и будут формироваться сценарии развития США и их варианты. Иными словами, мы всегда обязаны учитывать возможные качественные скачки и изменения в развитии технологий, экономики, финансов и военном деле.

1.1.6). Историческая инерция

В современном, пробудившемся мире,
наше осознание особенностей различных
цивилизаций требует от нас... ориентации на
межцивилизационные коалиции...

*С. Бжезинский,
политолог²⁴*

В этой работе не ставится задача рассмотреть современную военно-политическую историю США, которая многократно описывалась прежде, в т.ч. и автором. Хочу только заметить, что политическая история США — такая же материальная вещь, влияющая на формирование современной политики, как и военный потенциал. Эта история однозначно свидетельствует, например, что США никогда не стремились к равноправным отношениям с другими субъектами политики — ни с индейцами, ни, позже, с европейцами, а еще позже — со всеми другими странами. И это было нормой их политического поведения²⁵.

Другой нормой было стремление использовать силу, в том числе военную, в качестве политического инструмента. Желательно, правда, чтобы эта сила была их союзника или партнера, а не их собственная. Масштабы использования этой силы никогда не беспокоили правящую элиту США, которая продемонстрировала свое отношение к этому атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Позже, в течение десятилетий, ядерное оружие периодически рассматривалось в качестве средства силового давления против других стран - Кореи, Китая, Вьетнама, СССР. Приведу выдержку из рассекреченных недавно документов только для того, чтобы значительное число российских политологов и журналистов, не считающих, что США реально были готовы применить ядерное оружие, пересмотрели свою точку зрения:²⁶

«The U.S. government has never declassified any version of the SIOP, forcing researchers to rely on ancillary documentation to shed useful light on elements of the plan. The Joint Staff review posted today is the latest such evidence. Base-line declassified knowledge about earlier versions of the SIOP includes:

- SIOP-62 and its successors involved massive nuclear strikes against Sino-Soviet targets, with thousands of weapons aimed at over a thousand targets, with “Alpha” category nuclear weapons and delivery systems — nuclear-tipped missiles and bombers loaded with nuclear weapons — the top priority.
- To satisfy policymakers who wanted the president to have a wider range of choices, by late 1962 the SIOP included two preemptive and three retaliatory options. Included in the Football briefing material for the President, the SIOP options were strikes, sometimes in combination, on nuclear weapons and delivery systems (Task Alpha), on non-nuclear military targets (Task Bravo), and on urban-industrial targets (Task Charlie).
- SIOP-63 established a high damage expectancy of 90 percent probability of severe damage to targets, a requirement that made the SIOP an instrument of “overkill” because multiple nuclear weapons would strike high priority targets

The Joint Staff review of the SIOP-64 guidance includes new information on nuclear war planning:

- The SIOP guidance permitted “withholds” to hold back strikes on

- specific countries. Recognizing the reality of Sino-Soviet tensions, it would be possible to launch nuclear strikes against the Soviet Union without attacking China or vice versa or to withhold strikes from Eastern European countries, namely Albania, Bulgaria, and Romania
- Priorities for Task Alpha targets: At the top of the list of the most urgent target categories were: heavy and medium bomber bases, unprotected ICBM sites (silos did not shield Soviet ICBMs until early 1964), and IRBM/MRBM [intermediate range/medium range ballistic missile] sites.
 - For the top priority “Task Alpha” targets, the SIOP-64 guidance set an even higher damage expectancy of 95 percent, “a high degree of probability of damage.” Thus, overkill continued to be baked into the SIOP. Yet, because nuclear planners based their assessments of damage on the blast effects of nuclear explosions, they did not take into account the further devastation caused by fire effects, especially in urban areas.
 - The purpose of one of the retaliatory options was to destroy the Soviet Union as a “viable” society because it targeted Soviet military forces (conventional and nuclear) plus strikes on urban-industrial targets — Task Charlie.

Unlike the 1956 Strategic Air Command Report on target systems in 1959, the SIOP guidance paper was written at a fairly high level of generality that did not include discussion of specific target systems. Nor did it review specific nuclear weapons delivery vehicles, making references only to “survivable” delivery forces for urban-industrial targets and “rapid reaction offensive forces” for the urgent Task Alpha targets. Plainly these were references to the survivable Polaris SLBMs and the rapid response Minutemen and Titan ICBMs. By May 1964, not long before Taylor circulated the guidance paper, the Pentagon had hundreds of missiles for SIOP tasks: 488 alert Minutemen, 70 Titan I and II; and 208 Polaris A-1 and A-2 SLBMs. Besides the missiles, the arsenal of nuclear delivery vehicles included 630 B-52 and 450 B-47 bombers, the latter of which were being phased out.

К сожалению, со времен М. Горбачева — Б. Ельцина такая оценка была малореалистичной и становилась все менее реалистичной по мере нарастания уступок со стороны СССР и России, с одной стороны, и ослабления России, с другой: элементы сотрудничества стано-

вились все более символичными, а противоборства — усиливались до степени полного игнорирования интересов России, которое отчетливо проявилось во время войны России против террористов на Северном Кавказе²⁷.

Отдельная привилегированная область считалась областью ограничения и сокращения ядерных вооружений и противоракетной обороны, где до сих пор подчеркивается некое абсолютное значение российско-американских отношений. На самом деле этого не было, и нет, но было использование СССР, а затем и Россией неких результатов во внешнеполитических и внутривнутриполитических целях на фоне отсутствия результатов в других областях. Примечательно, например, что все разговоры о прекращении конфронтации с конца 80-х годов проходили параллельно с созданием в США потенциала первого удара, подготовкой к развертыванию ПРО, с одной стороны, и уничтожением российского потенциала ответного удара (включая системы раннего предупреждения о нападении и оповещения), с другой.

Совпадение по времени — поразительное. Конец 80-х и начало 2000-х годов стало периодом одновременного распада и уничтожения возможностей СССР-России и периодом «демократических реформ» в стране. И первый, и второй закончились к началу первого десятилетия XXI века, когда в США посчитали, что процесс развала завершился, и дальнейшее уничтожение России может продолжаться «по инерции», уже без прямого вмешательства.

Не удивительно и то, что процесс восстановления государственности в России начался также параллельно с процессом воссоздания стратегического наступательного и оборонительного потенциалов, прежде всего разрушенных предприятий ОПК и средств стратегической обороны и ответного удара. В 2001 году была остановлена, например, приватизация предприятий будущего Концерна ПВО-ВКО «Алмаз-Антей» и вскоре началось строительство новых 3 заводов и качественная модернизация всего комплекса производств и конструкторских бюро.

В эти же годы ускоренными темпами велась работа по модернизации систем ПВО большой дальности С-300 и С-400 и разрабатывалась С-500, которая в 2018 году поступила в производство, а новые ракеты, способные уничтожать МБР и БРПЛ, прошли в том же году несколько успешных испытаний.

Рис. 1.7. Карта размещения с секторами обзора современных
загоризонтных РЛС России

Зеленым обозначены станции «Воронеж-М/ВМ» (построенные и запланированные), красным, «Воронеж-ДМ» (построенные и запланированные), красным размытым (№12) станция «Волга» под г. Барановичи (Белоруссия), под номером 11 — станция «Днепр» в Севастополе, синим — РЛС «Дон-2Н» в Подмоскovie (центр ПРО г. Москвы), красный круг, окрашенный в зеленый цвет, — это месторасположение РЛС «Дарьял» в районе г. Печора.

Наконец, началось восстановление уничтоженной системы раннего оповещения и предупреждения, основные РЛС которой оказались за границей и были ликвидированы. За последние 10 лет были воссозданы или созданы заново системы раннего оповещения, которые восстановили единое радиолокационное поле России.

1.1.в). Новый этап в развитии военно-силовой политики США

Радикальные перемены в истории часто
происходят удивительно внезапно, а иногда еще
и довольно спокойно²⁸

*У. Перри,
бывший министр обороны США*

За относительно короткий период времени с начала 90-х годов по начало первого десятилетия нового века для США сложилась исключительно благоприятная МО и ВПО в мире, которую они справедливо рассматривали как позитивный результат их многолетних усилий в «борьбе с коммунизмом». Ситуация однако стала меняться, и достаточно динамично, по мере того, как с начала века ЛЧЦ стали превращаться в новые центры силы, претендующие не только на экономическую и финансовую, но и военно-политическую самостоятельность. Появился целый ряд государств и некоторые акторы (преимущественно исламской ЛЧЦ), которые поставили под сомнение право США контролировать мировую обстановку, причем эти сомнения очень быстро стали превращаться в «самостоятельные действия», противоречащие политике Вашингтона. Эту тенденцию в начале века представляли Ирак, Иран, Сирия, Ливия, Афганистан, а также целый ряд других стран, к которым по мере выздоровления стала присоединяться Россия и крепнущие Китай, Бразилия, Индия, Вьетнам и другие государства и отдельные акторы.

Эти тенденции впоследствии объединили такие универсальные понятия как «антиглобализм», «многополярность» и даже «международный терроризм», каждое из которых имело только весьма косвенное отношение к происходившим переменам в мире, главным из которых был в той или иной мере отказ субъектов МО признавать американское доминирование, оказавшееся «вдруг» таким не комфортным²⁹, с одной стороны, и откровенное стремление СШСША силовым образом «установить закон и порядок», с другой.

Иными словами, к концу второго десятилетия XXI века в мире сложилась острая военно-политическая ситуация как результат противодействия двух сильнейших тенденций — доминирования США

и стремления ограничить это доминирование, - который стал во многом следствием субъективной и осознанной деятельности правящей элиты США. Этот субъективно-волевой политический вектор привел правящую элиту США к выводу, что с помощью реализации сценария «Военно-силового противоборства» она сможет не только сохранить, но и укрепить свой контроль в мире над развитием МО даже с учетом изменения в соотношении сил между ЛЧЦ и центрами силы³⁰.

Несколько позже, уже при «позднем» Б. Обаме, был сделан новый акцент — от «международных террористов» к «государствам-ревизионистам», в котором американская администрация уже подняла планку военно-политического противоборства до уровня борьбы с ЛЧЦ и новыми центрами силы. Очень точно этот переход охарактеризовал Б. Обама: «Последнее десятилетие наши военные кампании были направлены преимущественно против насильственных внешних сетей (так иногда назывались международные террористические организации — А.П.). Но сейчас и в обозримом будущем мы должны обращать более пристальное внимание на угрозы, возникающие от государственных акторов. Они в возрастающей степени угрожают региональной свободе и нашей территории. Особенное беспокойство вызывает распространение технологий баллистических ракет, высокоточного оружия, беспилотников, космическим и кибервозможностям, а также оружию массового поражения...»³¹.

Таким образом, военно-силовая политика США последних десятилетий отчетливо делится на периоды:

- силового противоборства с СССР и коммунистическими странами (до 1991 года);
- силового противоборства за абсолютное доминирование в «однополярном мире» (1991 год — начало нового века);
- военно-силовое противоборство за сохранение своего доминирования со странами и акторами, представляющими «международный терроризм» (первое десятилетие и первую половину второго десятилетия);
- военно-силовое противоборство с «государствами-ревизионистами», которые покушаются на американское доминирование.

Как видно, во-первых, прослеживается абсолютная преемственность и последовательность, когда политика одной администрации продолжает политику другой. Во-вторых, смена акцентов

не меняет приоритетов и методов силовой политики, меняя (корректируя) точки приложения усилий внешней политики США.

Единственной особенностью, пожалуй, становится акцент на развитие силовой эскалации, постоянном повышении «ставок» с тем, чтобы заставить своих оппонентов «дрогнуть» и отступить. Этот сценарий политического поведения исходит из неизбежности эскалации, которая должна сопровождаться постепенным усилением военных элементов в силовой политике до такой степени, пока это не станет доминирующей тенденцией. Основанная на этом сценарии стратегия «силового принуждения» предполагает, что в качестве инструментов силы могут использоваться любые средства и способы — от традиционно относящихся к инструментам «мягкой силы» до массированного применения ЯО.

Такое системное, одновременное и комплексное использование всех силовых инструментов политики при заведомо искаженном информационно-пропагандистском освещении (точнее — дезинформационном освещении) получило название политики «новой публичной дипломатии», а именно — войны в условиях массовой дезинформационной кампании³².

В США, как ни странно, полагают, что именно Россия наиболее успешно использует новые силовые возможности для получения практических политических результатов. И действительно, если посмотреть на период с 2008 года по конец 2017 года, то можно «вдруг» обнаружить, что Россия взяла под контроль Абхазию и Северную Осетию, вернула Крым, удержалась в Приднестровье, создала буферные республики на западном стратегическом направлении, обеспечила победу Асада в Сирии и взяла под контроль Северный морской путь. Возможно, Россия и не взламывала американские машины для голосования. Однако она избирательно и целенаправленно распространяла в социальных сетях ложную и искаженную информацию, иногда используя при этом материалы, добытые с помощью хакеров, и формировала фактические информационные альянсы с определенными группировками в Соединенных Штатах.

В результате она, по-видимому, сумела выиграть важную битву, причем большинство американцев этой битвы даже не заметили. Американская избирательная система — это сердце самой могущественной демократии в мире, а теперь, благодаря российским

действиям, мы спорим друг с другом и сомневаемся в ее легитимности. Фактически мы воюем сами с собой, и при этом враг не нанес по нам ни одного физического удара. «Информационное противоборство открывает широкие асимметричные возможности по снижению боевого потенциала противника», — писал Герасимов (он также указывал на возможность использовать «внутреннюю оппозицию для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства»)³³.

Не все специалисты по России считают Доктрину Герасимова важным явлением. Некоторые называют ее просто новой, отчетливо сформулированной версией того, что русские делали с давних пор. Некоторые полагают, что значение Путина сильно раздуто, и что не стоит считать его всемогущим или видеть в нем сказочное чудовище. Некоторые подчеркивают, что из-за борьбы между олигархическими фракциями в Кремле, действия русских лишены единой стратегической цели. Однако Россия, бесспорно, систематически вмешивается в дела других стран на разных уровнях одновременно. Ее методы ставят нас в тупик, потому что мы не всегда понимаем, как они работают на практике. Ведь, как и любая стратегия партизанских действий, они предполагают экономию ресурсов и децентрализацию, в связи с чем их трудно выявлять и отслеживать. Вдобавок, со стратегической точки зрения, задачи России выглядят для нас непривычно. Кремль не делает ставку на победу той или иной силы — он ослабляет врага и создает обстановку, в которой проигрывают все, кроме него самого³⁴.

В этом и заключается главная сильная сторона теневой войны в стиле Герасимова. Очень трудно противостоять врагу, которого ты не видишь и в существовании которого даже не до конца уверен. Однако этот подход все же далеко не идеален. Доктрина Герасимова основана на скрытом манипулировании, что делает ее крайне уязвимой. Она начинает рушиться, стоит пролить свет на то, как она работает, и какие цели перед собой ставит. Это требует лидерских качеств и ясного видения угрозы, примером чего стала Франция, правительство которой перед президентскими выборами сумело сплотиться и предупредить избирателей о российских информационных операциях. А вот Америка пока остается впотьмах. Она не только не переходит в наступление, но даже не обороняется.

Иными словами, новый характер политики и войны — объективная реальность, которую максимально полно пытаются использовать в тех странах, где осознали эти особенности и где есть необходимые для этого ресурсы³⁵.

Очень формализовано эту ситуацию эскалации одним из первых изобразил еще в 2014 году советник НГШ ВС РФ полковник И. Попов³⁶.

Рис. 1.8. Геополитическая ситуация в мире: ключевые положения оценки МО в начале XXI века

С тех пор прошло более трех лет, за которые стало окончательно ясно, что эскалация силовой политики принуждения России только усиливается. Практически ежедневно появляется какая-то инициатива США или их союзников, направленная на обострение ВПО. За всеми этими особенностями в развитии ВПО в мире, в конечном счете, стоят США и их политика, особенности которой необходимо тщательно изучать. Они (эти особенности) развития США во многом предопределяют характер современной МО и ВПО. Поэтому состояние и перспективы развития США имеют для России исключительно важное значение.

При этом надо понимать, что развитие США во многом находится под влиянием их отношений с другими ЛЧЦ и государствами, прежде всего, китайской, индийской и исламской. Если рассмотреть эти отношения в качестве приоритетов политики США, то в сентябре 2017

года Д. Трамп на Генеральной ассамблее ООН в своей во многом программной речи в ООН дал понять, что среди приоритетов его внешней политики находятся отношения с китайской, исламской и российской ЛЧЦ.

Можно ожидать, что, учитывая темпы роста ВВП и населения, в среднесрочной перспективе неизбежно в число приоритетов войдут отношения с латиноамериканской, индонезийской и другими ЛЧЦ, среди которых особенно быстро развиваются (и будут, по оценкам экспертов, развиваться с опережением) такие страны и ЛЧЦ, как Индия, Пакистан, Вьетнам и др., что видно на следующем примере роста бизнес активности.

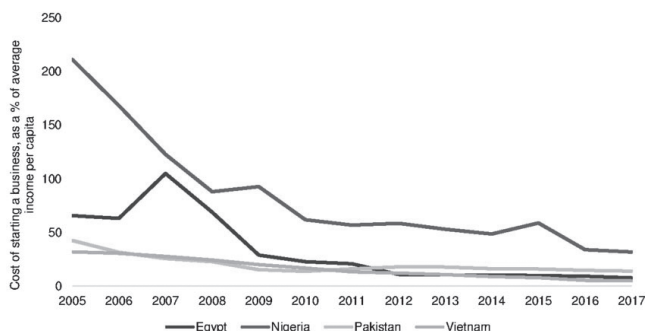

Рис. 1.9. Стоимость начала собственного бизнеса в развивающихся странах³⁷

Из графика, в частности, видно, что стремительно растет в бизнесе активность, которая, помноженная на быстрый рост населения этих стран, неизбежно приведет к опережающим темпам роста их ВВП (по некоторым оценкам, до 10–11%).

Таким образом, состояние и будущее США во многом предопределяется как их отношениями с другими ЛЧЦ, так и политикой по усилению военно-силового противоборства в мире. Подобное видение отношений между ЛЧЦ с начала XXI века и их влияние на США, пока еще не стало общепринятой нормой в России, не только в официальных документах, но и научных исследованиях фактически игнорируется влияние этих факторов. Однако, постепенно, в особенности, после военного конфликта в Грузии в 2008 году, и затем на

Украине, это понимание стало охватывать все большую часть российской правящей элиты, которая пока что продолжает игнорировать зависимость союзников и партнеров США от проводимой ими политики, которая стала фактически политикой военно-политической коалиции³⁸.

Подход Д. Трампа, который вносит коррективы в политику США, заключается в корректировке отношений с союзниками и партнерами. Он выражается, на мой взгляд, в следующем:

- формировании широкой военно-политической коалиции, в которую входят не только страны-члены НАТО, но и более широкий круг государств, состоящий из нескольких «окружностей» — от членов союза до членов коалиции, где совпадают определенные интересы;
- препятствие другим ЛЧЦ создавать такие же союзы и коалиции, противостоящие США;
- увеличение «совокупной мощи» коалиции западной ЛЧЦ за счет привлечения других союзников и партнеров.

Ключом, сутью понимания политики США, на мой взгляд, является описанный еще в начале 90-х годов XX века С. Хантингтоном **«неизбежный конфликт цивилизаций»**³⁹, оценку которого старались долгое время не замечать даже тогда, когда они подтверждались на самом высоком политическом уровне. Так, в июле 2016 года на съезде Демократической партии США Б. Обама сказал о неизбежном конфликте геополитических интересов двух центров силы — России и США. Аналогичные многочисленные признания звучат и от союзников США в Европе и в АТР. Адмирал флота США Гарри Харрис, например, заявил, что США являются «тихоокеанской нацией, лидером и силой». «Мы верим в мир с помощью силы, умная сила поддерживается грубой силой. И тяжелая сила корабля лично посылает сигнал нашим друзьям и противникам, что наше внимание четко сфокусировано на Индо-Азиатском-Тихоокеанском регионе».

Тем самым, на мой взгляд, к 2018 году США уже сформулировали «повестку дня» на XXI век, которую можно сформулировать следующим образом: «Сохранить за США возможности контроля над развитием военно-политической обстановкой и финансовой обстановкой в мире» в долгосрочной перспективе.

Учитывая неизбежное усиление других ЛЧЦ, США осознают, что добиться этого можно только при сохранении превосходства в трех (исключительных и обязательных) областях, угрозу которому еще Б. Обама назвал наиболее актуальной⁴⁰:

- в технологической и научной области;
- в области военно-технического противоборства, ВВСТ и военных бюджетов;
- в качестве лидера западной ЛЧЦ и широкой военно-политической коалиции.

1.2. Основная тенденция развития военной политики США — усиление противоборства с локальными человеческими цивилизациями

... в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой⁴¹

*С. Хантингтон,
политолог*

... значение противоборства локальных человеческих цивилизаций в международной политике XXI века будет стремительно возрастать⁴²

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО*

Исключительно важное значение в США представляет понимание американского лидерства и необходимости развития сотрудничества с «союзниками и партнерами», заявляемое как один из двух важнейших принципов американской политики. Другой

принцип — сохранения военно-технического превосходства — традиционен для США и политики всех администраций последних 70 лет⁴³.

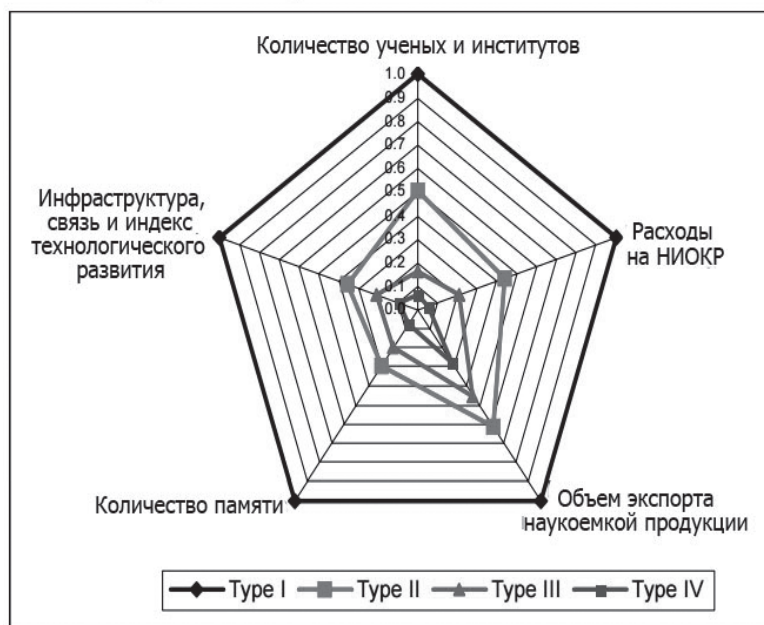
Практический политический прогноз в настоящее время должен строиться, прежде всего, на анализе и прогнозе соотношения сил и отношений между ЛЧЦ. Мысль, о будущих границах конфликтов, высказанная С. Хантингтоном в 1993 году, — ключевая для понимания характера и роли ЛЧЦ в современной МО и будущего всей человеческой цивилизации. Об этом в разной степени детализации и с разной степенью практической значимости говорят и пишут многие политики и ученые в последние 25 лет. Особенно активно после публикации известных работ С. Хантингтона и А. Тойнби⁴⁴. Во многом эта позиция близка и автору этой работы⁴⁵. Но, несмотря на это такой подход к анализу прогнозу будущей МО не стал пока ведущей парадигмой. Примечательно, что этот подход часто используют политики, военные и дипломаты, но значительно реже его признают.

Именно вокруг практического усиления роли локальных человеческих цивилизаций происходит сегодня концентрация политики, экономики, военной и гуманитарной мощи отдельных государств и наций, хотя, как правило, говорят об «универсальных» ценностях и международном праве. Ни к первому, ни ко второму явлению этот процесс не имеет отношения: концентрация мощи вокруг стран-лидеров ЛЧЦ имеет в своей основе и военно-политический характер. В наиболее явном виде это происходит в форме укрепления старых и создания новых коалиций, объединяющих например, более 50 стран западной ЛЧЦ не только в военно-политические и экономические союзы и блока, но и на базе двусторонних отношений, получивших в США нейтральное название «партнерства».

Другой аспект этой проблемы — технологическое превосходство, — которое США возвали в главный принцип обеспечения эффективности своей внешней и военной политики.

Основное преимущество США и западной ЛЧЦ заключается в опережающих темпах развития НЧК и, прежде всего, науки и технологий, которые США будут пытаться сохранить.

Если оценивать это превосходство в количественных критериях, то можно признать, что приближаться по ним теоретически может только КНР.

Рис. 1.10. Тип страны по научно-техническим возможностям⁴⁶

В действительности, как показывает коалиционная военная политика западной ЛЧЦ в Югославии, Афганистане, Ирак, Сирии и т.д., эта политика является (наравне с политикой военно-технологического превосходства США) одним из двух важнейших приоритетов и принципов внешней и военной политики США, выступающих в качестве лидера западной ЛЧЦ. Искусство военной политики всегда играло большое значение в истории человечества, но в некоторые его периоды — особенное, даже исключительное, когда от него непосредственно зависело выживание нации и государства. Именно такой период относится к концу XX века, когда советско-российская элита оказалась абсолютно не способной к управлению, растеряв шаг за шагом, все достижения предыдущих поколений, что особенно ярко проявилось во время политического противостояния уже не между странами, а локальными человеческими цивилизациями и их военно-политическими коалициями.

Это противостояние развивается стремительно и с неизбежностью ведет к силовому и даже вооруженному противоборству между ЛЧЦ из-за передела сфер влияния и контроля над сложившимися финансово-экономическими и военно-политическими системами. Эта системы отражали соотношение сил между западной ЛЧЦ и другими цивилизациями и государствами, которое было подавляющим в пользу Запада уже в XIX веке, но стало абсолютным после уничтожения альтернативного центра силы в виде СССР и ОВД.

С конца XX века геополитическая ситуация и соотношение сил между странами и ЛЧЦ стало быстро меняться, а во втором десятилетии произошло качественное событие: соотношение экономических сил между Западом и Востоком сравнялось и продолжает меняться уже не в пользу Запада. Совершенно очевидно, что китайская, индийская, исламская ЛЧЦ, насчитывающие в XXI веке уже более 1 млрд. человек, по мере повышения качества демографического потенциала станут претендовать, как минимум, на равноправное участие в формировании новой миросистемы и изменение сложившихся в XX веке неравноправных норм и порядков.

К этому добавился определенный идеологический кризис глобального либерализма, который, как казалось многим, стал абсолютно доминировать в политике в XXI веке. Как заметил Уильям Уолфорт, политолог, профессор кафедры государственного управления им. Даниэля Уэбстера в Дартмутском колледже (США), эксперт клуба «Валдай», «Основной тенденцией 2016 года стало снижение импульса глобального либерального порядка. С окончанием холодной войны казалось, что мир движется в сторону повсеместного установления либерального порядка. Локомотивом этого движения выступали США и другие западные страны. Они стремились распространить набор глобальных правил и институтов, состоящий из основных либеральных идей: демократии, прав человека, экономической глобализации и открытости, свободного перемещения товаров и людей, сильных международных институтов — из этих элементов складывалась их картина мира. Конечно, и раньше на этом направлении бывали провалы и неудачи, но 2016-й войдет в историю как год, нанесший самый тяжелый удар по этой идее»⁴⁷.

Таблица 1.2. Изменение пространственной структуры мирового ВВП, 1980–2020⁴⁸

СТРАНЫ	Доля стран в ВВП мира, в %		
	1980 г.	2005 г.	2020 г. (прогноз)
Весь мир	100	100	100
Развитые страны	57,7	49,6	39,4
США	20,8	20,4	17,9
Япония	7,8	6,5	4,6
Германия	5,6	4,0	2,9
Развивающиеся страны	28,3	44,0	53,1
Китай	3,4	14,4	22,6
Индия	3,5	6,3	8,4
Страны с переходной экономикой	14,0	6,4	7,5
Россия	6,8	2,6	3,2

Неизбежность перерастания конфликтности в отношения между ЛЧЦ во враждебность и силовое противоборство — не вызывает сомнения. Вопрос только в том, когда именно и в какой форме силовое противоборство перерастет в вооружено-силовое? Представляется, что «сползание» к такому противоборству уже началось по инициативе США, которые фактически начали войну против исламской и российской ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века. Расчет делается на то, что обладая военно-техническим превосходством и экономическими преимуществами, западная ЛЧЦ сможет предотвратить перерастание неизбежных сдвигов в экономике в новые международно-правовые

и политические правила. Войны в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Йемене и на Украине — начало большой войны между западной, исламской и российской ЛЧЦ, — в стороне от которой пока находятся другие ЛЧЦ⁴⁹: китайская, индийская, латиноамериканская и другие.

В характере таких военных конфликтов и войнах в то же время произошли существенные изменения по сравнению с конфликтами и войнами XX века. И прежде всего в главных объектах для нападения. Из того, что уже имело место видно, что главными объектами вооруженного насилия становятся правящие элиты и режимы, а также их лидеры противостоящих ЛЧЦ, государств и наций. Примеры Румынии, Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Украины — очевидны.

Причем, если еще в военных конфликтах XVII–XX веков основными участниками–субъектами МО выступали нации — государства, то в XXI веке наиболее значимые военные конфликты, по-Хантингтону, будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащим (а, в действительности, представляющими) к разным цивилизациям⁵⁰. Другими словами, характер будущих военных конфликтов, войн и угроз во многом будет изначально предопределяться (и даже уже определяется) характером взаимоотношений между ЛЧЦ. Это наглядно видно уже на примере современных конфликтов, когда в действительности за любыми воюющими сторонами стоит та или иная ЛЧЦ. Так, на Украине, например, реализуется план США–ЕС–НАТО по продвижению на восток и фактическому взятию под контроль всего постсоветского пространства, включая, в конечном счете, Россию.

Но даже в тех случаях, когда формально конфликт происходит в границах одной ЛЧЦ (например, в Ираке или Сирии), за враждующими сторонами стоит ЛЧЦ. В Сирии и Ираке — это создание разведками США и их коалиции организации исламских фундаменталистов, — которым не нужны стабильные режимы ни в Алжире, ни в Тунисе, ни в Ливии, ни, тем более, в Иране, Ираке или Сирии.

Остается только удивляться прозорливости С. Хантингтона: конец XX века и начало XXI века — от войны в Югославии до войны в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине — примеры, прежде всего, междоцивилизационной борьбы, противостояния и конфликтов, которые имели форму политического противоборства.

Этот же цивилизационный подход, в конечном счете, и убедительно объясняет обострение отношений Российской Федерации с рядом ведущих государств, — представителей западной ЛЧЦ, которое можно понять, если рассматривать это как конфликт между русско-православной цивилизацией и лидерами всей западной локальной человеческой цивилизацией. Эта ЛЧЦ уже не ограничивается только собственно странами Запада, но и втянула в свою орбиту — политику и во многом систему ценностей — Японию, Австралию и даже ряд арабских государств. То, о чем предупреждал С. Хантингтон, — невозможность сосуществования русского традиционализма (православия, национализма, собственной системы ценностей) и западной системы ценностей стало очевидным во втором десятилетии XXI века, когда фактически оформились противостоящие центры силы, представляющие разные ЛЧЦ.

В настоящее время существует немало попыток изобразить МО в качестве различных центров силы и даже ЛЧЦ, которые могут быть названы успешными только при двух обстоятельствах:

Во-первых, при понимании того, что большинство ЛЧЦ еще не стали мировыми центрами силы. По настоящему мировой центр силы пока что один — США («ядро») и концентрирующиеся вокруг них порядка 50 стран;

Во-вторых, эти центры силы не могут пока что претендовать на то, чтобы называться центрами цивилизаций и политико-экономических систем. Существующая условно «многополярность» не означает «многосистемности» так как господствует одна система — западной ЛЧЦ.

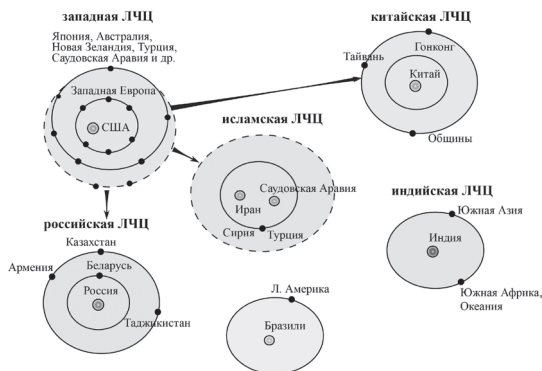

Рис. 1.11. Условные центры силы, образующиеся на базе ЛЧЦ,
как будущие центры военно-политических коалиций

Процесс объединения вокруг центров силы происходит сегодня уже не столько по экономическим или даже политическим причинам, сколько по близости категории «систем ценностей», которые начинают вытеснять близкие им по сути понятия «интересы», т.е. по культурно-цивилизационному, более фундаментальному признаку. Естественно, что противоречия между системами «ценностей» и «интересов» не исчезают, а иногда даже обостряются.

Как показывает сегодняшняя ситуация в ЕС (особенно в связи с референдумом о выходе Великобритании), вытеснение «интересов» «общими ценностями» происходит, в конфликтной манере. И будет еще более обостряться. Прежде всего, из-за споров об обязательствах — военно-экономических и финансовых — что видно из данных, приводимых ниже. Очевидно, на мой взгляд, следующее:

- США, увеличивая свои военные расходы и оставаясь безусловным военным лидером в коалиции и в мире, будут требовать увеличения расходов от своих союзников и партнеров, что может привести к следующему положению к 2025 году:

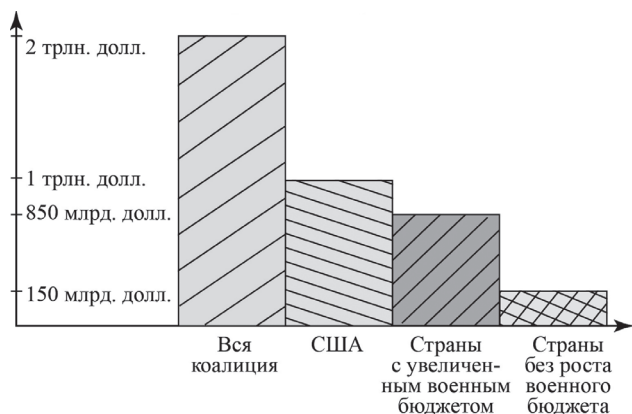

Рис. 1.12. Общие и отдельные военные расходы западной коалиции (более 60 государств)

- внутри коалиции военные издержки будут распределяться неравномерно как в абсолютных величинах, так и относительно ВВП той или иной страны.

Рис. 1.13. Затраты стран мира на содержание своих армий⁵¹

Вместе с тем уже можно признать, что если прежние союзы и коалиции выстраивались преимущественно из соображений совпадения политических целей и задач (как субъективного восприятия интересов), то современные коалиции тяготеют к категориям «ценности», что особенно хорошо видно на примере стран-членов ЕС, где в последние годы интересы вытесняются общими ценностями особенно активно. Причем даже в военно-политической и экономической областях. Более того, нередко общие ценности не совпадают с интересами, даже противоречат им и, как правило, такой конфликт в конечном счете решается в пользу «общих ценностей». Как это происходит, например, в Европе или Японии.

Таким образом, центр конфликтов, включая военные, во все большей степени переносится в область конфликтов между системами ценностей отдельных ЛЧЦ. При этом западная ЛЧЦ стремиться военно-силовыми средствами «продвинуть» свою систему ценностей, что встречает закономерное сопротивление в других ЛЧЦ⁵².

Это — основа для будущих военных конфликтов в мире. На эту тенденцию в определенной степени попробовал повлиять Д. Трамп, заявивший о «возвращении к прагматической политике национальных интересов» публично на сессии Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2017 года. Но этот шаг не должен вводить никого в заблуждение, как мне представляется, по двум основным причинам:

Во-первых, система ценностей США и ее продвижение и является главным национальным интересом США, который неоднократно был зафиксирован в официальных документах⁵³. Не думаю, что Д. Трампу удастся так радикально перевернуть систему приоритетов американской внешней политики.

Во-вторых, реальные действия администрации Д. Трампа, в том числе сокращение на 25–40% финансирования на продвижение американской системы ценностей (средств Государственного департамента и иностранной помощи) свидетельствует не об отказе от этой политики, а о еще большем привязывании к ней союзников и партнеров США.

В любом случае («варианта Обамы или «варианта Трампа») наиболее вероятным, более того, — единственным сценарием развития МО является «Военно-силовой сценарий» развития МО, в котором просматриваются в свою очередь три варианта, отличающиеся

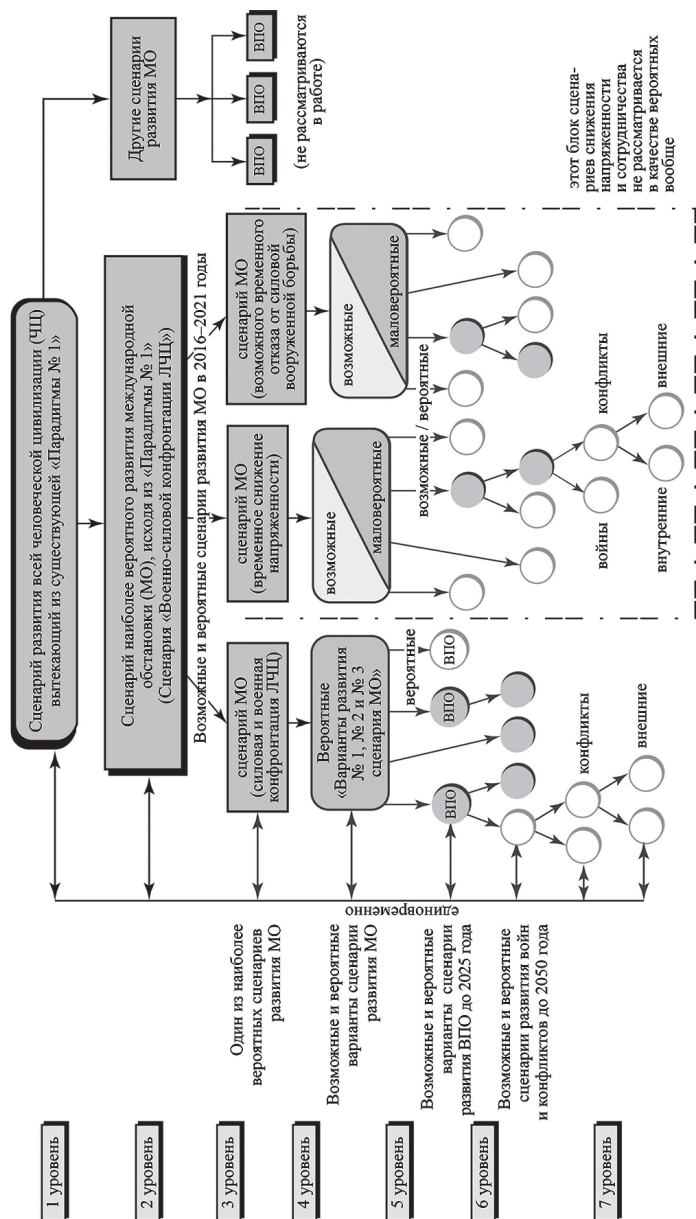

Рис. 1.14. Абстрактная логическая схема развития сценариев МО

по степени вероятности друг от друга. Другие два сценария развития МО (обведенные пунктиром) рассматриваются как маловероятные. (Рис. 1.14)

Более подробно развитие наиболее вероятного сценария МО до 2025 в возможных 3-х вариантах можно рассмотреть на следующем рисунке (рис. 1.15), где, в частности, выделяются варианты сценария не только по степени вероятности, но и по отношению к России. Так, в качестве наиболее реалистического (более 70% вероятности) варианта сценария развития МО рассматривается «Вариант № 2» («реалистический»), который предполагает эскалацию военных конфликтов со стороны США до 2025 года и перевод их в систему постоянно существующих конфликтов. Этот факт подтверждается не только декларациями Обамы–Трампа в 2016–2017 годы, но и увеличением на 50 млрд. долл. военного бюджета США и ССО (в т.ч. численности войск в Афганистане), а также тем, что эта тенденция будет иметь долгосрочный характер, выходящий за пределы 2025 года.

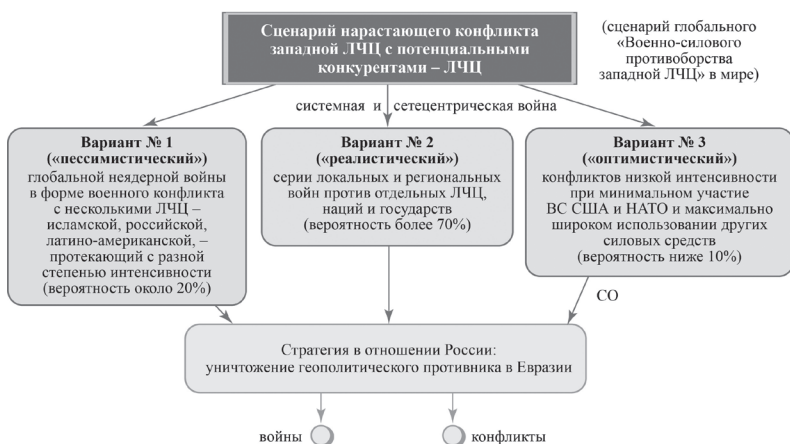

Рис. 1.15. Логика развития вариантов наиболее вероятного сценария развития МО до 2025 года⁵⁴

Общее, что объединяет эти три варианта сценария политики США, стремление уничтожить Россию как суверенное и единое го-

сударство с последующим разделением нации на несколько враждующих искусственно созданных «этносов» — украинского, белорусского, русского, татарского, калмыцкого, чеченского и т.д., которые должны стимулировать развитие конфликтов по границам России и внутренние конфликты — социальные, религиозные, этнические — внутри России. Подчеркну, что это варианты одного и того же сценария, которые отличаются, прежде всего, ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы среди прочих силовых инструментов политики западной ЛЧЦ, при сохранении общей стратегической цели. Стратегическая, конечная цель любого из этих трех вариантов стратегии западной ЛЧЦ — уничтожение России как геополитического противника, что означает не только ликвидацию ее суверенитета и получение контроля над ресурсами и политикой, но и раздел территории, и разрушение российской идентичности. Это — абсолютно бескомпромиссная цель, которая не предполагает сколько-нибудь серьезного и долгосрочного сотрудничества.

В итоге такой политики США в Евразии должны остаться китайская ЛЧЦ, прозападная индийская ЛЧЦ и расколотая и дезинтегрированная исламская ЛЧЦ. Любое возможное сотрудничество носит временный характер и необходимо для достижения той же стратегической цели.

Как видно из нижеследующего рисунка, до 2025 года прогнозируется усиление военно-силового фактора во всех трех вариантах избранного вероятного сценария развития МО и отношений между ЛЧЦ, но наиболее ярким и негативным образом этот сценарий развивается в варианте отношений между западной и российской ЛЧЦ. Более того, предполагается, что его эскалация будет происходить и дальше не только в ближнесрочной (2015–2021 гг.), но и среднесрочной (до 2021–2025 гг.) и долгосрочной (до 2050 г.) перспективе.

1. КНР (КНДР);
2. Ислам (Иран);
3. Россия;
4. Л. Америка (Венесуэла);
5. Индонезия, Филиппины, Вьетнам;
6. Пакистан, Индия.
7. Нигерия.

«Решение задач», однако, может быть выстроено **в иной последовательности**, отражающей остроту и состояние современного противоборства:

1. Россия (Средняя Азия, Кавказ);
2. Ислам (Иран);
3. Китай (КНДР);
4. Л. Америка (Венесуэла);
5. Индия, Пакистан;
6. Индонезия, Вьетнам, Малайзия;
7. Нигерия, ЮАР.

Иными словами, из приоритетности видно стратегическое значение для США противоборства с той или иной ЛЧЦ, но последовательность действий будет зависеть от конкретного состояния ВПО и СО в мире. Так, вмешательство России в Сирии, а до этого на Украине, изменило не приоритеты американской политики, а последовательность (можно сказать, тактику) решения политических задач силовыми средствами. Соответственно и темпы непосредственного перехода к военным действиям со стороны США будут определяться состоянием ВПО и СО. Политика Трампа в 2017 году, например, показала, что тактически наиболее важными объектами для силового воздействия стали Иран, КНДР и Россия, что и нашло свое формальное закрепление в законе, принятом против этих трех государств в августе 2017 года.

И в дальнейшем переход к тому или иному варианту будет происходить в рамках одного сценария, но в зависимости от состояния ВПО и СО (например, испытаний КНДР или успехами российских ВКС) развитие этого сценария будет происходить по одному из трех указанных ниже вариантов.

Изначально важно (по возможности точно) определить «точку отсчета» развития того или иного сценария МО или государства. Субъективный характер таких оценок очевиден, как очевидно и то, что от них зависит во многом будущий прогноз. Так, если рассматривать современную МО как «многополярный» мир (что очень любят делать сегодня не только публицисты, но и некоторые политики), то может сложиться впечатление о неких будущих автономных сценариях мирового развития, в основе которых находятся новые центры силы — ЛЧЦ и государства. Такой прогноз, однако, мало что даст,

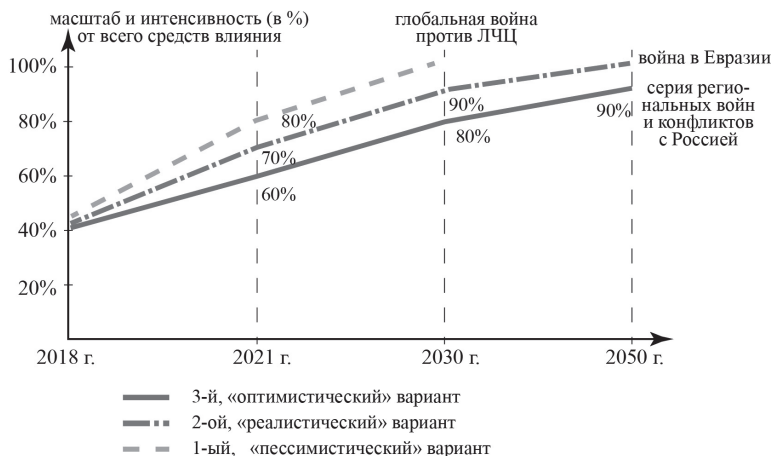

Рис. 1.16. Отличие вариантов базового сценария развития МО глобальное «Военно-силовое противоборство ЛЧЦ» до 2025 года в роли, масштабах и интенсивности использования военной силы⁵⁵

в практическом плане потому, что в настоящее время мир фактически не является многополярным, а находится преимущественно под влиянием США и контролируемой ими ЛЧЦ и военно-политической коалиции. Из этого и следует исходить. Во всяком случае пока ситуация не изменилась, не пытайтесь выдавать желаемое за действительность. США и их союзники определяют развитие современной парадигмы в основном и самом главном, а новые центры силы и ЛЧЦ пытаются (с разным успехом) этому противодействовать.

В этой работе сценарий развития МО и политики США до 2025 года находится под решительным влиянием собственно того сценария развития, которые уже реализуется в США и возглавляемой ими ЛЧЦ и коалиции, что изначально накладывает серьезные ограничения и создает жесткие условия для прогноза. Но я не считаю такой подход излишне упрощенным и механистическим потому, что для практических целей он является до 2025 года наиболее удобным и объяснимым. Естественно, что при понимании того, что ситуация постепенно меняется и будет меняться не в пользу западной ЛЧЦ, что станет особенно заметным после 2025 года.

1.3. Оценка современного положения и будущего экономики США

... необходимо сделать национальные интересы новой основой международного сотрудничества⁵⁶

*Д. Трамп,
выступление на Генеральной Ассамблее ООН,
сентябрь 2017 г.*

С военно-политической точки зрения оценка экономики США, а, тем более, ее будущего состояния, значительно отличается от классического макроэкономического подхода, где присутствует большое количество второстепенных (для оценки военно-политических возможностей страны) показателей, но недостаточно выпукло показаны другие, необходимые для оценки военной мощи и возможных намерений правящей элиты.

Именно поэтому перспективы развития американской экономики важны, во-первых, относительно будущей ВПО в мире и возможностей основных субъектов, а, во-вторых, специальных возможностей США, обеспечивающих превращение военной мощи (потенциала) в реальный фактор (возможности). Так, сам по себе объем (ВВП) экономики США в 2030 году, например, имеет с военно-политической точки зрения значение в той части, где речь идет об объеме экономик противостоящих центров силы и коалиций, причем этот объем должен быть конкретизирован к нуждам военной промышленности и качеству ВВСТ, находящимся в войсках.

Результаты долгосрочного прогноза развития экономики США и их внешней и военной политики во многом определяются оценкой современного положения страны, (экономического, финансового, социального), которая, как правило, бывает достаточно субъективна и может быть как излишне пессимистична, так и слишком оптимистична. Достаточно привести абсолютно полярные оценки — от оценок, обещающих «скорый крах», до оценок, гарантирующих «процветание» США. При этом следует подчеркнуть, что только количественные критерии возможностей экономики, в частности, объема ВВП, далеко не всегда дают возможность адекватной оценки

военно-политической мощи. Не менее важно попытаться увидеть как положительные, так и отрицательные тенденции развития экономики США, вкупе с ВПО в мире и в стране. В этих целях я традиционно использую абстрактно-логическую модель, которая не раз доказывала свою эффективность⁵⁷.

Эта простая модель позволяет, однако, подойти системно не только к оценке современной экономики США, но и ее перспектив развития в будущем. В частности, из этой модели (используя имеющуюся информацию и экспертные оценки) я могу сделать следующие выводы, имеющие принципиальное значение для оценки и прогноза развития экономики США с точки зрения военно-политической обстановки в мире, а именно:

Рис. 1.17. Основа современного анализа и прогноза политического процесса (модель)

1. МО и ВПО в целом являются вполне благоприятными для США. Никто из ЛЧЦ, центров силы или государств не бросает им открытый вызов, более того, тщательно уходят от конфронтации. Обострение ВПО в том или ином регионе — всегда является результатом инициатив США, которые стремятся не просто сохранить, но и укрепить свое господствующее положение.

Вместе с тем, такое положение в мире обходится США недешево. Я не преувеличиваю, но не стоит и преуменьшать значения такой негативной тенденции как рост задолженности федерального бюджета США, который при Б. Обаме превысил 100% от ВВП страны.

Эта тенденция является определенным ограничителем роста военного бюджета, запланированного Д. Трампом, который по моим оценкам, будет составлять порядка 50 млрд. долл. (около 12% всего военного бюджета) в год. Вероятно, что американская правящая элита не будет выходить за эти рамки, которые позволят ей увеличить военный бюджет США к 2025 году до 1000 млрд. (1,0 трлн.) долларов.

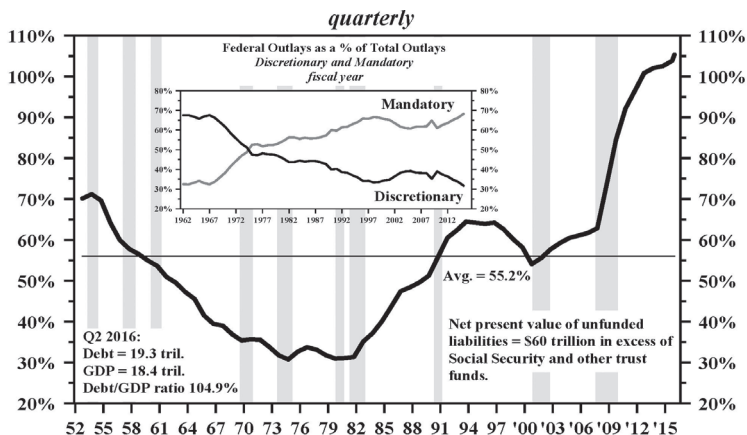

Рис. 1.18. Величина федерального долга относительно ВВП США, в %⁵⁸

2. США обладают огромным экономическим, технологическим и человеческим потенциалом, который находится (и, как минимум, до 2025–2030 годов) и будет находиться вне конкуренции. Ближайший преследователь — КНР — отстает по целому ряду ключевых показателей, которые не могут быть компенсированы только численностью населения и объемом ВВП.

Этот тренд связан непосредственно с другим макроэкономическим трендом — снижением темпов роста душевого ВВП, который стал заметен в новом столетии, и объективно ограничивает темпы развития экономики США и ее военной мощи.

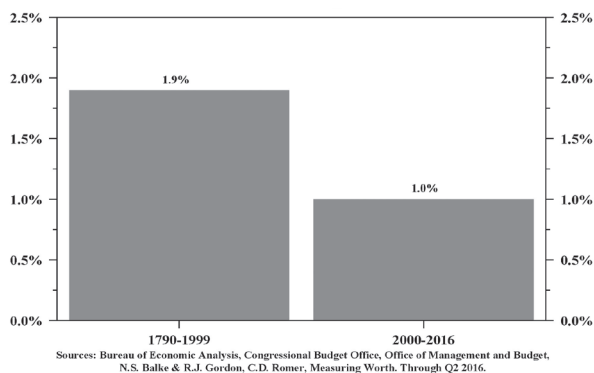

Рис. 1.19. Ежегодный прирост душевого ВВП⁵⁹

3. США обладают огромными военно-техническими возможностями, которые превосходят возможности всех основных конкурентов в несколько раз, но — что особенно важно — эти возможности развиваются опережающими темпами (в 2018 году военный бюджет будет увеличен сразу на 50 млрд. долл.) и без особого ущерба для американской экономики (доля военных расходов США стабильно ниже 3,5%).

1.3.а). Общая характеристика значения экономики США для военно-политической обстановки в мире

... Совет безопасности России, к примеру, анализирует угрозы с горизонтом не более 12 лет, то есть ниша «военно-технической и военно-политической прикладной футурологии» остается... вариантной⁶⁰

А. Фролов,
эксперт

В стратегическом прогнозе основных тенденций экономического развития США следует исходить из того, что значение США в мире в настоящее время определяется, прежде всего, тем, что они, явля-

ются не только бесспорным мировым политическим, военным и финансово-экономическим лидером, но и лидером научно-техническим и технологическим⁶¹. Причем это лидерство характеризуется огромным разрывом с другими странами. Принципиальным положением внешней и военной политики правящих кругов является стремление не только опереться на эти преимущества, но и сделать их решающими факторами в борьбе за сохранение своего контроля в мире и доминирующего положения в финансах и мировой экономике.

Примечательно, что приоритеты администрации Д. Трампа, выраженные не только в его заявлениях, но и приоритетах бюджетной политики, отчетливо показывают на акценты в военно-силовой политике. Из всех направлений федерального финансирования (почти 30) только 3 окажутся «в плюсе» в 2018 ф.г. Это:

- министерство обороны (более чем на 52 млрд. долл. и + 10,0%);
- администрация по ядерной безопасности (– 1,4 млрд. долл. и + 11,3%);
- ветеранские организации (– 4,4 млрд. долл. + 5,9%).

Таблица 1.3. Приоритеты бюджета США (по министерствам) в 2017 году⁶²

	2017 CR/ Enacted	2018 Request	2018 Request Less 2017 CR/Enacted	
			Dollar	Percent
Base Discretionary Funding:				
Cabinet Departments:				
Agriculture	22,6	17,9	–4,7	–20,7%
Commerce	9,2	7,8	–1,5	–15,7%
Defense	521,7	574,0	+52,3	+10,0%
Education	68,2	59,0	–9,2	–13,5%
Energy	29,7	28,0	–1,7	–5,6%
National Nuclear Security Administration	12,5	13,9	+1,4	+11,3%
Other Energy	17,2	14,1	–3,1	–17,9%
Health and Human Services	77,7	65,1	–12,6	–16,2%
Homeland Security	41,3	44,1	+2,8	+6,8%
Housing and Urban Development (HUD):				
HUD gross total (excluding receipts)	46,9	40,7	–6,2	–13,2%
HUD receipts	–10,9	–9,0	+1,9	N/A
Interior	13,2	11,6	–1,5	–11,7%
Justice (DOJ):				
DOJ program level (excluding offsets)	28,8	27,7	–1,1	–3,8%
DOJ mandatory spending changes (CHIMPs)	–8,5	–11,5	–2,9	N/A
Labor	12,2	9,6	–2,5	–20,7%

State, U.S. Agency for International Development (USAID), and Treasury International Programs	38,0	27,1	–10,9	–28,7%
Transportation	18,6	16,2	–2,4	–12,7%
Treasury	11,7	11,2	–0,5	–4,4%
Veterans Affairs	74,5	78,9	+4,4	+5,9%
Major Agencies:				
Corps of Engineers	6,0	5,0	–1,0	–16,3%
Environmental Protection Agency	8,2	5,7	–2,6	–31,4%
General Services Administration	0,3	0,5	+0,3	N/A
National Aeronautics and Space Administration	19,2	19,1	–0,2	–0,8%
Small Business Administration	0,9	0,8	–	–5,0%
Social Security Administration	9,3	9,3	+	+0,2%
Other Agencies	29,4	26,5	–2,9	–9,8%

Обращает на себя внимание, что в приоритетах бюджета США единственные статьи, где предполагается рост (причем существенный) — на оборону и ядерную энергетику (боеприпасы), а самые существенные сокращения:

- на международную помощь;
- дипломатию;
- окружающую среду.

Таблица 1.4.

	2017 CR/ Enacted	2018 Request	2018 Request Less 2017 CR/Enacted Dollar	Percent
Subtotal, Discretionary Base Budget Authority	1,068,1	1,065,4	–2,7	–0,3%
Cap Adjustment Funding:				
Overseas Contingency Operations:				
Defense	65,0	64,6	–0,4	–0,6%
State and USAID	19,2	12,0	–7,2	–37,4%
Other Agencies	0,2		–0,2	–100,0%
Subtotal, Overseas Contingency Operations	84,3	76,6	–7,8	–9,2%

Эта тенденция с высокой степенью вероятности до 2025 года не только сохранится, но и может усилиться. Во всяком случае, правящая элита США ставит такую задачу как общую для демократов и республиканцев на будущее. Таким образом, следует исходить из того, что США будут стремиться остаться (мировым и бесспорным лидером до 2025 года, как минимум, что обеспечит им и лидерство в военно-политической и военно-технической областях⁶³. Более того, это лидерство в военно-технической и в военно-политической области за счет укрепления коалиционной стратегии и опережающих темпов развития науки, вероятно усилится, а ВПО в мире будет неизбежно ухудшаться.

Есть основания полагать, что «общим фоном» развития США в XXI веке будет эскалация ВПО к прямому военному противостоянию к 2025 году, которое на отдельных ТВД, расположенных по периферии российской ЛЧЦ (Украина, Ближний Восток, Центральная Азия, Северо-Восточная Азия) может произойти ранее.

В этой связи важно выделить общие принципы для такого стратегического прогноза, которые, на мой взгляд, необходимы для обоснования этой концепции эскалации ВПО, основной движущей силой которой выступают США. На мой взгляд, эти принципы представлены на рис. 1.20⁶⁴.

Основные (самые общие) принципы стратегического прогноза развития МО и ВПО в XXI веке

- Основными субъектами, влияющими на формирование МО, становятся локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ) и их коалиции и союзы, которые в основном определяют будущие сценарии развития МО и ВПО;
- Наибольшее влияние до 2050 годов сохранит западная ЛЧЦ во главе с США и своими союзниками и партнерами (50–60 государств);
- Международная обстановка (МО) формируется под влиянием четырех основных групп факторов: субъектов МО (ЛЧЦ и государств), акторов ММО; мировых тенденций и развития человеческого капитала и его институтов;
- Военно-политическая обстановка (ВПО) является преимущественно (на 50–75%) следствием развития МО и отчасти следствием развития внутренних факторов и конкретной стратегической обстановки (СО);
- Научный прогноз долгосрочного развития и ВПО возможен и необходим, несмотря на усиление роли субъективных факторов;
- Основными объектами воздействия того или иного субъекта или актора в XXI веке будут:
 - правящая элита;
 - система национальных (цивилизационных) ценностей;
 - силовая корректура политических целей и задач, т.е. (в порядке приоритетности) векторы: «Б»–«Д», «Б»–«А», «Б»–«В»;
- Доминирующие особенности стратегии влияния:
 - системность, комплексность, сочетаемость всех силовых средств и способов;
 - сетцентричность.

Рис. 1.20. Основные (самые общие) принципы стратегического прогноза развития МО и ВПО в XXI веке

Вместе с тем, такое развитие внешней и военной политики США может идти по нескольким конкретным вариантам существующего сценария до 2025 года в рамках известных и сохраняющихся парадигм, а до 2040 года — в рамках уже существенно измененных парадигм мирового и национального развития⁶⁵. Прежде всего, изменения в соотношении сил между ведущими ЛЧЦ и странами-лидерами этих коалиций.

В основе глобальных изменений в отношениях между ЛЧЦ и МО лежат, прежде всего, объективные изменения в соотношении сил между ведущими ЛЧЦ и, как следствие, степени их влияния на МО и ВПО. Так, если взять за точку отсчета 2017 год, то влияние западной ЛЧЦ в основных областях можно оценить как «решающее», которое сохранится, как минимум, до 2030 годов в качестве «очень сильного», но после 2040 года останется просто «сильным» по мере изменения соотношения сил в пользу других ЛЧЦ.

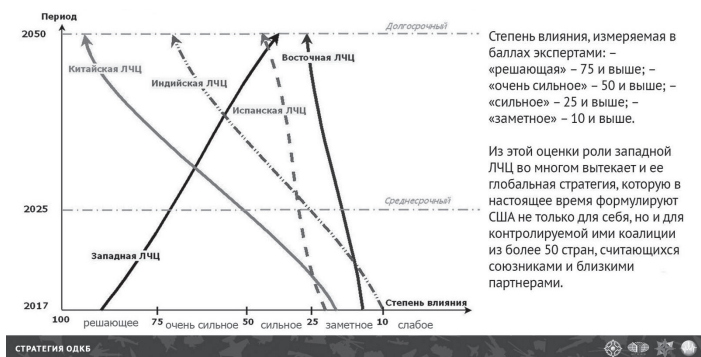

Рис. 1.21. Изменение в соотношении сил между ЛЧЦ
(качественное отличие ВПО от 2017 до 2025 и 2050 гг.)⁶⁶

Иными словами в рамках существующих парадигм мы наблюдаем достаточно динамичное относительное сокращение объемов американской экономики до 2030 года, сопровождающееся неизбежным уменьшением политического влияния и контроля со стороны США. Этот процесс, имеющий, по сути, политико-экономический характер, американский истеблишмент пытается компенсировать (и будет это делать в возрастающей степени до 2030 года) за счет опережаю-

щих темпов научно-технологического развития, роста военной мощи и усиления широкой военно-политической коалиции. В этом — суть стратегии США, получившей название «силовое принуждение» («the power to coerce»).

Споры об уточнении этой стратегии (сценария) развития США, однако, велись в 2016–2017 годы особенно активно. Причем на фоне уже избранной стратегии развития они представляются несколько странными. Во всяком случае, для внешних наблюдателей, большинство из которых в период президентских выборов в США в 2016 году неожиданно столкнулись с феноменом «выбора стратегии» в США.

Но на самом деле это не так. Стратегия правящего класса страны была выбрана, сформулирована и затверждена еще при Б. Обаме и изменить ее не дано никакому президенту или даже части правящей элиты, являющейся его сторонниками. И это подтвердили последующие действия Д. Трампа, который через несколько месяцев уже «пересмотрел» свои обещания относительно России, КНДР и Ирана. Но — надо отдать должное — при всей строгой последовательности в реализации политического курса, — правящая элита США вновь и вновь «проверяет себя» по критерию «стоимость-эффективность» с тем, чтобы в случае необходимости власти быстро внесли необходимые изменения. В частности, если речь идет об экономической эффективности политических средств.

1.3.6). «America First» — программа укрепления военно-политического контроля США в мире

Нам нужна доктрина «принципиального реализма»

*Д. Трамп,
выступление на Генеральной Ассамблее ООН*

Уточнение стратегии США может вести к переходу от одного варианта сценария к другому, но не принципиальному отказу от военно-силового сценария «силового принуждения» до 2025 года. Именно таким уточнением стала «доктрина Трампа», которая означала переход лидерства США из качества «ледокола» (для других представителей

западной ЛЧЦ) в качестве «лидера», использующего других в своих интересах.

Ярким примером этому послужила попытка Д. Трампа «реформировать ООН» в сентябре 2017 года исходя из двух взаимосвязанных соображений: политического — усиление влияния западной коалиции на принимаемые в организации решения; экономического — распространения бремени расходов ООН более равномерно. На самом деле можно легко увидеть, что если сложить доли всех участников западной коалиции, то они могут составить «контрольный пакет» для управления ООН.

Конгресс США утвердил военный бюджет страны на 2018 финансовый год в размере 700 млрд. долл., который по своим общим показателям на 32 млрд. долл. превосходит соответствующий запрос, сформулированный президентом Дональдом Трампом. Редакция Интернет-сайта ЦВПИ попросила **ведущего эксперта Центра, профессора Академии военных наук Российской Федерации В.П. Козина** прокомментировать один из ключевых разделов нового бюджета — раздел, касающийся развития американской противоракетной инфраструктуры.

По его мнению, военный бюджет Пентагона на 2018 финансовый год, начавшийся с 1 октября текущего года и который в суммарном виде достигает 700 млрд. долл., включил статьи расходов, свидетельствующие о более широких амбициях администрации Дональда Трампа в области дальнейшей эволюции глобальной инфраструктуры противоракетной обороны Соединенных Штатов, чем это предполагалось ранее.

Вместо средней величины расходов на указанные цели в пределах 7,5–8 млрд. долл. в год, которые брала на себя администрация Б. Обамы и изначально предполагала выделять республиканская администрация во главе с Дональдом Трампом, в новом американском военном бюджете значится сумма в **12,3 млрд. долл.**, что в полтора раза превышает среднюю величину ежегодного уровня ассигнований на эти цели, достигнутого при президенте Б. Обаме.

Соединенные Штаты в перспективе намерены увеличить количество ракет-перехватчиков стратегического назначения типа «GBI» на своей континентальной части в Аляске и Калифорнии до 104 единиц вместо 44 единиц, которые уже развернуты в названных райо-

нах активного противоракетного противодействия к концу текущего года (собеседник напомнил, что в период президентства Барака Обамы там было установлено в общей сложности 30 ракет-перехватчиков типа «GBI»).

В.П. Козин обратил внимание на то, что новый военный бюджет предписывает Пентагону закупить дополнительное количество ракет-перехватчиков морского базирования БИУС «Иджис», которая показала 82% успешных перехватов учебных баллистических и крылатых ракет меньшей и средней дальности, а также для мобильной системы ПРО ТВД «ТНААД» наземного базирования, используемой для заатмосферного перехвата ракет, которая до настоящего времени продемонстрировала 15 успешных перехватов таких ракет из 15 проведенных реальных испытаний.

Это будет означать, что в ближайшие годы Соединенные Штаты выйдут на уровень **1686 ракет-перехватчиков стратегического назначения** (без учета ЗРК ПВО/ПРО «Пэтриот»), включая:

- 152 противоракеты наземного базирования (104 единицы на континентальной части страны и 48 единиц на операционных базах ПРО в Румынии и Польше, то есть по 24 противоракеты в каждом случае);
- 910 ракет-перехватчиков на 35 крейсерах и эсминцах ВМС США, оснащенных БИУС «Иджис» (при этом надо учитывать, что общее количество таких кораблей к 2040–2041 году составит от 86 до 94 единиц);
- плюс 624 противоракеты системы ПРО ТВД «ТНААД» (336 единиц на континентальной территории США и 288 единиц для размещения в ОАЭ, Саудовской Аравии, Южной Кореи и Японии).

Таким образом, общее количество указанных ракет-перехватчиков американского производства превысит **в 2,4 раза** уровень 700 оперативно развернутых российских носителей стратегических ядерных вооружений, остающихся к 5 февраля 2018 года по Договору СНВ-3.

Суммарное же количество ракет-перехватчиков системы ПРО, находящихся под непосредственным контролем и управлением США (1062 единиц), превысит 700 оперативно развернутых российских стратегических ядерных носителей **в 1,5 раза**.

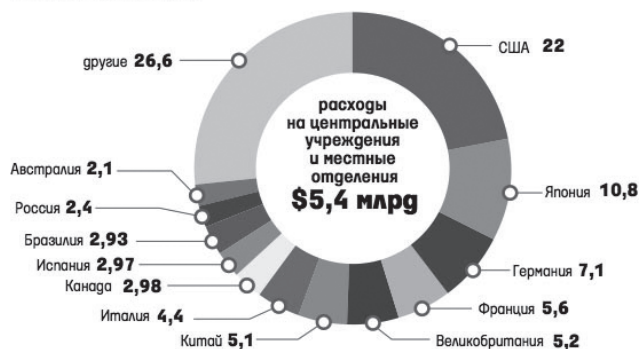
Военный эксперт ЦВПИИ пояснил, что указанные данные, при анализе которых была использована официальная информация

Конгресса и Министерства обороны США, отражены с учетом минимального развертывания американских ракет-перехватчиков указанных типов.

В.П. Козин также отметил, что американские эксперты зачастую «снабжают» определенную категорию российских «аналитиков» значительно заниженными данными о нынешнем состоянии и перспективном развитии ударно-боевых средств американской глобальной системы ПРО, стремясь ввести российскую сторону в заблуждение. При этом такие «аналитики» забывают принимать во внимание реально существующую органическую связь между стратегическими наступательными (СНВ) и стратегическими оборонительными вооружениями (ПРО).

Но с точки зрения целесообразности гарантированного сохранения стратегической стабильности и стратегического паритета такая «забычивость» может иметь весьма негативные последствия.

ОСНОВНЫЕ ДОНОРЫ, %

ОПЕРАЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА*

Число текущих операций	16
Военный и полицейский персонал	95 544 человек из 127 стран
Гражданский персонал	15 153**
Добровольцы ООН	1597
Число погибших в текущих операциях	1815
Бюджет на период 1.07.2016 – 30.06.2017	\$7,87 млрд

* по состоянию на 30 июня 2017 г. ** по состоянию на 28 февраля 2017 г.

источник: ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ООН

Рис. 1.22. Финансирование и расходы ООН⁶⁷

Примером такой дискуссии стала очередная работа РЭНД, опубликованная в феврале 2017 года, где рассматриваются три принципиальные теоретически возможные глобальные стратегии развития США и возможные их последствия. Как видно из матрицы, теоретически возможными считаются многие варианты, хотя на практике они превращаются в варианты одного и того же, а именно, — военно-силового сценария противоборства США в мире за сохранение своего контроля над созданной ими военно-политической и финансово-экономической системами.

Таблица 1.5. Стратегии и последствия

Strategy Chosen	«Домой Америка» («Come Home America» Assumptions Come to Past)	«Незаменимая страна» («Indispensable Nation» Assumptions Come to Pass)	«Проворная Америка» («Agile America» Assumptions Come to Pass)
«Домой Америка» («Come Home America» Domestic renewal, international restraint)	Best	World more threatening to U.S. interests; nation underinsured	Insufficient innovation; others define rules of global trade
Незаменимая страна» («Indispensable Nation» Promoter of world order)	Worth less threatening; drained resources: nation overinsured	Best	U.S. indebted; economic growth suffers; U.S. not well positioned for new opportunities
«Проворная Америка» («Agile America» Adapt and compete in a changing world)	Drained resources; U.S. actions create tensions where they may not have existed	Others lead or chaos spreads	Best

Разница в «стратегиях поведения» США по сути дела условна. Она не ставит под сомнение главный приоритет — американский контроль, — но только заставляет лишний раз задуматься о его цене и последствиях. Таким образом, главное в любом сценарии развития США до 2025 года это признание стратегической цели — сохранения контроля США над ВПО — и признание огромного превосходства США над другими субъектами МО в ресурсах (средствах и способах) обеспечения такого контроля.

Теоретически возможных сценариев развития МО и военной политики США может быть бесконечное множество. Прежде всего, за счет появления все новых субъективных факторов и развития новых тенденций, но их вероятность очень невелика: существующие в 2017 году факторы и тенденции во многом детерминируют развитие внешней и военной политики США до 2025. Так, нам известны настроения большинства членов Конгресса США, голосовавших в августе 2017 года против России, Ирана и КНДР, а также отношение в целом американского истеблишмента, как и объем ВВП, численность населения и ВС США и других стран.

Другими словами, мы можем оставить среди всех возможных сценариев развития США и ВПО только наиболее вероятные, которых я обнаружил всего-навсего три: сценарий № 1 (условно называемый «войной»), сценарий № 2 (условно — «военно-силовое противоборство») и сценарий № 3 (условно — «попытки ограниченного сотрудничества»). Причем вероятность реализации этих сценариев — очень разная. Так, для сценария № 3 я отведу не более 5%, для сценария № 1 — не более 15%, а для сценария № 2 — порядка 80%.

Но и это еще не конец анализа, а только самое начало процесса потому, что именно этот наиболее вероятный сценарий (сценарий № 2), может, в свою очередь делиться на варианты его конкретной реализации. Условно их можно было бы назвать:

- вариант № 1 (Б. Обама);
- вариант № 2 (Д. Трампа, декларируемый);
- вариант № 3 (Д. Трампа, реальный), которая является на самом деле промежуточным вариантом первого и второго.

На логической схеме это можно представить следующим образом:

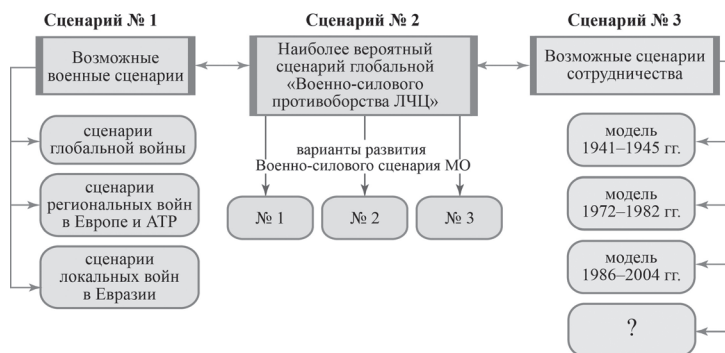

Рис. 1.23. Вероятные сценарии развития США и ВПО до 2025 года⁶⁸

Из предлагаемого рисунка делается следующий долгосрочный прогноз:

- возможные сценарии и их варианты прямого военного противоборства западной ЛЧЦ с Россией полностью не исключаются, но слишком рискованны и дороги, а поэтому маловероятны;
- возможные сценарии сотрудничества с западной ЛЧЦ крайне маловероятны из-за того, что не ожидается складывание внешних условий, угрожающих западной ЛЧЦ, которые всегда являлись основой для такого сотрудничества.

Другими словами эти сценарии могут перейти из категории «возможные» в категорию «вероятные» только в случае появления прямых и непосредственных угроз западной ЛЧЦ (например, войны с исламской ЛЧЦ или китайской ЛЧЦ, либо глубокими внутривнутриполитическими - этническими и пр. - кризисами);

- наиболее вероятным, таким образом, остается на 2018–2025 годы сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ», который остается, если использовать метод исключения других, менее вероятных сценариев.

Очевидно, что развитие ВПО в мире и военной политики США тесно взаимосвязано. Этот факт диктует необходимость разделения прогноза развития всей международной и военно-политической обстановки и сценария развития США как на отдельные конкретные варианты этого базового сценария, так и, как минимум, на два

периода — период до 2025 года и на период 2025–2040 годов. Причем второй период в реальности уже учитывается при принятии политических решений и военных программ.

Первый период — 2018–2025 годы — достаточно благополучный и возможно успешный для США, характеризуется сохранением и даже возможным упрочнением их роли в мире. И не только в экономической и научно-технической областях, но и в целом — в политике и экономике — даже на фоне быстрого роста других центров силы, прежде всего Китая и Индии. Этот рост объясняется, прежде всего, внешнеполитическими и экономическими причинами, однако и технологически, и политически, и в военном плане США будут оставаться бесспорными мировыми лидерами. Более того, учитывая огромный научный и технологический задел, сделанный в предыдущие годы, США смогут даже увеличить свое экономическое лидерство, что становится прямой целью Д. Трампа, заявляющего о необходимости 3,5% роста ВВП США в будущем.

Этот период будет достаточно инерционным не только с точки зрения роста экономики США (3–3,5% в год), но и военной мощи, которая будет расти быстро, но относительно пропорционально, не выходя за границы «нормальных» величин относительно ВВП страны.

В военной области я ожидаю пропорциональное и достаточно быстрое увеличение военной мощи, прежде всего, за счет роста расходов на ВВС и военный космос, что, в принципе, подтверждается запросами администрации на 2018 ф.г.

Общая тенденция усиления военной мощи США при Д. Трампе понятна: быстрый рост военных расходов без радикальных изменений в структуре ВС. Это видно уже в первый год его администрации.

Таблица 1.6. Структуры ВС США (изменения при Д. Трампе)⁶⁹

Service	FY 2017 Estimate*	FY 2018	Delta FY17-FY18
Army Active			
Brigade Combat Teams (BCT)	31	31	–
Combat Aviation Brigades (CAB)	11	11	–
Army National Guard			

Service	FY 2017 Estimate*	FY 2018	Delta FY17-FY18
BCT	26	26	—
CAB/Aviation Restructure Initiative	8	8	—
Army Reserve			
CAB/Theater Aviation Brigade	2	2	—
Navy			
Number of Ships	282	292	+10
Carrier Strike Groups	11	11	—
Marine Corps Active			
Marine Expeditionary Forces	3	3	—
Infantry Battalions	23	24	+1
Marine Corps Reserve			
Marine Expeditionary Forces	—	—	—
Infantry Battalions	8	8	—
Air Force Active			
Combat Coded Squadrons	40	40	—
Aircraft Inventory (TAI)	4,101	4,015	—86
Air Force Reserve			
Combat Coded Squadrons	3	3	—
Aircraft Inventory (TAI)	326	328	+2
Air National Guard			
Combat Coded Squadrons	21	21	—
Aircraft Inventory (TAI)	1,090	1,073	—17

* FY 2017 reflects projected force structure in request for additional appropriations.

При этом не только бюджет, но и силы специальных операций (ССО) сохранятся на высоком уровне 2016 года, хотя их дальнейшее развитие и участие крупных контингентов ВС США до 2025 года маловероятно. В идеале это будут существующие силы ССО, но — это важно! — с существенным участием союзников США по коалиции.

Достаточно быстро рост военного бюджета США за 7–8 лет возможной администрации Д. Трампа (или другого президента США) будет означать, что к 2025 году национальные военные расходы могут достигнуть 1000 млрд. долл., а коалиционные, — 1500 млрд. долл. при незначительном росте численности ВС США.

«Взлеты» периодов корейской войны, правления Р. Рейгана и Дж. Буша — Б. Обамы, сопровождались снижением численности ВС США, которая в итоге стабилизировалась на уровне 1,4 млн. чел., но на которых стало приходиться более 50% всего бюджета.

Рис. 1.24. Бюджет министерства обороны США и численность ВС с 1948 по 2017 год⁷⁰

Эти результаты военной политики будут особенно заметны на фоне относительно скромных результатов развития союзников США по коалиции в ЛЧЦ, что еще больше укрепить их позиции в качестве лидера. В ее основе — западная ЛЧЦ и центр силы, — которые представляют собой по сути блок для борьбы за власть и мировые ресурсы. Еще С. Хантингтон писал, что «Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно ее будущего облика: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций-государств под напором разнонаправленных тенденций — к трайбализму и глобализму — и др. Каждая из этих версий ухватывает отдельные аспекты нарождающейся реальности. Но при этом утрачивается самый существенный, осевой аспект проблемы.

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов»⁷¹.

Эти «линии разлома» будут определяться, прежде всего, демографически и экономически. Неравномерность демографического развития ведет к неравномерности экономического развития потому, что темпы роста ВВП, его объем, качество и пр. показатели зависят в XXI веке, прежде всего, от количества и качества НЧК (от 70 до 90%), а прирост — фактически только от НЧК. Соответственно, например, подготовка по 300 млн. студентов в КНР и Индии за 2000–2017 годы означает не только сохранение высоких темпов роста ВВП, но и их ускорение в будущем.

И, наоборот, сокращение активного населения в экономике страны, не смотря на технологические достижения, неизбежно ведет к стагнации. Этот фактор стал наиболее влиятельным фактором, демонстрирующим темпы развития государств.

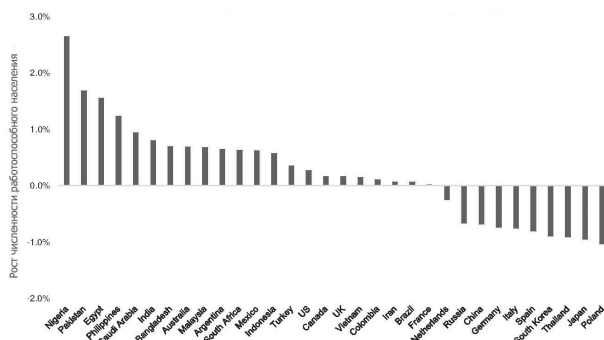

Рис. 1.25. Оценки ООН численности работоспособного населения (по странам) до 2025 года⁷²

Изменения в демографии и экономике неизбежно влекут за собой геополитические изменения, которые будут формировать для политики США новую среду до 2025 года. Причем динамика этих изменений ожидается очень быстрой, что связано, прежде всего, с революцией в информационно-коммуникационной среде. В этом плане среднесрочная перспектива — 5–7 лет — может радикально сказаться на ВПО и внешних условиях политики США, что показательно демонстрирует динамика численности пользователей интернетом за 7 лет

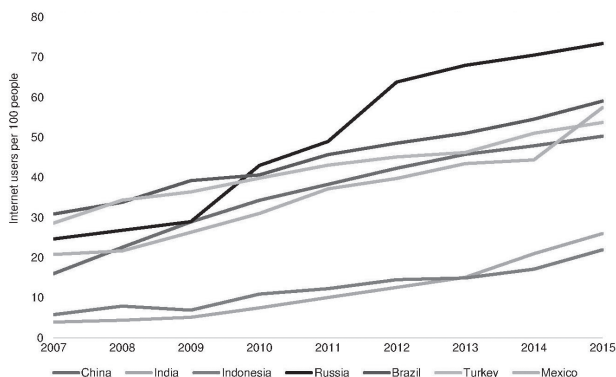

Рис. 1.26. Рост числа пользователей интернетом в развивающихся странах⁷³

Грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире. На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, оформившего современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государствами — королями, императорами, абсолютными и конституционными монархами, стремившимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное — присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации государства, и, начиная с Великой Французской революции, основные линии конфликтов стали пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В 1793 г., говоря словами Р.Р. Палмера, «войны между королями прекратились, и начались войны между народами»⁷⁴. Именно поэтому исключительно важное значение для состояния ВПО приобретают внутренние проблемы государств, пре-

жде всего, внутривполитическая стабильность и состояние общества, которое в США отнюдь не идеально.

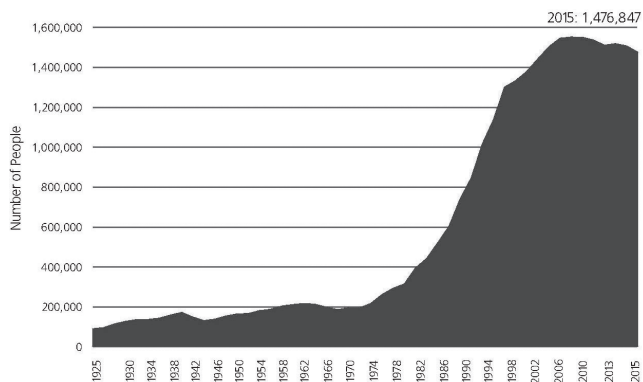

Рис. 1.27. Численность заключенных в федеральных тюрьмах США (1925-2015 гг.)⁷⁵

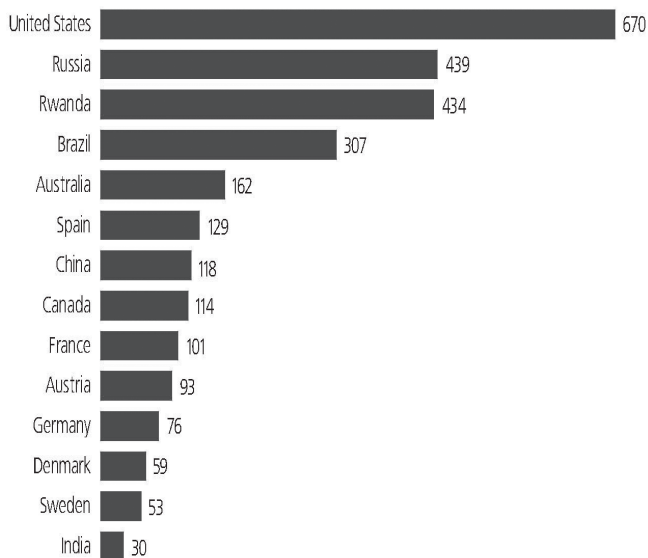

Рис. 1.28. Численность преступников на 100,000

В частности, речь идет о стремительном усилении межнациональных конфликтов, которые в 2014–2017 годы охватили все регионы США, росте преступности, которая перешла все границы, увеличившись за последние десятилетия в 7–8 раз.

Практически это означает, что при анализе соотношения сил необходимо учитывать не только потенциал собственно США и их союзников по НАТО, но и других стран (более 60-ти) членов коалиции. Так, например, в Европе, авиатор коалиции включает в себя на севере континента не только самолеты Дании и Норвегии, но и Швеции (201 ед. «Грипен» — истребители, 13 ед. — военно-транспортных и 80 учебно-тренировочных, а также 34 вертолета) и Финляндии (61 ед. истребителей F/A-18C «Хорнет, 28 учебно-тренировочных, 3 транспортных и 65 вертолетов).

1.3.в). Военно-технические возможности США по контролю будущей военно-политической обстановки

Войну провоцирует не сила,
а слабость объекта нападения⁷⁶

*А. Орлов,
эксперт*

Для решения задач по укреплению военно-политического контроля США в мире необходим широкий комплекс военно-технических средств и мер, который в совокупности означает вполне определенное состояние военного превосходства США на всех основных ТВД в мире. Такое превосходство не может быть обеспечено только количественными усилиями, тем более по отношению к таким новым центрам силы как Китай, Индия и исламская ЛЧЦ, что хорошо понимают в Вашингтоне, где рассчитывают на свои опережающие темпы технологического развития и обеспечение на этой основе военно-технического превосходства по всему спектру ВВСТ.

Планирование в оборотной сфере США до 2025–2035 годов показывает, что в США ускоренно ведутся работы по повышению эффек-

тивности использования вооруженных сил и вооружений в новых условиях ВПО, которые вытекают из усиления значения отдельных ЛЧЦ. В частности, в докладе КНШ «Объединенная оперативная обстановка (JOE) 2035» говорится «трех фундаментальных секторах, определяющих будущую оперативную обстановку»⁷⁷ (*Organization JOE 2035 consists of three sections that align to the three foundational questions set out in the purpose*):

Секция № 1 «Будущая система безопасности в 2035» (Section 1: The Future Security Environment 2035), которая отражает новые реальности в трех областях — мировом прядке, геополитике и науке и технологиях, которые изменяют «пространство безопасности» к 2035 году.

Секция № 2 «Содержание будущих конфликтов» (Section 2: Contexts of Future Conflict), которая прогнозирует каким образом указанные выше тенденции повлияют на характер будущих военных конфликтов.

Секция № 3 «Влияние на развитие Вооруженных сил» (Section 3: Implications for the Joint Force), которая характеризует задачи объединенных вооруженных сил. Так, создание в США потенциала ВКН требует от России создания потенциала защиты от этих средств. Для иллюстрации предлагается картинка того, как в США представляют это потенциал сегодня. (Рис. 1.29)

Как видно из перечня, развитие военно-политической мысли США проходит строго логически от анализа МО и ВПО к состоянию СО, войн и конфликтов, т.е. методология развития военного искусства в США аналогична той, которую мы используем в работе. Более подробно она будет рассматриваться в других разделах. Здесь же обращаю внимание читателя на то, что логика развития ВПО в США совпадает с нашей, что позволяет предполагать и о возможности использовать схожие приемы для стратегического прогноза.

В основу анализа и прогноза до 2025 года развития ВВСТ США положено предположение о том, что в среднесрочной перспективе 5–7 лет можно достаточно определенно судить как о количестве, так и о качестве военно-технической и военно-технологической мощи США и западной коалиции, которая может измениться в большую сторону количественно на 50–70% до 2025 года.

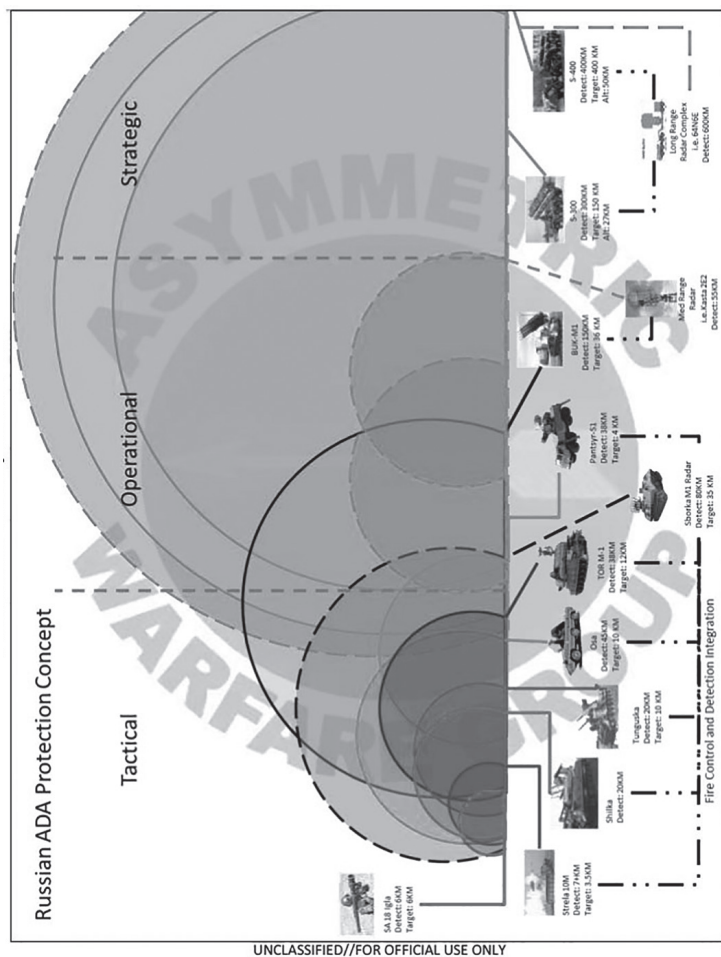

Рис. 1.29. Российский потенциал ПВО-ПРО⁷⁸

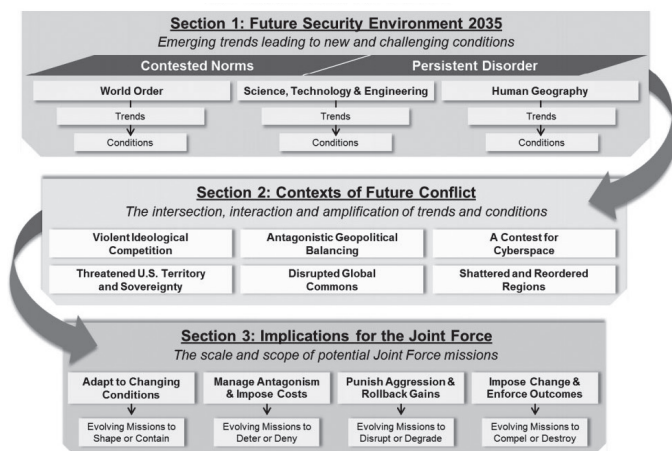

Рис. 1.30. The Organisation of JOE 2035

Этот прогноз основан на существующих оценках экономической мощи, а также имеющейся информации о планах военного строительства в США до 2025 года. Причем этот «прирост» будет обеспечен как за счет роста военного бюджета США предположительно в среднем на 30–50 млрд. долл. в год, так и за счет увеличения военных расходов союзников США.

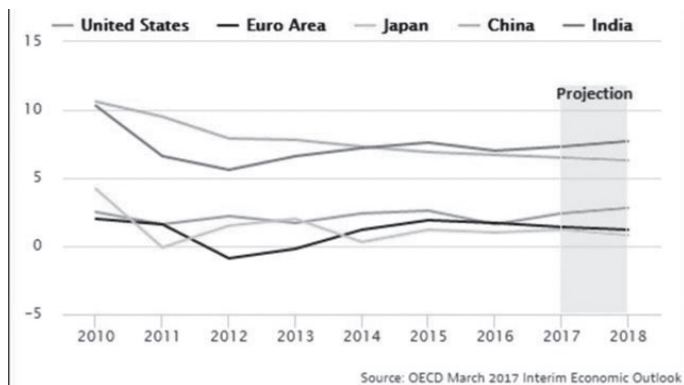

Рис. 1.31. Рост крупнейших экономик мира, %

В США, согласно прогнозу ОЭСР, внутренний спрос усилится благодаря росту благосостояния домохозяйств и политике администрации Д. Трампа. Рост ВВП, как минимум ускорится до 2,4% в 2017 году и до 2,8% в 2018 году за счет ожидающегося увеличения бюджетных расходов. Это контрастирует с умеренными темпами роста, которые сохранятся в еврозоне: ВВП 19 стран блока увеличится на 1,6% в 2017 и 2018 гг.

В Японии финансовое стимулирование и более активное участие женщин в рабочей силе помогут ускорить рост экономики до 1,2% в 2017 году по сравнению с 1% в 2016 г.

Рост в Китае, как ожидается, замедлится с 6,7% в 2016 г. до 6,5% в 2017 г. и до 6,3% в 2018 г., а до 2025 года, вероятно, снизится до 5,0–5,5%, поскольку КНР осуществляет переход от ориентации на внешний спрос и тяжелую промышленность к ориентации на внутреннее потребление и сферу услуг⁷⁹.

Таким образом, на фоне других государств до 2025 года относительная экономическая мощь США увеличится, а в рамках западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции это усиление позиций США будет еще более заметным.

Несколько сложнее обстоят дела с прогнозом качества ВВСТ и их боевой эффективности, которых за 5–7 лет могут существенно возрасти за счет модернизации систем боевого управления, связи и разведки, а также специальных систем, которые могут появиться в вооруженных силах США. Следует признать, что в целом система принятия решений о создании тех или иных ВВСТ в США достаточно эффективна. Так, на примере создания универсальной ракеты класса «воздух-поверхность» в интересах ВМФ и корпуса морской пехоты (запускаемой с вертолетов и БПЛА с высокой точностью) можно увидеть процедуру основных этапов принятия решений.

Рис. 1.32.

Как видно из рисунка, еще на стадии разработки концепции и принятия решения о начале разработки выделяются «контрольные

периоды», которые занимают от 6 месяцев до года. Этапом становится решение о производстве, которое, однако, делится на отдельные периоды — «низкого уровня» (предварительное), оценки бюджета и начало операционных испытаний. И только после этого принимается «окончательное» решение⁸⁰.

Например, орбитальных ударных спутников, находящихся достаточно долгое время на орбите 150–400 километров.

Есть основания полагать, что до 2025 года основными направлениями военно-технического развития США будут следующие:

Основные военно-технические направления США

Основной акцент периода 2018–2025 годов будет сделан на завершении военно-технических программ, начатых в прежние годы. Для обеспечения эффективности своей силовой политики США требуются военные гарантии прежде всего в отдельных регионах, таких, например, как Евразия, которые выражаются в наличии превосходства как в военной мощи, так и в качестве ВВСТ. Поэтому предполагается относительно равномерное распределение внимания и средств между всеми видами ВС с некоторым акцентом на ВВС.

Прежде всего речь идет о средствах воздушно-космического нападения (ВКН), эффективность которых за последние 20 лет резко возросла. Так, если сравнивать две войны США в Ираке (1991 г. и 2003 г.), то получается, что в 2003 году значительно меньшими силами (менее 1000 самолетов в 2003 г. и более 2000 самолетов в 1991 г.), в меньшие сроки (21 день и 38 дней соответственно) было уничтожено почти в 5 раз больше целей (19900 объектов против 4500). Эта тенденция усилилась в последние годы, превратив средства ВКН в основной вид ВС США.

В этой связи обращает на себя внимание массированное строительство в области средств ВКН, предпринятое США в последние годы и рассчитанные до 2025 годов.

Особое значение будет приобретать массовое создание таких видов ВТО как КРМБ и КРВБ, а также гиперзвуковые средства ВКН. По оценке генерального конструктора Концерна «Алмаз-Антей» Соколов П.А., это выглядит следующим образом.

Рис. 1.33. Основные военно-технические направления США⁸¹

Начальник РУМО США генерал Стюарт в августе 2017 года на ежегодной конференции довольно кратко охарактеризовал поколения войн (warfare generations), которыми сегодня оперируют американские историки и специалисты в военном деле. Правда, он ни словом не упомянул о том, что сейчас уже идут разговоры и о войнах шестого поколения.

Концепция деления войн на поколения появилась в США еще в 80-х годах прошлого столетия. Ее представила в статье «Газеты Корпуса морской пехоты» группа американских аналитиков, в которой был описан изменяющийся характер современных войн. В состав этой группы входил директор Центра культурного консерватизма (Center

for Cultural Conservatism) при экспертно-аналитическом центре Free Congress Foundation, специалист по военной истории, эксперт по вопросам внешней и внутренней безопасности США, борьбе с терроризмом, а также по американской геополитике Уильям Линд, ставший главным идеологом новой теории типологии войн⁸².

При анализе эволюции задач американской морской пехоты Линд ввел разделение войн на четыре поколения. Войну первого поколения он описывает как боевые действия, ведущиеся линейным строем с применением гладкоствольного огнестрельного оружия. Ко второму поколению были отнесены позиционные войны с артиллерией, пулеметами, бронемашинами, танками, окопами и другими полевыми фортификационными сооружениями. В третье поколение войн Линд включил блицкриг, то есть скоротечную войну, в которой победа достигалась в короткие сроки, исчисляемые днями, неделями или месяцами, до того, как противник сумел мобилизовать и развернуть свои основные военные силы. В такой войне наступающие войска стремились окружить противника и отрезать его от коммуникаций. Главными видами наступательных вооружений в войне этой категории были танки и авиация. Войну четвертого поколения Линд описывает как боевые действия небольших подразделений войск, вооруженных последними образцами вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) и способных успешно проводить серии отдельных целевых операций⁸³.

Первая революция в военном деле произошла тогда, когда враждующие стороны стали применять специально изготовленное холодное оружие — копья, мечи, луки, стрелы, а затем и доспехи. Три с половиной тысячи лет из пяти тысяч лет существования цивилизации на нашей планете войны представляли собой рукопашное противоборство с применением холодного оружия.

Только в прошлом тысячелетии, в XII–XIII вв. н.э., первое поколение войн уступило место войнам второго поколения. Переход к этому виду войн был связан с появлением пороха и огнестрельного оружия. Произошел коренной переход от одного типа войн к другому. Войны второго поколения тоже имели контактный характер, но поражение противника огнестрельным оружием могло быть осуществлено с дистанции, измеряемой дальностью выстрела. Войны второго поколения велись примерно в течение 500 лет.

200 лет назад было изобретено нарезное оружие. Оно имело большую точность при поражении целей, было более дальнобойным, многозарядным и разнокалиберным. Это привело к третьей эволюции характера боевых действий и к появлению войн третьего поколения. Теперь войны приобрели окопный характер, и для их ведения требовались многочисленные воинские контингенты, личный состав которых обладал навыками владения новыми видами вооружений.

Более 100 лет назад было изобретено автоматическое оружие, которое стало устанавливаться на танки, самолеты, корабли и подводные лодки. Так появились войны четвертого поколения, которые стали вестись на гораздо больших дистанциях, определяемых дальностью поражения целей новыми вооружениями. Такие войны приобрели стратегический размах. Для ведения этих войн тоже необходимы воинские подразделения, укомплектованные большими количествами живой силы, вооружений и военной техники. Войны четвертого поколения ведутся и в настоящее время.

В 1945 году произошла пятая революция в военном деле. Она привела к появлению ракетного и ядерного оружия, а с ними — и к возможности ведения бесконтактной ракетно-ядерной войны пятого поколения. Сейчас некоторые страны, обладающие таким оружием, и прежде всего США, находятся в постоянно высокой готовности к ведению этой войны. Но к способам ведения войны данного типа сегодня начинают очень близко примыкать информационные формы и методы воздействия на противника и лишения его возможности управления государством, экономикой и ВС. К противодействию именно таким методам нападения на США и призвал готовиться Пентагон генерал Стюарт⁸⁴.

В последнее десятилетие прошлого века началась новая, шестая революция в развитии военных технологий. Она связана с появлением высокоточного оружия, а с ним — и бесконтактных войн нового, шестого поколения. Такие войны характеризуются тем, что нападающая сторона с помощью длительных массированных ударов может уничтожить управленческие структуры и экономику любого противника в любом регионе планеты.

Сегодня ни у одной страны мира, включая США, нет необходимых ресурсов для ведения полномасштабной войны шестого поколения. Теоретики называют это поколение войн войнами будущего.

Сегодня все вооруженные конфликты, происходящие на планете, имеют характер войн либо четвертого, либо, в определенной степени, пятого поколения. На современном этапе в мире идет непрерывный процесс военно-технических революционных преобразований в военном деле, но, по оценкам экспертов, для полноценного перехода на новый уровень военного искусства потребуется 10–15 и даже более лет⁸⁵.

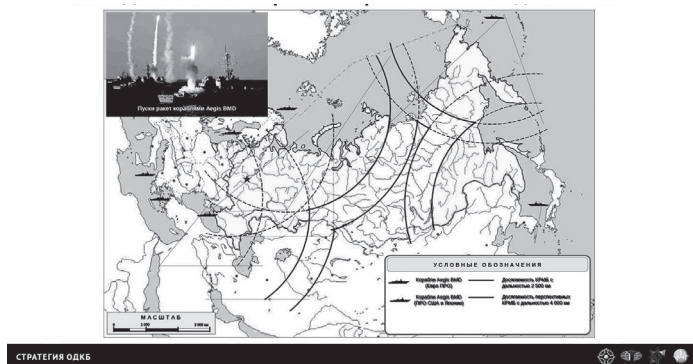

Рис. 1.34. Зоны досягаемости крылатых ракет большой дальности⁸⁶

Это направление военно-технической политики США обозначилось достаточно ясно еще с 90-х годов прошлого века: параллельно с развитием потенциала первого удара создается потенциал защиты от ответного удара не только о потенциально опасных держав — КНР, КНДР и Ирана, — но и России. Этим объясняется настойчивость запоздалых, но упорных с начала нового века усилий российского руководства добиться защиты от такого нападения.

ЗРК С-300П для Войск ПВО в 2000-х годах модернизировали: ракеты семейства В-500 (5В55 и ее модификаций) сменили усовершенствованные 48Н6Е и 48Н6Е2 с дальностью перехвата 150 и 200 километров соответственно. Комплексы обозначили С-300ПМУ. В таком варианте ЗРК могли уверенно бороться с БР малой и средней дальности.

Третье поколение комплекса С-300ПМ вооружили легкими высокоскоростными самонаводящимися ракетами 9М96 и 9М100 средней и малой дальности соответственно, а также средствами, обеспечивающими их боевое применение. Эти ЗРК переходного к С-400 типа получили обозначение С-300ПМУ-1 и С-300ПМУ-2.

Четвертое поколение комплексов ПВО С-400 (изначально С-300ПМУ-3) вооружили ракетами 40Н6 разработки МКБ «Факел» с дальностью перехвата 400 и 185 километров по высоте. Комплекс С-300В4 получил на вооружение ракеты большой дальности 9М82М и 9М82МД разработки ОКБ «Новатор» с дальностью пуска 200 и 400 километров соответственно. Контейнеры со старыми и новыми боеприпасами на вид неразличимы. Вполне возможно, что новые ракеты большой дальности есть в российских дивизионах С-300 ВМ и С-400, размещенных в Сирии.⁸⁷

Промашка «Патриота»

Усилия, предпринятые инженерами «Рейтеона» при разработке новой модификации «Томагавк» Block 4 по снижению ЭПР ракеты, увенчались серьезным успехом. Фюзеляж и аэродинамические поверхности были выполнены по технологии «Стелс» из углепластиковых материалов в отличие от предыдущих модификаций Block 1-3 из алюминиевых сплавов. В результате ЭПР снизили на порядок: с 0,5 до 0,01 квадратного метра, а с фронтальных проекций и того больше — с 0,1 до 0,001. Если СНР 9С32 уверенно «возьмет на АС» старые ракеты на дальности 22–25 километров, то новые — на 7–9 километров в зависимости от курса цели и при благоприятных рельефных условиях (равнина без растительности). Опытный, подготовленный расчет СНР с крепкими нервами успеет выстрелить дважды — поразит до 12 целей с расходом 12–16 ЗУР из расчета на батарею. Да, расчеты дальности пуска на первый взгляд настораживают, но необходимо учесть, что ни один западный

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗУР					
	ММ-104С/РАС-2	ММ-104F/ERINT /РАС-3	ТНААД	48Н6ЕЗ/ С-300ПМУ С-400	40Н6Е/С-400
Длина ракеты	5,31 м	5,2 м	6,17 м	7,5 м	9,21 м
Размах стабилизаторов	920 мм	514 мм	370 мм	1125 мм	1050 мм
Диаметр мишеля ракеты	410 мм	254 мм	340 мм	519 мм	448 мм
Стартовый вес	900 кг	320 кг	900 кг	1835 кг	1893 кг
Скорость полета	М5 1600 м/с	М5+ 1750 м/с	М8,85 2800 м/с	М8,47 2500 м/с	М8,85 2800 м/с
Досегаемость по высоте	60–24 000 м	15 000 м	150 км	10–27000 м	10м–185 км
Дальность пуска	4,1–70 км	20 км	200 км	3–250 км	3–400 км
Двигатель	РДТТ Thiokol TX-486 -1	РДТТ Pratt & Whitney	РДТТ Pratt & Whitney	РДТТ	РДТТ
Боевая часть	Осколочно-фугасная М248 91 кг ММ-104D: 84 кг	Кинетическая типа Hit-to-kill	Кинетическая типа Hit-to-kill	Осколочно-фугасная 180 кг	Осколочно-фугасная 60 кг
Таблица составлена по материалам западных СМИ					

Рис. 1.35. Тактико-технические характеристики ЗУР

современный и даже перспективный ЗРК неспособен устойчиво «взять на АС» столь малую цель. К тому же запасы снижения ЭПР «Томагавка» исчерпаны полностью⁸⁸.

Наиболее совершенный комплекс франко-британского производства средней и большой дальности морского базирования РАAMS Aster-15/30 тестировался пять лет — по май 2001 года. Во время этих испытаний проводились стрельбы по мишеням различных типов, имитирующих самолет, КР и БРСД. Самыми распространенными были Aerospatiale C.22 и GQM-163 Coyote. Первые имитировали звуковую КР, вторые — сверхзвуковую ПКР. Обе мишени довольно крупные и угловатые, имеют ЭПР от 1 до 5 квадратных метров. Для примера: F-16 с подвешенными на пилонах боеприпасами имеет фронтальную проекцию 1,7 квадратного метра, ТУ-160 — 1 квадратный метр. Вероятнее всего, цели с ЭПР на несколько порядков меньше ЗРК РАAMS просто не заметит.

Как видно из рисунка, возможное нападение с помощью ВТО с разных стратегических направлений позволяет достичь всех основных районов базирования сил и средств ответного удара со стороны России, обеспечив эффект как «обезглавливающего», так и «обезоруживающего» удара со стороны США.

Примечательно, что применение КРМБ США против авиабазы в Сирии показало высокую эффективность этих средств, прежде всего, потому, что их обнаружение на высоте менее 50 метров практически невозможно, а вход в возможную зону перехвата ограничен минутами. Это означает, что России предстоит создать широкую сеть РЛС и средств поражения, способных обнаружить и уничтожить КР всех типов базирования, а также возможный потенциал гиперзвуковых ракет.

Как видно из рисунка ниже ассортимент таких средств и их количество у США стремительно возрастает, что делает противоборство с ними в наиболее приоритетной задаче для России. Именно к 2025–2030 годам можно отнести складывание такой СО в мире и в отношениях США с Россией, когда может появиться реальная возможность безнаказанного массированного удара по территории нашей страны, последствия которого будут аналогичны последствиям бомбардировок Гамбурга (1943 г.) и Дрездена (1945 г.), т.е. гибели сотен тысяч жителей.

Рис. 1.36. Развитие средств воздушно-космического нападения вероятного противника

Примерно к этому же периоду планирует развернуть эшелонированную и глобальную систему ПРО США и их союзников, способную перехватывать на разных участках полета средства ответного удара России.

Эксперт ЦВПИ МГИМО В. Козин предупреждает о том, что «Вашингтон форсирует программы, связанные с модернизацией тактического ядерного оружия (ТЯО). Национальное управление ядерной безопасности (NNSA) Министерства энергетики США сообщило вчера об очередных успешных испытаниях атомной бомбы B61-12 (без ядерного заряда), которые проведены в штате Невада еще 8 августа с.г. Почему информация об испытаниях появилась только сейчас, неизвестно. Но она практически совпала с тем моментом, когда в мире стали обсуждать состоявшийся утром во вторник запуск Пхеньяном баллистической ракеты, которая пролетела над территорией Японии, где дислоцируются военные базы Пентагона»⁸⁹.

Угрозы, которые несут ракетные и ядерные программы КНДР, вызвали соответствующую реакцию в Южной Корее. В Сеуле оппозиционная партия «Свободная Корея» объявила, что будет добиваться размещения в стране американского ТЯО, которое было выведено из этой страны в 1991 году. Этот вопрос обсуждался еще осенью 2016 года в консультационном совете при президенте Южной Кореи. Прежний президент США Барак Обама к подобным идеям относился

весьма сдержанно. Однако не исключено, что новый глава Белого дома Дональд Трамп поддержит размещение ТЯО на военных базах США на Корейском полуострове, а может, и на объектах Пентагона в Японии, а также в других регионах мира. Он уже заявил недавно, что «США останутся самой мощной ядерной державой, так как другие страны не отказываются от атомного оружия». Данное заявление прозвучало спустя три дня после того, как в Неваде испытали тактическую ядерную бомбу B61-12.

США являются единственным государством, которое размещает ядерное вооружение за пределами национальной территории, в том числе в четырех странах Европы и на азиатской части Турции. Западные СМИ писали, что бомбы B61-12 пополнят ядерные арсеналы НАТО в ФРГ, Италии, Бельгии и, возможно, в Польше, чего сейчас активно добивается Варшава⁹⁰.

Новое ТЯО должно прийти на смену устаревшим моделям бомб авиационного базирования. B61-12 отличается от своих предшественниц тем, что там вместо парашюта в хвостовой части оборудованы специальные рули с инерциальной системой наведения, увеличивающей точность применения. Как отмечает Владимир Козин, эти бомбы США начнут серийно производить с этого года. Они рассматриваются в Пентагоне как «оружие первого ядерного удара». Бомба имеет незначительный показатель кругового вероятного отклонения (до 30 м) и может применяться против высокочащенных командных пунктов и шахт межконтинентальных баллистических ракет. По данным Козина, планируется произвести до 930 таких авиабомб и израсходовать на модернизацию арсенала ТЯО к 2038 году до 65 млрд. долл.⁹¹

Бригадный генерал ядерной администрации США Майкл Латтон считает, что бомбы B61 являются «одним из важнейших элементов ядерной триады США». Надо учесть, что ТЯО авиационного базирования не учитывается никакими международными договорами. Однако размещение ТЯО в государствах и регионах, граничащих с Россией, может иметь стратегический эффект, поскольку при возникновении военного конфликта время полета тактической авиации к стратегическим объектам РФ и ее союзников составляет считанные минуты.

Отмечалось, что бомбой B61-12 можно будет снаряжать самолеты B-2A, B-21, F-15E, F-16C/D, F-16 MLU, F-35 и PA-200. Это, по сути,

стратегическая и тактическая авиация, которая регулярно совершает облет территорий, граничащих с Россией, в том числе и Арктический регион.

По указанию президента США Пентагон сейчас организует исследование и разработку других авиационных носителей ядерного оружия, в том числе нового поколения крылатых ракет, которые смогут заменить стоящие на вооружении с 1980-х годов ракеты AGM-86В. Представитель ВВС США Хизер Уилсон сообщил на прошлой неделе, что с этой целью Пентагон заключил два контракта, каждый стоимостью по 900 млн. долл., с корпорациями Lockheed Martin Corp и Raytheon Co. Планируется, что Армия США закупит около 1 тыс. ракет нового поколения. Стоимость их приобретения оценивается в 10 млрд. долл. Для сравнения: эта сумма составляет почти шестую часть всего российского оборонного бюджета.

В экспертном сообществе обращают внимание на то, что свой приход к власти Трамп начал с постановки задач Пентагону о пересмотре и оценке состояния ядерного потенциала страны. Рекомендации военного ведомства по его использованию должны быть предложены американскому президенту к концу года. Но уже сейчас ясно, что в Пентагоне склоняются к разработкам и массовому принятию на вооружение относительно маломощных боеприпасов ТЯО. Об этом, к примеру, заявил заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерал Пол Сельва, выступая недавно в Вашингтоне в Институте Митчелла. По его мнению, США должны быть готовы применять свое тактическое ядерное оружие против вооруженных сил «небольших режимов» или в ответ на «маломощную» ядерную атаку держав, таких как КНР или Россия. При этом применение ТЯО объясняется гуманными целями: мол, «чтобы по возможности избегать массовой гибели мирного населения противника». Не исключено, что США применят ТЯО в возможном конфликте с КНДР для того, чтобы максимально быстро и без какой-либо наземной боевой операции уничтожить военные заводы Северной Кореи и ослабить боевые возможности армии противника.

До 2025 года будут развиваться все элементы этой системы, эффективность и численность которых будет достаточно быстро увеличена до способности перехватить силы ослабленного ответного удара.

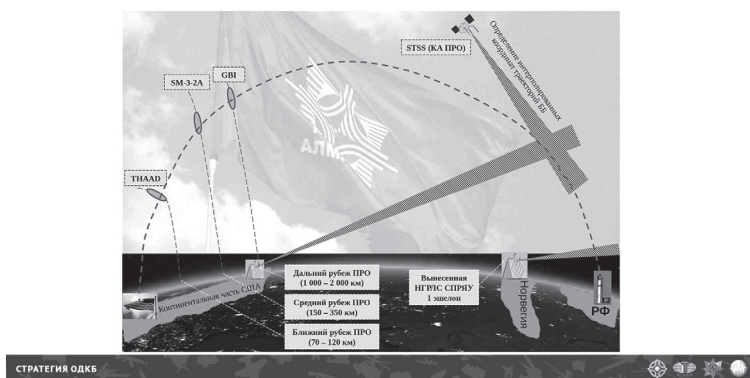

Рис. 1.37. Эшелонированная система ПРО США для перехвата различных типов баллистических ракет⁹²

Таким образом, до 2025 года в США может быть создан как потенциал сил общего назначения для ведения войн на любых ТВД, превосходящий любой потенциал иного государства (включая Россию и КНР), так и потенциал для ВКН, имеющий стратегическое значение, а также создана система эшелонированной и глобальной ПРО, способной уничтожить основную массу сил ответного удара.

Подобная ВПО может подтолкнуть США к решительным действиям против новых центров силы и России с тем, чтобы воспользоваться временным военно-техническим и военно-стратегическим превосходством над ними. Это делает возможность военного конфликта с США на одном-двух ТВД очень вероятной, если же неизбежной.

Второй период внешней и военной политики США (2025–2045 годов) означает гораздо менее благоприятный период в развитии США. Уже сегодня в правящей элите США хорошо понимают, что в долгосрочной перспективе до 2040–2045 годов ситуация может существенно измениться в мире, что неизбежно повлияет на абсолютное и относительное лидерство США. И соответственно заранее делают необходимые выводы о шагах до 2025 года, которые нейтрализовали бы будущее возможное ослабление позиций страны. Во многом это изменение ВПО объясняется общим изменением в соотношении сил между ЛЧЦ, их коалициями и странами лидерами. Причем не только

в экономической, но и в технологической, и в военной области, что неизбежно отражается и на области военно-политической.

В последующих главах я рассмотрю эти вопросы подробнее потому, что развитие внешней и военной политики США после 2025 года требует отдельного анализа. Здесь же важно просто отметить, что уже сегодня это будущее не может не беспокоить политическую элиту США. В таблице ниже, например, показана динамика рейтинга стран мира по ВВП согласно прогнозу PwC⁹³. В отчете также содержатся прогнозные показатели ВВП по рыночным обменным курсам без корректировки относительных цен. При таком расчете Китай обгонит США примерно в 2028 году, а Индия однозначно займет третье место в рейтинге крупнейших экономик мира в 2050 году, немного отставая от США (а по другим прогнозам и обойдет США к 2050 году).

Таблица 1.7. Место экономики США к 2030 и 2050 гг.

(Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС) в постоянных ценах 2014 года, выраженных в долларах США)

2014 г.		2030 г.		2050 г.	
Страна	ВВП по ППС (млрд. долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (млрд. долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (млрд. долл. США за 2014 г.)
Китай	17 632	Китай	36 112	Китай	61 079
США	17 416	США	25 451	Индия	42 205
Индия	7 277	Индия	17 138	США	41 384
Япония	4 788	Япония	6 006	Индонезия	12 210
Германия	3 621	Индонезия	5 486	Бразилия	9 164
Россия	3 559	Бразилия	4 996	Мексика	8 014
Бразилия	3 073	Россия	4 854	Япония	7 914
Франция	2 587	Германия	4 590	Россия	7 575
Индонезия	2 554	Мексика	3 985	Нигерия	7 345

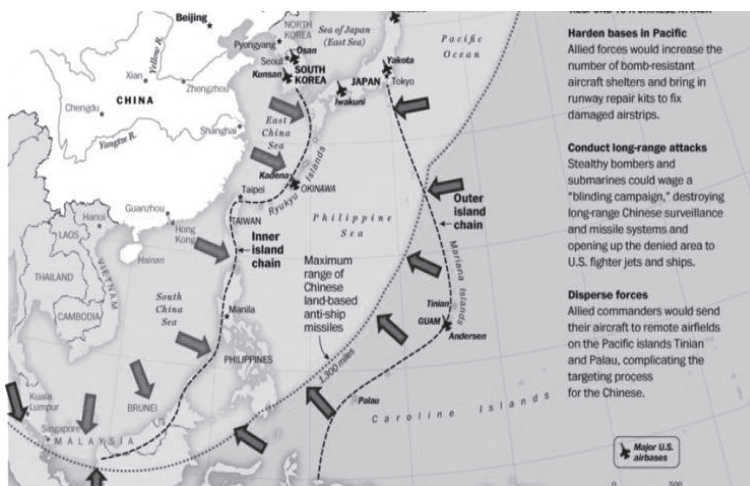
Великобритания	2 435	Великобритания	3 586	Германия	6 338
Мексика	2 143	Франция	3 418	Великобритания	5 744
Италия	2 066	Саудовская Аравия	3 212	Саудовская Аравия	5 488
Южная Корея	1 790	Южная Корея	2 818	Франция	5 207
Саудовская Аравия	1 652	Турция	2 714	Турция	5 102

При этом развитии наиболее вероятным из всех возможных сценариев США до 2025 года представляется сценарий, который получил условное наименование сценария «Военно-силового противоборства» западной локальной человеческой цивилизации во главе с США с другими ЛЧЦ, прежде всего китайской и российской⁹⁴. Этот сценарий ближе всего соотносится со сценарием глобального развития «Жесткая (ускоренная, силовая) глобализация потому, что если США не добьются решительных изменений в 2025–2030 годах, то они должны будут готовиться к отказу от мирового лидерства и уступить свой контроль в финансово-экономической и военно-политической области другим ЛЧЦ и центрам силы.

В частности, речь может идти не только о превентивной войне против исламских государств и акторов, а также России, но и против КНР, чей потенциал к 2025 году будет превосходить военный потенциал США. Так, уже сегодня разработана и реализуется т.н. концепция «Сражения воздух-море» в Ю.-В. Азии, направленная против КНР.

Сетевые войны

По мнению американцев, есть несколько причин для эскалации отношений, которые могут привести к конфликту: 1) Китайские преследования японских судов в спорных водах Восточно-Китайского моря могут диктовать США необходимость демонстрации силы в поддержку своего союзника; 2) Американские военно-морские силы могут быть направлены на сдерживание попыток Китая ограничить свободу в Южно-Китайском море; 3) Нестабильность в Северной Корее может заставить как Китай, так и Соединенные Штаты рассмотреть вопрос интервенции; 4) Китай может оспаривать присутствие американских кораблей или самолетов, подозреваемых в слежке у своего побережья; 5) Тайвань может объявить о своей независимости.

Рис. 1.38.⁹⁵

Дэвид Гомперт, который являлся исполнительным директором по национальной разведке в администрации Обамы и Терренс Келли из корпорации RAND расписывают парадоксальную логику противостояния между Китаем и США за последние 20 лет. В совместной статье, опубликованной в газете «Los Angeles Times», они указывают, что «будучи бессильными против двух авианосцев США во время Тайваньского кризиса 1996 года¹, Народно-освободительная армия КНР пришла к выводу, что лучшим способом избежать такого очередного унижения будет являться удар по вооруженным силам США, прежде чем они ударят по Китаю. Хотя Китай и не ищет войны, он испытывает страх перед американской военной машиной, которая имеет явные преимущества. Таким образом, они разработали планы и возможности быстро и на ранней стадии не подпускать к себе американские авианосцы, авиабазы, сети управления и контроля, а также спутники».

Авторы говорят, что китайские военные развернули огромное количество ракет (в том числе «убийц» авианосцев), подводные лодки, которые трудно обнаружить, сенсоры дальнего действия для отслеживания и наведения на вооруженные силы США, противоспутниковое оружие, цифровые сети для координации атак и оружие кибервойны для подавления сетей США. Вместе с этим авторы

признают, что когда Министерство обороны США объявило о своей «Тихоокеанской оси» в 2012 году, оно дало понять, что победа над такими возможностями в настоящее время является одним из основных направлений американских военных.

Следовательно, настоящая цель усиления американского присутствия, это не заявления руководства США о важности этого региона с экономической точки зрения, а потенциальный противник в лице Пекина.

А поскольку защита американских вооруженных сил против возможностей китайских военных чрезвычайно трудна и дорогостояща, то, как отмечают Гомперт и Келли, стратеги Пентагона придумали идею выведения из строя этих сил, известную как «Сражение Воздух-Море» — она направлена на уничтожение или блокировку ракетных пусковых установок, баз ВВС, подводных лодок и центров командования, прежде чем они смогут что-либо предпринять⁹⁶.

1.4. Основная тенденция военно-политического развития США

Появлению каждой общенаучной теории...
предшествовало формулирование соответствующей
общенаучной **парадигмы**, т.е. *концепции исследования*
*некоего общего свойства*⁹⁷

М. Хрусталев,
политолог

Наиболее важными группировками
государств являются уже не три блока времен
холодной войны, но, скорее семь или восемь
основных мировых цивилизаций⁹⁸

С. Хантингтон,
политолог

Современное состояние и среднесрочные (до 2025 года) перспективы развития США в военно-политической области во многом предопределяются инерцией тех процессов и тенденций, которые

уже сложились в мире и стране к 2017 году. Именно такие процессы в среднесрочной перспективе будут продолжать определять развитие мира и страны. Наравне с ними, с начала века стали оформляться политически и новые парадигмы, в частности, объединения «под лидера» (иногда силовое) групп стран и создание военно-политических центров силы, в частности и прежде всего, западной ЛЧЦ во главе с США. Эта нарождающаяся парадигма стала настойчиво заявлять о себе во втором десятилетии XXI века. По ключевым проблемам — сирийскому урегулированию, конфликтам в Ливии и Ираке, противоборству на Украине и т.п. западная ЛЧЦ выступает единым фронтом, в который входят порядка 60 государств, являясь по сути дела не только автономным центром силы, но и военно-политической коалицией⁹⁹.

Эта новая парадигма предопределяет в среднесрочной перспективе развитие внешней и военной политики США не зависимо от того, какая из фракций правящей элиты страны будет формировать исполнительную и законодательную власть. На мой взгляд, субъективные факторы в этой области (например, приход к власти администрации Д. Трампа) играют определенную роль, влияя на **выбор того или иного конкретного варианта** военно-политического развития, но не на сам сценарий. В еще большей степени субъективные факторы влияют на формирование стратегической обстановки в мире и в регионах, характер военных конфликтов и войн, а те, в свою очередь, «по восходящей» на формирование ВПО и, в конечном счете, МО.

Так, приход Д. Трампа привел к изменению пропорций в американской силовой политике в пользу военных инструментов (что отразилось на сокращении бюджета Госдепартамента и увеличении военного бюджета, например), усилению американского военного присутствия в Ираке и Афганистане и другим последствиям, но все эти изменения в конечном счете произошли в рамках все того же сценария «Военно-силового противоборства» внешней и военной политики, который реализовывался еще Б. Обамой. Таким образом, основные и принципиальные основы при Д. Трампе остались прежде, более того, они получили свое логическое развитие.

Это усиление уже сформированных в начале века тенденций выражается, например, в том что «цивилизационная составляющая» американской внешней политики начинает играть все более важную

роль. Силовое утверждение американских норм и правил в мире (основанных на все той же системе ценностей) становится политической нормой, но эта норма — надо признать — стала внедряться в практику международных отношений очень давно. Ее истоки уходят вглубь истории США, а реанимация — после ликвидации СССР и ОВД в качестве центров противовеса и сдерживания.

Любой базовый сценарий развития того или иного субъекта или актора — участника ВПО (нации, государства, организации) в настоящее время должен принимать во внимание особенности развития локальных человеческих цивилизаций и характера отношений между ними в XXI веке. Более того, отношения между отдельными субъектами МО и ВПО во все большей мере в XXI веке предопределяются политическими и цивилизационными отношениями между ЛЧЦ и, прежде всего, их странами-лидерами. Так, санкционная война, развязанная США против России, Ирана и КНДР, стала войной всей военно-политической коалиции западной ЛЧЦ.

США, возглавляющие западную ЛЧЦ и соответствующую военно-политическую коалицию, безусловно, не только несут ответственность за входящие в эту коалицию государства, но и максимально используют в своих интересах общие ресурсы и возможности. Так, в 2017 году в эту коалицию входило около 60 государств, а «вклад» экономики США составлял менее 40% ВВП от ее общего объема западной ЛЧЦ. Именно этим объясняется и стремление администрации Д. Трампа не только увеличить военный бюджет США, но и заставить своих союзников (прежде всего по НАТО) также увеличить свои бюджеты до соответствующих пропорций. На практике это означает, что рост военных расходов США к 2025 году может увеличиться до 1000 млрд. долл., а рост военных расходов других членов коалиции, включая не только стран-членов НАТО, но и Японию, Австралию и другие государства, может достигнуть такого же уровня.

В итоге западная ЛЧЦ может представить в 2025 году совокупный военный бюджет в 2 трлн. долл., который будет недостижим для любой ЛЧЦ и коалиции, и обеспечит ей сохранение военно-технического превосходства. Не случайно, поэтому еще в Стратегии национальной безопасности США, предложенной в феврале 2015 года Б. Обамой, говорилось о том, что в основе американской военной

политики лежать два принципа — военно-технического превосходства и коалиционной стратегии¹⁰⁰.

Подобная логика предполагает, что формирование сценария развития США до 2025 года и далее должны учитывать особенности более широкого сценария развития — сценария развития отношений между основными ЛЧЦ в XXI веке, сформированными на их основе центрами силы и коалициями. Именно изменение в соотношении сил, которое неизбежно будет происходить в мире не в пользу США (и которое в США не могут не знать и игнорировать) лежит в основе «Военно-силового сценария» военно-политического развития США¹⁰¹.

Большинство экономистов прогнозирует большую разницу в темпах роста между развитыми и развивающимися странами на значительном временном промежутке до 30 лет, что неизбежно качественно изменит ситуацию в мире и МО. Так, в частности, большая группа стран, включая такие крупные, как Индонезия, Мексика, Китай, Индия, Вьетнам, Пакистан и др., будут развиваться темпами в 5–7%, что за 30 лет позволит им увеличить объемы своих экономик в 7–10 и даже 15 раз.

В эти же годы темпы роста ВВП развитых стран, вероятно, не будут превышать 1–2%, что поставит западную ЛЧЦ в качественно иное положение относительно других ЛЧЦ

Таблица 1.8. Оценка темпов роста ВВП до 2050 года¹⁰²

Country	Average Pop Growth p.a %	Average Real Growth per capita p.a %	% of growth due to MER	Average GDP growth p.a. (in USD)
India	0,7%	4,1%	2,8%	7,7%
Vietnam	0,5%	4,5%	2,4%	7,4%
Bangladesh	0,6%	4,1%	2,2%	7,0%
Pakistan	1,4%	2,9%	2,6%	7,0%
Egypt	1,4%	2,6%	2,5%	6,6%
Philippines	1,1%	3,1%	2,1%	6,3%
Nigeria	2,3%	1,9%	2,1%	6,2%
Indonesia	0,6%	3,1%	2,5%	6,2%
South Africa	0,5%	3,2%	2,1%	5,8%
Malaysia	0,8%	2,7%	2,3%	5,8%
Iran	0,4%	2,5%	2,6%	5,5%

Country	Average Pop Growth p.a %	Average Real Growth per capita p.a %	% of growth due to MER	Average GDP growth p.a. (in USD)
Colombia	0,4%	2,9%	2,0%	5,3%
Saudi Arabia	1,1%	1,9%	2,2%	5,1%
Mexico	0,7%	2,5%	1,7%	5,0%
Thailand	-0,3%	2,9%	2,3%	4,9%
Turkey	0,5%	2,4%	1,8%	4,8%
Poland	-0,4%	2,5%	2,5%	4,5%
China	-0,1%	3,1%	1,4%	4,4%
Russia	-0,3%	2,2%	2,3%	4,2%
Argentina	0,7%	2,2%	1,1%	4,1%
Brazil	0,4%	2,2%	1,3%	3,9%
South Korea	0,0%	1,8%	1,0%	2,8%
Spain	-0,1%	1,5%	0,9%	2,3%
Australia	0,9%	1,3%	-0,2%	2,1%
United Kingdom	0,4%	1,5%	0,2%	2,1%
Canada	0,6%	1,2%	0,3%	2,1%
Netherlands	0,1%	1,5%	0,4%	2,0%
France	0,3%	1,3%	0,3%	1,9%
United States	0,5%	1,3%	0,0%	1,8%
Germany	-0,2%	1,5%	0,4%	1,7%
Italy	-0,2%	1,2%	0,5%	1,5%
Japan	-0,5%	1,4%	0,1%	1,1%

Source: PwC analysis

Этот процесс взаимовлияния США и всей «про» западной ЛЧЦ с одной стороны, и других центров силы, с другой стороны, — достаточно сложен и противоречив, но в целом прогнозируемый в среднесрочной перспективе. Так, например, в эту коалицию США втягивают не только страны, ассоциированные с западной ЛЧЦ, но и славянские и исламские государства, формируя ее на политико-цивилизационной основе, предполагающей, что другие страны будут «разделять» (следовать) ценностям США. Тем более что развитию связей внутри западной ЛЧЦ и внутри коалиции США придают особенно приоритетное значение, полагая, что именно «прочность союзов и военно-технологическое превосходство являются основой стратегии безопасности США»¹⁰³. Он оказывает сильнейшее влияние на формирование политического курса США до 2025 года.

1.4.а). Концепция базового сценария развития США до 2025 года

Генерал, участвовавший в 12 походах, должен был бы знать, что война — это великая драма, в которой действуют тысячи причин морального или физического порядка, которые нельзя свести к математическим подсчетам¹⁰⁴

*Г. Жомини,
основатель академии Генерального Штаба России*

Необходимость прогноза развития субъекта ВПО заставляет обращаться к таким попыткам, которые учитывают субъективные факторы (о которых говорил Жомини). Поэтому важно, однако, помнить, что любой базовый сценарий развития может считаться таковым только достаточно условно потому, что он учитывает основные экономические, социальные и иные тенденции, но он не сможет учесть появления (всегда неожиданного) какого-то субъективного фактора, который сможет радикально изменить все сценарные условия. Тем не менее, с этой важной и обязательной оговоркой, мы должны попробовать сформулировать такой базовый сценарий развития США в военно-политической области.

Чтобы в какой-то мере учесть возможность и даже вероятность появления таких субъективных факторов в нашем прогнозе будущего сценария развития США предлагаются пять вариантов его развития до 2025 года.

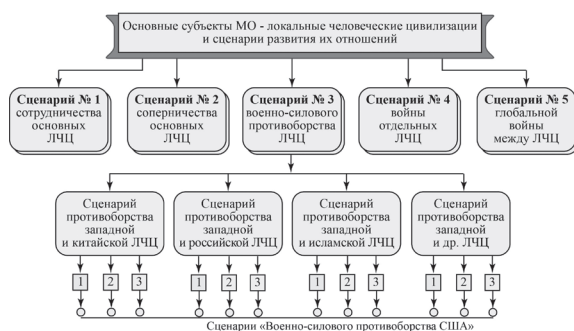

Рис. 1.39. Сценарии и варианты развития западной ЛЧЦ и США до 2025 года

Варианты военно-силового противоборства западной ЛЧЦ:

1. Вариант использования широкого спектра средств и способов силового противоборства (военных и невоенных).
2. Вариант использования военной силы в ограниченных масштабах и на отдельных ТВД (в региональных и локальных войнах).
3. Вариант использования военной силы в любых масштабах и на глобальном уровне.

Как видно из рисунка, в котором отображена логика развития отношений между ЛЧЦ в XXI веке, сценарий развития США — как лидера западной коалиции — должен «вписываться» в рамки отношений между ЛЧЦ.

Можно допустить, что общий Сценарий отношений между ЛЧЦ (в нашем случае Сценарий № 3) не будет наиболее вероятным. Таким, возможно, будет, например, Сценарий № 2 («Соперничества»), который «уже в чистом виде» не сохранился: отношения западной ЛЧЦ с частью исламской ЛЧЦ, уже перешли на уровень Сценария № 3, а отношения российской ЛЧЦ — фактически приблизились к этому уровню.

Общая характеристика предлагаемого сценария «Сценария № 3» заключается в том, что его реализация (в любом из трех предлагаемых ниже наиболее вероятных конкретных вариантов) будет определять принципиальные рамки не только безопасности всей ЛЧЦ, но и развития США в эти годы, как государства-лидера ЛЧЦ. Главной целью США и западной коалиции будет силой сохранить и по возможности даже укрепить созданную ими финансово-экономическую и военно-политическую систему отношений между ЛЧЦ в мире.

В 2017 году США были единственным глобальным игроком, формулирующим основные правила игры в мире, ни игроком, учитывающим интересы своих основных союзников, которые в противном случае не участвовали бы в коалиции. Как и в любой коалиции, ее члены стремятся сделать сами «поменьше», а получать «побольше». В этом и заключается пафос политики Д. Трампа по отношению к союзникам США. И тем игроком, который будет формулировать эти правила игры до 2025 года вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет. Неизбежный рост влияния и возможностей новых центров силы и ЛЧЦ достаточно трезво оценивается США, которые однако предполагают и планируют политические и военные мероприятия

по нейтрализации роста этого влияния, воспринимаемого как возможные угрозы.

1.4.6). Соотношение основных сил при базовом сценарии развития США

...роль стратегического баланса ядерных сил в сдерживании будет постепенно снижаться¹⁰⁵

*А. Фролов,
эксперт*

Соотношение мировых сил до 2025 года между ЛЧЦ, их коалициями и центрами силы в 2017 году в России воспринимается как неизбежная и даже быстрая эволюция не в пользу США, а в некоем направлении «многополярности». Это, на мой взгляд, может соответствовать действительности, но может и не соответствовать: при определенных условиях США в этот период могут укрепить свое лидерство в мире, как они об этом откровенно заявляют, несмотря на неизбежное изменение в соотношении экономических сил (что они также признают)¹⁰⁶.

Не существует прямой зависимости между ростом экономической мощи новых центров силы и снижением возможности западной коалиции силовыми средствами противодействовать этому: ни России, ни Китай, ни Индия, ни Бразилия пока что не оспаривают военного превосходства США. И, вероятно, до 2025 года не осмелятся, несмотря на весь рост своих политических амбиций.

Примечательный пример: наряду с ростом экономической мощи новых центров силы увеличивались и их военные возможности, в т.ч. в области ядерного оружия, что казалось бы «размывало» в последние десятилетия монополию США на власть и способность контролировать ситуацию в мире, но это, однако, отнюдь не привело к потере контроля со стороны США. Как видно из данных, приводимых ниже, у США уже нет абсолютного ракетно-ядерного превосходства, однако от этого позиции США в мире отнюдь не стали слабее за последние 20–30 лет. Наоборот, эти позиции скорее укрепились.

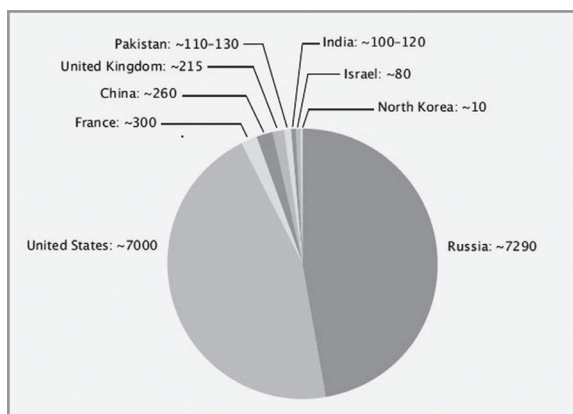
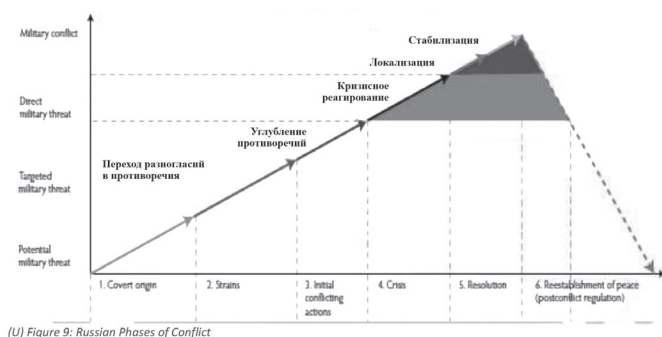

Рис. 1.40. Распределение ядерной мощи по странам в 2016 году¹⁰⁷

Стратегическое равновесие, достигнутое СССР с США в начале 70-х годов, было позже «разбавлено» влиянием ядерных китайских, индийских, израильских, пакистанских, корейских и иных арсеналов, что, однако, отнюдь не сделало слабее США в военном плане потому, что «стратегическое уравнение» стало включать в себя и неядерные вооружения, прежде всего ВТО и системы ПРО.

Поэтому можно вполне обоснованно сделать вывод о том, что и дальнейшее изменение соотношения экономических и даже военных сил до 2025 года совсем не обязательно приведет к потере США своих стратегических позиций в мире. Более того, в США исходят из того, что неизбежное изменение в соотношении сил между ними и новыми центрами силы при определенных условиях может сопровождаться даже укреплением позиций западной ЛЧЦ и США.

Во многом такая логика происходит от реальностей и закономерностей в развитии кризисов и конфликтов, которые проходят несколько этапов, на каждом из которых наиболее важную роль играют те силы и их соотношения, которые используются в конфликте. Это означает, что если на первом этапе решающую роль играют политико-дипломатические средства (и их превосходство, например, в области СМИ), то конфликт может и не получить развития, либо перейти в более острую фазу. Как видно на рисунке, представления США о стадиях развития конфликта выглядят следующим образом:

(U) Figure 9: Russian Phases of Conflict

Рис. 1.41. Эскалация и нейтрализация военного конфликта (на примере России)¹⁰⁸

Конфликт может:

- быть урегулирован;
- стабилизирован;
- эскалирован.

Это соображение надо иметь в виду потому, что не существует заведомо механического соотношения сил между субъектами ВПО, заранее предопределяющего развитие ситуации. Конфликт США с КНДР показал, что:

- соотношение экономических сил, в конечном счете, не сыграло решающей роли на политику КНРД;
- относительная военная уязвимость КНДР не означала признания изначально поражения;
- позиции других ЛЧЦ и ведущих стран не определялись их местом в соотношении сил.

Пример с КНДР показывает, что не только экономическая и военная мощь определяют политику государства, но и воля его правящей элиты. Распространение ядерных потенциалов и военных технологий происходило все последние десятилетия, и, несмотря на все усилия США, его не удалось остановить. Есть все основания полагать, что новейшие военные технологии и ядерное оружие до 2025 года станут достоянием уже не только США и России, а также Англии и Франции, но и многих других государств — от Бразилии и Ирана до Пакистана и Египта. Но эти процессы не повлияют радикально ни

на положение США как гегемона в мире (также, как они не повлияли прежде, если США и их союзники по коалиции могут создать новые средства и разработать новые способы достижения политических целей), ни на возможность США контролировать все мировые процессы. Ядерные силы субъектов ВПО и их экономические потенциалы становятся лишь «одним из факторов», определяющих состояние ВПО и влияющих на политику США.

Таблица 1.9 Структура ядерных сил основных стран (в 2016 г.)¹⁰⁹

Country	Year of first nuclear test	Deployed warheads	Stored warheads	Other warheads	Total inventory
USA	1945	1 930	2 570	2 500	7 000
Russia	1949	1 790	2 700	2 800	7 290
UK	1952	120	95	—	215
France	1960	280	10	10	300
China	1964	—	260	—	260
India	1974	—	100–120	...	100–120
Pakistan	1998	—	110–130	...	110–130
Israel	...	—	80	...	80
North Korea	2006	—	...	(10)	(10)
Total		4 120	5 965	5 310	15 395

В силу этого обстоятельства, предлагаемый базовый сценарий «Военно-силового противоборства» и развития США и их ЛЧЦ, при котором США сохраняют свое мировое лидерство, означает, прежде всего, его **вероятность**, которая представляется наибольшей, даже единственно возможной, как минимум, в среднесрочной перспективе до 2025 года. Но суть самого лидерства будет меняться. Причем все три варианта этого наиболее вероятного сценария, его базовой установки на сохранение фактического доминирования США в мире в 2017–2025 годы, будут сохранять свою актуальность не только до конца периода, но и лягут в основу базового сценария развития США уже после 2025 года.

Естественно, что наибольшая вероятность того или иного сценария не исключает возможностей развития других сценариев. Та или иная возможность может быть реализована в условиях радикальной изменившихся обстоятельств. Как уже говорилось выше, эти изменившиеся обстоятельства (радикально повлиявшие на реализацию наиболее вероятного сценария в пользу иных, возможных) могут быть связаны с четырьмя основными группами факторов:

- группа внешних факторов: политических, экономических, финансовых, культурно-цивилизационных и др., формирующих МО и ВПО в мире;
- группа факторов, связанных с изменениями в правящих элитах: смене взглядов, систем ценностей, переоценке приоритетов и пр. представлений о национальных интересах и ценностях. Особенно, если эта смена взглядов происходит в наиболее динамичных — политической и военной — областях. В частности, победа Д. Трампа на выборах в США привела к обострению внутриполитической обстановки в стране, которому в значительной степени способствовала часть правящей элиты не заинтересованная в развитии его курса. Внутреннее сопротивление и саботаж сделали разработку и реализацию военно-политического курса новой администрации во многом зависимой от внутренних факторов. «Дипломатическая война с Россией», начатая США при Б. Обаме, в 2017 году резко усилилась именно благодаря, прежде всего, внутренним обстоятельствам (но не только), которые стимулировали спекулятивные тенденции в отношении правящей элиты США к России. Эти внутриполитические тенденции происходили отнюдь не стихийно, а по разработанному прежде технологиям дестабилизации. Так, более 70 тысяч человек подписали петицию с просьбой к президенту США Дональду Трампу признать американского миллиардера Джорджа Сороса террористом к осени 2017 года.

Авторы предложения утверждают, что Сорос «постоянно пытался дестабилизировать ситуацию и действовал против интересов Соединенных Штатов и ее граждан». В петиции говорится, что миллиардер создал и профинансировал десятки (и, вероятно, сотни) отдельных организаций, с единственной целью — способствовать краху конституционного правительства.

Подписавшиеся также обвиняют Сороса в развитии нездорового и необоснованного влияния на всю Демократическую партию и большую часть федерального правительства США. «Министерство юстиции должны немедленно объявить Джорджа Сороса и все его организации и их членов домашними террористами, его личное имущество и активы должны быть конфискованы», — говорится в петиции.

Для рассмотрения администрацией президента США петиции необходимо набрать 100 тыс. подписей до 19 сентября 2017 года. Петиция была создана 20 августа пользователем с псевдонимом E.B¹¹⁰.

- группа факторов, связанных с изменениями в состоянии национальных и коалиционных ресурсов;
- группа факторов, связанных с целями и задачами политики.

Кроме этих групп необходимо выделить еще две группы факторов, имеющих как фундаментальное значение (система национальных ценностей и интересов) и стратегии которые являются производными от указанных выше четырех групп факторов. Можно представить себе такие радикально изменившиеся обстоятельства, влияющие на политику США, на следующих примерах:

- радикально изменившаяся МО и ВПО в результате неожиданно возникшей коалиции некоторых ЛЧЦ, например, китайской, российской и исламской, которая резко изменит соотношение сил не в пользу западной ЛЧЦ («перерастания» БРИКС из клуба в блок);
- изменения в правящих элитах, которые могут произойти в результате социальных революций, внутривнутриполитических переворотов, роста экстремизма и радикализма (например, в результате национальных взрывов в США);
- изменения в ресурсах могут быть как положительные (быстрый рост и развитие в результате технологических скачков), либо отрицательных — экологических бедствий, рыночных потрясений и т.п.

Подобные радикальные изменения до 2025 года возможны, более того, даже, наверное, неизбежны. За ними необходимо внимательно следить, но до их проявления исходить из существующих реалий.

В этой связи не думаю, что целесообразно рассматривать в практическом плане какие-то иные сценарии развития западной ЛЧЦ и США, которые не являются реальными. Они явно не просматриваются пока

что в 2017 году, хотя теоретически, в интересах перспективного прогноза, можно было бы говорить как о возвращении возможного (и популярного прежде) сценария «господства международного права», сложившегося во многом под влиянием США после Второй Мировой войны, либо сценария «свободной торговли и обмена услугами», который постоянно декларируется, но также реально невозможен вне абсолютного контроля США.

Также представляется маловероятным реализация сценария «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ и США в рамках теоретически возможных глобальных сценариев, которые иногда рассматриваются: абсолютное превосходство до 2025 года западной ЛЧЦ и коалиции делает, на мой взгляд, крайне маловероятным популярный сценарий «мягкой глобализации» или «новой многополярности» (который можно рассматривать только как перспективный). Популярная идея многополярности хороша как идея будущего, как пожелание, но не несет практического смысла, как минимум, до 2025 года. Она только запутывает анализ МО и ВПО. В целом процесс формирования многополярности отнюдь не является очевидной угрозой гегемонизму западной ЛЧЦ и США и не слишком оптимистичен для России в среднесрочной перспективе. Многополярность, при которой абсолютное и относительное значение России невелико, мало что объясняет и облегчает для нас. Соотношение сил между ЛЧЦ до 2025 года, если говорить об экономической и военной мощи, в препарированном виде представлено в таблице 1.10.

Иными словами даже в условия объединения всех основных ЛЧЦ на антизападной и антиамериканской основе, западная ЛЧЦ и США смогут обеспечить себе экономическое и военно-техническое превосходство до 2025 года. Но, повторю, само по себе это превосходство **не гарантирует абсолютно** успеха внешней и военной политики США. Даже «победа» в той или иной войне бывает, как показывает история политическим поражением.

С другой стороны, сценарий глобального развития «Новая гегемония» можно рассматривать в качестве желательного для американского истеблишмента и даже целевого, однако малореального в среднесрочной перспективе в силу признаваемого даже в США процесса изменения мировых сил не в их пользу. «Ситуация абсолютного доминирования, существовавшая после Второй мировой войны, для США,

Таблица 1.10. Соотношение сил до 2025 года между ЛЧЦ
и странами-лидерами

	Западная ЛЧЦ США	Китайская ЛЧЦ Китай	Российская ЛЧЦ Россия	Исламская ЛЧЦ	Бразильская ЛЧЦ Бразилия	Антизападная коалиция китайской, российской, исламской ЛЧЦ
Западная ЛЧЦ	1:1	3:1	5:1	3:1	6:1	
США	2,5:1	3,5:1	6:1		7:1	2:1
Китайская ЛЧЦ	3:1	1:1	3:1	4:1	5:1	
Китай	3,5:1	1,5:1	2,5:1		3:1	1:2
Российская ЛЧЦ	1:5	1:3	1:1	1:1	1:1	
Россия	1:6	1:2,5	1:0,7	2,5:1	1:1	1:5
Бразильская ЛЧЦ	1:6	5:1	1:1	1:2		
Бразилия	7:1	3:1	0,7:1	1:2,5		1:7

уже невозможна. Точнее — крайне маловероятна. Если, конечно, исключить экстремальные вероятности и катаклизмы — эпидемии, глобальные войны, природные катаклизмы.

Другой глобальный сценарий, который достаточно популярен среди экспертов, — «регионализация» — фактически превращается в сценарий «мягкой глобализации» в последние годы, оставаясь перспективным, может быть, в долгосрочном, но малореальным в среднесрочном плане. Исключение в этой связи, правда, может составить сценарий внутривнутриполитической дезинтеграции США, который может

быть для них крайне разрушительным, но не таким, уже, неожиданным. Вспомним единственную серьезную войну — гражданскую, — в которой США участвовали на своей территории. Но для любого такого внутрисполитического сценария, которые, как правило, развиваются в трех областях — религиозной, национальной и социальной — сегодня требуется и решительная заинтересованность внешнего фактора. Так, как это было, например, на Украине, в Ливии, Ираке, Югославии и других странах, где таким фактором были США и их союзники по коалиции. Но сегодня такого фактора ПОКА нет, если не считать, конечно, слабую фронду Евросоюза за такой фактор.

Подытоживая, можно констатировать, что наиболее вероятным сценарием развития США до 2025 года является сценарий развития США и западной ЛЧЦ «Военно-силовое противоборство», в рамках которого будут реализовываться те или иные практические варианты этого сценария: политические, экономические, военные силовыми средствами с разной эффективностью.

Учитывая, что для целей политического прогноза имеют именно практические варианты наиболее вероятного сценария развития США, предлагается рассмотреть ниже их более подробно, сознательно ограничиваясь именно этими, наиболее вероятными вариантами сценария развития США.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016.

² Подберезкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018, №№ 5 и 6.

³ См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 874 с.

⁴ **Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — зд.: определенная часть общества, проживающая на конкретной территории, объединенное общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

⁵ **Современная локальная человеческая цивилизация** — зд.: конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современный период, объединенные общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего.

-
- ⁶ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. 19 Jan., 2018, P.12.
- ⁷ Defense Budget Overview: United States Department of Defense Fiscal Year 2016 Budget Request. — DoD. — Wash.: 2017. May. — P. 1–4.
- ⁸ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 152.
- ⁹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с.
- ¹⁰ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. 19 Jan., 2018.
- ¹¹ Цит. по: «Коммерсант», 19 января 2018 г.
- ¹² Этот рисунок мною использовался не раз в самых различных работах, например: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
- ¹³ Этот рисунок появился в результате работы с М.А. Хрустальевым, который оставил огромный след в теории МО. В частности, см.: *Хрустальев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 205 с.
- ¹⁴ *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
- ¹⁵ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 360 с.
- ¹⁶ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014, а также: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России. В 2-х томах. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 360 с.
- ¹⁷ *Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Подберезкина О.А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
- ¹⁸ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.
- ¹⁹ *Подберезкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018, №№5 и 6.
— *Подберезкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России / Журнал «Обозреватель», 2018, №4.

- *Дербин Е.А., Подберезкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации / Вестник МГИМО-Университет, 2018, №3 (60).
- *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России / Вестник МГИМО-Университета, 2018, №2 (59).
- *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018, №3.
- *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года / Вестник МГИМО-Университет, 2017, №4 (55).
- *Подберезкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» / Вестник МГИМО-Университет, 2017, №1 (52).
- ²⁰ *Подберезкин А.И.* Военная политика России. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 1. — С. 6–7.
- ²¹ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.
- ²² *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал: монография в 3-х томах.- М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг.
- ²³ См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. *А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец.* — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 874 с.
- ²⁴ *Бжезинский С.* Предисловие./Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.- М.: АСТ, 2016, с.2.
- ²⁵ См., например: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России.- М.: МГИМО-Университет, 2017, Т.2.
- ²⁶ U.S. Nuclear War Plan Option Sought Destruction of China and Soviet Union as Viable Societies// [www. National Security Archive](http://www.NationalSecurityArchive.gov), 18 Aug., 2018// www.nsrcieve.gwu.edu./2018/05/18
- ²⁷ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.
- ²⁸ *Перри У.* Мой путь по краю ядерной бездны.- М.: Политическая энциклопедия, 2017, с. 121.

²⁹ Надо признать, что и Россия во многом воспринимала американские трактовки действительности вплоть до 2008 года. Даже в Военной доктрине (в редакции 5 февраля 2010 года) приоритет отдавался борьбе с международным терроризмом.

³⁰ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

³¹ The National Military Strategy of the United States of America 2015. - Wash., June 2015, P.3.

³² См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание под ред. М.М.Лебедевой.- М.: Аспект Пресс, 2017, СС.36-54.

³³ *Маккью М.* Доктрина Герасимова // Политико, 06.09.2017.

³⁴ *Маккью М.* Доктрина Герасимова // Политико, 06.09.2017.

³⁵ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

³⁶ *Попов И.М.* Доклад «Война — это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. — М.: МГИМО-Университет / <http://eurasian-defence.ru/>

³⁷ The Long View How will the global economic order change by 2050? / <http://pic.an2k.net/pwc.php>

³⁸ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

³⁹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций.- М.: АСТ, 2016, СС.36-39.

⁴⁰ The National Military Strategy of the United States of America 2015. - Wash., June 2015, P.3.

⁴¹ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer /<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

⁴² *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 91

-
- ⁴³ The Nasional Security Strategy. — Wash., 2015, February.
- ⁴⁴ Тойнби А. Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016.
- ⁴⁵ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 343–395.
- ⁴⁶ Andrew Barnett, Knowledge Transfer and Developing Countries: Global Perspective 2010 and the Tasks for Science and Technology. Paper for the EC-FAST Program. May 1992. — P. 35 / The knowledge explosion and the knowledge divide / <http://hdr.undp.org/sites/default/files/sagasti-1-1.pdf>
- ⁴⁷ Четвертая индустриальная революция и кризис либерализма / Эл. ресурс: Лента.ру», 2016. 27 декабря.
- ⁴⁸ Слука Н. Большой стране — большие проекты / ВВП, 2015. — № 5(94). — С. 30.
- ⁴⁹ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 11–24.
- ⁵⁰ Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>
- ⁵¹ Затраты стран мира на содержание своих армий / <http://m.webdiscover.ru/173155.html>
- ⁵² Подберезкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018, №№5 и 6.
- Подберезкин А.И. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России / Журнал «Обозреватель», 2018, №4.
- Дербин Е.А., Подберезкин А.И. Перспективный облик военной организации Российской Федерации / Вестник МГИМО-Университет, 2018, №3 (60).
- Кравченко С.А., Подберезкин А.И. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России / Вестник МГИМО-Университета, 2018, №2.
- Кравченко С.А., Подберезкин А.И. Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018, №3.
- Кравченко С.А., Подберезкин А.И. «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года / Вестник МГИМО-Университет, 2017, №4 (55).
- Подберезкин А.И. От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» / Вестник МГИМО-Университет, 2017, №1 (52).
- ⁵³ См., например: National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 15.

- ⁵⁴ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России – М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 1 и 2.
- ⁵⁵ Первый вариант подобной оценки был сделан в 2015 году и опубликован в работе: *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 76–77.
- ⁵⁶ Цит. по: *Оверченко М., Ильина Н., Никольский А.* Дональд Трамп перенес принцип America first на уровень ООН / Эл. ресурс: «Ведомости». 2017.19.03 / <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/19/734508-trump-america-first-onn>
- ⁵⁷ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2017 / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ⁵⁸ Federal Reserve Board, Bureau of Economic Analysis. Office Management and Budget. Through Q2 2016.
- ⁵⁹ Bureau of Economic Analysis, Congressional Budget Office, Office of Management and Budget, N.S. Balke & R.J. Gordon, C.D. Romer, Measuring Worth. Through Q2 2016.
- ⁶⁰ *Фролов А.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — С. 45.
- ⁶¹ GAO-18-360SP/ Weapon System Annual Assessment.- Wash., GPO, 2018, April, P.68
- ⁶² America First. A Budget Blueprint to Make America Great Again. The White House. — Wash.: 2017. — P. 50.
- ⁶³ The National Security Strategy of the United States. — Wash., 2016.
- ⁶⁴ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ⁶⁵ *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО (У), 2015.
- ⁶⁶ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ⁶⁷ *Оверченко М., Ильина Н., Никольский А.* Дональд Трамп перенес принцип America first на уровень ООН // Ведомости. 2017. 19 сентября / <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/19/734508-trump-america-first-onn#/galleries/140737493555507/normal/1>
- ⁶⁸ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>

-
- ⁶⁹ Defense Budget Overview: United States Department of Defense Fiscal Year 2018. Budget Request. — Wash.: DoD. 2017. — P. 52.
- ⁷⁰ Analysis of the FY 2017 Defense Budget. 2016. April 18 / <https://defense360.csis.org/analysis-of-the-fy-2017-defense-budget/e>
- ⁷¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016.
- ⁷² The Long View How will the global economic order change by 2050? / <http://pic.an2k.net/pwc.php>
- ⁷³ The Long View How will the global economic order change by 2050? / <http://pic.an2k.net/pwc.php>
- ⁷⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016.
- ⁷⁵ Fact Sheet: Trends in U.S. Corrections / Walmsley, R. (2016). World Prison Brief. London: Institute for Criminal Policy Research. Available online: <http://www.prisonstudies.org/world-prison-brief> / <http://www.sentencingproject.org/wp-content/uploads/2016/01/Trends-in-US-Corrections.pdf>
- ⁷⁶ Орлов А. Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн / Эл. ресурс: Центр стратегических прогнозов. 08-11-2016 / <http://csef.ru/ru/articles/print/7222>
- ⁷⁷ Joint Operating Environment, JOE 2035, DoD, Department Of Defense / Joint Chiefs of Staff, 2016. 14 July.
- ⁷⁸ Russian New Generation Warfare Handbook / <https://info.publicintelligence.net/AWG-RussianNewWarfareHandbook.pdf>
- ⁷⁹ Мировая экономика. Рост мировой экономики ускорится до 3,6% в 2017 г. / Эл. ресурс: «Институт эволюционной экономики», 2017. 9 марта / <http://iee.org.ua/ru/prognoz/5547/>
- ⁸⁰ GAO-18-360SP/ Weapon System Annual Assessment.- Wash., GPO, 2018, April, P.68.
- ⁸¹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ⁸² Иванов В. США должны готовиться к войне нового поколения // Независимая газета. 25 августа 2017 года.
- ⁸³ Иванов В. США должны готовиться к войне нового поколения // Независимая газета. 25 августа 2017 года.
- ⁸⁴ Иванов В. США должны готовиться к войне нового поколения // Независимая газета. 25 августа 2017 года.

-
- ⁸⁵ *Иванов В.* США должны готовиться к войне нового поколения // Независимая газета. 25 августа 2017 года.
- ⁸⁶ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ⁸⁷ *Кетонов С.* Погоня за целью / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2017, 20.08 / <http://topwar.ru/122924/>
- ⁸⁸ *Кетонов С.* Погоня за целью / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 20.08.2017 / <http://topwar.ru/122924/>
- ⁸⁹ *Козин В.* B61-12 рассматривается в Пентагоне как «оружие первого удара» / Эл. ресурс: «ЦВПИ», 30.08.2017 / www.eurasioan-defence.ru/30.08.2017.
- ⁹⁰ *Козин В.* B61-12 рассматривается в Пентагоне как «оружие первого удара» / Эл. ресурс: «ЦВПИ», 30.08.2017 / www.eurasioan-defence.ru/30.08.2017.
- ⁹¹ *Козин В.* B61-12 рассматривается в Пентагоне как «оружие первого удара» / Эл. ресурс: «ЦВПИ», 30.08.2017 / www.eurasioan-defence.ru/30.08.2017.
- ⁹² *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ⁹³ Экономический прогноз «Мир в 2050 году», 2017. 7 марта / http://www.pwc.ru/ru/press-20releases/2015/economic_forecast_2050.html
- ⁹⁴ См., например: *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
- ⁹⁵ *Савин Л.* Сражение воздух-море и контроль за шельфом / Эл. ресурс: «Геополитика». 2017.26.07 / <https://www.geopolitica.ru/article/srazhenie-vozduh-more-i-kontrol-za-shelfom>
- ⁹⁶ *Савин Л.* Сражение воздух-море и контроль за шельфом / Эл. ресурс: «Геополитика». 2017.26.07 / <https://www.geopolitica.ru/article/srazhenie-vozduh-more-i-kontrol-za-shelfom>
- ⁹⁷ *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект пресс, 2015. — С. 9.
- ⁹⁸ Цит. по: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В.* Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. — М.: МГИМО-Университет, аналитич. доклад, 2016. Декабрь. — С. 10.
- ⁹⁹ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические

перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберезкин; Моск. Гос. Ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. Дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований.- Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018.- 1596 с, СС. 25-59.

¹⁰⁰ National Security Strategy of the U.S. — Wash.: GPO, 2015. — 10 February. — P. 2.

¹⁰¹ Подробнее об этом сценарии см.: *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

¹⁰² The Long View How will the global economic order change by 2050? / <http://pic.an2k.net/pwc.php>

¹⁰³ National Security Strategy of the U.S. — Wash.: GPO, 2015. — 10 February. — P. 2.

¹⁰⁴ *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 89.

¹⁰⁵ *Фролов А.Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — № 1. — С. 45.

¹⁰⁶ *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

¹⁰⁷ Trends in World Nuclear Forces, 2016 / SIPRI Fact Sheet, 2016. June.

¹⁰⁸ Russian New Generation Warfare Handbook / <https://info.publicintelligence.net/AWG-RussianNewWarfareHandbook.pdf>

¹⁰⁹ Trends in World Nuclear Forces, 2016 / SIPRI Fact Sheet, 2016. June.

¹¹⁰ Петицию о признании Сороса террористом подписали 70 тысяч человек / Эл. ресурс: «Газета.ру». 01.09.2017 / www.gazeta.ru/01.09.2017

Глава II.
Конкретные варианты
базового сценария
развития политики
безопасности США
до 2025 года

Цивилизационный фактор, становится все более нарастающей силой, оказывающей влияние на все мировые, региональные и даже локальные дела, он также определяет основные правила игры сегодняшней мировой политики...¹

*А. Владимиров,
военный эксперт*

Они (в Центре разработки стратегических концепций США) выяснили, что ни один из участников не ограничится одними лишь контрсилowymi ударами. Будут нанесены удары по военной экономике — не только по военным объектам, но и по городам²

*Ян Моррис,
историк*

Базовый сценарий развития того или иного субъекта ВПО представляет собой наиболее вероятный сценарий на среднесрочную перспективу 7-12 лет. Его вероятность объясняется силой существующих в настоящее время тенденций и инерции движения общества и экономики, их институтов, а также традицией, которые обеспечивают во многом обоснованную экстраполяцию представлений о будущем состоянии субъекта, в нашем случае Соединенных Штатов. Основные базовые постоянные показатели — территория, численность населения, качество НЧК, природные ресурсы, геополитическое положение — до 2025 года практически не меняются.³

Другие, переменные, показатели — меняются эволюционно. Так, демографические, экономические, промышленные и даже технологические показатели развития этих факторов в ближайшие 7 лет претерпят эволюционные изменения, измеряемые в итоге показателями в 15–20 процентов (иногда до 30%) роста.⁴

Военная мощь, также не будет изменена качественно. Программы развертывания ВВСТ, запланированные прежде, будут в основной массе реализованы к 2021–2023 годам, а принципиально новых программ (чье развитие еще не заложено в НИОКР) к тому времени еще не появится. Это позволяет прогнозировать развитие ВС и ВВСТ США на 7–12 лет достаточно определенно, исходя из:

- существующих материально-технических возможностей США;
- политических намерений правящей элиты, целей и задач их внешней политики.

Этот набор показателей позволяет сделать обоснованное предположение о том, что при всем многообразии возможных сценариев (и их вариантов) развития США, существующих на конец 2017 года, необходимо максимально, обоснованно выбрать, один-единственный, наиболее вероятный, тот конкретный сценарий, который становится авторской концепцией, наконец, той моделью, вокруг которой строятся дальнейшие рассуждения и прогнозы. В, конечном счете, для практических нужд остается и реализуется именно тот конкретный и единственный сценарий, по которому и происходит развитие конкретного субъекта МО, причем в одном или, как максимум, двух, еще более конкретных своих вариантах.

Эти варианты могут менять друг друга в рамках единственного сценария, либо комбинироваться в некий третий вариант, который, однако, также будет находиться в рамках все того же сценария. Также как и ВПО конкретизируется в конкретную СО, войну или конфликт, так и тот или иной сценарий развития США конкретизируется только в одном из своих вариантов, который будет характерен только для того или иного конкретного варианта развития международных отношений. Если говорить о США, например, то весьма показателен пример их политики по отношению к КНДР летом-осенью 2017 года, когда силовой нажим сопровождался военной демонстрацией, которая долго не переходила в военный конфликт.

Действия администрации Д. Трампа полностью подтверждают этот подход: несмотря на самые радикальные заявления и обещания в ходе избирательной кампании 2016 года, он должен был скорректировать свою политику и риторику и войти в рамки заранее заготовленного сценария развития США правящим истеблишментом страны. Его вариант («доктрина принципиального реа-

лизм», названная в сентябре 2017 года на выступлении в ООН) внешнеполитического курса вполне соответствовал общему сценарию, скорректировав его от установки «США — ледокол глобализации» к установке «Америка — держава № 1».

Его план — вернуть полный суверенитет США, сняв с нее обязательства, взятые на нее за годы претензий на лидера мировой глобализации и силового навязывания своей системы ценностей. При этом он исходит из желания сделать США самыми сильными в мире, а не построить глобальную наднациональную империю. Но для тех, кого его страна давит, мотивация Вашингтона не имеет значения.

Едва ли не треть речи Трампа в ООН в сентябре 2017 года была посвящена нападкам и критике Северной Кореи, Ирана и Венесуэлы. Досталось и Сирии, и Кубе. Сказав всего несколько слов об угрозе, которую представляют «террористы и экстремисты», и отдельно упомянув успехи в борьбе с исламским терроризмом, Трамп перешел к нападкам на «разбойные режимы», которые не только поддерживают терроризм, но и «угрожают другим нациям и своим народам самым разрушительным оружием, известным человечеству». При этом демонизация КНДР и Ирана достигла в этой речи выдающихся высот, напоминающих лучшие годы Буша-младшего: «У США есть много терпения, США сильны, но, если нас вынудят защищаться или защищать наших союзников, у нас не останется выбора, кроме как полностью уничтожить Северную Корею. Человек-ракета выполняет самоубийственную миссию для себя и для своего режима»⁵.

«Ни одна нация на земле не заинтересована в том, чтобы этот криминальный режим вооружился ядерным оружием и ракетами», — заявил Трамп, поблагодарив Китай и Россию за поддержку введения санкций против Пхеньяна. Это было единственное упоминание нашей страны в его речи — впрочем, было еще два косвенных. В одном из них Трамп снова поставил рядом Москву и Пекин, когда сказал, что «мы должны защищать интересы своих стран и защищать себя от угроз суверенитету своих стран от Украины до Южно-Китайского моря». А второй раз, критикуя президента Венесуэлы Мадуро, он заявил, что социалистический эксперимент не удался ни в одной стране мира, включая СССР⁶.

Трамп сочетает в себе идеалиста и реалиста, изоляциониста и сторонника «крепкой дубинки». Он хочет совершить масштабнейший

внешнеполитический маневр с минимальными ситуационными потерями и максимальными стратегическими выгодами для США. Этот маневр — переход от державы-гегемона к самому сильному национальному государству в мире — стратегически отвечает и интересам России, — считают некоторые эксперты⁷. — «Трамп, по сути, говорит о том же самом «балансе сил и интересов», о новом издании Вестфальской системы (или же Венского конгресса 1815 года), который подразумевает и Владимир Путин, когда констатирует смерть «однополярного мира».

На мой взгляд, это — заблуждение, аналогичное вера в сотрудничество с националистами-республиканцами. США не видят никого в качестве равноправного партнера, а неравноправное партнерство означает только одно- политическую зависимость и дезинтеграцию России.

Национальные интересы двух стран прямо противоположны России необходимо сохранение суверенитета и влияния на бывшей территории СССР, а США — развал России и ее раздел. Влияние России рассматривается как угроза США, что хорошо видно на примере рядового американского пособия⁸.

Рис. 2.1. Уровень российского влияния

Но совпадение, схожесть картины желаемого будущего у России и США не означает, что двум президентам будет просто согласовать «дорожную карту». Инерция движения США как «ледокола глобализации» настолько велика, что непонятно, хватит ли даже у «освобо-

дившегося Трампа» сил и времени повернуть штурвал⁹, — справедливо делает вывод П. Акопов. Но, на мой взгляд, сила инерции этого движения вполне совпадает с вектором политики самого Д. Трампа.

Другими словами «вариант Трампа», который он пытается реализовать, **во-первых**, вполне укладывается в общую политическую тенденцию США последних десятилетий, где США остаются «державой № 1» в мире, но уже не как лидер глобализации, а «просто как «самая сильная держава».

Во-вторых, этот вариант вполне адекватен политике всего американского истеблишмента, «наложившего узду» на его поведение, которая была единогласно высказана в поддержке Конгрессом США закона № 3364 в августе 2017 года.

Этот вариант Д. Трампа может быть скорректирован в рамках существующего сценария применительно к России в любую сторону — более или менее враждебную, — в зависимости от результатов политики США по отношению к КНР (и КНДР), Среднему Востоку (Ирану) или Л. Америке (Венесуэле).

2.1. Основные тенденции в развитии базового сценария США

Говоря о будущих угрозах, следует принимать во внимание, что они не возникают «вдруг»...¹⁰

*А. Фролов,
военный эксперт*

Учитывая исключительно важное значение, которое имеет максимально точный анализ базового сценария развития США, можно предположить, что в его основе заложены некие принципиальные тенденции, скрыть и замаскировать или изменить которые крайне трудно. Именно поэтому целесообразно попытаться описать эти долгосрочные и устойчивые тенденции в политике США.

В том числе и из-за опасений США относительно ядерных возможностей Северной Кореи, но также и из-за негативного отношения к этому большинства населения США. Большинство американских

граждан выступают против нанесения упреждающего военного удара по Северной Корее. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного The Washington Post и ABC News. Сообщалось, например, что только 23% опрошенных поддерживают такой военный вариант. Кроме того, 82% респондентов полагают, что нанесение удара США по военным объектам Пхеньяна может привести к крупной войне в регионе. При этом 76% американцев считают уместным вводить новые санкции в отношении КНДР, т.е. не отказываются в принципе от силовой политики, хотя 19 сентября 2017 года президент США Дональд Трамп публично заявил, что Вашингтон будет вынужден уничтожить КНДР в случае угрозы для страны.

2.2. Обоснование базового сценария развития США

Установка на то, что наиболее надежным средством урегулирования противоречий является трансформация собеседника, делает дискуссию бесплодной, а дипломатию бессильной¹¹

*Т. Бордачев,
политолог*

США в конце 2017 года представляют собой самую мощную в экономическом, технологическом и военном отношении державу в мире, которая является лидером самой мощной военно-политической коалиции, включающей более 60 государств. Все основания существуют для того, чтобы утверждать, что до 2025 года, как минимум, это обстоятельство сохранится, что станет важнейшим фактором формирования ВПО. Более того, это обстоятельство, прежде всего, технологическое превосходство будет основанием для опоры внешней и военной политики США на силу, прежде всего, военную, и отказ от сколько-нибудь серьезных политико-дипломатических усилий по поиску взаимоприемлемых договоренностей.

Рост могущества и влияния других субъектов МО, прежде всего ЛЧЦ и их лидеров, сможет влиять, но не менять принципиально, эту расстановку сил, а, значит, и политику США. Это замечание имеет

принципиальное значение для тех представителей российской элиты, которые с советских времен упорно ищут компромисса с США даже в тех областях, где его нет, пытаясь в очередной раз продвинуть Россию на уступки своих национальных интересов. В том числе, например, за счет инициатив по ограничению ядерных вооружений, как это традиционно предлагает А. Арбатов,¹² хотя именно сегодня Россия меньше всего в этом заинтересована.

В этой работе я исхожу, прежде всего, из того, что США стали осознано и целенаправленно развиваться по сценарию «Военно-силового противоборства» с другими ЛЧЦ с начала нового века потому, что видят в такой политике единственную реальную возможность сохранить свое влияние и контроль в мире за развитием МО и ВПО. Даже с учетом неизбежного изменения соотношения сил между ЛЧЦ и центрами силы не в свою пользу.

В пользу силовых и военных вариантов сценария происходит постепенное переформатирование политики США, включая сокращение расходов на так называемую «мягкую силу». В частности, в последние годы денег на помощь (в том числе «демократизирующую») иностранным государствам выделяется все меньше — и президент Д. Трамп планирует поддержать эту тенденцию. Первый предложенный им вариант бюджета в предисловии содержал следующие слова: «[Этот документ] предусматривает масштабное сокращение помощи зарубежным странам. Пора поставить на первое место безопасность и благополучие американцев, а весь мир попросить постараться и заплатить свою справедливую долю самостоятельно»¹³.

Иными словами, избранный с начала века США сценарий военно-силового противоборства постепенно усилил свой динамизм, попутно избавляясь от силовых невоенных характеристик в пользу военно-силовых в 2001–2017 годы, сформировавшись как доминирующий сценарий развития не только страны, но и всей западной военно-политической коалиции ЛЧЦ. До 2025 года, ни при каких условиях и изменениях в МО-ВПО или внутри страны этот сценарий не будет ставиться под сомнение, более того, в 2017 году есть уверенность в том, что его военно-силовая направленность будет только усиливаться.

Эта оценка с моей стороны является (как я уверен, на взгляд некоторых) излишне категоричной и, может быть, даже не вполне вписывается в общепринятые нормы оценок в политике и научном дискурсе,

но именно она точно характеризует основную тенденцию в политике США, которые в прогнозах стремятся избежать определенности. Как, например, в прогнозе ИМЭМО РАН «Мир в 2035 году», где по сути дела не дается сколько-нибудь определенного прогноза, пригодного для принятия практических решений.

Я полагаю, что эта категоричность, в конечном счете, оправдана потому, что в отличие от других, более абстрактных, оценок, дает ясную, пусть и вполне субъективную, концепцию настоящего и будущего в политической стратегии США. Даже с учетом неизбежных поправок, которые могут и будут вноситься в такую концепцию, я считаю, что лучше иметь определенную концепцию, чем каждый день послушно «идти за информацией», реагируя на второстепенные и не всегда значимые моменты¹⁴, что на самом деле означает отсутствие анализа и инерцию описания происходящего.

Мой личный опыт показывает, что всегда лучше иметь свою собственную концепцию и модель политического поведения того или иного субъекта или актора МО, чем руководствоваться сиюминутным конъюнктурным подходом. Как минимум, это помогает вовремя отказаться от собственных ложных оценок. Именно наличие такой концепции позволяет видеть стратегическую перспективу и не терять из виду основные закономерности развития, вокруг которых часто происходит нагромождение случайных событий, фактов и субъективных представлений.

Причем, как правило, в политике XXI века доминирует дезинформация и откровенный обман, за которым скрываются реальные намерения, но которые часто воспринимаются журналистами и комментаторами в качестве реальных политических шагов. К сожалению, большинство современных политологов и историков именно так и делают. Они очень быстро и нередко излишне конъюнктурно реагируют на случайное нагромождение событий и фактов, пытаясь сделать из них далеко идущие выводы. Таких примеров множество — от необоснованных надеж, связанных с победой Трампа, до случайных результатов на переговорах по Сирии, либо самом факте переговоров по ситуации на Украине в Минске.

Своего рода материально-техническую иллюстрацию «Базового сценария военно-политического развития США», подтверждающую тенденцию американской политики Буша-Обамы 2001–2016 годов, был

озвучен администрацией Д. Трампа весной 2017 года¹⁵. В нем, в частности была названа не только общая сумма запроса на военные расходы в финансовом плане Пентагона, которая в 2018 году составляет 639,1 млрд. долл. Более того, 574,5 млрд. из затребованных МО ассигнований и образуют так называемый базовый бюджет (то есть средства, которые должны быть истрачены на военное строительство, а 64,6 млрд. — на проведение военных операций за рубежом), но и обозначает устойчивую тенденцию на увеличение военных расходов, которая (по моим оценкам) может составить 30–50 млрд. долл. ежегодно без учета роста расходов союзников.

Если же к этим цифрам добавить требование Трампа увеличить военные расходы союзников, которое будет так или иначе выполнено, и приведет к резкому увеличению мощи военно-политической коалиции западной ЛЧЦ, а также втягиванию в эту коалицию все новых стран (от Швеции и Финляндии до Вьетнама и Индии), то становится понятно, что военные возможности Запада к 2025 году, как минимум удвоятся и могут приблизиться к 1,5 трлн. долл.

Понятно, что в эти расходы не входят затраты многочисленных специальных служб, которые достигают огромных размеров. Так, бюджет ЦРУ (порядка 60 млрд. долл.) вполне сопоставим со всем военным бюджетом России, а совокупный бюджет все служб Запада может достигать 400 млрд.

Распределение средств между отдельными военными ведомствами США говорит о многом. Так, из базового бюджета на общевойсковые нужды МО предполагает израсходовать 100,4 млрд. долл., а Министерства Армии (СВ), ВВС и ВМС хотят получить 137,1, 165,5 и 171,5 млрд. соответственно. Если объемы финансирования ВМС США традиционно приоритетны, учитывая геополитическое положение страны, то огромные расходы на сухопутные силы, которые в 2 раза превышают все военные расходы России, говорят о готовности к ведению крупномасштабных операций на земле, что в истории США случалось не часто. Примечательно, что на военные операции за рубежом затраты сухопутных сил США будут более, чем в 3 раза превышать затраты ВМС, что выглядит достаточно странно, ведь традиционно США воюют на заморских ТВД с помощью ВМС и сил корпуса морской пехоты.

В целом Пентагон намерен израсходовать 141,6 млрд. долл. на содержание личного состава, 82,7 млрд. долл. — на исследования,

разработки, испытания и оценки новых ВВТ, 115,0 млрд. долл. — на закупки техники и вооружений, 223,3 млрд. долл. — на эксплуатацию и ремонт боевой техники. На военные операции за рубежом МО запрашивает 9,6 млрд. долл., министерство Армии — 28,9, ВВС — 17,5 и ВМС — 8,5 млрд.¹⁶, что в принципе соответствует уровню 2016 года, т.е. зарубежные операции США в мирное время будут финансироваться, как минимум, на уровне 50–60 млрд. долл. ежегодно на протяжении многих лет.

Ассигнования, запрашиваемые на организацию обороны США, как утверждают американские военные чиновники, генералы и адмиралы, необходимы им для переустройства институтов ВС, обеспечивающих поддержание боеготовности войск на требуемом для обеспечения национальной безопасности США уровне и для претворения в жизнь программы военного строительства, которой в связи с сокращением военных расходов в предыдущие годы был нанесен значительный ущерб.

Как отмечается в пояснительной к запросу Пентагона, с момента введения в действие закона о контроле бюджета в 2011 году ситуация в мире стала более напряженной и опасной. За этот период численность ВС США существенно сократилась.

По сообщениям специалистов Административно-бюджетного управления (АБУ) Белого дома, нынешний президент хочет отменить секвестр и запустить механизм наращивания оборонных затрат и в ближайшие 10 лет вложить в восстановление военной машины США в совокупности 6,7 трлн. долл. Таким образом, тенденция роста военных ассигнований, которые и без этого являются самыми крупными в мире, — налицо.

В соответствии с новыми планами Пентагона среди всего прочего предусматривается увеличение личного состава ВС США в будущем году более чем на 56 тыс. человек. Кроме того, Белый дом намерен добиться выделения ассигнований на закупку 84 боевых самолетов, включая 70 многоцелевых истребителей пятого поколения F-35, восемь боевых кораблей и другую военную технику.

В целом рост военных расходов планируется обеспечить за счет существенного сокращения затрат на содержание государственного аппарата, а также снижения объемов международной помощи и социальных выплат. Дополнительные средства для МО Белый дом рас-

считывает получить из нескольких источников, прежде всего за счет отказа от некоторых государственных расходов на медицинское обеспечение американцев. Речь идет об отмене запущенной Бараком Обамой программы льготного медицинского страхования *Obamacare*. Финансовым инструментом оздоровления и укрепления ВС США должно стать сокращение на 29,1% ассигнований Госдепартаменту. Это ведомство должно получить на свои расходы на 11,5 млрд. меньше, чем ему было выделено в текущем году.¹⁷ Иначе говоря, **финансированию сотрудничества уделяется радикально меньше средств чем военному противоборству.**

В результате этого Трамп планирует в следующем году сэкономить около 800 млрд. долл., часть из них перенаправить в военный бюджет.

Следующей тенденций в развитии США должна стать рост экономики страны, заложенный в проект бюджета на предстоящий год в размере 3%. Директор АБУ Мик Малвэни высказал сожаление по поводу того, что «прежняя администрация признавала, что у США не получится добиться экономического роста выше, чем 1,9% в течение следующих 10 лет — мы уверены, что сможем достичь роста в 3%, и не считаем это чем-то фантастическим». «Пропорциональный» рост расходов на безопасность темпам роста ВВП — залог того, что американская экономика будет чувствовать себя благополучно до 2025 года.

Итоги экономического развития США в 20-м веке показывают, что, как в первой, так и второй половине столетия, среднегодовой темп прироста производительности труда (среднее значение динамики в расчете на одного занятого и на человеко-час) составил примерно 2,0%. Эту тенденцию вполне можно перенести на XXI век.

В первой половине столетия ВВП на душу населения рос медленнее, чем можно было ожидать по росту производительности труда в силу сокращения средней продолжительности рабочего времени. Во второй половине века средняя продолжительность рабочего времени изменилась в меньшей степени, чем в первой половине, и динамика роста производительности труда и роста ВВП на душу населения практически совпали. При этом темп накопления и темп расходования научно-технического потенциала в стране-лидере НТП приобрел в долгосрочной перспективе весьма устойчивый характер. Это давало основание предположить, что в первой половине XXI века динамика

соответствующих показателей не претерпит существенных изменений, хотя возможны небольшие отклонения в ту или другую стороны. Показатели динамики производительности труда в США за 1996–2005 г. подкрепляют предположение, что при разработке прогноза экономической динамики США на первую половину XXI века можно опираться на показатели развития во второй половине XX столетия. Названная величина среднегодового прироста ВВП на душу населения за полный цикл составляет из 2,4% во время восходящей волны и 1,6 — в нисходящей волне.

Показательно, что расхождения в оценках перспектив экономического роста США отказываются минимальными и в сопоставлении с проектировками Centre d'Etudes Perspectives et d'Informations Internationales (СРЕИ), чего нельзя сказать в отношении прогнозов по большинству других стран, занимающих или претендующих на значимую роль в мировом хозяйстве.

Прогнозные оценки по остальным странам большой семерки, а также по совокупности развитых стран могут строиться на возможности экономического развития большинства развитых стран по траектории догоняющего развития в восходящей волне, как это было в цикле второй половины XX века.

Следует отметить, что некая гипотеза опережающего развития по сравнению с США стран Западной Европы и Японии строится на сомнительном предположении, что назревшие реформы в области налогообложения, трудового и социального законодательства в этих странах будут осуществлены. Эти реформы сделают экономику более гибкой и привлекательной для капиталовложений.

Особенно важное, даже исключительное значение, имеет сохраняющееся лидерство США в области новейших технологий, которое правящая элита страны рассматривает в качестве высшего приоритета.

Темпы роста экономики могут радикально меняться в зависимости от «технологических прорывов», таких, например, как создания сети Биткойн, где скорость обработки информации (сек.) росла экстремально быстрыми темпами¹⁸.

В этой связи обращают на себя внимание некоторые области технологического развития, где лидерство США может обеспечить им сохранение не только экономического, но и политического лидерства.

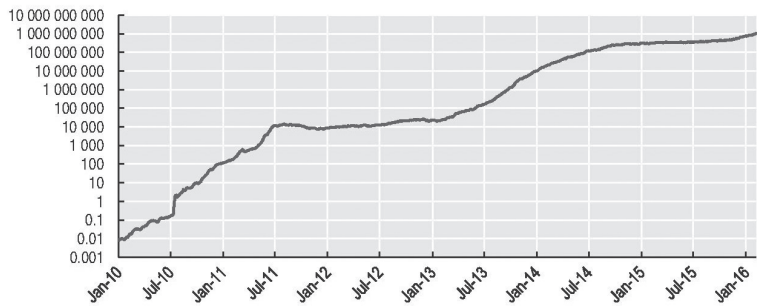

Рис. 2.2. Total computing power of the Bitcoin network (Hashes calculated per second, logarithmic scale)

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
	Epigenetics, epigenomics, proteomics		Artificial cell	Genomics, proteomics and epigenetics	Comparative genomics and proteomics techniques, creation of human genome databases
Sequencing patient DNA and personalised medicine	Routine and complete DNA sequencing, RNA technologies, metabolomics	DNA fingerprinting and personal genomes	Routine and complete DNA sequencing	Nucleic acids	Full-genome DNA sequencing, analysis of human proteome, transcriptional and epigenetic profiles
Synthetic biology	Synthetic biology, cell-free bioproduction systems, metabolic and forward engineering	Synthetic biology	Genetically modified organisms, artificial memory devices (DNA memory)	Synthetic biology	Synthetic biology, metabolic engineering, bioengineering, biosynthetic processes to produce biologically active compounds
Biomolecular computers					
Bioinformatics					
	Production of synthetic membrane proteins, companion diagnostics	Personalised medicine		Stratified and tailored medicine	Molecular diagnostics, promising drug candidates
			(Stem) cell cultivation	Stem cells	Biomedical cellular technologies, human cells cultivation
	Slowing ageing processes		Longer life time and slower ageing processes		
Tissue engineering		Regenerative medicine and tissue engineering, prosthetics and body implants	Regenerative medicine and tissue engineering	Regenerative medicine and tissue engineering	Human tissue and organ regeneration techniques, tissue equivalents and artificial human organs, immunological technology
	Lab-on-a-chip technologies		Biochips and biosensors	Lab-on-a-chip	On-chip technologies
	Combination of molecular diagnosis and imaging applications		Small portable magnetic resonance imaging scanner	Medical and bioimaging	Metamaterials and software to process and transfer high-resolution images
	Human enhancement			Performance-enhancing pharmaceuticals	
Health monitoring beyond the clinical setting	E-Health, mobile diagnostic applications, "quantified self"		Continuously monitored personal health, self-care based on personalised healthcare	E-Health	

Рис. 2.3. Прогноз развития основных технологий. Биотехнологии

Table A2.1. **Foresight studies mapping – biotechnologies (cont.)**

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
Neuroscience technologies, neurostimulation				Modelling human behaviour	Interfaces for neuronal photostimulation
	Bionics, organic electronics, high-tech prostheses, computer-aided surgery, connection between artificial body parts and nerve cells		Biobots, robotic legs, exoskeleton, robotic surgery, sensitive robot-fingers and hands		
Brain-computer interface	Brain-computer interface, brain mapping	Brain-inspired technologies	Brain implants	Brain-computer interface	
					Artificial life systems, including artificial cell elements and chimeric cells
				Sensor technologies	High-sensitivity sensors for physical and physiological parameters
	Nutrigenomics, functional food, food fortifying, nutraceuticals and medical foods	Innovative food	Local or functional food, in-vitro meat, meat-like plant proteins		Functional therapeutic food products, biologically active additives, food protein technologies
Agricultural biotechnologies, genetically modified crops		Precision agriculture		Agricultural technologies	Biotechnologies, bioresource centres and biocollections, forestry biotechnologies
Sustainable resource management and harvesting (forest and fish resources)		Fisheries/aquaculture			Aquabioculture
Bioproduction of raw materials	New biocatalysts		Drugs based on genetically modified organisms, drugs that prevent dementia	Industrial biotechnology	Industrial enzymes and biocatalysts

Table A2.2. **Foresight studies mapping – Advanced materials**

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
Nanodevices and nanosensors, nanotechnology for energy	Nanotechnologies	Nanoelectronics	Nanorobots (nanobots) in health promotion, nanoradio	Nanotechnologies	
Nanomaterials		Nanomaterials	Nanomaterials	Nanomaterials	Nanostructured materials with form memory effects and "self-healing" materials, biocompatible nanomaterials
	Graphene could replace Indium	Graphene and related new technologies	Carbon nanotube yarn or thread	Carbon nanotubes and graphene	Electronic elements based on graphene, fullerene, carbon nanotubes, quantum dots
				Intelligent polymers (plastic electronics)	New-generation polymers (e.g. optoelectronics), monomers for biodegradable polymers, superconducting materials
			Functional materials	Smart (multifunctional) and biomimetic materials	Hybrid materials, biomimetic materials and medical materials

Рис. 2.4.

Table A2.2. Foresight studies mapping – Advanced materials (cont.)

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
	Heat resistant ceramic materials to increase energy efficiency				Nanostructured composite and ceramic materials and coatings with special thermal properties
	Lightweight construction, fibre-composite materials		New building materials	Building and construction materials	Construction, functional materials and coatings, new types of light and high-strength materials
Construction of 3D-printed homes	Rapid prototyping and rapid manufacturing (3D printing), bioprinting	3D printing	3D printing and bioprinting	3D printing and personal fabrication	Additive technologies
	Flexible touchscreens		Augmented reality, haptic screens		

Table A2.3. Foresight studies mapping – Digital technologies

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
	Quantum information technology, multi-core processors (CPUs), in-memory databases	High-performance computing	Processors that take quantum phenomena into account, new data storage technologies	Supercomputing	Predictive supercomputer-modelling systems
	Cloud computing, grid computing	Cloud computing	Cloud computing, grid computing	Cloud computing	Cloud solutions, grid algorithms and software for distributed solutions
	E-learning	Future education and learning	Schools in the cloud		
				Next generation networks	Emergence of single management environments, high-speed data transfer
The Internet of "moving" Things	Intelligent networks, ubiquitous sensor systems, Internet of Things (Industry 4.0)	Internet of Things	Internet for robots	Intelligent sensor networks and ubiquitous computing	Internet of Things, machine-to-machine interaction technologies (M2M)
	Clothes with embedded electronic devices and sensors ("wearables")		Spray-on textiles, robo-tailoring	Intelligent clothing, smart interactive textiles	
			Microfinance and crowd funding, time banks, electronic money		
	"Games for Health"		Gamification		
	Big data	Big data	Open data and big data		Data processing and analysis
		Models and data in decision making		Searching and decision making	
	Visual analytics, predictive analytics, simulation of material properties		Simulation and mapping of brain, predictive analytics based on self-organising data	Simulation and modelling	Predictive modelling, computer modelling of materials and processes
	Photonics, lithography systems, optical measuring systems, quantum optics, photonic micro- and nanomaterials	Photonics and light technologies	Cheap Lidar, high-performance lasers	Photonics	Nanostructured materials with special optical properties, lasers and organic light-emitting diodes based on nanoscale heterostructures

Рис. 2.5.

Table A2.3. **Foresight studies mapping – Digital technologies** (cont.)

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
The end of privacy	New cryptography and biometric methods, privacy-enhancing technologies, digital forensics	Cyber-security	Capturing and content searching of personal life	Secure communication, surveillance	Information security
			Pattern recognition and pattern search services	Biometrics	
Artificial Intelligence			Artificial Intelligence		Algorithms and software for machine learning, digital devices with replication and/ or self-healing properties
Robotics for traditional and for undersea resource acquisition or on the farm	Service engineering			Service and swarm robotics	Robot assistants freely travelling and interacting with people, nano- and microrobotics systems

Table A2.4. **Foresight studies mapping – Energy and environment**

CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
	Smart grids, overlay-grids, super-grids	Future smart cities		Smart grids	Smart networks, long-distance transfer technologies for electric energy and fuel, new-generation power electronics
Decentralised energy systems	Microenergy harvesting			Microgeneration	New-generation microprocessor devices for use in power engineering
	Electrochemical storage and conversion technologies		Rapidly charging light batteries, supercapacitors	Advanced batteries	Electrical and thermal energy storage
			Wireless power transfer		
Electric and hybrid vehicles	Electric mobility, power-to-liquid technologies for the mobility sector	Post-carbon society, carbon dioxide reuse	Self-driving car	Intelligent low-carbon road vehicles	
Autonomous and semi-autonomous vehicles	Connected mobility, car-to-car-communication, car-to-X-communication, smart mobility	Advanced autonomous systems, future mobility	Automation of passenger vehicle traffic, vactrains, magnetic or superconductor-based levitation		Smart transport and new control systems, systems to increase the environmental neutrality and energy-efficiency of vehicles
	Unconventional flying concepts	Drones	Minisatellites, quadcopters, drones, on-demand personal aviation		Micro-, nano-, and pico-satellites
	Fuel cells			Fuel cells	Fuel cells
		"Hydrogen Society"	Inexpensive storage of hydrogen in nanostructures	Hydrogen	Hydrogen production and safe storage, hydrogen for power generation
		Recycling technologies		Recycling technologies	Recycling technologies
	Energy efficiency measures				Low energy consumption buildings, novel light sources and smart lighting systems
		Carbon dioxide capture and storage		Carbon capture and storage, metal organic frameworks	

Рис. 2.6.

Table A2.4. Foresight studies mapping – Energy and environment (cont.)					
CAN	DEU	EU	FIN	GBR	RUS
			Small nuclear reactors	Nuclear fission	Closed nuclear fuel cycle, low- and medium-power nuclear reactors
				Nuclear fusion	
Bioenergy	Biofuels, biorefineries, biocatalysts, biomass, biogas, bioethanol and biohydrogen		The production of biofuels using enzymes, bacteria or algae	Bioenergy and “negative emissions”	Technologies for energy biomass production and biomass processing
High-efficiency solar cells	Photovoltaics, solar thermal power generation		Efficient and light solar panels, artificial leaf and synthetic fuel, solar heat	Solar energy technologies	Solar energy technologies
				Marine and tidal power	New hydroelectricity technologies
Wind energy technologies	Wind energy technologies		Flying wind power and other new ways to produce wind energy	Wind energy technologies	Wind energy technologies
			Piezoelectric energy sources, harvesting of kinetic energy		
			Long-term storage of heat		High-performance natural gas heat and power units
					Deep processing of oil and gas condensate, associated petroleum gas
					Monitoring the state of environment, long-term weather forecasts, remote monitoring systems

Рис. 2.7.

Среди приоритетов и активных мероприятий США по повышению военного потенциала и отстаивания позиций мирового лидера ядерное оружие занимает место главного инструмента заокеанского военного оркестра.

В пояснительной записке к бюджетной заявке Пентагона на 2018 финансовый год говорится, что сроки жизненного цикла большинства состоящих на вооружении средств доставки ядерных боеголовок и атомных бомб к целям в 2025–2035 годах будут окончательно исчерпаны. Да и сами боеголовки и бомбы тоже имеют ограниченные сроки службы и хранения, которые к тому времени тоже истекут. Поэтому МО США проводило и продолжает во все более ускоренном темпе проводить работы по программам модернизации ядерного оружия, обеспечивающие продление сроков эксплуатации всех составляющих ядерной триады и замену устаревших систем и средств для нанесения удара по нападшему на США противнику. Оно также создает новые системы ядерных ВВСТ, которые придут на смену снимаемым с вооружения.

Руководство Пентагона всеми способами старается завуалировать свои ядерные затраты и в каждой своей бюджетной заявке говорит

о ядерном строительстве в самых общих словах, которые в планах на 2018 ф.г. кроются в статьях по ядерной энергетике. Но данные об этих расходах все-таки становятся известны. В середине февраля этого года Бюджетное управление Конгресса опубликовало доклад «Прогнозируемые расходы на ядерные силы США с 2017 по 2026 год».

Там, в частности, говорится, что в предстоящие 10 лет США намерены истратить 400 млрд. долл. на доведение до ума своей ядерной триады. Подобная оценка, сделанная два года назад, была ниже на 50 млрд.¹⁹

В будущем году министерство ВМС продолжит работы по созданию ПЛАРБ четвертого поколения типа «Колумбия», которые придут на смену состоящим на вооружении ПЛАРБ типа «Огай». С 2031 года эти атомные подлодки постепенно будут выводиться из триады. На проведение работ по строительству новых подводных лодок в 2018 году планируется израсходовать 843 млн. долл. По оценкам американских экспертов, программа создания новых ПЛАРБ обойдется американским налогоплательщикам от 97 до 102 млрд. долл. На вооружение ВМС до 2035 года планируется поставить 12 новейших ПЛАРБ этого типа, срок жизненного цикла каждой из которых будет составлять 42 года, т.е. соответствовать сроку службы их ядерных реакторов. Предполагается, что первая лодка из этой серии будет стоить 14,5 млрд. Цена последующих субмарин не будет превышать 9,8 млрд. за штуку. Каждая ПЛАРБ «Колумбия» будет иметь 16 пусковых установок БРПЛ «Трайидент». Без нарушения договора о СНВ одна такая ракета может быть оснащена 5–6 боеголовками. Подводное водоизмещение «Колумбии» — 20,8 тыс. т. Габариты примерно такие же, как и у ее предшественницы. Однако новая лодка должна иметь существенно сниженную шумность.

Программа разработки и производства новой МБР (Ground Based Strategic Deterrent), которая должна заменить ракету «Минитмен-3», была открыта в 2002 году. Первоначально эту МБР планировалось поставить на вооружение в 2018 году. Однако после уточнения планов ее создания в 2006 году сроки развертывания были перенесены на 2030 год. На будущий финансовый год на проведение НИОКР по этой МБР запрашивается 216 млн. долл. По некоторым данным, стоимость этой программы будет составлять 85 млрд. долл., из которых почти четвертая часть уйдет на исследования и разработки, а осталь-

ная сумма будет истрачена на закупки. Всего предполагается закупить 400 этих МБР²⁰.

Финансирование работ по созданию КР большой дальности воздушного и морского базирования, которые будут способны нести ядерные боеголовки, в следующем году планируется повысить более чем на 50%. Расходы на создание этих ракет в 2018 могут составить 451 млн. долл.

В базовый сценарий обязательно входят и невоенные средства силового воздействия и совершенствование таких способов. В частности, медийных и с помощью институтов гражданского общества. Очень показательно, что любой из вариантов базового сценария предполагает активное силовое использование информационных ресурсов. При этом различия, как в средствах, так и способах применения — достаточно символические. Так, например, В последние годы российские власти предприняли целый ряд шагов, направленный на прекращение деятельности на территории страны целого ряда американских НКО, напрямую связанных с Госдепартаментом и Агентством США по международному развитию.

США будут изыскивать новые средства и подходы в этом противостоянии. Реакция хоть и запоздалая, однако, свидетельствует о серьезности намерений американских властей. В рамках этой деятельности американские НКО объявляют о наборе дополнительного числа специалистов по информационной войне. В частности, национальный демократический институт по международным вопросам готовится к запуску программы по оценке и противодействию российской пропаганде, для чего институт объявил о наборе менеджмента с соответствующими компетенциями и навыками. В рамках программы предполагается противодействовать политической пропаганде, электронному вмешательству, ботам и троллям на платформах в социальных сетях. Отмечается, что институт будет не только оказывать консультационные услуги различным госведомствам (к примеру, Государственному департаменту), но также и привлекать «партнеров NDI в Кремниевой долине и среди заинтересованного ИТ-сообщества» для противодействия российской пропаганде.

Деятельность Национального демократического института по международным вопросам (а также его головной организации-учредителя — Национального фонда) финансируется из бюджета США.

На данный момент по сведениям Емельянова «только за 2017 год он получил по линии различных ведомств 16 436 535 долл.». Это подтверждается тем, что хотя Совет управляющих вещанием США в целях реализации конкретных правительственных мерах по усилению давления на русскоязычную аудиторию запросил у президента США годовой бюджет на 2018 год в размере чуть больше 685 млн. долл., что значительно меньше, чем те же расходы организации в 2016 и 2017 годах — 749 587 000 и 748 291 000 долл. соответственно, однако конгресс США принял решение самостоятельно увеличить эти ассигнования.

Планировавшееся американским пропагандистским ведомством сокращение на 2018 год должно было коснуться практически всех пропагандистских служб, контролируемых советом, в том числе «Голоса Америки» (Voice of America/VOA) и существующих на гранты совета «Радио Свободная Европа» / «Радио Свобода» (Radio Free Europe / Radio Liberty — RFE/RL), несмотря на то что именно в отношении этих инструментов в 2017 году, по сравнению с 2016 годом, наблюдался рост расходов²¹. Очевидно, что администрация Трампа настроена на снижение уровня страстей, подогреваемых не только в «независимых» СМИ, но и по линии НКО, контролируемых правительством США. Пока не получается.

2.3. Модель базового сценария военно-политического развития США до 2025 года

... через четверть века после окончания холодной войны Соединенные Штаты стоят на краю пропасти скатываясь в очередные ядерные дебаты²²

*Ф. Каплан,
публицист*

Построение модели (концепции) базового сценария военно-политического развития²³ США требует изначального прогноза развития МО и ВПО (т.е. условий, в которых будут развиваться США до 2025 года), а затем собственно модели развития страны, которые в ито-

ге должны вылиться в представление о двух взаимосвязанных процессах развития крупных систем — международной и военно-политической, с одной стороны, и собственно национальной, американской, с другой. При этом «модель США» одновременно будет выступать как влиятельным **субъектом** формирования МО и ВПО, так и **объектом** влияния со стороны ВПО в мире, в особенности, влияния таких новых факторов, как новые центры силы и ЛЧЦ.

Подобное отношение к одному из субъектов ВПО–США — означает, что этот субъект обладает набором характеристик и особенностей, которые делают его исключительным, выделяя из других субъектов ВПО. Подобная исключительность объясняется, на мой взгляд, прежде всего безусловным технологическим и научным лидерством США, которое обеспечивает им долгосрочные возможности по превосходству в экономической, политической и военной областях. Так, к 2018 году США стали безусловным лидером, опережающим качественно другие страны, в области НТП.

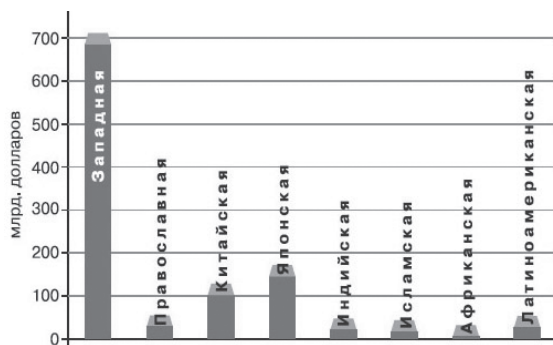

Рис. 2.8. Затраты на научные исследования и разработки²⁴

В самом общем, формально-логическом виде стратегический прогноз базового сценария военно-политического развития США до 2025 года коротко можно разделить на 3 этапа следующим образом²⁵:

1 период: (Оценка ситуации). Анализ современной ВПО и состояния современного сценария развития США. В нашем случае означает признание того, что он представляет собой ускоренную реализацию сценария «Военно-силового противоборства» США и западной ЛЧЦ

и в целом с другими ЛЧЦ, странами, коалициями и акторами, но прежде всего, Россией, КНР и исламской ЛЧЦ.

2 период: Прогноз развития эскалации сценария «Военно-силового противоборства» в варианте доминирования вооруженного противоборства с применением военных средств до 2025 года, либо в другом варианте того же Сценария.

3 период: Допущение того, что эскалация в развитии военной политики США реализуется до 2025 года в трех наиболее вероятных вариантах базового сценария:

- «оптимистическом»;
- «реалистическом»;
- «пессимистическом».

При этом важно признать, что в основе любого сценария развития США будут находиться несколько общих, обязательных для соблюдения принципов:

- **во-первых**, ставки на военно-силовое принуждение;
- **во-вторых**, установки на сохранение научно-технического превосходства;
- **в-третьих**, установки на коалиционную стратегию западной ЛЧЦ.

С временной точки зрения развитие базового сценария США можно разделить на следующие отдельные периоды и один этап:

Этапы и периоды развития наиболее вероятного базового сценария США

Сценарий глобального «Военно-силового противоборства» на этапе с 2018 по 2025 гг. можно рассматривать как серию периодов, которые объединены тенденцией эскалации силового (в т.ч. вооруженного) противоборства западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ.

Условно этап развития сценария МО до 2025 года можно разделить на 3 периода:

- период 2018–2019 годов – завершение формирования западной военно-политической коалиции ЛЧЦ;
- 2019–2023 годы – завершение военно-технической подготовки для ведения глобальных военных действий западной ЛЧЦ и создание внутренней оппозиции;
- 2023–2025 годы – военно-силовое использование мощи западной ЛЧЦ для утверждения норм и правил, соответствующих системе интересов и ценностей этой ЛЧЦ.

Конечной целью этого современного этапа развития США и их союзников, который завершается третьим периодом, является утверждение в качестве доминирующих международных норм и правил системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ, которое на этом этапе планируется обеспечить с помощью силы, включая военную силу. Графически развитие этих периодов первого этапа можно проиллюстрировать следующим образом.

Новый этап развития США начинается по мере завершения «Пессимистического» варианта развития базового сценария. Он становится к 2025 году доминирующим вариантом Сценария.

На базе этого нового этапа и предшествовавшего «пессимистического» варианта формируется новый базовый сценарий развития США после 2025 года, который будет реализовываться в зависимости от конкретных условий в одном из своих вариантов, **основанных на известных к настоящему времени парадигмах**. Это необходимо иметь в виду потому, что уже в настоящее время, т.е. в 2017–2018 годы, в США будет происходить подготовка к военной политике «после 2025», когда ВПО в мире может существенно измениться. Эта новая ВПО в мире может развиваться в зависимости от того, чем закончится к 2025 году эскалация военной политики США и западной ЛЧЦ. На мой взгляд, основными результатами могут быть следующие:

Таблица 2.1. Основные результаты эскалации «Военно-силового сценария» развития политики США и их союзников к 2025 г.

Политический результат № 1	Политический результат № 2	Политический результат № 3
Силовая политика США и западной ЛЧЦ окажется достаточно эффективной и без масштабных военных действий удастся сохранить контроль над финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире	«Результат № 2» удастся получить в итоге как и «Результат № 1», но в итоге активных вооруженных операций на разных ТВД против российской (Европа), исламской (Большой Ближний Восток) и китайской ЛЧЦ	Результат получить не удастся в силу совокупности ошибок лидеров западной ЛЧЦ и успехов в координации деятельности других ЛЧЦ

Вывод: к 2025 году США и западная ЛЧЦ смогут в любом случае получить полный или промежуточный политический результат

← неизбежное нарастание противоречий после 2025 года между ЛЧЦ →

Прогноз возможных вариантов, развивающихся сценарии, после 2025 года, основанных **на доминировании новых парадигм**, прежде всего, в соотношении мировых сил и развитии глобальных тенденций.

Предлагаемая логика и сценарии могут стать, естественно, только основой для дальнейших размышлений и прогноза, но даже в этом своем качестве она сужает анализ и прогноз до вполне ограниченного и поддающегося рациональному осмыслению реалистического перечня наиболее вероятных сценариев и их вариантов развития США, из которых выделяется, в конечном счете, единственный, базовый, сценарий и его варианты развития США до 2025 года и после 2025 года.

Негативной стороной такого подхода является:

- исключение изначально неких, теоретически возможных (например, «многополярных»), сценариев развития МО, которые могут быстро перейти из состояния «возможные» в состояние «вероятные». Такие ситуации в истории человечества периодически возникали и необходимо изначально допускать их повторение, хотя прогнозировать их невозможно. Так, например, еще в декабре 1916 года в России никто не прогнозировал февральскую революцию;
- отказ от рассмотрения изначально неких возможных «оптимистических» сценариев развития МО и США, в основе которых лежат принципы международного права, нравственности или иные мотивы. Эти любимые частью российских политологов сценарии, стали в последние десятилетия неизбежной и обязательной чертой политического ландшафта, хотя основания для этого никаких нет;
- известная механистичность и формальность в перечне вариантов одного и того же сценария, которая ведет к определенному упрощению восприятия;
- сценарий развития политики США рассматривается в самой тесной связи и даже зависимости по сценариям развития МО и западной ЛЧЦ, которые иногда в истории страны не имели решающего значения.

Итак, не только доминирующим, но и единственно реальным стратегическим сценарием развития США до 2050 года, в конечном счете, представляется сценарий «Военно-силового противоборства» с другими ЛЧЦ, в котором Соединение Штаты выступают силовым лидером и основным выгодополучателем.

При этом наиболее реальными вариантами этого «Военно-силового сценария» остаются «Вариант № 1» Д. Трампа и «Вариант № 3», который условно можно назвать «лидерством в глобализации». И в од-

ном, и в другом случае, однако, предполагается защита позиций США с помощью военной силы.

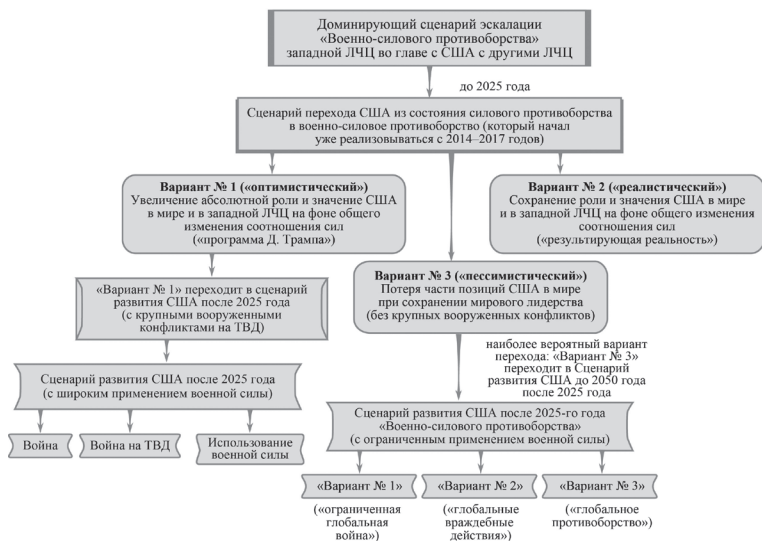

Рис. 2.10. Стратегический прогноз базового сценария развития США до 2025 года и после 2025 года

В данной модели не дается прогноз развития США после 2025 года, хотя в конце работы и делается некая попытка продемонстрировать некоторые возможные сценарии. При этом как уже говорилось, необходимо четко разделить этот этап развития США, как минимум, на три периода — до 2019 года, 2019–2021 годов и до 2023–2025 годов. Периоды, которые будут не только резко отличаться друг от друга, но и, строго говоря, должны быть отделены в соответствующей сегодня практике на краткосрочные и среднесрочные. При этом я исхожу из того, что в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе (до 2025 года) ВПО и СО будет меняться достаточно динамично, но не радикально в силу того, что нам, в 2017 году, известны не только имеющиеся, но и находящиеся в завершающих стадиях разработки ВВСТ, а также способы их использования.

Иначе говоря, характер современной войны и военных конфликтов до 2025 года мы можем прогнозировать достаточно точно.

Как и количественные характеристики ВС противостоящих сторон. В качестве иллюстрации, например, можно привести описание, данное в одном из пособий США состояния и ближнесрочных перспектив средств огневого поражения России на конец 2016 года.

Исходя из этих характеристик, можно также корректировать основные представления о способах вооруженной борьбы, тактике, оперативном искусстве и даже стратегических операциях. (рис. 2.11)

В среднесрочной перспективе (до 2025 года), на мой взгляд, лидерство США, безусловно, сохранится, а, возможно, даже и упрочится. Ожидать до 2025 года масштабных кризисов и рецессий, которые угрожали бы мировому лидерству США в эти годы, вряд ли стоит. Единственным возможным конкурентом на экономической и «технологической поляне» им сможет стать Китай, но это может произойти только в нескольких отдельных научно-технических и технологических областях.

На коалиционном антизападном фронте возможно формирование межцивилизационных союзов и клубов, имеющих определенную антизападную и антиамериканскую направленность во главе с некоторыми ЛЧЦ, прежде всего российской, китайской, исламской и — в более далекой перспективе бразильской, индонезийской и др. Таким образом можно утверждать, что в среднесрочной перспективе сохранится контроль США над системой союзов и союзников, созданной и действующей эффективно в Афганистане, Ираке, Иране, на Украине, а, в конечном счете — против России. Более того, к этому союзу смогут добавиться не только отдельные страны, например, Вьетнам, но и целые ЛЧЦ, например, Индия, которая может стать к 2040 году второй по величине ВВП страной в мире. Но даже подобное развитие событий не повлияет радикально на позиции США.

Таким образом, два основных «столпа» американской мощи — технологическое и экономическое превосходство, с одной стороны, и возглавляемая ими широкая западная коалиция, с другой стороны, — в среднесрочной перспективе до 2025 года не просто сохранятся, но и, скорее всего, укрепятся.

В долгосрочной перспективе (до 2050 года) лидерство США неизбежно будет поставлено под угрозу, что, однако, отнюдь не означает его неизбежного падения, но развитие ВПО после 2025 года, на мой взгляд, будет уже качественно отличаться от предыдущего периода.

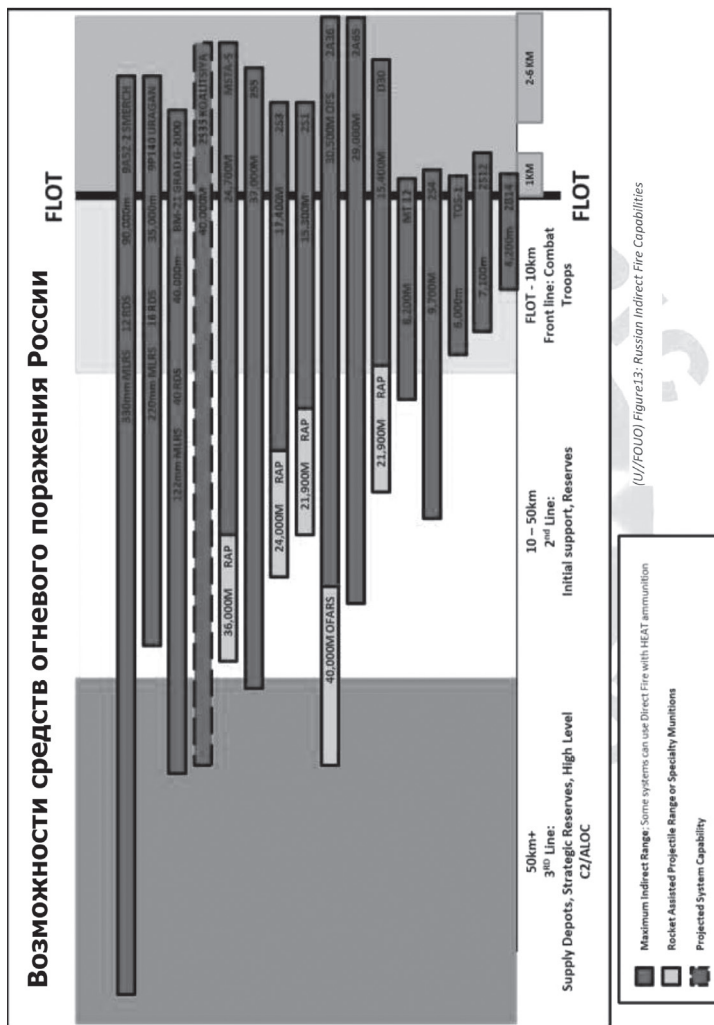

Рис. 2.11. Возможности средств огневого поражения России²⁷

Это особенность, безусловно, радикально повлияет и на внешнюю, и военную политику США после 2025, которая, вероятнее всего, станет еще более агрессивной.

2.3.а). От «защиты демократии» до прагматической защиты глобальных интересов США: универсальный военно-политический модуль

В условиях обозначившейся перед США нехватки ресурсов одной из доминирующих тенденций... стал отказ от стремления к парированию каждой из отдельных угроз специальным набором систем и переход к интеграции всех имеющихся и создаваемых средств в единую систему с открытой модульной архитектурой...²⁸

*В. Коровин,
эксперт ЦВПИ*

Строительство системы и модульной архитектуры американской внешней и военной политики в XXI веке началось не сразу. Первые попытки глобальной реакции США в условиях однополюсного мира, предпринятые с 2001 года, показали успешными, но затем, когда ситуация стала выходить из-под контроля (из-за расползания террористических банд и вмешательства России в Сирии), Вашингтон был вынужден менять стратегию и модель своей политики в мире, делая ее более универсальной и системной как во внешнеполитической, так и в военной областях.

В основе американской силовой политики, как всегда находился интерес правящей элиты страны, но **трактовка** этого интереса в отдельные периоды менялась в зависимости от реализации того или иного варианта сценария реализуемой политики. В частности, если говорить о внешней политике США в последние 16 лет (после 11.09.2001), то она была скорректирована от глобально-бессистемной («защиты демократии и системы ценностей») при Буше к более системной, универсальной и внешне простой формуле «борьба с терроризмом», — при Трампе. Произошло де-факто некоторое возвращение внешней политики от принципа «избирательной легитимности» (когда США пытаются объявить другим

субъектам МО, что можно, а что нельзя) к принципу «ограниченного суверенитета» (когда США признают ограниченность своего влияния)²⁹.

Естественно, что воспринимать эту формулу в чистом виде нельзя, но смещение акцентов говорит в пользу сокращения глобальных военно-силовых обязательств США. Так, 11 сентября в США. В обращении к нации, которое было сделано в октябре 2001 года, тогдашний глава Белого дома Джордж Буш-младший заявил, что в ответ на покровительство «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) целью Вашингтона станет Афганистан, однако борьба с терроризмом этим не ограничится. «В этом конфликте нет нейтральной территории, — пояснил 43-й президент США. — Если какая-либо власть спонсирует бандитов и убийц невинных людей, она сама становится в один ряд с бандитами и убийцами». Он уверил: «Мы защищаем не только наши драгоценные свободы, но и свободу людей во всем мире — жить и воспитывать своих детей вне страха»³⁰.

Подобная амбициозная цель означала, что США публично заявляли о своем праве вмешиваться с помощью силовых средств политики в любые события, происходящие в любых странах. Это ничто иное как открытый и откровенный шантаж и диктат, который должен был стать политической мотивацией для военно-силового вмешательства в любом районе мира. Что и произошло практически немедленно в Афганистане. Но не только. Даже агрессия Грузии 2008 года стала по сути дела закономерным следствием такой политики потому, что была обеспечена подготовительными шагами США.

Естественно, что подобный глобальный «замах» потребовал огромных ресурсов. Их масштаб не стал катастрофическим (как во времена вьетнамской войны), но весьма существенным для военного и федерального в целом бюджета страны. Вмешательство на Ближнем Востоке и в Центральной Азии нанесло урон Соединенным Штатам не только с точки зрения человеческих жизней (в одном только Афганистане начиная с 2001 года погибло свыше 2,3 тыс. военных), но и с точки зрения финансовых затрат. Исследовательская группа Конгресса США определила, что афганская и иракская кампании стоили американским налогоплательщикам всего около 1,6 трлн. долл.

Однако открытое вмешательство США в дела государств Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока привело не только к желательным результатам — дестабилизации и ликвидации относительно самостоятельных режимов, — но и развитию не подконтрольных уже США ими

же созданных террористических сил исламской ЛЧЦ. Это, в свою очередь, заставило западный мир вплотную заняться своей безопасностью и пересмотреть свои политические приоритеты. Яркая тому иллюстрация — президент Сирии Башар Асад, который на фоне преступлений и бесчинств самопровозглашенного «халифата» перестал быть главным объектом ненависти западных лидеров.

В конечном счете, США поняли, что их обязательства по «демократизации и благоустройству» планеты несут слишком серьезные издержки, которые недопустимы на фоне роста влияния других субъектов ВПО, и которые требуют корректировки. Первая такая корректировка произошла при Обаме, который несколько сократил абсолютные размеры военного бюджета США, выросшего почти на 100% за предыдущие годы.

Но речь в конечном счете идет не о сокращении военных расходов, а об их упорядочении при одновременном увеличении. В 2017 году, объявляя о вынужденном военном усилении Соединенных Штатов в Афганистане, президент Дональд Трамп помимо традиционных (в духе политического мейнстрима США) ремарок о необходимости борьбы с терроризмом и о негативных последствиях внезапного ухода западных военных с афганской территории сказал и довольно нехарактерную для американского официоза вещь. «Мы не занимаемся национальным строительством — мы убиваем террористов, — провозгласил 45-й президент США. — Мы больше не будем использовать американскую военную силу для того, чтобы выстраивать демократии в далеких местах или пытаться перестроить другие страны по своему образу и подобию. Эти дни уже прошли»³¹.

2.3.6). США и другие локальные человеческие цивилизации

Не позволяй своему языку выписывать чек,
за который твоя задница не сможет расплатиться

Американская поговорка

Перспективы развития США до 2025 года правящие круги связывают с возможностью силовыми средствами нейтрализовать изменение соотношения сил в мире, которое они признают как неизбежное.

Причем далеко не всегда силовые средства означают военные. Совсем наоборот — по отношению к крупным субъектам ВПО, которыми являются ЛЧЦ, современная внешняя политика США носит достаточно аккуратный и взвешенный характер. Ее особенностью является комбинированный подход, сочетающий в одной системе мер самый широкий спектр политических средств, применяемых синхронно, даже одновременно, что существенно усиливает синергетический эффект.

Эскалация насилия, предусмотренная такой стратегией «силового принуждения», как правило, соответствует уровню проблем, возникающих при том или ином состоянии МО или ВПО.

2.4. Враждебные действия США как принцип политики

Стратегическое планирование в общем случае представляет собой процесс определения целей организации... и их изменений, а также ресурсов..., и политики, направленной на приобретение и использование этих ресурсов³²

У. Кинг, Д. Клиланд

При реализации любых сценариев и их вариантов в политике США предусматривается неизбежное использование таких инструментов, которые объединяются общим понятием «враждебные действия». Причем даже в том случае, когда такие действия внешне могут и не ассоциироваться с таким характером.

Это утверждение требует обоснования, ведь если с ним согласиться что практически любые акции США по отношению к самым разным странам можно назвать «враждебные», что, на мой взгляд, полностью соответствует действительности даже в том случае, когда речь идет об оказании Вашингтоном гуманитарной помощи.

Все дело в том, что характер таких действий определяется не их особенностью, «кровожадностью», либо другими характеристиками, а политическими целями. Именно политические цели США, в конечном счете, определяют степень враждебности (или ее отсутствие). Так, например, политической цели подчинения элит можно добываться не только шантажом, угрозами или использованием военной силы,

но и подкупом, отчего этот акт не станет менее враждебным по отношению к другому субъекту ВПО.

Другой пример: враждебный акт, который выражался в подкупе «Троянского коня», приведший к уничтожению государства, может быть вообще расценен как дружеский поступок, хотя он и привел к военному и политическому поражению.

В этой связи исключительно важное значение, на мой взгляд, приобретают те враждебные особенности в военно-политическом развитии США до 2025 г., которые необходимо выделить.

2.4.а). Политическая цель и базовый сценарий развития США

... война неизбежна до тех самых пор, пока одна из великих наций не окажется в этом историческом соревновании самой великой, настолько сильной, чтобы подчинить своей гегемонии весь земной шар...³³

*А. Владимиров,
военный эксперт*

Исходя из неизбежности эскалации военного противоборства, я считаю, что наиболее вероятный («базовый») сценарий развития внешней и военной политики США, как уже говорилось, до 2025 года является, в конечном счете, производным от политических целей правящей элиты США, затрачиваемых на их достижение ресурсов и избранной стратегии. В нашем случае эта простая политическая модель будет выглядеть следующим образом:

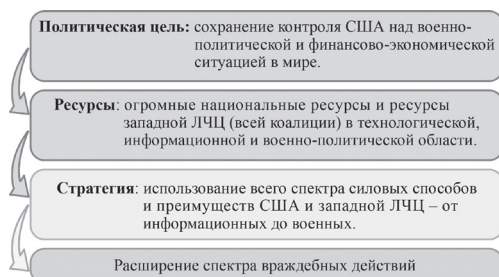

Рис. 2.12.

Эта модель описывает и фиксирует главное — цель и ресурсы, — оставляя для средств и способов их достижения область военно-силовой стратегии, которая к 2017 году приобрела форму «силового принуждения», т.е. враждебных действий.

2.4.6). Категория «Враждебные действия»

Выше уже говорилось о военно-силовом спектре средств и способов политики США, который некоторые российские военные ученые справедливо рассматривают в качестве отдельной формы использования средств в интересах политики — «враждебные действия». В самом общем виде они представляют ситуацию следующим образом:

Таблица 2.2. Методологические новации в предметной области

ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ (геополитические, межгосударственные, этноконфессиональные, социальные) — форма устранения противоречий между субъектами противоречий в противоборстве с применением открытого насилия или в ходе не прямых (скрытых) действий, проводимых с целью изменения центра доминирования, политики и (или) основ политического (этно-конфессионального, социального) устройства объектов воздействия

МИР — состояние межгосударственных межблоковых, межкоалиционных) отношений (а также отношений между политическими, этно-конфессиональными и социальными субъектами внутри страны), характеризующееся отсутствием враждебных действий (отношений)

ВОЙНА — вид межгосударственных враждебных действий (а также между политическими, этно-конфессиональными и др. субъектами внутри страны) — социально-политическое явление, заключающееся в открытой реализации мер насильственного принуждения объектов воздействия к подчинению требованиям субъектов, в т.ч. в ходе военных действий

Как видно из приведенных определений, современное состояние отношений между Россией и США «миром» точно не назовешь: налицо не только явные враждебные действия, но и их эскалация. В том числе с помощью сознательно создающихся дезинформационных ресурсов, предназначенных в том числе для провокаций в условиях ведущейся «когнитивно-психологической войны, о которой

на совещании руководителей РУМО США в августе 2017 года говорил генерал Стюард. Так, например, для американской армии разрабатывается программа, которая позволит создавать онлайн-персонажей для «распространения проамериканской пропаганды» через Twitter, Facebook и другие подобные сервисы, сообщает британская The Guardian.

При этом мы часто не обращаем внимание на такие враждебные действия по отношению к нам, как «воспитание» нашей правящей элиты в антигосударственных традициях, обеспечивающих не только развал государства, но и — в начальной стадии — отказ от использования его институтов.

Сами США все годы либеральных реформ в России активно использовали институты государства.

Может показаться странным, но в США была популярна мысль о том, что «Наиболее эффективный способ обеспечения безопасности считают в США, — не закупки вооружений, а долгосрочное планирование государственного управления и бюджетирования»³⁴.

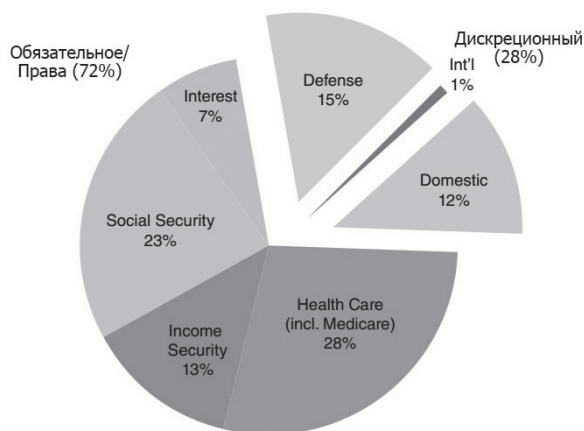

Рис. 2.13. Финансовый год 2017 Федеральные расходы
(% по типу расходов)

Единый пункт управления расположится на базе ВВС США «Макдилл» близ Тампы (Флорида) и будет функционировать в круглосуточном режиме. Работать в нем будут до 50 операторов, каждый из

которых сможет контролировать до 10 фиктивных юзеров, так называемых марионеток, зарегистрированных в различных странах мира, рассказывают корреспонденты. В контракте сказано, что каждая онлайн-персона должна иметь убедительную легенду. Также предусмотрена изолированная система защиты от разоблачения. По словам Билла Спикса, пресс-секретаря Центрального командования ВС США, воздействовать на американскую аудиторию запрещено законом, поэтому система будет использоваться для общения на арабском, фарси, урду, пушту и других языках, но не на английском.

Предполагается, что данная инициатива является частью операции «Искренний голос» (OEV), первоначально разработанной для ведения психологической борьбы с сетевой деятельностью сторонников «Аль-Каиды» и других сил против войск коалиции в Ираке. Генерал Джен Маттис, руководитель Центрального командования ВС США, которое выступило заказчиком ПО, заявил: «OEV создана для того, чтобы подорвать механизм вербовки и подготовки террористов-смертников; лишить наших противников прибежища, а также для борьбы с экстремистской идеологией и пропагандой»³⁵.

Центральное командование подтвердило, что контракт стоимостью 2,76 млн. долл. достался недавно зарегистрированной в Лос-Анджелесе компании Ntrepid. Интернет-эксперты уже проводят аналогии с «попытками Китая поставить под контроль и ограничить свободу слова в интернете», а критики сетуют, что проект позволит американской армии добиться «эффекта ложного единодушия» в онлайн-дискуссиях. Кроме того, есть опасения, что примеру США могут последовать «правительства других стран, частные компании и неправительственные организации».

Таблица 2.3. Актуальные формы враждебных действий и их нейтрализации

Сферы	Формы
Политическая	Формы открытых действий из иных сфер борьбы (экономические, информационные, психологические операции). Тайные операции. Операции «мягкой силы». Операции под прикрытием. Операции публичной дипломатии. Дипломатические акции. Гуманитарные операции. Гуманитарные интервенции. Действия по оказанию экономической помощи. Действия в рамках международных программ развития. Действия в рамках культурного обмена. Террористические действия.

Сферы	Формы
Информационная	Идеологическая и психологическая обработка общественного сознания в различных формах.
Экономическая	Формы открытых действий из иных сфер борьбы — политические (дипломатические), информационные, психологические операции (действия). Специальные финансовые операции. Пиратство, террористические действия в экономически важном районе. Действия по внедрению ГМО в систему продовольственного обеспечения.
Военная	Разведывательные операции. Демонстративные действия. Ложные операции. Миротворческие действия. Скрытый маневр силами, средствами. Сдерживание.

Примером таких действий в информационной области может служить иллюстрация активности СМИ западной ЛЧЦ в конце 2016 года.

Стратегические — информационные операции против политического руководства РФ и стран СНГ.

По итогам 48–49-й недель (28 ноября — 11 декабря) 2016 г. информационное давление на президента России усилилось.

На 48-й неделе (28 ноября — 4 декабря) значение ИА осталось на уровне предыдущей недели (незначительное снижение с 1,07 до 1,06), при небольшом росте числа публикаций — с 439 до 454 материалов.

На 49-й неделе (5–11 декабря) значение ИА выросло до 1,49 при одновременном небольшом снижении числа публикаций — до 433 материалов³⁶.

Рис. 2.14. Публикации о президенте России (индекс агрессивности)

Рис. 2.15. Публикации о президенте России (число публикаций)

Моделью военно-силовой политики США в будущем стала политика США по отношению к КНДР, которая в комплексе системно включает весь «набор» силовых инструментов.

Прежде всего, в такой стратегии минимальная роль отводится дипломатии, что хорошо видно на примере кризиса в отношениях с КНДР, где позицию США очень точно описал 23 сентября руководитель департамента МИД РФ М.И. Ульянов. Она, по его словам, выглядит следующим образом: «При согласовании проекта мы отчетливо почувствовали, что его авторы делают ставку на дальнейшее наращивание давления на Пхеньян. Дескать, еще немного — и КНДР будет вынуждена принять требования международного сообщества. На самом деле оснований для столь радужных ожиданий мы не видим. Практика свидетельствует об обратном: на каждую новую санкционную резолюцию Пхеньян отвечает новыми испытаниями — то ядерной бомбы, то баллистической ракеты. Сколько еще раз это должно повториться, чтобы мы все извлекли уроки и вышли на более продуктивный образ действий, дающий шанс на скорейшее урегулирование крайне острой проблемы?»³⁷

Похоже, у некоторых наших партнеров возникли пробелы в институциональной памяти. Напомню, что санкционный инструментарий впервые был масштабно задействован в начале 90-х годов, когда СБ ООН ввел почти тотальные торгово-экономические эмбарго против Ирака и бывшей Югославии. Очень скоро стало ясно, что санкции не способствуют достижению поставленных целей, но влекут за

собой неприемлемые гуманитарные последствия. В случае с бывшей Югославией выйти из этой чудовищной ситуации удалось благодаря соглашению в Дейтоне, а применительно к Ираку — через запуск программы «Нефть в обмен на продовольствие». Но об этих давших-ся большой ценой уроках многие сейчас подзабыли. Вновь взят курс на бесконечное закручивание «санкционных гаек», хотя, как показывает опыт, это путь в никуда, который ведет лишь к социально-экономическому удушению населения Северной Кореи. В этой связи мы исходим из того, что санкционный трэк практически исчерпан.

Надеюсь, что присутствующие в этом зале иранские коллеги не будут в претензии, если я сошлюсь на пример их страны. Урегулирование вокруг иранской ядерной программы стало возможным только тогда, когда вместо введения все приходится напомнить, что средства давления в подобных ситуациях должны сопровождаться и новых санкций, которые лишь загоняли ситуацию в тупик, участники переговоров сделали упор на творческом поиске взаимоприемлемых сбалансированных решений. В результате на свет появился Совместный всеобъемлющий план действий, ставший одним из крупнейших достижений в мировой политике последних лет и доказавший эффективность и безальтернативность политико-дипломатических решений. Ничего подобного применительно к Северной Корее нет.

Мы предлагали авторам проекта включить в резолюцию хотя бы упоминание о российско-китайской «дорожной карте» урегулирования, опубликованной в МАГАТЭ в качестве документа INFCIRC/922. Однако получили категорический отказ под предлогами, которые считаем надуманными и неуместными. Ведь на сегодняшний день упомянутая «карта» является единственным детально проработанным предложением по выходу из тупика. Причем, отвергая российско-китайские идеи, никто из авторов резолюции собственных позитивных программ не выдвигает. Такая установка не дает повода надеяться на скорое решение проблемы. Впрочем, нам удалось добиться включения в пункт 13 постановляющей части резолюции слов поддержки в отношении «мирных инициатив». Интерпретируем это как, по крайней мере, косвенную поддержку российско-китайской «дорожной карты», поскольку, помимо нее, других мирных инициатив попросту нет³⁸.

При согласовании текста мы предлагали также включить в него призыв ко всем сторонам воздерживаться от провокационных дей-

ствий и воинственной риторики. Получили от авторов отказ. Видимо, они считают такие действия и такую риторику не дающими поводов для беспокойства. Мы придерживаемся прямо противоположной точки зрения, основанной на Уставе ООН, где, в частности, говорится о недопустимости угрозы или применения силы в межгосударственных отношениях. Отход от этого основополагающего принципа чреват катастрофическими последствиями. Считаем крайне опасными угрозы стереть оппонента с лица земли — будь то на Ближнем Востоке, в Северо-Восточной Азии или где-либо еще. Согласование проекта давало возможность напомнить об этом, причем не только Пхеньяну, но и всем, кого это касается. К сожалению, авторы проекта почему-то сочли это избыточным.

Мы также предлагали включить в проект поручение Секретариату направить согласованную резолюцию представителям КНДР. Однако и это предложение не нашло своего отражения в документе, поскольку некоторые наши партнеры по непонятным причинам категорически против любых контактов Агентства с Пхеньяном.

В заключение хотели бы подчеркнуть, что государствам-членам сейчас необходимо сосредоточить свои усилия на поддержании готовности МАГАТЭ приступить к постановке ядерной деятельности КНДР под неусыпный и всеобъемлющий международный контроль в строгом соответствии с положениями ДНЯО и уставными функциями Агентства. Всецело поддерживаем усилия МАГАТЭ на этом направлении.

Палата представителей конгресса США проголосовала за расширение санкций против Северной Кореи из-за ее ракетной и ядерной программ. Законопроект был поддержан 419 голосами, сообщает Associated Press. Против высказался лишь один законодатель.

Документ, подготовленный республиканцем Эдом Ройсом, предписывает организовать мониторинг за инфраструктурой, используемой для нарушения санкций СБ ООН против КНДР. В течение 180 дней после принятия закона, а затем ежегодно в течение пяти лет президент должен направлять в соответствующие комитеты конгресса отчеты о том, какие именно порты и аэропорты в этом задействованы, следует из документа. Под особым контролем окажутся, в частности, российские Находка, Ванино и Владивосток. Отчеты по ним должны включать в себя «конкретные выводы», отмечается в законопроекте.

Наряду с российскими портами американские законодатели настаивают на прицельных проверках китайских Даньдуна и Даляня, а также любых других, которые президент сочтет достойными внимания, иранских портов и аэропорта имени Имама Хомейни в Тегеране, а также сирийских Латакии, Банияса и Тартусы.

Пограничные и таможенные службы предлагается наделить правом досматривать суда, побывавшие в Северной Корее в течение последних 365 дней или посетившие порты — нарушители резолюций СБ ООН. Северокорейские суда, а также корабли, нарушившие санкционный режим, не смогут заходить в территориальные воды США. Аналогичные отчеты должны представляться в конгресс по персоналиям или иностранным правительствам, участвующим в финансовом консультировании КНДР.

Отдельной оценки законодатели требуют для сотрудничества Ирана и Северной Кореи по ядерной программе, разработке баллистических ракет, а также химическому и бактериологическому оружию. Соответствующий доклад должен быть представлен не позднее, чем через 90 дней после принятия закона и далее ежегодно на протяжении пяти лет.

Также в течение 90 дней госдепартамент должен определить, является ли КНДР спонсором международного терроризма, с возможным включением в соответствующий список стран, предполагающий введение своих санкций.

Использование «рабского труда» граждан КНДР за рубежом законопроект также ставит под запрет. По словам Ройса, компании из Сенегала и Катара импортируют северокорейских рабочих в Анголу, которые отправляют свои заработки на родину, «зарабатывая для режима миллиарды долларов в год в твердой валюте», приводит его заявление AP. Эти деньги северокорейский лидер Ким Чен Ын использует для продвижения своих ядерной и ракетной программ и платит своим генералам, покупая таким образом их лояльность, рассказал американский законодатель, сославшись на информацию «высокопоставленных перебежчиков», с которыми он встречался. «Так что давайте вытрясем его кошелек!» — призвал Ройс.

С этой же целью — оказать финансовое давление на Пхеньян — законопроект вводит запрет на закупку у КНДР значительных объемов угля, железа или железной руды, сверх норм, определенных СБ ООН³⁹.

2.4.в). Враждебные невоенные действия в политике США

... у нас вообще еще нет по многим вопросам определенных, устойчивых взглядов, на основе которых могло бы производиться воспитание новых кадров работников, и это само по себе исключает возможность наличия у нас кадра руководителей...⁴⁰

М. Фрунзе

Любой из вариантов развития США предполагает активный поиск и применение враждебных силовых (но не военных) средств и способов насилия (или «принуждения»), которые по целому ряду параметров — менее рискованны, как правило, дешевле, нередко эффективнее — более желательны, чем собственно военные средства. Так, враждебные действия США в отношении России и КНДР не только не вели к повышению рисков войны (потому, что именно США контролировали эскалацию), но даже в определенной степени отдаляли стадию, на которой предусматривается применение военной силы. Даже после прямых военных угроз и демонстраций, например, США продолжали практику враждебных действий против КНДР в финансовой области в сентябре 2017 года. Причем публично, официально и категорично отрицая «состояние войны» с КНДР.

Тем самым проводится «красная линия» между враждебными невоенными и враждебными военными действиями, которая не позволяет говорить о переходе субъектов ВПО к состоянию войны, с одной стороны, но фактически означает ведение такой войны, — с другой.

2.4.г). «Цифровая среда» противоборства

Сегодня не то время, чтобы раскачивать лодку человеческих страстей — сегодня время сплочения всех здоровых сил, поэтому и церковь, и искусство, и культура, наши писатели, ученые, все те люди, которые любят Родину, должны быть сегодня вместе, потому что мы входим в критический период развития человеческой цивилизации⁴¹

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

В настоящее время получила распространение новая гражданская цифровая культура, в котором так называемые «социальные» и/или «разговорные» технологии или социальное программное обеспечение предоставляют беспрецедентные возможности для повседневной деятельности пользователей. Термин Web 2.0 вошел в обиход, чтобы отразить продолжающийся переход World Wide Web из коллекции веб-сайтовк полноценной вычислительной платформе, обслуживающей социальные веб-приложения, такие как электронная почта, форумы, чаты, блоги и вики для конечных пользователей⁴². Конструктивистские теоретики в области обучения⁴³ объясняют, что процесс выражения знаний добавляют к его созданию еще и беседы, которые идут на пользу для уточнения знаний. Чунг и др. утверждают, что разговорное управление знаниями выполняет эту цель, потому что разговоры, например, вопросы и ответы, становятся источником соответствующих знаний⁴⁴.

Социальные технологии облегчают процессы, где создание и хранение знаний осуществляется **через дискуссионный форум**, в котором участники вносят свой вклад посредством дискуссии с вопросами и ответами, или через Weblog, типичным примером которого является процесс рассказывания историй или через вики, используя совместное написание⁴⁵.

В корпоративной среде появляется термин Enterprise 2.0, который отражает использование произвольной формы социального программного обеспечения внутри компании, направленного на поддержание работы подразделения и отдельного работника

знаний. Гордон и Ганесан отстаивают другое видение для систем управления знаниями, которое специально предназначено для фиксирования и использования рассказов в общинах и организациях в контексте нормальных, обычных разговоров⁴⁶.

Беседа и другие виды коммуникации человека с человеком должны быть использованы в современных системах управления знаниями, так как значение беседы используется для упаковки и передачи неявных знаний. Привлечение этих социальных технологий выгодно по причине их низкой стоимости, интуитивно понятной функциональности и возможности подключения. Социальные технологии поддерживают новые формы **сетевидного взаимодействия** и деятельности между людьми, что позволяет и улучшает неформальный доступ для создания и распространения информации. Эти технологии расширяют возможности обычных людей, чтобы иметь глобальное присутствие для деловых, политических и социальных целей. **Новые социальные технологии в фокусе этого проекта являются инструментами растущей цифровой демократии.**

Новые инструменты используются не только для установления диалога между обществом и властью, но и как дополнительный механизм внешней политики. По мнению Н. Цветковой «существует несколько терминов, используемых американским правительством для обозначения инновационного способа оказания влияния на зарубежное общество при помощи Интернета: цифровая дипломатия (digital diplomacy), интернет-дипломатия (Internet diplomacy), дипломатия социальных сетей (Twitter diplomacy) и публичная дипломатия Web 2.0. (public diplomacy Web 2.0.). Наиболее распространенным термином среди руководства США, занимающегося вопросами внешней политики и установления влияния в других странах, является последней.

Публичная дипломатия Web 2.0. — это механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством следующих методов: размещение радио и телепередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонализированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны»⁴⁷.

2.4.д). Коалиционная военная политика

Развитие даже отдельной части всей военно-политической коалиции западной ЛЧЦ — Североатлантического союза — в 2014–2017 годах полностью подтверждает этот вывод. Так, в 2015 году лидеры стран НАТО на саммите в Уэльсе приняли «План действий по обеспечению готовности» (ПДОГ). В настоящее время он почти полностью выполнен. За прошедшие годы численность Сил реагирования НАТО (СРН) увеличилась в три раза и составляет 40 тыс. военнослужащих. Основные подразделения этих сил могут начать свои действия через несколько дней с момента возникновения противостояния с противником. Как отметил Столтенберг, на восточном ТВД Североатлантического альянса развернуты восемь небольших штабов. Они созданы для обучения войск и — в случае необходимости — для организации развертывания боеготовых воинских формирований. Кроме того, НАТО развернуло восемь подразделений своих сил в Болгарии, Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Румынии, Словакии и Эстонии. Они подчиняются штабу многонационального корпуса «Северо-восток» в Щецине и штабу многонациональной дивизии «Юго-восток» в Бухаресте.

ПДОГ обеспечивает баланс между потребностями расширения военного присутствия сил НАТО в некоторых регионах и возможностью повышения боевого потенциала этих сил на любом ТВД блока. Мероприятия, проведенные в рамках данного плана, позволяют НАТО должным образом реагировать на потенциальные угрозы, исходящие с любого направления. Он дал возможность установить состав, численность и готовность СРН, включая конфигурацию Объединенной оперативной группы повышенной готовности, а также расставить новые акценты в процессах подготовки крупнейших воинских формирований ОВС, которые при необходимости могут повысить боевой потенциал любого государства — члена блока.

С целью гарантированного обеспечения безопасности своих членов в 2016 году НАТО осуществляло патрулирование силами истребительной авиации ОВС воздушного пространства прибалтийских стран. Самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОУ) осуществляли полеты над территориями государств блока, расположенных в восточной части общей территории Союза.

Силами постоянных военно-морских противоминных групп НАТО велось патрулирование акваторий Балтийского и Черного морей. Патрульные самолеты ВМС контролировали восточные границы блока. Кроме того, для проведения учений на восточных территориях НАТО велось развертывание подразделений сухопутных войск. 83 из 246 учений, организованных в 2016 году, были направлены на обеспечение гарантий безопасности стран блока.

В последние годы, указывается в отчете НАТО, наблюдается увеличение числа гибридных угроз, при которых могут использоваться обычные и нетрадиционные средства ведения войны и проводиться открытые и тайные операции самого различного характера. В стратегии НАТО по противодействию гибридным угрозам подчеркивается необходимость готовности к потенциальным конфликтам такого рода. Неопределенность является неотъемлемой чертой таких противостояний. Ключевой составляющей данной стратегии является активизация сотрудничества НАТО с Европейским союзом, который играет важную роль в проведении акций гражданского характера в противодействии гибридным атакам.

В связи с появлением новых вызовов безопасности стран НАТО, руководители стран-членов блока на саммите в Варшаве в середине 2016 года приняли решение об организации передового присутствия воинских контингентов на ротационной основе в регионах Балтийского и Черного морей. В них будут входить развернутые в Латвии, Литве, Польше и Эстонии под руководством Канады, Германии, США и Великобритании многонациональные боевые группы. Под эгидой Румынии будет развернута многонациональная бригада для обучения военнослужащих. Эта бригада должна обеспечить безопасность стран НАТО в Черноморском регионе.

Передовое базирование станет неотъемлемой частью мер по сдерживанию агрессий и обеспечению обороноспособности стран альянса. В мирное время воинские контингенты НАТО, развернутые в Латвии, Литве, Эстонии и Польше, будут проходить боевую подготовку совместно с национальными ВС этих стран, что позволит повысить их оперативную совместимость и эффективность боевых действий. В условиях агрессии эти силы будут действовать в соответствии с правом на самооборону и в строгой координации с национальными силами принимающей страны⁴⁸.

Это, безусловно, позволит США решить главную для них задачу, которая выглядит следующим образом: сохранить в долгосрочной перспективе под своим контролем сложившиеся в мире финансово-экономические и военно-политические системы в условиях неизбежного изменения соотношения сил в пользу других ЛЧЦ, центров силы и коалиций.

Эти закономерности распространяются и на другие регионы и ТВД. Так, весьма показательными являются военные действия США в Сирии, где они пытаются разрушить союз антиамериканских сил Ирана, Сирии, Ирака и части других государств. Эта цель позволяет понять истинные мотивы поддержки и даже создания Соединенными Штатами с помощью своих союзников по коалиции фронта борьбы с этими силами. Вашингтон хочет контролировать ситуацию посредством своих союзников из коалиции «Демократические силы Сирии», которой руководят курдские отряды народной самообороны, находящиеся на границе между Сирией и Ираком. Цель — помешать Сирии соединиться со своими иракскими и иранскими союзниками. Вашингтон делает шаги в этом направлении, считая необходимым удержать Иран от создания того, что он называет «коридором» от Тегерана до Бейрута. «Коридор» сделает Иран доминирующей региональной державой на Ближнем Востоке⁴⁹.

Вероятнее всего усилия Вашингтона, направленные на то, чтобы достичь одновременно северной и восточной частей Дейр-эз-Зора, потерпят неудачу, что сформирует новый баланс сил в регионе. В этом раскладе — возможно, впервые с начала сирийского кризиса — будет доминировать ирано-сирийско-российская ось. Это отрезет подконтрольные Соединенным Штатам области в северной Сирии и Ираке от основных линий снабжения в Иордании и Персидском заливе, поэтому Вашингтон, скорее всего, немедленно развернет операцию в Дейр-эз-Зоре.

Успешное снятие осады города Дейр-эз-Зор помешало американцам начать атаку на одноименную провинцию из лагеря в Ат-Танфе. Внезапное прибытие сирийской армии при поддержке российских, иранских, иракских и ливанских сил в город Дейр-эз-Зор застигло врасплох американцев, которые после осады лагеря в Ат-Танфе перешли к подготовке к битве за Дейр-эз-Зор. Американцы планировали операцию, опорным пунктом которой являлся

бы город Эш-Шаддад на юге провинции Эль-Хасака. Заявление об этом было сделано две недели назад Ахмедом Абу Хауля, который является главой военного совета в Дейр-эз-Зоре, подчиняющегося «Демократическим силам Сирии». Хауля предполагал, что битва за Дейр-эз-Зор начнется «очень-очень скоро», в течение ближайших нескольких недель одновременно с битвой в городе Ракка.

В то же время источники в средствах массовой информации сообщали, что цель американской военной кампании в Дейр-эз-Зоре состоит в том, чтобы установить контроль над деревнями на юге Эль-Хасаки и на севере Дейр-эз-Зора, вплоть до реки Евфрат, КПП «Тель-Сафук» и деревень на севере от Абу-Камалья, не доезжая до самого города⁵⁰.

10 августа официальные представители международной коалиции объявили о проведении разграничительной линии между севером и югом реки Евфрат, разделяющей провинцию Дейр-эз-Зор на две части, чтобы предотвратить столкновения между армией и «врагом». Пресс-секретарь международной коалиции пояснил, что линия была проведена по соглашению между «Демократическими силами Сирии», режимом, Россией и США.

После того как Россия начала свои воздушные операции в Сирии, министр иностранных дел страны Сергей Лавров и государственный секретарь США Джон Керри согласились разделить страну на несколько областей для проведения стратегических операций по борьбе с формированиями, которые классифицируются Организацией Объединенных Наций как террористические. Область к востоку от реки Евфрат является зоной действия международной коалиции, борющейся с террористическим «Исламским государством», в то время как территория к западу от реки является зоной ответственности сирийской армии и ее союзников. Соглашение об этом было подписано между Министерством обороны России и Пентагоном в октябре 2015 года.

В период президентства Барака Обамы Россия и Соединенные Штаты имели разногласия относительно того, следует ли считать город Дейр-эз-Зор, который находится у реки, «разделительной линией». Разногласия были устранены после того, как армия и ее союзники отрезали международной коалиции, поддерживаемой из лагеря в Ат-Танфе, путь к городам Аль-Маядин и Абу-Камаль, а от них — и к Дейр-эз-Зору. В то время иракские ополчен-

цы контролировали сирийско-иракскую границу. Таким образом лагерь Ат-Танф был изолирован. Затем подключился Иран — он ударил по опорным пунктам «Исламского государства» в ответ на теракты, которые были совершены в Тегеране. Иран запустил со своих военных баз ракеты средней дальности (700 километров) в направлении Дейр-эз-Зора. У американцев не было иного пути, кроме как демонтировать лагерь и вернуть свои войска, а также войска своих британских и норвежских союзников в Иорданию и Ирак. Им также пришлось перенаправить в Иорданию отряды милиции после того, как коалиция «Демократические силы Сирии» отказалась принять их в городе Эш-Шаддад на юге Эль-Хасаки. Соглашение между президентом России Владимиром Путиным и президентом США Дональдом Трампом стало признанием реальной ситуации в районе Дейр-эз-Зора, а также провала американской стратегии по атаке на город из Ат-Танфы⁵¹.

2.4.е). Превосходство в стратегическом планировании

**Отставание
в стратегическом прогнозировании
и планировании неизбежно ведет к тому,
что мы готовимся «не к той войне», которая
будет (и фактически даже уже началась).
Поэтому наше современное отношение
к военно-политическому
противоборству уже устарело.**

Выбор в качестве наиболее вероятного (из большого числа возможных) сценария развития США до 2025 года представляет собой достаточно широкие рамки для маневра и принятия тех или иных решений правящей элитой страны. Так, этот сценарий в начале 2017 года допускал приход к власти как Д. Трампа, так и Х. Клинтон, не исключая и других, «промежуточных» вариантов: основное направление и темпы движения по нему были predetermined задолго до выборов президента США в ноябре 2016 года, а некоторые (порой, существенные) детали, не влияли в целом на весь сценарий.

¹ *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 49.

² *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов / пер. с англ. Т.О. Новиковой. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 7.

³ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. *А.И. Подберезкина, К.П. Боришполеца*. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 874 с.

⁴ См. подробнее: *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

⁵ Цит. по: *Акопов П.* Речь Трампа в ООН показывает его замыслы / Эл. ресурс: «Взгляд», 20.09.2017 / <https://vz.ru/politics/2017/9/20/887738.html>

⁶ Цит. по: *Акопов П.* Речь Трампа в ООН показывает его замыслы / Эл. ресурс: «Взгляд», 20.09.2017 / <https://vz.ru/politics/2017/9/20/887738.html>

⁷ Цит. по: *Акопов П.* Речь Трампа в ООН показывает его замыслы / Эл. ресурс: «Взгляд», 20.09.2017 / <https://vz.ru/politics/2017/9/20/887738.html>

⁸ Russian New Generation Warfare Handbook / <https://info.publicintelligence.net/AWG-RussianNewWarfareHandbook.pdf>

⁹ Цит. по: *Акопов П.* Речь Трампа в ООН показывает его замыслы / Эл. ресурс: «Взгляд», 20.09.2017 / <https://vz.ru/politics/2017/9/20/887738.html>

¹⁰ *Фролов А.Л.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — № 1. — С. 44.

¹¹ *Бордачев Т.* Пушки апреля, или Возвращение стратегической фривольности // Россия в глобальной политике, 2017. Май–июнь. — С. 27.

¹² *Арбатов А.* До основания, а затем... // Россия в глобальной политике, 2017. Май–июнь. — С. 84–103.

-
- ¹³ *Дворецкий К.* Демократия подъехала / Эл. ресурс: «Лента.ру», 21.08.2017 / www.lenta.ru
- ¹⁴ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. *А.И. Подберезкина, М.В. Александрова*. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 743 с.
- ¹⁵ *Иванов В.* За океаном задумались о Третьей мировой // Независимая газета, 2017. 4 июня.
- ¹⁶ *Иванов В.* За океаном задумались о Третьей мировой // Независимая газета, 2017. 4 июня.
- ¹⁷ *Иванов В.* За океаном задумались о Третьей мировой // Независимая газета, 2017. 4 июня.
- ¹⁸ <http://pic.an2k.net/ht16.php>
- ¹⁹ *Иванов В.* За океаном задумались о Третьей мировой // Независимая газета, 2017. 4 июня.
- ²⁰ *Иванов В.* За океаном задумались о Третьей мировой // Независимая газета, 2017. 4 июня.
- ²¹ *Холодов Н.* Newsland, 17.08.2017 / <http://newsland.ru>
- ²² *Каплан Ф.* Переосмысление ядерной политики // Россия в глобальной политике, 2016. Ноябрь–декабрь. — № 6. — С. 161.
- ²³ **Военно-политическое развитие (субъекта ВПО)** — зд. процесс развития (деградации) основных составляющих военной политики того или иного субъекта — военного строительства, военного искусства (тактики и стратегии) как части общей политики государства.
- ²⁴ *Акимов А.В.* Цивилизации XXI века: конфликты и контакты / <http://www.intelros.ru/pdf/repnoe/2012/05.pdf>
- ²⁵ См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. *А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец*. М.: МГИМО, 2014. — 874 с.
- ²⁶ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ²⁷ Russian New Generation Warfare Handbook / <https://info.publicintelligence.net/AWG-RussianNewWarfareHandbook.pdf>
- ²⁸ *Коровин В.* Вашингтон строит глобальную систему ПРО / «Алмаз-Антей», 2016. — № 4. — С. 5.
- ²⁹ Введение в прикладной анализ / под ред. *Т.А. Шаклеиной*. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 34.
- ³⁰ Афганская стратегия Трампа и дело мира // Независимая газета.

11 сентября 2017 г.

³¹ Афганская стратегия Трампа и дело мира/ /Независимая газета. 11 сентября 2017 г

³² *Кинг У. Клиланд Д.* Стратегическое планирование и хозяйственная политика. — М.: Прогресс, 1982. — С. 26.

³³ *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 частях. Часть I. Основы теории войны. — М.: Синергия, 2013. — С. 161.

³⁴ Economic. Report of the President (Washington, DC: Council of Economic Advisors, 2016) / http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/Books/charting-a-course/Ch4_The-American-Defense-Budget.pdf?ver=2016-12-12-150840-337

³⁵ Появились сведения о деятельности разведки США по манипулированию социальными сетями / Эл. ресурс: «Ньюслэнд», 25.08.17/

³⁶ Российский вектор. 2016. — № 23.

³⁷ *Ульянов М.И.* Выступление М.И. Ульянова на 61-ой сессии Генеральной конференции МАГАТЭ 22 сентября 2017 года / Эл. ресурс: «Официальный сайт МИД РФ» / www.mid.ru

³⁸ *Ульянов М.И.* Выступление М.И.Ульянова на 61-ой сессии Генеральной конференции МАГАТЭ 22 сентября 2017 года / Эл. ресурс : «Официальный сайт МИД РФ» / www.mid.ru

³⁹ Одобренные конгрессменами санкции против КНДР вводят особый контроль за портами Приморья / Ведомости, 5 мая 2017 г.

⁴⁰ Цит. по: *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 51.

⁴¹ Подробнее на ТАСС: <http://tass.ru/obschestvo/4743735>

⁴² *Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц О.К.* Сетевые методы в государственном управлении. — М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. — 146 с.

⁴³ *Vygotsky L.* «Mind in Society», Cambridge, MA: Harvard University Pres; Leidner, D. & Jarvenpaa. — S. 1995 / «The use of information technology to enhance management school education: A theoretical view», MIS Quarterly, 1978. — Vol. 19. — № 3. — P. 265–291.

⁴⁴ Cheung, K. S. K., Lee, F. S. L., Ip, R. K. F., & Wagner, C. «The Development of Successful On-line Communities», International Journal of the Computer, the Internet and Management. — Vol. 13. — № 1, 2005. — P. 71– 89.

⁴⁵ *Hasan, H. and Pfaff, C.C.* 2006. «Emergent Conversational Technologies that are Democratising Information Systems in Organisations: the case of the corporate Wiki», Proceedings of the Information Systems Foundations (ISF):

Theory, Representation and Reality Conference, Australian National University, Canberra, 27–28 September 2006.

⁴⁶ *Gordon A.E., Ganesan K.* Automated Story Capture From Conversational Speech, K-CAP'05, October 2–5, 2005, Banff, Canada.

⁴⁷ *Цветкова Н.А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. 13.04.2011 / <http://www.ushistory.ru/stati/559-programmy-web-20-v-publi-chnoj-diplomatii-ssha.htm>

⁴⁸ *Иванов В.* Гимн натовской Атлантиде. НВО, 31.03.2017 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-31/1_942_nato.html

⁴⁹ Снятие осады Дейр-эр-Зоро рушит американские планы / Al Watan / Сирия/. 2017.07.09.

⁵⁰ Снятие осады Дейр-эр-Зоро рушит американские планы / Al Watan / Сирия/. 2017.07.09.

⁵¹ Снятие осады Дейр-эр-Зоро рушит американские планы / Al Watan / Сирия/. 2017.07.09.

⁵² *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>

Глава III.
**Три наиболее вероятных
конкретных варианта
реализации базового
сценария развития
военной политики США
до 2025 года**

Военно-политическое развитие США до 2025 года в наибольшей степени будет определяться их стремлением укрепить свои финансово-экономические и иные позиции с помощью силы и эскалации военного насилия¹

*А. Подберезкин,
профессор*

В политических отношениях постоянно существует возможность многовариантного развития ситуации²

*К. Боришполец,
профессор*

В настоящее время справедливо считается, что США переживают этап быстрой смены основных парадигм, своего рода революцию не только в социально-политической и технологической области, но и в политической области. В ходе таких смен парадигм — делается вывод — практический прогноз невозможен. Может быть «в лучшем случае только попытка найти новые идеи». Я не согласен с таким утверждением и считаю, что необходима авторская концепция такого прогноза, отвечающая конкретным потребностям российской политики (прежде всего по понятным причинам — военной), а не только абстрактные рассуждения по типу «с одной стороны» и «с другой стороны», к которым привыкли наши политологи. Я исхожу из того, что даже ошибочная концепция в данном случае лучше, чем ее полное отсутствие³.

Таким образом, я считаю, что моя обязанность предложить, как минимум, базовый сценарий развития внешней и военной политики США существует в рамках более общего сценария развития всей западной ЛЧЦ до 2025 года, который не просто возможен, но и достаточно вероятен с точки зрения практической реализации, как минимум,

в трех основных конкретных вариантах (формах), о которых говорилось выше. Их условно можно обозначить в качестве:

- **варианта №1** («оптимистического»);
- **варианта №2** («реалистического»); и
- **варианта №3** («пессимистического»)⁴.

Такой прикладной политический анализ и прогноз сценария развития США возможен как в качестве нормативного политического анализа и прогноза, сделанного на основе теоретических знаний, так и эмпирического прогноза, сделанного на основе информации, опыте и здравом смысле. Сочетание этих двух методик, о которых говорил покойный профессор М. Хрусталеv, может дать определенный практический результат⁵.

Требуется изначально оговориться: базовый сценарий представляет собой логическую выстроенную и теоретически обоснованную тенденцию развития политики США, суть которой в том, чтобы указать наиболее вероятные направления развития субъекта МО, в данном случае США до 2025 года, а конкретные варианты этой тенденции являются результатом уже не только нормативного, но и эмпирического прогноза автора.

Этот базовый сценарий достаточно абстрактен и основан преимущественно на формальной логике, известных парадигмах, без учета массы постоянных факторов и переменных величин, как и любая общая тенденция. Он предполагает, что его реализация **в конкретный период** и времени (до 2025 года) **при определенных конкретных условиях** (противоборства ЛЧЦ) будет происходить по одному из наиболее вероятных и конкретных вариантов, которых мы выделили выше.

Так, например, если наиболее вероятный и по сути единственно существующий базовый сценарий развития США до 2025 года остается один, то при его практической реализации администрацией Трампа или Клинтон в перспективе до 2025 года он будет носить определенные конкретные черты и субъективные особенности, которые придают ему характер того или иного варианта. И в конкретные периоды времени. В период 2014–2017 годов например, этот сценарий реализовывался в конкретном варианте «глобального лидерства» США, который нес ясный отпечаток части элиты, ориентированной на Б. Обаму. С 2017 года этот вариант стал эволюционизировать в направлении варианта Д. Трампа.

Эти варианты, однако, будут находиться в целом в рамках одного сценария, хотя в деталях (иногда существенных для конкретных аспектов развития субъекта и его безопасности) могут друг от друга отличаться.

Прежде всего, из-за учета некоторых субъективных особенностей развития и эволюции представлений о способах достижения целей у правящей элиты.

Относительно заявленных стратегических целей в базовом сценарии развития и тех практических результатов, которые могут быть достигнуты, сегодня можно выделить три таких конкретных варианта развития базового «Военно-силового сценария США» военной политики до 2025 года, которые в упрощенном виде показаны на этом рисунке⁶:

Рис. 3.1. Три варианта — пессимистический, реалистический и оптимистический — базового «Военно-силового» сценария развития США до 2025 года⁷

Вариант № 1, который я назвал «оптимистическим» как по возможным достигнутым результатам (укрепления влияния США и всей западной ЛЧЦ), так и по силовым средствам (наименее затратным и рискованным для США).

Вариант № 2 («реалистический») предполагает усиление военной эскалации в политике США, которая, однако, не приведет к реальным

изменениям в их позиции в мире. В целом этот вариант означает постепенное ослабление позиций Запада, который будет уступать новым центрам силы, но эта динамика до 2025 года еще не будет слишком явной: попытки укрепить свое влияние в мире с помощью силы будут встречать все более серьезное сопротивление, а результаты таких попыток будут все менее позитивны. В самом простом виде.

Вариант № 3 («пессимистический»), когда минимальные политические результаты или их отсутствие будут связаны с масштабными и рискованными применениями военной силы, причем не только на ограниченных ТВД, но и в глобальном масштабе.

Сразу же подчеркну, что ни один из вариантов не предусматривает радикального изменения политических целей, а тем более роли США в мире — ни с точки зрения усиления, ни с точки зрения ослабления силовых средств политики. Другое дело, что каждый из вариантов делает акцент на ту или иную силовую комбинацию, «долю» вооруженного или иного насилия. В рамках существующего базового сценария все варианты предусматривается правящей элитой США в качестве **сохранения** позиций страны, может быть, некоторого их укрепления. Однако разница между будущими состояниями (при всей незначительности различий) для США рассматривается как существенная, а практическая реализации того или иного конкретного варианта сценария будет иметь для всех ЛЧЦ, наций и государств, в период 2018–2025 годов огромное значение.

В итоге, например, в отношении России должен быть реализован один-единственный военно-силовой сценарий, но в наиболее эффективной и безопасной форме, в результате которого Россия, как геополитический противник, должен быть уничтожен. Вопрос о том, какими средствами и какими способами, в какие сроки требует дополнительных пояснений. Этими пояснениями и отличаются один вариант от другого. Так, реализуемый администрацией Д. Трампа в 2017 году Вариант № 2 сценария, предполагает:

- сокращение использования инструментов традиционной дипломатии в пользу военных средств;
- увеличение военного присутствия и ускорения развития военной мощи;
- максимального использования в своих интересах союзников и партнеров.

Другое замечание предполагает, что в отличие от многих исследователей и политиков я не предполагаю появления до 2025 года таких новых парадигм, которые бы качественно изменили военную политику США. Кроме того, развитие до 2025 года США в целом не предполагает радикального усиления влияния новых парадигм.

Такие парадигмы, естественно, будут рождаться в наступивший «переходный период» цивилизаций и смены формаций, но в 2018–2025 годы не ожидается такого их радикального усиления влияния на формирование МО и ВПО настолько, чтобы представить себе абсолютно иное состояние МО и ВПО, которое могло бы качественно изменить положение в мире. Мы исходим из того факта, что уже известные технологические, политические и иные изменения не только достаточно революционны, но не настолько радикальны, чтобы говорить о полной смене к 2025 году политических и экономических парадигм, но и вполне прогнозируемы на среднесрочную перспективу. Нам известен, например, состав, структура и эффективность как существующих, так и будущих к 2025 году ВВСТ.

Такой вывод имеет определенное значение для прогноза развития до 2025 не только ВВСТ, но и энергетики, торговли, мировых финансов. Возможные революционные перемены еще будут настолько сильны, чтобы изменить радикально ВПО в мире. В этом я, например, расхожусь в оценках и прогнозах некоторых исследователей, полагающих, что «США вступили в новую революцию». Мы вполне можем прогнозировать эволюцию военного искусства, не смотря на все быстрые изменения в этой области. Мы знаем и почти наверняка можем прогнозировать величину ВВП, демографических ресурсов и многое другое.

Конечно, мы не можем предусмотреть революционные изменения в сознании правящих элит или социальные катаклизмы, как это имело место, например, за те же самые 7 лет в СССР (с 1985 по 1992 год). Поэтому эта область должна внимательно анализироваться в постоянном режиме, но нормативно-эмпирический анализ возможен и в этих областях.

Применительно к развитию военной политики США в 2018–2025 годы я исхожу из следующей концепции:

- в эти годы будут быстрыми темпами развиваться отдельные ЛЧЦ, которые приведут к изменению соотношения сил в мире, однако, это изменение еще не будет иметь решающего значения;

- усилятся противоборство между этими ЛЧЦ и центрами силы, но западная ЛЧЦ и США сохраняют (а при некоторых условиях, может даже усилить) свои военно-политические позиции;
- военно-политическая обстановка будет постоянно обостряться, в т.ч. искусственно, США и их союзниками;
- в результате такого обострения будут развиваться как существующие военные конфликты и войны, так и будут появляться новые;
- резко расширится спектр силовых средств и способов политики, прежде всего за счет развития средств вооруженной борьбы.

Таким образом, до 2025 года наиболее вероятны конкретные военно-силовые варианты развития одного сценария, которые будут конкретизироваться в новых и многочисленных вариантах развития стратегической обстановки, войн и конфликтов. Логика таких размышлений может быть представлена на следующем рисунке.

Рис 3.2. Модель развития МО, ВПО и СО до 2025 года, ограниченная существующими парадигмами, и после 2015 года⁸

Очевидно и то, что следует очень внимательно наблюдать за процессом изменения известных и появления новых парадигм в переходный период. Неожиданные проявления могут радикально изменить все существующие тенденции не только военно-политического раз-

вития США, но и ВПО в мире. В частности, политика «силового принуждения» США предполагает эскалацию военно-силового давления на всем протяжении ее проведения, а не только в какие-то отдельные периоды времени. Это хорошо видно на примере России.

Каждый раз за новой силовой акцией следует «фиксирование» ситуации и ее обязательное продолжение с последующим развитием. Такая политика не предполагает компромиссов и развития дипломатии, которая превращается в процесс политической и правовой легализации уступок. Иногда это вызывает ощущение готовности США к компромиссам или даже отступлению, что, однако, совершенно не соответствует действительности. На самом деле, если не последует ответной силовой реакции, то продвижение и усиление давления продолжается. И так до бесконечности, точнее, до тех пор, пока противник не примет нужные США политические условия.

Очень хорошо это видно на примере политики «силового принуждения» по отношению к Украине, где отчетливо прослеживаются крупные, последовательно реализуемые, этапы (дестабилизации страны, внедрение русофобии, антироссийский переворот, захват власти откровенными врагами России, наконец, появление и закрепление собственно структур США и НАТО), внутри которых есть отдельные акции.

Эта политика «силового принуждения» к 2017 году привела к физическому и политическому контролю над Украиной и присутствию уже не только советников и ЧВК, но и созданию инфраструктуры США и НАТО в стране. Лучше всего это иллюстрируется развитием военной инфраструктуры. Так, на сайте ВМС США уточняется, что еще 25 июля 2017 года состоялась церемония закладки фундамента центра оперативного командования ВМС США. При этом в Пентагоне не стали скрывать, что американские инженерно-строительные войска находятся в Очакове с апреля. Планируется, в частности, строительство сразу трех объектов: командный центр ВМС США, а также помещения для технического обслуживания кораблей и контрольно-пропускные пункты по периметру базы. При этом на сайте особо подчеркивается, что американские военные на Украине будут заниматься только планированием и проведением будущих совместных учений. Правда, возведение объектов поручено не украинским, а американским инженерам.

Одновременно, в августе 2017 года стало известно, что на молдавской военной базе в районе села Бульбоака строится сразу восемь американских объектов. И опять в Пентагоне утверждают, что речь идет об «учебном центре». Проектирование и строительство объектов для отработки военных операций в условиях городской застройки — американцы начинают подготовку диверсантов и спецназа РМ на случай нового вооруженного конфликта с Приднестровьем.

Нетрудно спрогнозировать развитие этой тенденции в дальнейшем: в ближайшие годы США будут не просто развивать военное сотрудничество с Украиной, но и создадут там свою военную инфраструктуру, которая будет использована против России. При этом особенно важное значение будет придаваться размещению ВС и ВВСТ в непосредственной близости от ее центральных районов.

3.1. Вариант № 1: «Оптимистический» вариант развития США до 2025 года как попытка усилить позиции в мире

Большинство сценариев развития международных отношений, составленных до 2014 года, сегодня полностью утратили свою актуальность⁹

*Я. Новиков,
Генеральный директор Концерна «Алмаз-Антей»*

Получается, что Майдан привел к печальным последствиям. Такой страны, как Украина, давно уже нет. Осталось одно название

*Л. Кравчук,
бывший президент Украины*

Вариант № 1 («Оптимистический») базового сценария военно-политического развития США до 2025 года является наиболее желаемым вариантом с точки зрения субъективных представлений правящей элиты этой страны¹⁰.

В соответствии с этим вариантом базового сценария США не только сохранят, но и **увеличат** абсолютно и относительно контроль над ВПО в мире, что будет обеспечено научно-технологическим и экономическим превосходством, как в рамках всей западной коалиции, так и в мире в целом, как минимум, до 2025 года. Этот рост мощи будет сопровождаться усилением глобального влияния США, которое, однако, не достигнет того уровня, который был у США после Второй мировой войны. Это рост влияния будет реализован практически:

- как в мире, так и отдельных регионах планеты, где американская модель и нормы укрепятся еще больше, более того, станут доминировать;
- это влияние усилится и в рамках созданной США широкой военно-политической коалиции, когда универсалистская, глобально-американизированная модель станет общей нормой. Пробраз такой модели был создан в сентябре, когда идея реформ ООН, высказанная Д. Трампом, была поддержана более 120 государствами.

Этот вариант сценария развития США олицетворяет сегодня подход значительной части консервативной американской элиты, возглавляемой Д. Трампом. Точнее — той части республиканского истеблишмента, ориентированной на то, чтобы США превратились из лидера Запада (несущего за многих стран коалиции бремя ответственности) в безусловного гегемона, который опирается на все ресурсы западной ЛЧЦ. Не случайно главные его лозунги: «Америка № 1», «Больше покупайте!» и «Больше производите в США!» нашли отклик у значительной части истеблишмента.

Уже в самом начале правления Трампа проявилось стремление найти баланс между традиционными консерваторами и новыми консерваторами. Этот баланс должен представлять собой идеальную прагматическую модель политики. При этом они не являются идеологами в классическом смысле. Как пишет Дмитрий Суслов: «Макмастер, а тем более Тиллерсон, не являются неоконсерваторами. Первые два — ястребы, но ястребы — прагматики, а не идеологи». Именно прагматизм и лежит в основе отношения той части правящей элиты, которая пришла к власти в США. Этот прагматизм имеет достаточно агрессивное намерение — удержать и даже усилить позиции правящей элиты в условиях изменяющейся обстановки в мире.

Таким образом, этот «оптимистический» вариант сценария военно-политического развития США отнюдь не является оптимистическим для других ЛЧЦ и государств, более того, откровенно направлен на ослабление их позиций в мире. Этот вариант сценария является откровенной стратегией силового принуждения, ориентированного на применение военной силы.

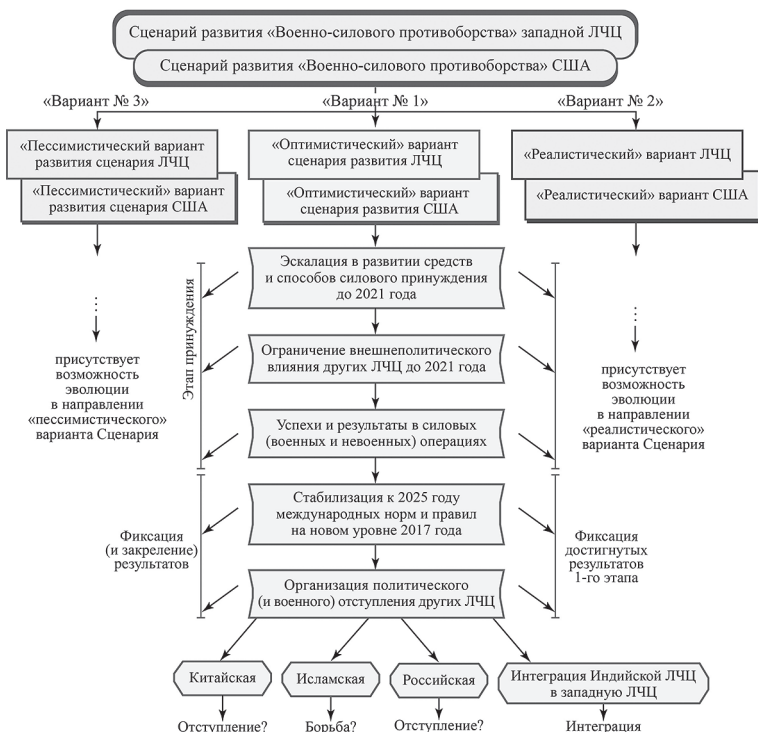

Рис. 3.3. Наиболее вероятное развитие «Оптимистического» варианта сценария «Военно-силового противоборства» США до 2015 года ¹¹

Как видно из схемы развития «Оптимистического» варианта развития США, к 2025 году ожидается, как минимум, стабилизация ВПО на уровне 2017 года, а, возможно и укрепление позиций. Реакция других ЛЧЦ в 2025 году может быть самой разной — от интеграции Индии в западную коалицию (по примеру стран Восточной Европы),

до усиления военного противоборства исламской ЛЧЦ или переноса противоборства в силовые, но не военные области, как у России или Китая.

Что касается США, то, скорее всего в рамках реализации этого варианта сценария, можно говорить о постепенном формировании общего знаменателя между установками Дональда Трампа на укрепление национальных интересов США в их узком понимании и глобалистскими традициями остальной части консервативного истеблишмента. При этом по целому ряду вопросов (односторонность, максимизация военного превосходства США, максимальная свобода рук по части оборонной политики, утилитарный подход к союзническим отношениям) эти два компонента вполне совпадают друг с другом даже в настоящее время. И не только в рамках республиканского, но и демократического и даже общенационального консенсуса. Другими словами, существующие варианты развития находятся в рамках одного сценария развития США и не противоречат принципиально друг другу, более того, дополняют один другого.

В соответствии с этим общим знаменателем двух вариантов, стратегическую цель внешней политики администрации Трампа до 2025 года можно определить следующим образом: обеспечить **новое усиление** США, как центра западной ЛЧЦ, — возродить его глобальное первенство в материальном плане. Данная формулировка, призванная вызывать аналогии с никсоновско-рейгановскими временами, полностью соответствует лозунгам Трампа о возрождении величия США и проведении политики «Америка, прежде всего». Что требует, естественно, корректив в утвержденную в декабре 2015 года Стратегию национальной безопасности России¹².

И Трамп, и представители американского истеблишмента внутри администрации сходятся в одном: невозможно лидировать и успешно бороться с угрозами и внешними условиями, не будучи самым сильным в мире и в коалиции. Оба лагеря истеблишмента, в конечном счете, соглашаются, что активное перераспределение силы в пользу незападных великих держав и «проседание» США происходило в последнее десятилетие потому, что Америка слишком много тратила на попытки переделать другие страны и «слишком мало» занималась развитием собственной экономики

и увеличением военной мощи. Но условный «лагерь Д. Трампа» готов упростить ситуацию до укрепления единовластного лидерства США, а демократы выступают за лидерство в глобализации. Д. Трамп и его сторонники считают, что пришло время заняться самоусилением, сфокусироваться на первенстве, а не на лидерстве (тем более, в глобализации) как таковом. Отсюда — экономический и политический национализм администрации Трампа, ее намерение существенно нарастить военные расходы и настойчивое требование к европейцам делать то же самое. Отсюда же и стремление ослабить и невоенные средства силового принуждения, отсутствие веры в их эффективность.

В настоящее время в элите сформировалось относительно внятное представление об иерархии угроз национальной безопасности США — в том виде как они понимаются новой администрацией. Как показало последующее развитие событий в 2017 году, приоритеты внутри этого перечня, могут незначительно меняться. В частности, летом 2017 года «корейская угроза» отодвинула на второй план «исламскую» и даже российскую. Тем не менее, в рамках одного «пула» угроз можно сказать, подходы к их оценке у правящего американского истеблишмента достаточно стабильны и долговременны, что позволяет США заниматься военным планированием на долгосрочной, стратегической основе.

Очень наглядно это видно не только на примере стратегического планирования в области обороны, но и на долгосрочном бюджетном планировании, в частности, дефицита бюджета США. Как видно из графика, приведенного ниже, до 2040 года рассматриваются различные меры по снижению дефицита бюджета относительно ВВП страны — от продолжения политики Б. Обамы, до политики снижения расходов на здравоохранение Д. Трампа.

Разница между этими мерами может привести к различным результатам бюджетного дефицита — от — 2% до — 6% до 2040 года, но, примечательно, что эта долгосрочная стратегия не предусматривает сокращения военного бюджета. Более того, в заявке Д. Трампа на 2018 ф.г. он будет расти на 50–60 млрд. долл., также, впрочем, как и в дальнейшем до 2025 года, хотя сокращение военных расходов, безусловно, значительно улучшило бы бюджетное и финансовое положение США.

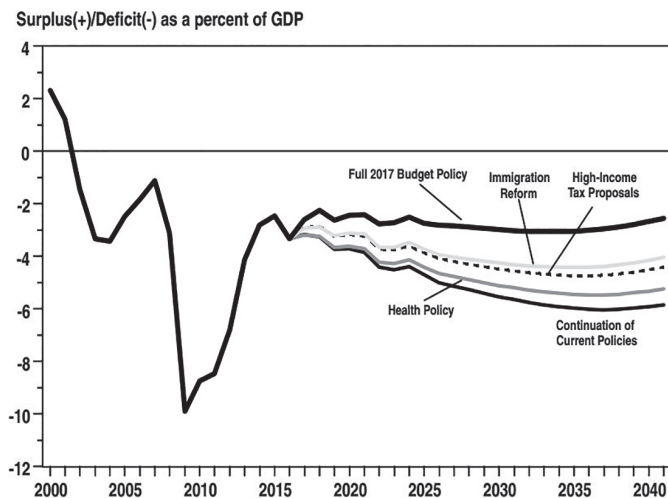

Рис. 3.4. Бюджетная политика США в 2017 году¹³

Примечательно, что далеко не идеальное положение США в экономике и финансах не сказывается принципиально на формировании того или иного варианта военно-политического противоборства: стабильный дефицит не ведет к снижению внешнеполитических амбиций. Более того, они, очевидно, растут на перспективу до 2025 года. Приоритетность таких амбиций может быть изображена на рис. 3.5.:

В стратегическом плане до 2025 года главным противником, против которого будет использован весь арсенал военно-силового принуждения, будет Россия, но в отдельные периоды акценты могут быть смещены между субъектами МО. Эта смена акцента будет главным фактором влияния на ВПО в мире.

Считается, что на первое место с приходом Д. Трампа в тактическом плане выдвинута угроза «международного исламского терроризма» в целом (примечательно, что с приходом Трампа прилагательное «исламский» в словосочетании «международный терроризм» перестало быть табуированным) и прежде всего ДАИШ (террористическая организация, запрещенная в РФ), как угроза важнейшим позициям США в отдельных регионах и угроза интересам всей западной ЛЧЦ¹⁴. Примечательно, что за 2016–2017 годы приоритетность угроз,

о которых говорили Б. Обама и кандидат в президенты Д. Трамп в 2016 году, сменилась: на первое место де-факто стали все время выдвигать Россию. Причем в связи с самыми разными поводами — от агрессивного поведения КНДР и Ирана, до неудач США в Сирии.

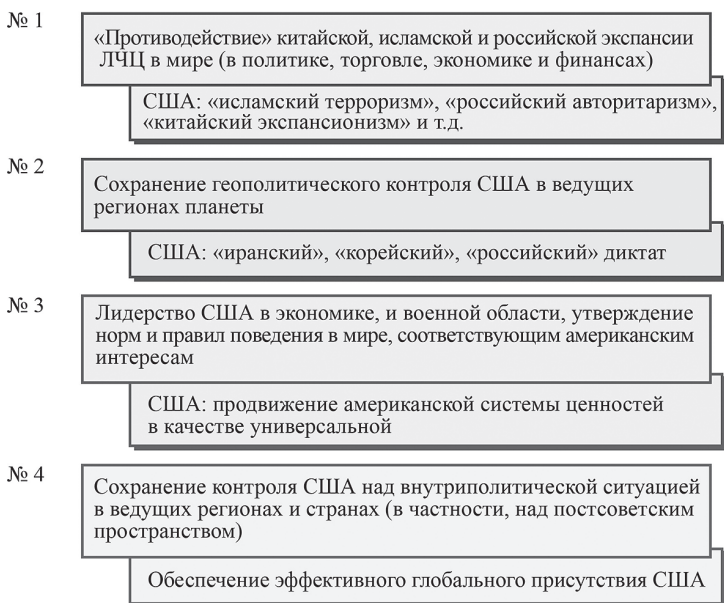

Рис. 3.5. Иерархия реальных и декларируемых внешнеполитических опасностей и угроз США

Эта угроза как правило, рассматривается в США как самая острая, масштабная и долгосрочная (хотя появляются все чаще заявления о том, что «угроза № 1» — Россия), прежде всего, потому, что она¹⁵:

- цивилизационная, противостоящая не только американской, но и всей западной ЛЧЦ на глобальном уровне;
- в ней сконцентрированы потенциалы десятков арабских (и не только) государств, которые могут прямо противостоять интересам стран западной ЛЧЦ;
- эта угроза исходит от ЛЧЦ, насчитывающей уже сегодня ресурс более 1 млрд. человек, который в недалеком будущем станет са-

мым большим демографическим ресурсом, размещенном, в том числе и в странах западной ЛЧЦ.

На второе место выдвинута угроза со стороны Ирана, который рассматривается как главный спонсор терроризма, и как распространитель оружия массового поражения и ракетных технологий, но, главное, как региональный лидер в Евразии, демонстративно отрицающий доминирование США и западной ЛЧЦ.

Учитывая политическую и экономическую, а также технологическую мощь Ирана, который неоднократно публично противостоял США и поддерживал его противников, эта угроза рассматривается на Западе как угроза, требующая обязательной ликвидации, что означает неизбежного усиления противостояния США и их союзников с Ираном в среднесрочной перспективе.

На третье место администрацией Д. Трампа были отнесены Северная Корея и распространение ОМУ и ракетных технологий в целом. Эта угроза какое-то время рассматривалась как локальная, но явная угроза интересам США, однако, по мере появления конкретных результатов у КНДР в области межконтинентальных баллистических ракет и ядерных боезарядов, ее актуальность все время периодически повышалась.

Очередной «всплеск» внимания к КНДР произошел весной–летом 2017 года, когда эскалация силового давления США привела к серьезному военно-политическому кризису из-за испытаний Кореей ядерного оружия и баллистических ракет.

До 2015 года Россия подразумевалась в этом контексте как «важнейший вызов европейской безопасности и НАТО», но не называлась, как правило, открытой угрозой национальной безопасности США. Во всяком случае, открыто и прямо. В 2016 году ситуация серьезно изменилась. Политика США стала откровенно антироссийской. Причем, по очень широкому спектру вопросов — от спорта и экономики до войны в Сирии. В этом — серьезное отличие от подхода администрации Обамы, официально ставившей Москву на одну планку с ДАИШ и вирусом «Эбола». При этом, то время, которое Пенс и Мэттис, например, уделили в своих выступлениях терроризму и Ирану на традиционной конференции по безопасности в Мюнхене в начале 2017 года, несопоставимо больше того, что было посвящено России»¹⁶.

Таким образом, к концу 2017 года правящие круги США рассматривали политику страны как совокупность средств, с помощью которых можно добиться ряда возможных, вполне решаемых проблем используя с помощью военно-силовую политику «силового принуждения». Это означало, что процесс мирового переустройства, связанный с изменением соотношения сил между ЛЧЦ и центрами силы в мире, отнюдь не рассматривался в США как пессимистический. Более того, при определенных условиях, США и вся западная ЛЧЦ запланировала до 2025 года даже укрепить свои доминирующие позиции в мире, прежде всего в области экономики и сформировать для себя благоприятную военно-политическую обстановку в мире на будущее.

Прежде всего, если будет решена главная задача — ослабления и развала России, — которая является наиболее приоритетной при реализации этого варианта сценария до 2025 года.

Представляется, что она может быть разделена на два уровня — минимальный и максимальный. Минимальный уровень предполагает создание вокруг России неблагоприятной военно-политической обстановки на западном и юго-западном стратегических направлениях. Для этого необходимо не только ослабить позиции России в европейской части, но и создать на территории Украины, Молдавии, а в идеале и Прибалтики и Белоруссии коалицию, состоящую из нескольких «облачных противников», игнорирующих интересы этих государств и зависящих от Вашингтона.

В целом этот процесс развивается достаточно быстро, особенно на Украине. Как признал в августе 2017 года бывший президент этой страны Л. Кравчук, его смешат заявления предводителя свідомых Петра Порошенко о сильной и независимой стране. «Это выглядит, как насмешка над народом», — считает он. По мнению Кравчука, Украина за 26 лет после выхода из СССР так и не добилась того, чтобы стать достойным государством. Об этом говорить глупо, а сейчас — тем более.

«Народ живет в нищете. Люди, прозябающие за чертой бедности, не могут позволить себе даже полноценное питание. Это значит, что ни о какой экономической и социальной независимости не может быть и речи. Недалековидная политика Порошенко привела к тому, что страна угодила в капкан Запада. В итоге Украина пол-

ностью утратила политическую и международную независимость. Нет в государстве и территориальной независимости: на Донбассе война, а Венгрия и Польша мечтают забрать часть территории Незалежной себе».

Необходимо сделать и сохранить страну максимально враждебной России, сохранив военную напряженность. Одновременно в этот процесс должны глубже втянуться Польша, Румыния и прибалтийские страны, поддержанные некоторыми странами-членами ЕС. В идеале они должны быть в состоянии развязать вялотекущий военный конфликт (по примеру сирийско-иракско-афганского).

Максимальный уровень развития СО, поэтому варианту «оптимистического» сценария в США видится следующим образом: реализация варианта на минимальном уровне должна привести в итоге к полноценной войне на всем европейском ТВД с ограниченным участием США, которые могли бы контролировать развитие эскалации при обладании существенным превосходством.

3.1.а). Основные характеристики развития США по «Варианту № 1» базового Сценария до 2025 года

... происходящее вокруг референдума о независимости Каталонии — самый масштабный конфликт на Западе между людьми и государством с момента падения Берлинской стены,... первая настоящая интернет-война в истории человечества¹⁷

*Дж. Ассанж,
основатель Wikileaks*

Основные характеристики «Варианта № 1» базового «Военно-силового сценария» развития США до 2025 года, на мой взгляд, определяются сложившейся долгосрочной стратегией США противоборства за сохранение и даже укрепления своего контроля в мире. Она будут определяться, на мой взгляд, следующими основными тенденциями:

- **инерционностью долгосрочного курса**, сложившегося еще до прихода Д. Трампа к власти, в политике, Экономике и военной области, который позволяет вносить коррективы частного, не принципиального порядка. Так, не отказываясь от мирового лидерства, более того, добиваясь его, Д. Трамп видит в качестве основного средства усиление позиций США, в т.ч. за счет своих союзников, а не всей западной коалиции;
- **последовательность и долгосрочный характер** политики США, предполагающий отказ от радикальных инициатив, будь то в области создания ВВСТ, либо структуры ВС страны; И первая, и вторая тенденция отчетливо прослеживаются
- **ставка на технологическое превосходство ВВСТ** и эффективность управления ВС, включая планомерное и динамичное увеличение военной мощи;
- **коалиционную политику США**, которую рассматривают в качестве дополнительного ресурса мощи и влияния США.
- В то же самое время существуют и даже увеличиваются трудности. Так в области государственного управления США наблюдается неожиданное для многих нарастание противоречий, граничащих с социальными потрясениями, во внутренней политике США сразу по нескольким по осям:
- американское общество, бизнес и бюрократия, которых Трамп сделал своей мишенью в ходе избирательной кампании, но с которой ему не удастся справиться;

Так, существенно сократилось количество членов семей и домохозяйств, т.е. величины тех «ячеек общества», которые составляли традиционную американскую семью, причем членов домохозяйств — в значительно большей степени, чем членов семей. Это означает, что совместную экономическую и финансовую деятельность в семье ведут меньше граждан, чем прежде, а общество во все большей степени индивидуализируется, делится на отдельные сегменты.

С военно-политической точки зрения эта тенденция всегда вела к ослаблению не только связей внутри общества, но и чувства общенационального, когда личные, семейные и групповые интересы плотно стыковались с социальными и национальными.

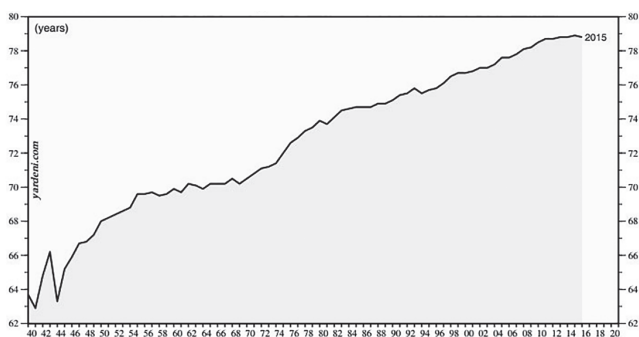
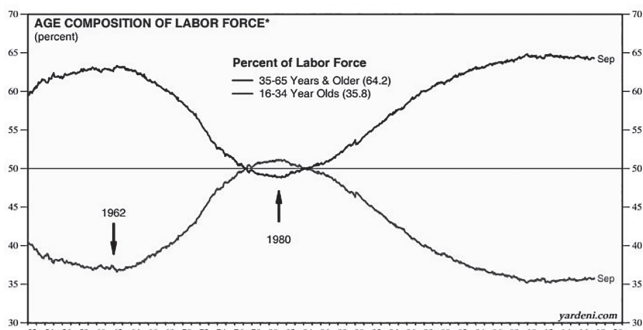
Развивается и другая тенденция, непосредственно влияющая на мобилизационные возможности нации, — старение населения, ког-

да ожидаемая средняя продолжительность жизни выросла почти на 20 лет на протяжении жизни всего лишь двух-трех поколений. В общей структуре населения страны это будет означать, что ее относительно боеспособная часть резко сокращается, составляя уже значительно меньше половины населения.

— новые и старые классы, и социальные слои, представляющие традиционную и новую экономику США;

Федеральные расходы на НИОКР (Mandatory and discretionary budget authority, dollar amounts in millions)					
	2015 Actual	2016 Enacted	2017 Proposed	Dollar Change: 2015 to 2017	Percent Change: 2015 to 2017
By Agency²					
Defense	65,547	70,872	72,825	1,953	3%
Health and Human Services	30,453	31,942	32,714	772	2%
Energy ³	14,354	14,405	17,160	2,755	19%
NASA	12,145	12,410	12,043	-367	-3%
National Science Foundation	5,944	6,117	6,529	412	7%
Agriculture	2,452	2,574	2,923	249	9%
Commerce	1,524	1,913	1,888	-25	-1%
Veterans Affairs	1,178	1,220	1,252	32	3%
Interior	863	981	1,082	101	10%
Transportation	885	924	1,065	141	15%
Homeland Security	919	579	585	6	1%
Environmental Protection Agency	523	516	530	14	3%
Patient-Centered Outcomes Research Trust Fund	396	472	530	58	12%
U.S. Agency for International Development	250	275	287	12	4%
Smithsonian Institution	246	250	270	20	8%
Education	279	242	248	6	2%
Other	320	346	402	56	16%
TOTAL	138,278	146,138	152,333	6,195	4%
Basic Research					
Defense	2,225	2,320	2,115	-205	-9%
Health and Human Services	15,055	15,972	16,323	351	2%
Energy	4,477	4,609	4,932	323	7%
NASA	3,198	3,562	3,537	-25	-1%
National Science Foundation	4,878	4,941	5,257	316	6%
Agriculture	993	1,028	1,162	134	13%
Commerce	214	223	239	16	7%
Veterans Affairs	484	505	542	37	7%
Interior	53	54	63	9	17%
Transportation					
Homeland Security	41	41	40	-1	-2%
Environmental Protection Agency					
Patient-Centered Outcomes Research Trust Fund					
U.S. Agency for International Development	1	1	4	3	300%
Smithsonian Institution	210	218	237	19	9%
Education	7	18	16	-2	-11%
Other	18	18	18	0	0%
SUBTOTAL	31,854	33,510	34,485	975	3%
Applied Research					
Defense	4,653	5,056	4,884	-172	-3%
Health and Human Services	15,199	15,760	16,138	378	2%
Energy	5,624	5,346	7,108	1,762	33%
NASA	2,402	2,757	3,012	255	9%
National Science Foundation	691	752	813	61	8%
Agriculture	1,114	1,113	1,357	244	22%
Commerce	891	942	1,015	73	8%
Veterans Affairs	618	639	634	-5	-1%
Interior	685	790	886	96	12%
Transportation	688	612	758	146	24%
Homeland Security	207	175	168	-8	-5%
Environmental Protection Agency	442	430	446	16	4%
Patient-Centered Outcomes Research Trust Fund	396	472	530	58	12%
U.S. Agency for International Development	202	223	211	-12	-5%

Рис. 3.6. Федеральные расходы на НИОКР ¹⁸

Рис. 3.7. Характеристика населения США¹⁹Рис. 3.8. Ожидаемая продолжительность жизни²⁰

* Oldest and youngest Baby Boomers turned 16 in 1962 and 1980, respectively.
Source: Bureau of Labor Statistics.

Рис. 3.9. «Возрастная волна» в США²¹

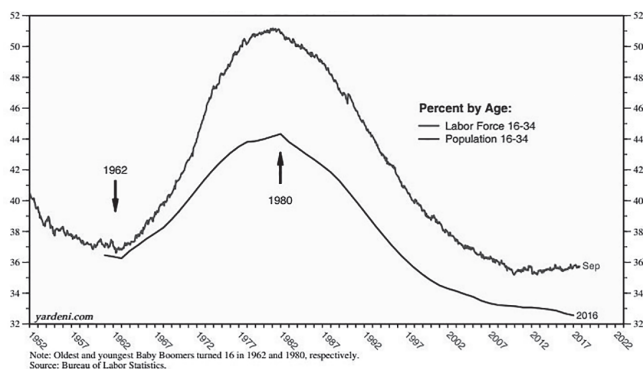
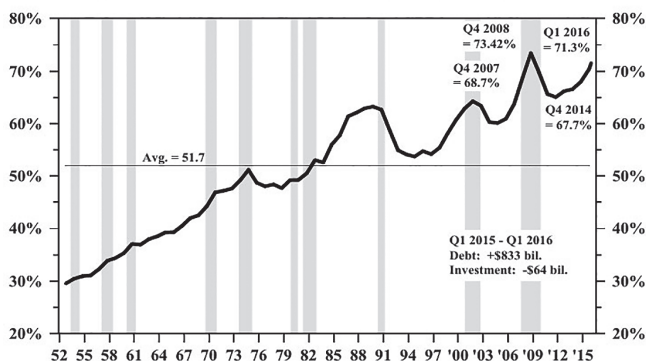

Рис. 3.10. Трудовые ресурсы США

- этнические группы и сообщества, особенно быстро растущие латиноамериканские, которые формируют потенциальную угрозу внутривнутриполитической стабильности США;
- креативные и традиционные слои правящего класса и американского истеблишмента, отношения между которыми приобрели достаточно конфликтный характер, что наглядно проявилось в ходе избирательной кампании. Так, «традиционные» американский бизнес, перед которым преклонялась Америка, столкнулся с серьезными трудностями, что выразилось, в частности, в резком росте задолженности относительно ВВП

Рис. 3.11. Рост задолженности бизнеса (относительно ВВП)²²

Эти противоречия особенно наглядно проявились после победы Д. Трампа на выборах президента страны, когда традиционные социальные слои, этнические группы и часть истеблишмента поддерживали нового президента. Но в целом американское общество разделилось и можно говорить о наступлении кризисных явлений в его социальной структуре, отношениях между отдельными социальными группами и взаимоотношениями с властью.

Этот кризис во многом является следствием развития объективных тенденций, связанных с переходом США к новому этапу развития и новому технологическому укладу. Такой переход неизбежно связан с потрясениями, что означает невозможность исключить редкие повороты во внутренней политике США. В любом случае можно ожидать, что США в краткосрочной перспективе будут:

- быстрее адаптироваться к новым социальным и экономическим реалиям;
- вероятно, быстрее развиваться экономически и социально-политически;
- претендовать на роль идеологического лидера западной ЛЧЦ.

Во многом подобное развитие событий может привести к переоценке роли США в мире и в западной ЛЧЦ, которая с приходом Д. Трампа только началась.

К 2017 году в результате настойчивых усилий политологов и глобалистской элиты сложилось достаточно ложное впечатление о том, что «Нация-государство сегодня не правит бал, но и не выходит из употребления ни в качестве реальности, ни в качестве идеала»²³. Однако в действительности на первый план выходит общность той или иной ЛЧЦ и связанная с этим роль и значение в ней конкретного государства. ЛЧЦ и государства стали вновь главными субъектами МО. Как справедливо отмечают критики, далеко не бизнес-корпорации, не международные организации и не НПО определяют траектории современного развития. Образование, профессиональная культура и даже «не имеющая границ» наука существуют и поддерживаются в рамках национальных государственных институтов и за счет страновых налогоплательщиков.

Системы здравоохранения, социальных служб защиты и поддержки — это также государство. Но самое важное — это определение именно государством правовых норм человеческого общежития, от правил дорожного движения до наказания за насилие и другие формы деви-

антного поведения личности или группы, которые, однако, происходят в рамках неких единых цивилизационных систем — ЛЧЦ.

Государства, при наличии склонности к соперничествам, экспансии или изоляционизму, тем не менее обеспечивают безопасность граждан от внутренних и внешних угроз, включая противодействие международным террористическим сообществам. И вновь — этот процесс происходит в рамках неких коалиции государств.

Даже в сфере экономики, где казалось бы правит бал «невидимая рука» рынка, налицо данные, опровергающие предположения об отмирании государства и размывании суверенитета, но опять же, — как правило, в рамках коалиций ЛЧЦ. Так, например, в условиях мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. именно скоординированная политика ведущих государств позволила справиться с кризисом... «в своей стране, в сопредельных с ней регионах и в мире»²⁴. Более того, несмотря на все предупреждения, позиции доллара США, не ослабели. Так, стабильные объемы продаж и закупок валюты в 2016–2017 годах говорят в пользу ее устойчивости. (Рис. 3.12)

Иными словами, «возвращение государства» в политику, наблюдаемое на многочисленных примерах не только в Европе, но и в других регионах, сопровождается усилением центростремительных тенденций в рамках широких коалиций ЛЧЦ. Рост экономики США в 2014–2017 годы с 17, 42 до 19, 24 трлн. долл., говорит о многом. Для России это означает, что только прирост ВВП США за неполных три года больше, чем вся экономика России. (Рис. 3.13.)

Получается, что в неизбежном соревновании России с США мы должны каждые 2–3 года удваивать свой ВВП, чтобы просто не отстать от США. Но если, как в 2014–2017 годы, экономика России вообще не росла, а сокращалась, то такой разрыв становится еще более катастрофичным.

Подобная тенденция в полной мере проявилась в последние десятилетия в США, где численность недовольных поведением страны в мире резко возросла после второй практической войны и продолжает увеличиваться. Это связано с тем, что США пытаются выступить не столько лидером западной ЛЧЦ (и, естественно, разделить с другими все издержки коалиции), сколько самим, в одиночестве попытаться решить мировые проблемы. Как видно из данных соцопросов 2003–2012 годов, количество недовольных такой ролью США стабильно составляет почти две трети граждан. (Рис. 3.14)

[In millions of U.S. dollars. Source: Treasury Foreign Currency Reporting]				
Report date	На условиях немедленного расчета или будущих конфликтов		Net options positions (3)	Exchange rate (4)
	Закупки (1)	Продажи (2)		
10/05/2016	24,582,602	23,954,805	n.a.	n.a.
10/12/2016	25,194,997	24,589,663	n.a.	n.a.
10/19/2016	24,662,731	23,961,424	n.a.	n.a.
10/26/2016	24,983,823	24,358,871	n.a.	n.a.
11/02/2016	25,899,271	25,285,558	n.a.	n.a.
11/09/2016	26,219,513	25,685,785	n.a.	n.a.
11/16/2016	26,001,749	25,561,266	n.a.	n.a.
11/23/2016	25,901,062	25,262,535	n.a.	n.a.
11/30/2016	27,458,464	26,813,058	n.a.	n.a.
12/07/2016	26,796,059	26,085,379	n.a.	n.a.
12/14/2016	28,144,091	27,439,517	n.a.	n.a.
12/21/2016	25,112,480	24,373,520	-7,314	n.a.
12/28/2016	24,239,129	23,481,068	-6,744	n.a.
01/04/2017	24,949,513	24,180,770	n.a.	n.a.
01/11/2017	25,258,081	24,483,854	n.a.	n.a.
01/18/2017	25,967,721	25,207,435	n.a.	n.a.
01/25/2017	25,019,090	24,220,592	n.a.	n.a.
02/01/2017	26,623,306	25,847,124	n.a.	n.a.
02/08/2017	25,402,029	24,483,868	n.a.	n.a.
02/15/2017	25,763,801	24,868,463	n.a.	n.a.
02/22/2017	26,096,604	25,190,235	n.a.	n.a.
03/01/2017	27,633,236	26,720,366	n.a.	n.a.
03/08/2017	27,305,370	26,444,509	-6,882	n.a.
03/15/2017	25,215,124	24,491,785	n.a.	n.a.
03/22/2017	25,583,727	24,887,166	n.a.	n.a.
03/29/2017	26,111,838	25,515,972	n.a.	n.a.

Рис. 3.12. Еже недельные данные о закупках и продажах долларов в США²⁵

Понятие «территория» для США во многом сводится к понятию контроля над какой-то территорией, который в последние годы может осуществляться не только непосредственно через военно-политическое и иное присутствие США, но и через опосредованное, прежде всего, контроль национальной элиты. Есть основания полагать, что будут продвигаться до 2025 года следующие три направления таковой политики:

- распространение способов контроля национальных элит на новые страны;

F.2 Distribution of Gross Domestic Product (1)

Billions of dollars; quarterly figures are seasonally adjusted annual rates

		2014	2015	2016	2016				2017			
					Q1	Q2	Q3	Q4	Q1	Q2		
1	FA086902005	Gross domestic product (GDP)	17427.6	18120.7	18624.5	18325.2	18538.0	18729.1	18905.5	19057.7	19246.7	1
2	FA156901001	Personal consumption expenditures (2)	11863.7	12323.3	12820.7	12571.5	12755.0	12899.4	13056.9	13191.6	13308.6	2
3	FA155011001	Durable goods	1296.4	1367.1	1411.0	1382.5	1401.1	1420.2	1440.2	1443.2	1461.1	3
4	FA156901035	Nondurable goods	2674.1	2666.0	2710.4	2664.3	2707.4	2714.2	2755.7	2787.6	2791.3	4
5	FA156901041	Services	7893.2	8299.1	8699.3	8524.6	8646.5	8765.0	8861.0	8960.7	9056.2	5
6	FA835019905	Gross private domestic investment	2916.4	3093.6	3057.2	3031.6	3023.1	3048.0	3126.2	3128.7	3174.1	6
7	FA835019005	Fixed investment (3)	2838.4	2981.6	3022.1	2989.4	3010.9	3031.5	3056.7	3128.9	3173.5	7
8	FA835013001	Nonresidential	2268.3	2336.2	2316.3	2291.2	2311.2	2329.1	2333.7	2383.4	2434.4	8
9	FA165013005	Nonprofit organizations (4)	137.1	146.4	151.4	148.7	150.1	152.0	154.9	141.8	142.4	9
10	FA165013005	Nonfinancial corporate business	1628.6	1665.9	1632.1	1617.7	1630.5	1640.0	1640.2	1674.9	1709.7	10
11	FA115013005	Nonfinancial noncorporate business	280.1	281.7	282.8	280.0	282.4	284.3	284.6	314.4	328.9	11
12	FA795013005	Financial institutions	222.5	242.3	250.0	244.9	248.2	252.8	254.0	252.2	253.4	12
13	FA835012001	Residential	590.2	645.4	705.9	698.3	699.7	702.4	723.0	745.5	739.1	13
14	FA155012005	Household sector	473.8	515.1	585.2	578.7	580.0	582.2	599.7	620.6	613.3	14
15	FA105012005	Nonfinancial corporate business	-0.6	8.4	3.6	10.5	0.7	4.4	-1.1	12.9	6.0	15
16	FA115012005	Nonfinancial noncorporate business	89.1	101.9	111.6	110.1	110.6	111.1	114.2	118.2	116.8	16
17	FA645012063	REITs	7.8	-0.0	5.5	-1.3	8.4	4.6	10.2	-6.2	3.1	17
18	FA145020005	Change in private inventories	78.0	111.9	35.1	42.2	12.2	16.5	69.5	-0.1	0.5	18
19	FA105020005	Nonfinancial corporate business	70.1	96.4	30.6	38.1	8.5	13.8	62.0	-1.6	2.8	19
20	FA115020005	Nonfinancial noncorporate business	7.8	15.5	4.5	4.1	3.7	2.6	7.5	-1.5	-2.3	20
21	FA266903005	Net U.S. exports of goods and services	-509.5	-524.0	-521.2	-526.2	-501.6	-492.8	-564.3	-582.8	-566.8	21
22	FA266903011	Exports	2373.6	2264.9	2214.6	2166.5	2201.8	2248.4	2241.5	2295.6	2316.4	22
23	FA266903001	Imports	2883.2	2789.0	2735.8	2692.8	2703.4	2741.3	2805.8	2878.4	2883.3	23
24	FA366902005	Government consumption expenditures and gross investment	3157.0	3218.9	3267.8	3248.3	3261.5	3274.6	3286.8	3320.2	3330.9	24
25	FA366901005	Consumption expenditures (5)	2562.7	2610.8	2658.1	2629.8	2651.8	2672.6	2678.1	2701.3	2715.5	25
26	FA316901001	Federal	934.5	960.0	964.5	961.5	962.5	968.2	965.9	968.0	970.8	26
27	FA206901001	State and local	1668.2	1650.8	1693.6	1668.3	1689.4	1704.4	1712.2	1733.4	1744.7	27
28	FA365019005	Gross investment (5)	594.4	608.1	609.7	618.5	609.7	602.0	608.7	618.9	615.4	28
29	FA315019001	Federal	263.7	264.0	267.0	266.4	265.8	266.3	269.5	276.4	285.0	29
30	FA205019001	State and local	330.7	344.1	342.7	352.1	343.9	335.6	339.2	342.5	330.4	30
Memo:												
31	FA266904005	Net U.S. income receipts from rest of world	234.5	204.5	197.1	176.1	195.0	188.3	228.9	214.3	205.0	31
32	FA266904001	U.S. income receipts	847.2	812.9	844.3	802.8	843.8	848.4	882.1	895.9	916.0	32
33	FA266904101	+ U.S. income payments	612.6	608.4	647.2	626.7	648.8	660.1	653.1	681.7	711.0	33
34	FA086902105	Gross national product (GNP) = GDP + net U.S. income receipts	17662.1	18325.2	18821.6	18501.3	18733.0	18917.5	19134.5	19272.0	19451.7	34
Acquisition of nonproduced nonfinancial assets (net)												
35	FA155420003	Household sector	-8.5	-9.2	-9.4	-9.4	-9.4	-9.5	-9.5	-9.6	-9.7	35
36	FA105420005	Nonfinancial corporate business	1.7	29.6	7.5	-1.0	31.5	0.4	-0.8	-0.7	-0.5	36
37	FA315420003	Federal government	-2.6	-30.7	-8.6	-0.0	-32.6	-1.5	-0.2	-0.4	-0.6	37
38	FA205420003	State and local governments	9.5	10.2	10.5	10.4	10.5	10.5	10.6	10.7	10.8	38
39	FA205420005	Rest of the world	-0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	39

(1) This table is based on NIPA table 1.1.5 in the Survey of Current Business, Bureau of Economic Analysis (www.bea.gov).

(2) Component of personal outlays, found on table F.101, line 4.

(3) Structures, equipment, and intellectual property products.

(4) Included in the households and nonprofit organizations sector (table F.101).

(5) Government inventory investment is included in consumption expenditures.

Рис. 3.13. Distribution of Gross domestic product²⁶

- привлечение новых членов военно-политической коалиции западной ЛЧЦ из числа новых государств и акторов;
- формирования за рубежом «облачных противников», продвигающих интересы США, в том числе с помощью военной силы (по примеру «правого сектора» на Украине, анти-асадовской коалиции в Сирии и т.д.).

Рис. 3.14. Дискуссия о роли США в мире (2000-2012 гг.)²⁷

Эти направления будут дополнять традиционные способы мирового контроля США, которые сохраняют свое значение. Более того, могут быть даже усилены в следующих областях:

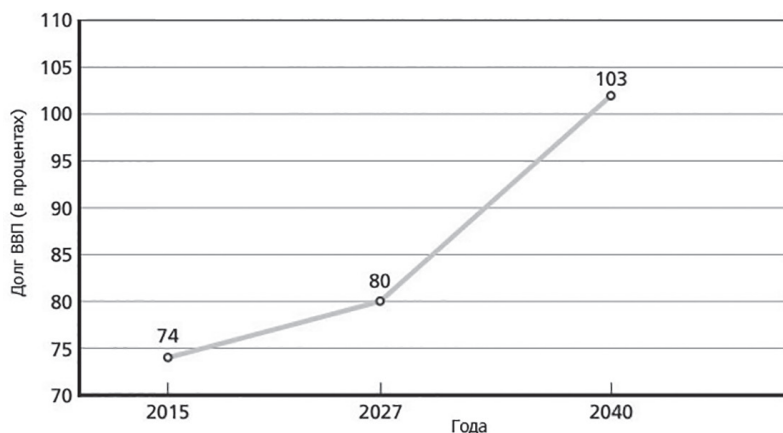
- контроля Мирового океана со стороны ВМС США и расширения присутствия;
- усиления контроля из космоса и с воздуха посредством укрепления военно-космических сил США;
- развития сети информационно-коммуникативных средств, прежде всего в интернете и социальных сетей, как основного способа контроля общественного мнения в мире.
- Природные ресурсы будут играть до 2025 года для США все возрастающее значение, не смотря на успехи ресурсо и энергосберегающих технологий. Рост экономик новых центров силы, особенно в Южной Азии и Латинской Америки потребует в ближайшие годы огромных природных ресурсов. При этом есть основания полагать, что США не будут испытывать недостатка в этих ресурсах, но попытаются взять под контроль их стратегические запасы. В этом стремлении они наверняка столкнутся с КНР, которая одновременно с ними будет продолжать политику усиления своего влияния на распределение мировых природных ресурсов.
- Население США и западной ЛЧЦ будет играть возрастающее значение, причем уже в среднесрочной перспективе, в двух основных аспектах:

- в качестве и количестве человеческого капитала, который в возрастающей степени определяет динамику социально-экономического развития и военную мощь государства;
 - в качестве и количестве институтов человеческого капитала, определяющих эффективности государственного и общественного управления.
- Экономика, которая всегда в последние два столетия играла определяющую роль в политике и позиции США, в соответствии с «оптимистическим» вариантом будет развиваться достаточно динамично, что объясняет сохранение американского лидерства в науке, технологиях и образовании, основы которого закладывались в предыдущие десятилетия. Более того, лидерство США в науке и технологиях увеличится относительно других ЛЧЦ и государств за счет развития принципиально новых научных областей и увеличения масштабов инвестирования и притока «мозгов» из-за рубежа.

Быстрее, чем в других стран будет изменяться структура американской экономики, в которой доля нового технологического уклада будет увеличиваться более динамично, США смогут сохранить за собой уникальную возможность развивать все основные направления научно-технического прогресса. В целом это обеспечит прирост американской экономики (прежде всего нового качества) на 60–75% до 2040 года.

Сохранится, вместе с тем, и определенная зависимость США от внешних заимствований, значение которой, однако, не стоит преувеличивать. Темпы роста этой зависимости (в случае их сохранения) не выйдут за рамки возможностей США, а угроза со стороны внешнего долга представляется преувеличенной. (Рис. 3.15)

- Культура и религия, которые в XXI веке стали играть исключительно важную роль в политике США, постепенно будут превращаться в главное поле мирового противоборства. В конечном счете, победит та страна и ЛЧЦ, которая сумеет убедить остальные страны и ЛЧЦ в том, что ее система ценностей лучше, эффективнее и универсальнее. При этом средства и методы «цивилизационного» убеждения являются лишь частью всего спектра средств и методов принуждения в политике западной ЛЧЦ.

Рис. 3.15. Доля долга США в % от ВВП²⁸

Это говорит о том, что насильственное продвижение ценностей западной ЛЧЦ будет усиливаться.

Доминирование систем ценностей, таким образом, совпадает по своей сути с лидерством и даже господством той или иной страны и ЛЧЦ в мире, что и является одной из приоритетных целей США в реализации этого варианта. Есть основания полагать, что правящие круги США сделают все возможное, чтобы усилить американское «цивилизационное» лидерство в мире в этой области, сделав лозунг «Америка — № 1» не только политико-экономическим, но и культурно-образовательным приоритетом.

Известная модель политического процесса, реализуемая США в «оптимистическом» варианте, пройдет в период 2017–2025 годов к усилению средств прямого воздействия на национальные системы ценностей.

Традиционное в XXI веке для западной ЛЧЦ и, прежде всего США силовое влияние на политические элиты и политические цели (вектора «Б» — «В» и «Б» — «Д») будут в значительной степени усилены прямым силовым давлением на базовые национальные ценности и интересы с целью их приспособления («универсализации») в интересах США.

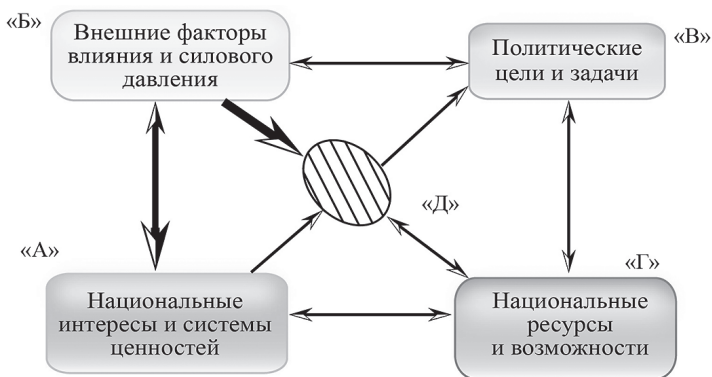

Рис. 3.16. Усиление прямого военно-силового воздействия США на систему ценностей и правящих элит других ЛЧЦ и государств

Перенос акцентов соперничества ЛЧЦ в область систем ценностей, их массовое уничтожение у противника, потребует для США дополнительных усилий, в частности, в области силового продвижения и навязывания системы американских ценностей и норм (правил) мировому сообществу. Это означает, что информационно-психологические операции станут не только нормой использования политических инструментов, но и военных инструментов.

В целом ожидается в 2017–2025 годы резкое усиление противоборства в информационно-когнитивном плане, которое в системе последовательности внешнеполитических приоритетов противоборства США и западной ЛЧЦ можно представить на следующем рисунке.

Рис.3.17. Информационно-когнитивное противоборство США с другими странами и акторами (последовательность шагов)

Каждый из этих этапов, в свою очередь, делится на отдельные шаги, которые реализуются последовательно, но могут реализовываться и одновременно, системно. В качестве примера можно привести

1-ый и 2-ой этапы развития силового цивилизационно-культурного влияния США как на собственную (западную), так и на иные ЛЧЦ. (Таблица 3.1)

Как видно из рисунка, приоритетная задача — «денационализация» правящей элиты, что означает, прежде всего, разрушение или дезориентацию национальной системы ценностей. Это — глобальная стратегическая задача, реализацией которой занимаются

Таблица 3.1.

1-ый этап		2-ой этап	
Денационализация правящей элиты: – через СМИ; – образование; – институты		Информационно-когнитивный хаос (превращение нации в толпу)	
→		→ ...	
– развитие проамериканских НКО, СМИ, университетов и других негосударственных институтов;		– дискредитация национальных систем ценностей и институтов	
– ослабление национальных и государственных институтов через вовлечения их в систему международных (американских) институтов;		– ослабление государственных институтов;	
– контроль над международными институтами (ЕС, ООН и пр.)		– ликвидация силовых институтов государства;	
– усиление влияния американских НПО;		– внедрение «универсальной» системы образования;	
– воспитание и подготовка правящей элиты		– уничтожение национальной самобытности как приоритета	

США последние десятилетия с учетом отказа России от доминирующей в стране коммунистической системы ценностей. Важная составная ее часть — разрушение идеологии и препятствие созданию новой

идеологической системы. Именно этим сейчас занимаются в США если говорить об их политике по отношению к России.

Параллельно в систему национальных приоритетов вносится хаос, превращая нацию сначала просто в «граждан», а затем и в толпу, которой можно управлять извне. Это, в свою очередь, требует разрушения национальных институтов культуры, искусства и религии.

Именно на такую стадию США планируют перейти в своей политике по отношению к России до 2025 года потому, что следующий этап — разрушение суверенитета — невозможен без уничтожения национальных институтов культуры, образования, религии и искусства.

— **Наука и образование**, определяющие в XXI веке во все большей степени место государства в экономическом и социально-политическом мировом укладе, будут оказывать решающее влияние на развитие США. Это очень хорошо понимает правящая элита страны, которая будет максимально использовать эти стратегические преимущества США в будущем.

Вместе с тем, именно наука и образование станут производным и факторами от особенностей мирового развития 2017–2040 годов, а именно — «переходного периода» — и той роли, которую в этом периоде будут играть новейшие технологии, открытие и внедрение которых массово произойдет в 2017–2025 годы.

В этой области до 2025 года ожидается усиление и без того очень активной политики США внутри и за рубежом, которая проявится:

- в организации массовой «утечки мозгов» в США и перетока технологий;
 - в попытках установить контроль (универсализацией) над мировой наукой, образованием и кадрами, прежде всего, результатами и кадрами;
 - в дополнительных крупных инвестициях в новые технологии и НИОКР;
- **Внешняя политика** страны в соответствии с этим вариантом сценария развития предполагает увеличение ее роли и значения в среднесрочной перспективе для политики США в целом, несмотря на некий внешний эгоизм и даже изоляционизм, декларируемые Д. Трампом. Ее вероятное развитие до 2025 года предполагает возможность сделать следующие выводы, которые применимы вне зависимости от того, какая часть правя-

щей элиты США будет доминировать в исполнительной и законодательной власти. Она в целом исходит из следующей логики.

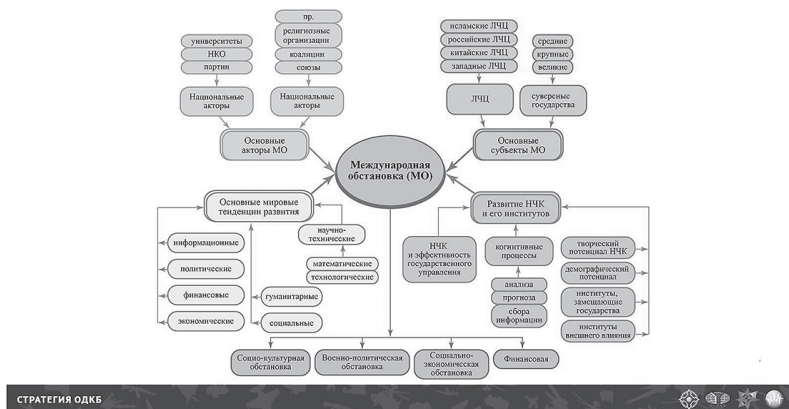

Рис. 3.18. Логика и абстрактная структура развития МО в XXI веке, лежащие в основе будущих ВПО и СО²⁹

Дональд Трамп выстраивает скорректированную стратегию развития США, как минимум, на следующие 8–9 лет, ориентированную на узкое (прагматическое) откровения и даже эгоистическое понимание американских национальных интересов, когда политическая преемственность сочетается с более традиционным отношением «классических» республиканцев и американского истеблишмента. Иными словами, Д. Трамп никого не удивит. Его политика станет продолжением политики «классических» республиканцев со времен «главного героя» Трампа президента начала 70-х Ричарда Никсона, но с неизбежными новациями в риторике. В том числе и той военной политики, которая была в 70-х годах в отношении СССР и Вьетнама. Она стала во многом отражением общественного запроса на рост внутренних потребностей и свертывание внешнеполитической активности, требующей дополнительных ресурсных затрат.

Вместе с тем не следует думать, что США перейдут к политике изоляционизма. Их смена акцента предполагает просто – на просто более эгоистическую внешнюю политику рационально-

го использования национальных и коалиционных ресурсов. Это видно, например, на отношении Д. Трампа к НАТО, которое в течение трех месяцев сменилось от системной критики («НАТО устарело») до критики финансирования («справедливо делить издержки»). Иллюстрацией этого тезиса являются социологические опросы, которые показывали, что в 2007–2016 года сторонников и противников вмешательства США в дела других стран было примерно поровну. Как видно из результатов опросов (особенно в сравнении с периодом 1947–1953 годов), в последнее десятилетия идея «внутринациональной концентрации» приобрела много сторонников, что отражает в принципе и соотношение сил внутри американской правящей элиты, которое после войны в Афганистане и Иране стало в большей степени концентрироваться на вопросах внутренней политики.

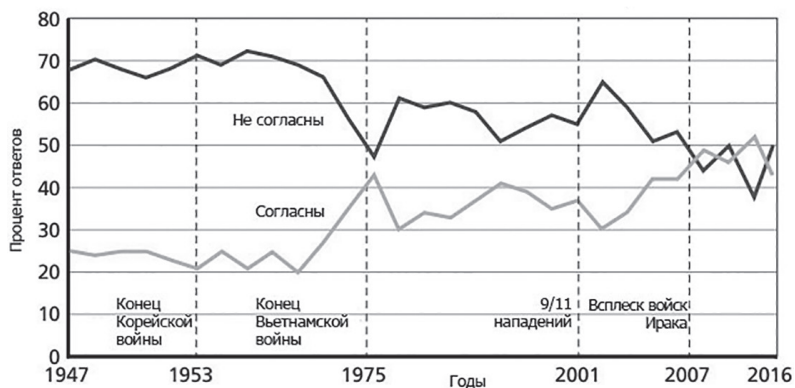

Рис. 3.19. Опрос: должны ли США заниматься своими делами и давать делать то же самое другим странам³⁰

Из этого следует, что не нужно необоснованно рассчитывать на некие положительные договоренности с Д. Трампом, которые могут быть исключительно следствием голых прагматических расчетов. По аналогии с временами Р. Никсона и Р. Рейгана. В российской правящей элите, как и прежде в поздней советской, остались влиятельные и настырно-энергичные группы, продолжающие спекулировать на возможности достижения «равноправных» догово-

ренностей с США. В памяти многих политиков и экспертов осталась «разрядка» и договоры по СНВ и ПРО, которые в действительности были просто вынужденным шагом США, боявшихся отстать в неконтролируемой гонке наступательных и оборонительных вооружений. Положительный эффект этих соглашений для политических лидеров быстро иссяк, а ощущение обмана после этого сохранилось и особенно усилилось во времена М. Горбачева и Б. Ельцина, заключивших сомнительные договоренности в области ограничения и сокращения вооружений.

Собственно инициативы США, особенно в области ядерного разоружения, будут направлены на замену ядерных СНВ обычными и системой ПРО на фоне консолидации международного «общественного» мнения в антироссийском ключе под лозунгом «полной ликвидации ядерного оружия».

Возвращение к политике республиканцев Никсона–Рейгана означает, что сделана ставка на новое усиление позиции США как лидера западной ЛЧЦ и центра силы, возрождение глобального превосходства. Пафос Трампа и его команды полностью подтверждает эту стратегию «быть самым сильным» и регулярно доказывать это. Сказанное означает только одно: ставка на военно-силовой сценарий противоборства с Россией и другими ЛЧЦ становится не только наиболее вероятным, но и публичным средством политики, а военно-силовое воздействие на элиту противника (которое признано как наиболее эффективное силовое средство) получает формальную государственную поддержку. Это не может не означать активизации всех военно-силовых инструментов политики, включая поддержку терроризма и экстремизма на всех основных стратегических направлениях: на Запад — с помощью националистов и экстремистов Украины; на Кавказе — с помощью исламских экстремистов; в Средней Азии — с помощью фундаменталистов бывших советских республик.

3.1.6). Политика «новой публичной дипломатии» США и военная сила

Изменения геополитической обстановки после 1990 года, приведшие практически к единоличному мировому доминированию США в военно-политической области, выдвинули новые требования к принципам построения и функционирования систем государственного управления...³¹

Российские эксперты

Уже не раз говорилось, что развитие военной политики США происходит под влиянием внешних факторов и того понимания национальных интересов, которое в данное время доминирует в правящем истеблишменте США. Именно это общее, стратегическое, понимание определяет характер внешней и вытекающей из нее военной политики.

Это «общее понимание», сложившееся в правящей элите США в начале столетия, диктовало активизацию силовой политики вообще и военной, в частности, что привело к эволюции политики «публичной дипломатии» в политику «новой публичной дипломатии», где «новизна» определялась усилением силовой (в т.ч. военной) составляющей при ограничении того набора средств, который несколько идеализируя это явление) советские и российские политологи называли «мягкой силой». Действия Д. Трампа в 2017 году, свернувшего многие программы и активность (от культурных обменов до образовательных программ) — очень хорошая иллюстрация эволюции политики США, где «силовое принуждение» («the power to coerce») стало сутью новой стратегии.

Развитие «оптимистического» варианта военно-силового сценария США до 2025 года предполагает не только расширение спектра невоенных средств и способов силовой политики, но и увеличение собственно военной составляющей силовой политики. Таким образом, в достаточно короткие сроки стратегия «силового принуждения», являющаяся главным содержанием политики «новой публичной дипломатии», получает развитие сразу же по нескольким направлениям, а именно:

Таблица 3.2. Основные традиционные и новые направления политики «силового принуждения» США, которые получили свое развитие в рамках политики «новой публичной дипломатии»

Традиционная политика «публичной дипломатии» США до 2017 года	Политика «новой публичной дипломатии» США до 2025 года
Информация и пропаганда в интересах политики США	Происходит замена пропаганды на откровенные дезинформацию и идеологические и иные информационные диверсии
Интернет СМИ и социальные сети формируют интернет-среду и общественное мнение в «интересах демократии», т.е. продвижения заявленных американских ценностей	Интернет СМИ и социальные сети не только формируют информационную, но и содержательно-образовательную среду, а также: —занимаются организацией социальных протестных групп; — участвуют в политическом противоборстве
ВС США и западной ЛЧЦ руководствуются «стратегией сдерживания» и участием в локальных и региональных конфликтах	ВС США готовятся к расширению спектра военных конфликтов и войн до масштабов глобальных войн
ВС США и западной ЛЧЦ используются в качестве инструмента политического давления против субъектов МО	ВС США и западной ЛЧЦ используются в качестве инструмента силового принуждения системно и сетецентрично против субъектов и акторов МО

Политика «новой публичной дипломатии» США должна будет обеспечиваться новым качеством военной силы и соответствующими новыми военно-техническими возможностями, сочетаемыми системно с другими инструментами насилия. Примечательно, например, что в военно-стратегической области заметны определенные успехи США, которые нейтрализуют, например, практически усилия КНР по увеличению мощи своих ядерных сил. Так, с 2003 по 2017 годы потенциал СНВ КНР вырос в десятки раз, однако их способность к ответному удару по США — практически не изменилась.

На фоне резкого увеличения возможностей ядерных и неядерных стратегических вооружений, а также ПРО США и их союзников в последние 10–15 лет этот относительный рост СНВ КНР вообще представляется отрицательным, что хорошо видно на примере сопоставления двух таблиц ниже. На первой из них показана, что в 2003 году у КНР оставалось не более 6–15 боезарядов после массированного нападения США с целью нанесения «обезоруживающего» ядерного удара при реализации двух сценариев такого нападения — неожиданного и ожидаемого.

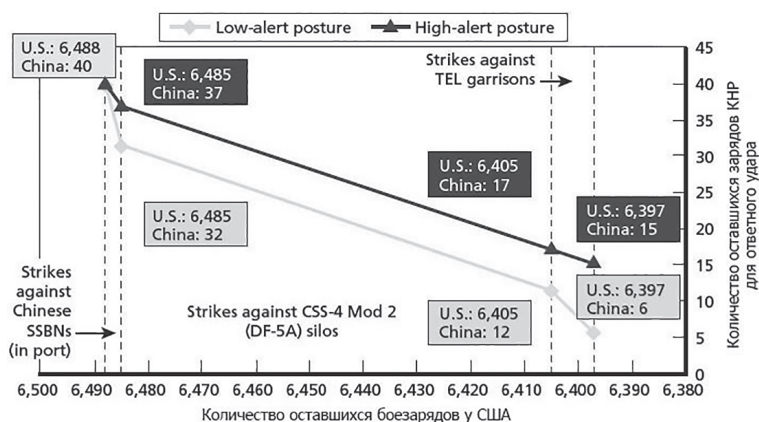

Рис.3.20. Оценка «контрсилевого» удара США по КНР (в 2003 г.)³²

Через 14 лет ситуация практически не изменится: в случае нападения США, у КНР останется от 15 до 40 боезарядов, несмотря на рост (качественный и количественный) сил ответного удара. Учитывая же резкое усиление возможностей ПРО США, которое произошло и пройдет еще больше в будущем, — эти силы ответного удара Китая практически оказываются неэффективны для целей сдерживания.

Сказанное имеет самое прямое отношение к политике «новой публичной дипломатии» и стратегии «силового принуждения» США потому, что в реальности значительно не только обесценивает ядерные силы Китая, но и делает использование невоенных силовых инструментов, прежде всего, экономических, финансовых и торговых, более эффективными.

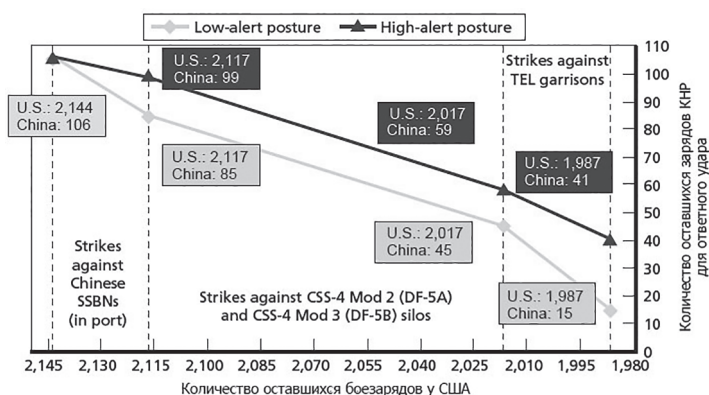

Рис. 3.21. Оценка «контрсилового» удара США по КНР (в 2017 г.)³³

Таким образом, США развивают свои стратегические вооружения для того, чтобы сделать бесполезным и не используемым ядерный потенциал других стран. Соответственно, раз ядерный потенциал КНР становится малоэффективным (как говорят, «устаревшим и бесполезным»), то значение других силовых инструментов США резко возрастает.

Это развитие происходит по трем основным направлениям, которые в конечном итоге должна сделать ядерное оружие других стран бесполезным.

Таблица 3.3. Три основных направления развития стратегического потенциала США до 2025 года

1-ое направление:	Развитие собственно потенциала СНВ США с тем, чтобы превратить его в «контрсиловой» потенциал для нанесения разоружающего ядерного удара или потенциала «устрашения» уже после применения неядерных систем и видов ВТО
2-ое направление:	Созданное и ускоренное развитие неядерного стратегического потенциала (ВТО, КР, гиперзвуковые ракеты, космические ударные силы и пр.) в качестве потенциала первого удара
3-е направление:	Создание эшелонированного потенциала широкомасштабной системы противоракетной обороны (ПРО), способной эффективно уничтожить уцелевшие после первого удара средств

Из него, в частности, видно, что значительно расширяется весь «силовой набор» средств принуждения — от традиционного спектра средств «мягкой силы» (о чем часто говорят) до разработки новых средств и способов военно-силового принуждения (о чем говорят значительно реже). Ожидается, что именно в этом спектре сил и средств будет в 2017–2025 года развиваться политика принуждения США.

Примечательно, например, что роль основного «информационно-го тирана» западной ЛЧЦ делегирована СМИ Франции и Германии, которые максимально активны в области дезинформации.

Этот феномен (политика «новой публичной дипломатии») западной ЛЧЦ и США отражает новые реалии XXI века. Прежде всего, с точки зрения превращения:

- средств информации и противоборства в средства ведения военно-силового борьбы;
- превращения интернет и социальных сетей в организационно-политический влиятельный ресурс;
- усиление влияния той активной части общества, которая получила название «креативный класс», на политику государств.

В этой связи изменились пропорции между военными и невоенными средствами силовой политики в пользу силовых, но невоенных, которые стали не вполне точно называть «мягкой силой» («soft power»). Между тем именно системное использование в стратегии принуждения как «жесткой», так и «мягкой» силы стало реальностью в политике западной ЛЧЦ в XXI веке. (Рис. 3.23)

Политико-дипломатическим прикрытием политики «силового принуждения» стала политика «новой публичной дипломатии», контуры которой просматриваются уже вполне четко сегодня. В частности, речь идет о следующих особенностях:

- приоритетной политики дезориентации правящей элиты и общества, исключительной ориентации на дезинформацию и «сенсационность», не подкрепленную реальными фактами, но «обоснованную» псевдоаналитическими и специальными докладами, информацией и пр. поводами;
- массовой дезинформацией, использующей в своих целях тотальное превосходство США в СМИ и средствах передачи информации;

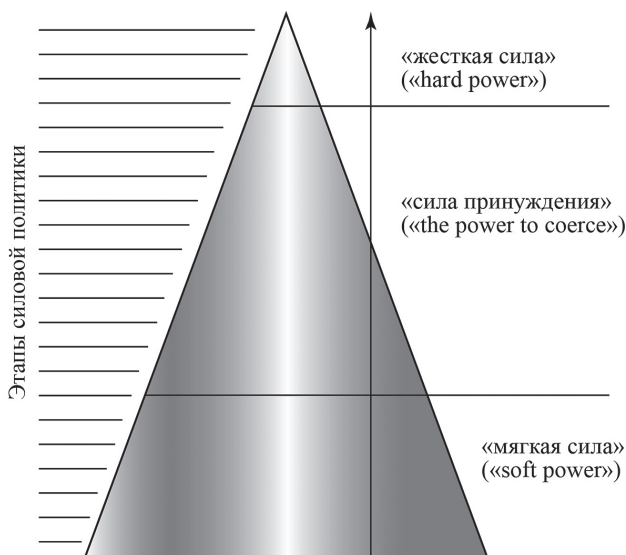

Рис. 3.23.

- целенаправленную организацию и мобилизацию общественного и политического мнения через систему НПО и сетевых СМИ в интересах правящей элиты США.

Соответственно у такой политики «новой публичной дипломатии» качественно меняется и набор силовых средств, с помощью которых планируется достичь уже не только сформулированных прежде, но и принципиально новых политических целей. В самом общем виде эту качественную эволюцию политических целей и силовых средств их достижения можно изобразить в таблице 3.4.

Это может значить только одно: дискредитация, политическое и физическое уничтожение представителей правящей элиты оппонентов превращается в политическую практику. В таком контексте череда смертей лидеров и российских послов приобретают совершенно иное звучание. Пока что на смерти Милошевича, Чаушеску, Каддафи, Хусейна и других лидеров публично не обращают внимание, хотя уничтожение лидеров террористов и просто бойцов с помощью, в том числе ударных беспилотников стало нормой.

Таблица 3.4. Политика «новой публичной дипломатии»

Главные цели публичной дипломатии Запада и США во второй половине XX века:	Главные цели политики «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ и США в начале XXI века:
1. Дестабилизации внутрисоциалистической ситуации в социалистических странах, создание оппозиции и развал государственных институтов;	1. Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики, стабильности, перенос на территорию России «управляемого хаоса»;
2. Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ;	2. Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах;
3. Формирование оппозиции внутри социалистического блока, противостоящей ОВД, СЭВ и руководству СССР;	3. Смена национально ориентированных политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ, либо их полная замена на управляемых извне;
Основные ресурсы:	Основные ресурсы:
1. Государственные средства внешней политики, экономические, СМИ и специальные средства;	1. Масштабное использование государственных, частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальные средства не только разведсообществ, но и других министерств (МО, например, финансов и др.) и ведомств;
2. Создание и поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах, противостоящих руководству стран ОВД и СССР;	2. Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу;
Стратегия:	Стратегия:
Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО как дополнение политико-экономического и военного давления.	Сетецентрическая системная силовая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ в целях принуждения к проводимой политике.

Более реалистичным становится с каждым годом и возможность использования ядерного высокоточного оружия. Слова «снижение порога применения» десятилетиями были одним из самых страшных табу у экспертов по ядерной политике, наряду с «распространением за пределы ядерного клуба». На наших глазах, по сути, творится история: налицо сдвиг в подходах. От «бомбы судного дня» военные переходят к запросу на ядерное оружие, которое можно применять локально, без эскалации и разрушительных социально-политических последствий. Военные склонны воспринимать оружие как практический инструмент: если оно есть, его можно и нужно использовать, причем максимумом допустимых способов. Ядерные боеприпасы этому требованию пока не отвечают, поэтому в Пентагоне к ним после 1991 года относились как пасынкам: необходимые политически, они сокращались по финансированию и ужимались до возможного минимума, а высвобожденные средства отправляли на силы общего назначения³⁴.

3.1.в). Международный терроризм как инструмент политики силового принуждения США

Необходимо понимать, что война это не только вооруженная борьба на поле боя. Перед началом войны противник использует все возможности (политические, экономические, информационные и т.д.) для ослабления противника³⁵

*А. Орлов,
эксперт*

Характерной особенностью Варианта № 1 («Оптимистического») внешней политики США во втором десятилетии XXI века становится превращение терроризма из инструмента (часто запрещенного и всегда отрицаемого) деятельности спецслужб в инструмент летальной внешней политики, реализуемой на практике в стратегии «силового принуждения». На мой взгляд, этот процесс эволюции отличаются следующие особенности.

Таблица 3.5. Особенности использования террора в политике «новой публичной дипломатии» США

Традиционная внешняя и военная политика США (до конца XX века)	Политика «новой публичной дипломатии» и стратегия «силового принуждения» США в XXI веке
– специальные операции ЦРУ, используемые в ограниченных политических целях (перевороты, смены режимов, уничтожение лидеров, например: Панама, Никарагуа, Куба;	– специальные операции ЧРУ и ВС, используемые в масштабных политических целях, имеющих стратегический характер, значительно превышающие по масштабу, численности участников и продолжительности предыдущие операции (Афганистан, Ирак, Сирия, Ливия, Украина и т.д.);
– подготовка ЧВК и отдельных групп для вооруженной борьбы;	– подготовка организаций и армий для длительной вооруженной борьбы;
– создание групп оппозиции за рубежом;	– создание вооруженной оппозиции и силового давления на правящую элиту;
– информационная деятельность;	– психологические операции по массовой дезинформации;
– вмешательство во внутренние дела.	– создание «армии вторжения»;
	– использование террора для дестабилизации страны.

Основной причиной резкого всплеска международного терроризма в XXI веке стала политика США, в соответствии с которой те активно использовали (в т.ч. создавали и развивали) экстремизм и международный терроризм в качестве инструмента своей внешней политики еще в XX веке против СССР и правящих режимов других стран. В XXI веке эта установка была легализована и усилена.

В этом смысле борьба с международным терроризмом стала для США приоритетным направлением внешней политики потому, что эти организации и движения вышли из-под их контроля в некоторых странах и при определенных условиях. В этом же

смысле борьба с терроризмом до 2025 года будет «борьбой не подконтрольным с международным терроризмом». Она рассматривается в самом широком международно-политическом и международно-правовом контексте, а именно: как борьба с «плохими» террористами и использование «хороших» террористов в своих политических целях. Под такой борьбой понимается все, что угодно для США, но, прежде всего, на мой взгляд, контроль над международным терроризмом, предполагающий его использование в своих политических целях. Такая политика США и их союзников предполагает, что в 2017–2025 годы:

- США усилят активность союзников по созданию, поддержке и развитию террористических и экстремистских организаций, которые они используют в целях «политики новой публичной дипломатии» в качестве дешевого и эффективного политического средства «силового принуждения». Следствием этого станет всплеск терроризма, в т.ч. «локального» (по примеру Украины);
- США будут препятствовать появлению и развитию любых террористических и экстремистских организаций, находящихся вне их контроля, потому, что те могут быть использованы против политики Запада. Именно борьба с неподконтрольным терроризмом и будет в реальности борьбой США с «международным терроризмом. Со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями;
- США будет развивать возможности своих ВС и спецслужб по ведению специальных операций, включая операции с ЧВК и террористическими организациями, создавая «партнерские» и союзнические организации с террористами и обеспечивая их необходимым высокотехнологичным вооружением и военной техникой. В частности, в сетевых СМИ.

Способны ли социальные сети исказить наше представление о реальности? Почему мы склонны доверять своим друзьям даже в тех случаях, когда они делятся с нами ссылками на непроверенные сообщения, а то и на прямую дезинформацию? И как эта доверчивость влияет на наши поступки в реальном мире — например, на наше решение проголосовать за того или иного кандидата в президенты? Читайте об этом в статье, которую опубликовало издание The Conversation.

Как говорит профессор информатики Филиппо Менцера, «Если вы, подобно большинству американцев, узнаете новости из социальных сетей, то это значит, что параллельно вы получаете ежедневную порцию лжи, непроверенных слухов, страшилок в духе теории заговора, и неверно сформулированных сообщений. Когда все это перемешано с достоверной информацией из надежных источников, докопаться до правды бывает очень нелегко.

Как показал анализ данных, собранных Колумбийским университетом в рамках программы Emergent, которая занимается изучением слухов, дезинформация становится объектом вирусного распространения почти так же часто, как и надежные сведения (анализом данных занималась команда исследователей под моим руководством).

Многие спрашивают, не повлиял ли этот натиск электронной дезинформации на результаты американских выборов 2016 года. По правде говоря, мы этого не знаем, но есть все основания полагать, что такое влияние могло иметь место, учитывая опыт предыдущих исследований и сведения, поступающие из других стран. Любое неверное сообщение воздействует на формирование нашей точки зрения. Итоговый вред от дезинформации может быть вполне реальным — если введенные в заблуждение люди готовы рисковать жизнью собственных детей, как в случае с отказом от обязательных прививок, то что им помешает поставить на кон нашу демократию?»

Как распространялись предвыборные новости по хэштегам #ImWithHer (за Хиллари Клинтон) и #MakeAmericaGreatAgain (за Дональда Трампа): точками обозначены твиттер-аккаунты, линии между ними изображают ретвиты. Диаметр точек зависит от количества ретвитов, произведенных аккаунтом. Красным цветом помечены аккаунты, которые с высокой степенью вероятности являются ботами, голубым — аккаунты реальных пользователей. Рис. 3.24. Clayton Davis³⁶.

— у США, вместе с тем, есть огромные резервы для организации иммиграции и формирования на основе вновь прибывших резерва для частных военных компаний по аналогии с французским «иностранным легионом». Эта возможность вытекает из традиционно-благожелательного отношения к эмигрантам и относительно низком уровне безработицы в стране. Иначе говоря, США могут «переварить» миллионы беженцев, из которых можно будет вербовать отдельные отряды и даже армии наемников.

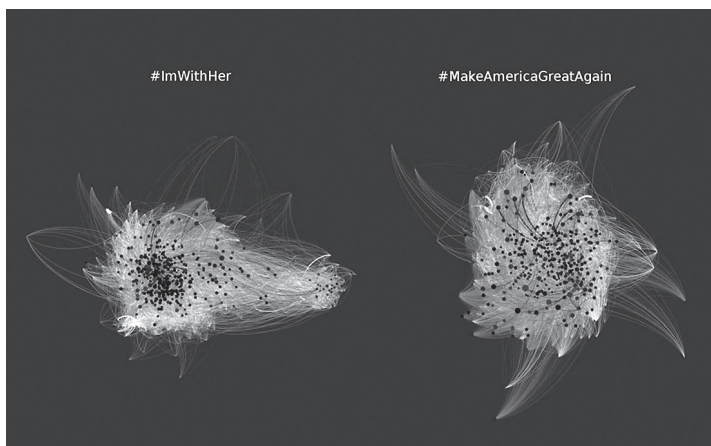

Рис. 3.24.

Подобная опасная и радикальная эволюция внешней политики США потребует внесения корректив в деятельность дипломатии и международных институтов. «Повестка дня» международных организаций будет перенасыщена примерами использования международного терроризма, который приобретет массовый характер.

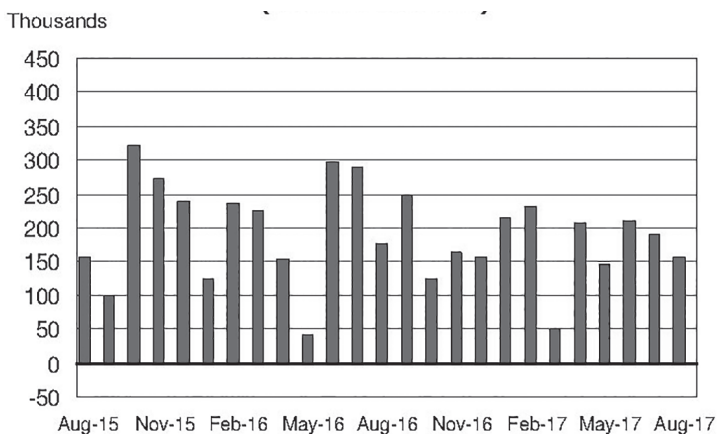

Рис. 3.25. Количество безработных (08.2015-08.2017)

При этом США будут исходить из посылки о том, что войны в XXI веке практически свелись к внутрисполитическим конфликтам и гражданским войнам, когда война между собственно государствами станет редкостью. И действовать соответствующим образом, а именно:

- расширяя области взаимодействия с террористическими организациями;
- развивая возможности для создания и активизации террористических организаций;
- распространяя свою специальную и военную деятельность на террористическую деятельность официально. Так, например, в 2017 году ВС США нанесли удар по официальным ВС Сирии (аэропорту и колонне), фактически помогая террористическим силам.

Как показано на рисунке ниже, количество межгосударственных конфликтов снижается, а социальных и иных конфликтов между разными акторами — увеличивается. Думается, что обе эти тенденции не случайны. Вероятно, что конфликты между субъектами МО искусственно вытесняются (замещаются) конфликтами между акторами.

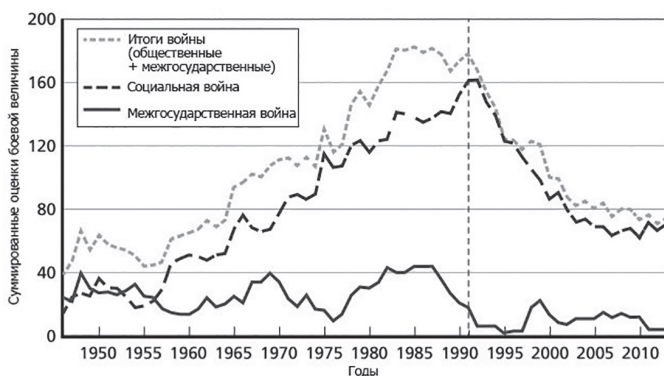

Рис. 3.26. Глобальные тренды военных конфликтов 1946-2013 гг.³⁷

Как видно из графика, войны между странами практически свелись к минимуму после 1990 года, а число внутрисполитических конфликтов в 2000–2010 годы осталась на одном уровне. Причем смертность от

террористических атак для США и их союзников, т.е. западной ЛЧЦ, была относительно незначительна, если исходить, конечно, из масштабов государственного противоборства. И это представляется не случайным. Эта тенденция — проявление политического курса США по силовому принуждению в рамках официальной политики «новой публичной дипломатии», которая должна обеспечить информационное прикрытие и дезинформировать общественное мнение.

Примечательно, также то, что международный терроризм (как инструмент внешней политики США) фактически перенес поле боевых действий в страны «третьего мира», со всеми вытекающими из этого человеческими и материальными издержками. Это превратило огромные пространства, лежащие вне западной ЛЧЦ, в поле битвы, где главным военным средством стали террористические организации. В этом смысле территория Украины рассматривается в том же качестве, — как плацдарм для применения против России экстремистских и террористических сил.

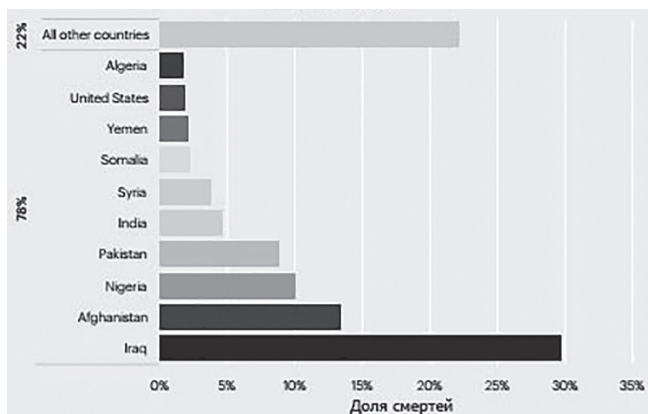

Рис. 3.27. Пропорции погибших в результате террористических актов в 2000-2015 годах³⁸

Таким образом, в военной политике западной ЛЧЦ и США до 2025 года будут доминировать качественно новые черты, которые будут характеризоваться сознательным, масштабным и целенаправленным использованием экстремизма и терроризма в политических целях.

В этой связи со стороны России представляются возможными, как минимум, три стратегических направления политики «борьбы с международным терроризмом» США до 2025 года, которые будут неизбежно отражены в «оптимистическом» варианте сценария развития США.

Во-первых, традиционное направление борьбы с исламским терроризмом на широком фронте — от Марокко до Филиппин, — когда действия США будут совпадать с их геополитическими интересами в регионах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и Юго-Восточной Азии.

Основными объектами для силовой политики субъекты МО, а средства будут международные акторы: организации, движения, социальные сети и пр. При этом США будут, по-прежнему строго избирательно относиться к международным террористическим организациям, развивая политику дезинформации общественного мнения.

1 группа — откровенно враждебные, не контролируемы (или вышедшие из под контроля) США террористические организации, которые будут быстро и эффективно уничтожаться;

2 группа — контролируемые и поддерживаемые США организации и акторы, которые будут все более активно использоваться во внешней политике США;

3 группа — сознательно создаваемые экстремистские и террористические организации специальными службами США для использования против своих геополитических противников. Вероятно, что в рамках «оптимистического» варианта «Военно-силового сценария развития США» до 2025 года эта практика будет значительно расширена и активизирована. Можно допустить, что в этих целях будут широко использоваться частные военные кампании и созданные специальными службами радикальные социальные группы.

Наиболее важное значение будет приобретать 3-я группа организаций и акторов, которые будут составлять основу для структур «облачного противника» и «асимметричной войны», а в мирное время — для институтов влияния в странах — оппонентах США.

Можно ожидать, кроме того, что специальные операции США, в том числе и за рубежом, за которые прежде отвечали ЦРУ, будут становиться прерогативой сил специального назначения, которые будут создавать и поддерживать террористические организации.

Важное значение имеет также тот факт, что «экономическая эффективность» террора очень высока, что осознается хорошо в США и являет дополнительным аргументом в пользу развития 3-ей группы.

Во-вторых, экстремизм и терроризм будет активно использоваться в военно-силовой политикой США против стран, которые они и их союзники могут причислять к враждебным субъектам МО, отождествляемым в качестве террористических, например — КНДР. Другими словами, правящая элита США может произвольно «назначать» в качестве «террористов» и «экстремистов» целые государства, а не только организации, распространяя на эти субъекты МО отношение к террористическим и экстремистским акторам.

Это означает также, что против таких «террористических субъектов» МО США и их союзники смогут использовать весь набор средств, применяемых против государств — от авиации и ВТО до сил специальных операций и ВТО.

Произвольное распространение понятия «терроризм» и «террористическое государство» не исключается и по отношению к России.

В конечном счете, именно к таким государствам будет отнесена и Россия, а также любые государства, «не соблюдающие нормы» США.

В-третьих, методы и средства террористической и экстремистской войны будут применяться в «оптимистическом» варианте сценария развития США в качестве средства военно-силовой, системной и комплексной «политика принуждения») против тех стран в качестве политической угрозы: их действия идентифицированы в качестве «террористических».

К таким субъектам и областям могут быть отнесены в принципе любые области. Так, в последние годы США пытаются квалифицировать не только действия России в области кибербезопасности, но и влияния на выборы и т.д. (даже в спорте, здравоохранении и науке) как «террористические».

3.1.г). Особенности военной политики США при реализации «Варианта № 1» до 2025 года

Развитие («оптимистического») «Варианта № 1» основного сценария предполагает противодействие следующим приоритетным направлениям, которые определяются КНШ США, угрожающих безопасности США:

- новой роли быстро экономически растущих держав и новых центров силы;
- разбалансированной системы энергетической безопасности;
- ослабления традиционных союзов, прежде всего, опасений относительно ослабления западной военно-политической коалиции;
- возникновением новых союзов и центров силы, которые могут быть противопоставлены военно-политической коалиции США.

Прежде всего, предполагается достаточно быстрое увеличение военных расходов, в частности, на НИОКР, закупки ВВСТ и содержание личного состава, которые к концу периода могут достигнуть 1000 млрд. долларов и более при одновременном росте опережающими темпами военных расходов союзников США по НАТО и по коалиции.

Военные расходы западной военно-политической коалиции, которые сегодня превосходят военные расходы России в десятки раз, КНР — в несколько раз, а других ЛЧЦ в еще большей степени, инвестированные в НИОКР и ВВСТ, могут обеспечить технологическое и военно-техническое превосходство США и их союзников до 2025 года. Этот расчет — вполне адекватная оценка и прогноз, которые отражают современные реалии и среднесрочные перспективы.

Подобный сценарий, по мнению правящей элиты США, сдержит динамику изменения соотношения военных расходов США и других стран, в первую очередь КНР и Индии, как минимум, до 2040–2050 годов, и то гарантирует реализацию силового («оптимистического») варианта сценария развития США.

Основными стратегическими направлениями развития военно-силового («оптимистического») варианта развития базового сценария США будут:

- во-первых, Россия и постсоветское пространство: Центральная и Средняя Азия, Украина, Прибалтика;
- во-вторых, КНР и Северо-Восточная Азия, а также Дальний Восток и АТР;
- в-третьих, Иран, Ирак и Ближний Восток.

Примечательно, что в рамках этого варианта основного Сценария могут регулярно вноситься коррективы в конкретные аспекты и детали военной политики, которые хорошо иллюстрируются корректировками военного бюджета США в 2016 и 2017 ф.г., которые, говоря словами бывшего министра обороны «об основных угрозах», отражают «текущие» (тактические) угрозы интересам США в данный период времени. В зависимости от того или иного источника в Вашингтоне, они выстраиваются в следующем порядке:

- 1) Россия;
- 2) Китай;
- 3) Северная Корея;
- 4) Иран;
- 5) Терроризм.

Следует особо отметить, что борьба внутри отдельных групп правящей американской элиты не отразится принципиально на стратегическом курсе США, на который будут влиять внешнеполитические и внутриполитические обстоятельства, но в значительно меньшей степени субъективные предпочтения. Этот стратегический курс, как сценарий развития страны и ЛЧЦ, в целом сложился к 2017 году, а коррективы носят частный характер.

Service	Capability	Capacity	Readiness
Сухопутные силы	↓	↔	↑
ВМС	↑	↓	↔
ВВС	↓	↑	↔
Морская пехота	↓	↔	↑

Рис. 3.28. Изменения в приоритетах военного бюджета на 2016-2017 ф.г.³⁹

Вместе с тем переход США и в целом западной ЛЧЦ к новой парадигме развития, в т.ч. новому технологическому укладу, потребует пересмотра внешнеполитического курса, к чему пока еще США не готовы. В этом случае потребуются пересмотр основных параметров государственного и военного бюджета США, к чему, в принципе, США уже готовы. Так, очень быстрый рост военного бюджета США в первом десятилетии не вызвал сколько-нибудь серьезного противодействия, хотя в последние годы и пришлось отказаться от некоторых «излишеств», связанных прежде всего с проведением масштабных операций за рубежом. Поэтому можно ожидать, что «оптимистический» вариант сценария развития США до 2025 года будет сопровождаться быстрым ростом военных расходов, которые до 2025 года превысят 1 трлн долл.

Более того, задачей правящей элиты США, в т.ч. администрации Д. Трампа, является добиться от своих союзников по коалиции, если не таких же, но близких по объему военных расходов. Если удастся добиться от союзников по НАТО, а также Японии и ряда других стран, увеличения военных расходов, то можно ожидать, что к 2025 году общие военные расходы коалиции достигнут 2 трлн. долларов, что будет превышать военные расходы всех других ЛЧЦ, включая КНР, Индию и Россию.

При этом необходимо не забывать, что собственно бюджет МО США составляет далеко не все расходы на оборону. Поэтому следует учитывать не только прямые военные расходы США, но и косвенные. (рис. 3.29)

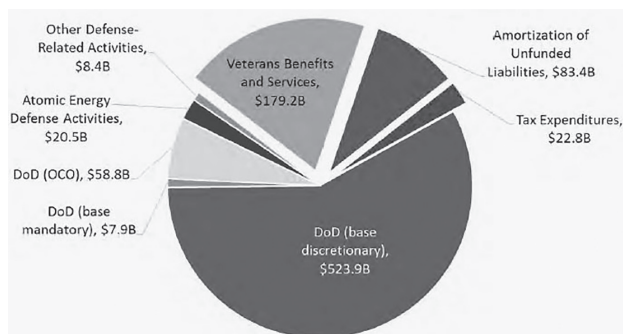

Рис. 3.29. Общие расходы на оборону в 2017 ф.г. достигли 905 млрд долл.⁴⁰

Важно понимать, кроме того, что не существует прямой корреляции между военными расходами и, например, численностью военнослужащих или ВВСТ. В XXI веке тенденция роста значения качества личного состава и ВВСТ будут играть все более важную, даже решающую роль. Эта тенденция хорошо иллюстрируется соотношением численности ВС и военных расходов США после Второй мировой войны.

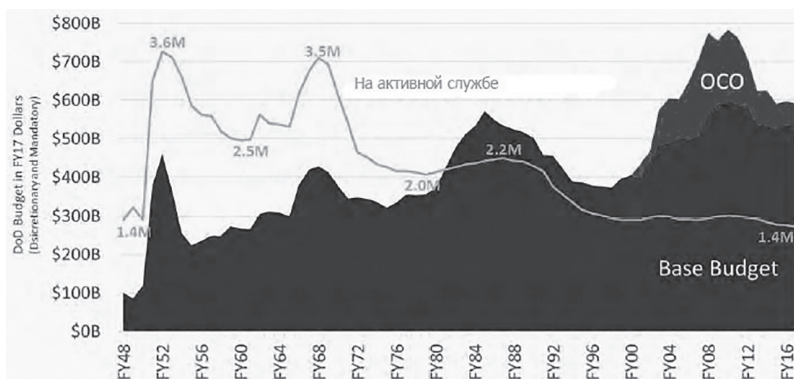

Рис. 3.30. Сравнение числа военнослужащих и военных расходов (за 1948-2017 ф.г. США)⁴¹

При этом на каждом из указанных выше стратегических направлений США будут последовательно придерживаться реализации двух базовых принципов:

- сохранения военно-технического превосходства и
- коалиционной стратегии западной ЛЧЦ, привлечения максимально широкого круга из всего спектра государств к их активной политике, в особенности, непосредственного военного противоборства.

Эти два принципа, лежащие в основе «оптимистического» варианта сценария развития США, должны обеспечить западной ЛЧЦ и, прежде всего, США доминирующие силовые позиции относительно других ЛЧЦ и их лидеров до 2025 года. В самом общем виде подобное соотношение до 2025 года планируется не просто сохранить, но и увеличить. В таблице на рисунке 3.31, предлагаемой ниже, дается соотношение сил на 2017 год и, возможное, на 2025 год.

Цивилизации	западно-европейская	восточно-европейская	северо-американская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западно-европейская	1	5(6)	0,8(0,7)	9	5(6)	1(2)	1(2)	4(1)	7(3)	7(5)	9(7)
восточно-европейская		1	0,2	8	3	3	5	2	5	6	8
северо-американская			1	9(10)	7(8)	7(5)	7(5)	7(8)	8(10)	8(9)	9(10)
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	2	0,9	0,8	5	5
китайская						1	1	4	4	7	8
индийская							1	3	2	5	7
японская								1	0,6	2	5
арабо-мусульманская									1	7	8
буддийская										1	1
африканская											1

Рис. 3.31. Сравнение коалиционных потенциалов ЛЧЦ в XXI веке
(оценки экспертов по методу Саати, 2017 г. и 2025 г.)

Сравнение и сопоставление различных потенциалов ЛЧЦ требует некоего общего знаменателя, интегрирующего основные показатели с тем, чтобы была возможность, как минимум, экстраполяции соотношения потенциалов ЛЧЦ в стратегической перспективе. Это теоретически можно сделать, попытавшись предоставить различные «веса», придающие разные значения для тех или иных потенциалов. Прежде всего, с точки зрения его возможных военно-политических последствий. Примером может служить нижеследующая матрица, приведенная выше в качестве примера.

Более наглядным примером, однако, является геополитическое соотношение сил между отдельными ЛЧЦ, которое может иллюстрировать визуально не только количественное, но и географическое рас-

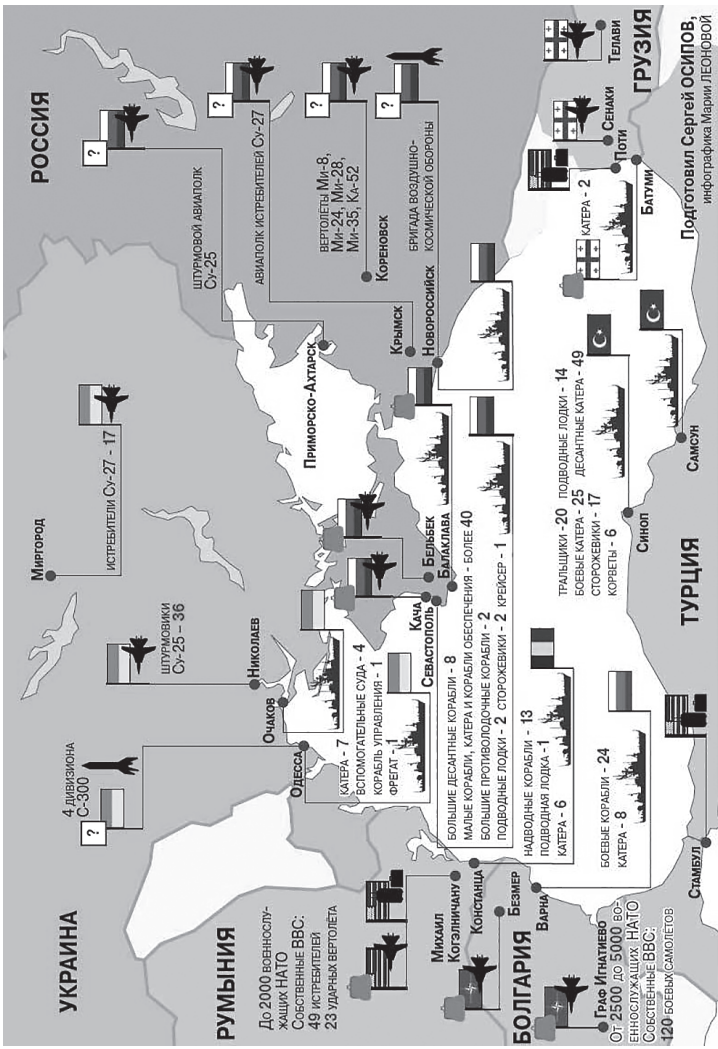

Рис. 3.32. Современная ВПО в бассейне Черного моря⁴²

положение противоборствующих военно-политических коалиций. Это видно достаточно наглядно, например, на следующей карте, иллюстрирующей современную ВПО в бассейне Черного моря, где США могут использовать любые, в т.ч. не очень значительные возможности. (Рис. 3.32)

Это положение и соотношение сил имеют прямое отношение к политике США на море, которая во многом определяется ростом значения морских коммуникаций и транспортных коридоров новых центров силы, прежде всего, КНР, Индии, Индонезии, Вьетнама, Пакистана и других государств.

Транспортные коридоры и контроль над ними приобретает исключительно важное значение, в связи с тем, что рост мировой торговли в физических объемах удвоили в новом веке, а темпы роста торговли опережают темпы роста ВВП, являясь основой быстрого роста экономик наиболее динамично развивающихся стран.

Контроль над основными проливами, узкостями и путями транспортировки товаров превратился в геополитический фактор влияния, например, на экономику новых гигантов КНР, Индии, Индонезии и других быстро развивающихся стран. При этом быстро набирают силу две новые тенденции: увеличению размеров и тоннажа судов и контейнеров для перевозки.

Эта проблема становится ключевой для ВМС США, которые до недавнего времени обладали абсолютным превосходством по мере, но стремительно теряют его из-за политики развития ВМС КНР.

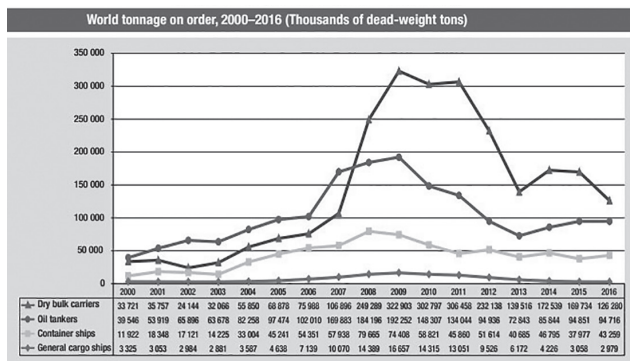

Рис. 3.33. Морские перевозки (2000-2016 гг.)⁴³

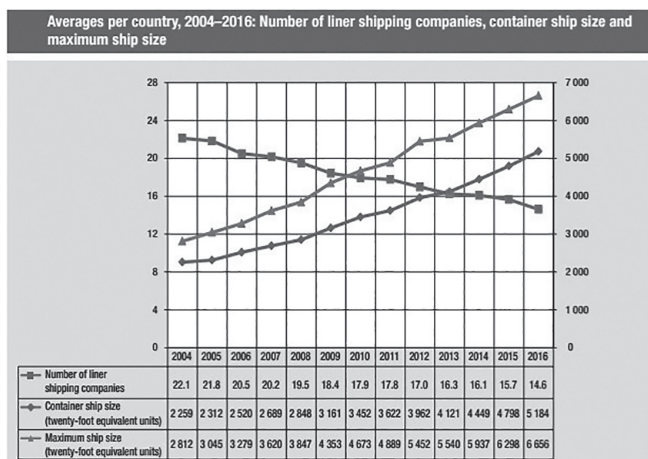

Рис. 3.34. Количество компаний, размер контейнеров и судов (2004-2016 гг.)⁴⁴

Основными формами военно-силовой борьбы США и их союзников будет комплексное, системное и сетцентрическое применение всех силовых инструментов принуждения — информационных, экономических, военных, иных — против институтов государства и правящей элиты противостоящей страны и одновременное формирование необходимого для США общественного мнения и внедрения в качестве обязательных норм правил поведения в мире.

Рис. 3.35. Общая модель военно-силовой политики США и их коалиции до 2025 года

Следует признать, что в целом США уже удается достаточно точно соблюдать эти принципы в своей политике. Так, Государственный департамент США, отвечает не только за дипломатические действия, но и за всю политику, включая экономическую и военную, США. Можно коротко проиллюстрировать на примере политики в отношении Украины 2014–2017 годов эти принципы следующим образом:

- **Сетецентричность:** — удар по прежним институтам власти, как «по-горизонтали» (в областях), так и «по-вертикали» (министерствам) был жестко спланирован и реализован.
- **Одновременность:** — действия оппозиции были максимально синхронизированы не только в отдельных регионах, но и с «заказчиками» из ЕС и США.
- **Последовательность:** — выдерживается все эти годы очень четко — от запрета на русский язык до блокировки социальных сетей.
- **Системность:** используются все средства от дезинформации до крупнокалиберной артиллерии.

В этих долгосрочных целях будут использованы, например, стратегические вооружения США, которые должны будут обеспечить США гарантии от ответных мер и «свободу рук» для проведения военно-силовой политики в соответствии с перечисленными приоритетами. Логике развития подобного варианта сценария развития политики США, бывшие советники начальника НГШ И. Попов и М. Хамзатов, например, представляют следующим образом: рис. 3.36.

Очевидно, что это (хотя и очень упрощенное представление) логика развития конфликта включает системность в применении всех силовых средств для которых собственно и придумана политика «новой публичной дипломатии США». Наиболее важными являются так называемые 1-ый, 2-ой и 3-ий этапы войны, которые:

- во-первых, не имеют четких границ и не позволяют противнику провести необходимые мобилизационные мероприятия;
- во-вторых, фактически обеспечивают (в случае успеха) победу США в войне еще до наступления последующих этапов.

Основные черты сетецентрической войны

Три наиболее отличительные свойства «сетевой войны» по сравнению с традиционной войной в нынешнем ее понимании выглядят так:

Рис. 3.36. Основные этапы современной войны⁴⁵

1. Широкая возможность использования географически распределенной силы. Ранее из-за разного рода ограничений было необходимо, чтобы подразделения и элементы тылового обеспечения располагались в одном районе в непосредственной близости к противнику или к объекту, который обороняется. Новая концепция снимает эти ограничения, и это было практически подтверждено.

Так, для организации адресного тылового снабжения — основы боевого применения войск в маневренной войне армия США в Ираке использовала распределительную информационную систему МТС (Army's Movement Tracing System). В этой системе на основе радиоизлучающих датчиков, стационарных и портативных сканеров, навигационной спутниковой системы GPS, беспроводного доступа и тактического Internet непрерывно отслеживается положение всех наземных подвижных объектов (танков, бронетранспортеров, БМП и т. п.) на всем иракском театре военных действий, от экипажей которых органы тыла получали запросы на поставку топлива, боеприпасов, запасных частей и других видов обеспечения. Всего в этой системе было

задействовано около 4000 бортовых компьютеров и 100 серверов, работающих под Windows NT. Система МТС обошлась армии США в 418 млн. долл., полученных компаниями NSI Global inc. и Comtech Mobile Datacom Corp. за поставки необходимого оборудования в течение трех лет.

2. Сетецентрическую войну способны вести только высокоинтеллектуальные силы. Такие силы, пользуясь знаниями, полученными от всеохватывающего наблюдения за боевым пространством и расширенного понимания намерений командования, способны к большей эффективности, чем при ведении автономных, сравнительно разрозненных действий.

В этой связи: перед началом войны в Ираке (2003 год) над страной были размещены более сорока американских спутников, а средства 5-го армейского корпуса, принимающего участие в операции «Шок и трепет», основной ударной силы группировки в Ираке, уже тогда были способны самостоятельно отслеживать до 1 000 наземных целей противника в течение часа. Командиры эскадрилий палубной авиации могли принимать участие в планировании вылетов своих экипажей вместе с коллегами из армейской авиации, пользуясь общей информационным системой, чего, например, не было в 1991 году. Более того, 80 % боевых вылетов авиации, начиная с операции в Афганистане, уже проводится «вслепую», то есть когда в памяти боевых компьютеров нет целей и информация о них поступает от наземных частей непосредственно с передовой. Для этого американцы развернули специальную систему боевого планирования и управления авиацией на ТВД «ТВМС» (Theater Battle Management Core Systems).

В ходе операции в Ираке в 2003 году они использовали новую распределенную информационную систему боевого управления FBCB2 (Force XXI Battle Command Brigade or Below), охватывая уровень «бригада — батальон — рота». Все командиры боевых подразделений и передовые артиллерийские наводчики для ориентирования на местности и передачи боевых донесений получили в свое распоряжение штатные карманные компьютеры (500 МГц) 4 Гбайт (Windows 95 | NT) с прочным корпусом фирмы Elbit System.

3. Третье отличие — наличие достаточно эффективных коммуникаций между объектами в боевом пространстве. Это дает возможность географически распределенным объектам проводить совмест-

ные действия, а также динамически распределять ответственность и весь объем работы, чтобы приспособиться к ситуации. Именно поэтому более чем в семь раз по сравнению с 1991 годом увеличилась суммарная полоса пропускания (до 3 ГГц) арендованных Пентагоном каналов спутниковой связи для передачи информации.

Фазы ведения боевых действий

Предполагая учет особенностей сетецентрической войны применительно к каждому данному театру военных действий, концепция предусматривает четыре основные фазы ведения боевых действий.

1. Достижения информационного превосходства посредством опережающего уничтожения (вывода из строя, подавления) системы разведывательно-информационного обеспечения противника (средств и систем разведки, сетеобразующих узлов, центров обработки информации и управления)

2. Завоевания превосходства (господства) в воздухе путем подавления (уничтожения) системы ПВО противника.

3. Постепенное уничтожение оставленных без управления и информации средств поражения противника, в первую очередь ракетных комплексов, авиации, артиллерии, бронетехники.

4. Окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

Успешное осуществление каждой из фаз операции основывается на значительно меньшей продолжительности боевого цикла «обнаружение — опознание — целеуказание — поражение» по сравнению с противником, что предполагает достаточно точные и полные сведения о противостоящей группировке.

Таким образом, последовательность огневого поражения в ходе сетевых операций выглядит в следующей последовательности: Датчики (sensors) — органы управления (controls) — части и подразделения (units) — отдельные объекты (objects) — (SCUO).

Ранее подобные оперативные концепции (например, «глубокая операция» (СССР, 1930-е годы.) и «воздушно-наземная операция» (США, середина 1980-х)) выстраивались в другой последовательности.

Можно с уверенностью сказать, что именно на этих этапах реализации политики «новой публичной дипломатии» в отношении России находятся сегодня США. Действительно, мы наблюдаем (как и на

1-ом — 3-ем этапе) одновременно, системно, сетецентрично и последовательно реализацию задач всех трех этапов.

Более того, четвертый этап («Обрушения экономики»), о котором говорил в 2015–2016 годах Б. Обама, так и не произошел — в 2016–2017 годах Россия вышла из кризиса и фактически выполнила задачи импортозамещения. Но это отнюдь не означает полного провала стратегии, которая лишь застопорилась из-за эффективного противодействия. Ближайшие задачи США — обрушение экономики, деградация промышленных центров и дестабилизация внутривнутриполитической ситуации — сохраняются для реализации до 2025 года. Более того, они дополняются задачами военно-силового противоборства на европейском, кавказском и среднеазиатском ТВД с помощью экстремистских (националистических) и террористических сил.

Эта стратегия, созданная на долгосрочную перспективу демократической частью правящей элиты США, будет реализовываться и республиканской частью, но, скорее всего, не с той яростью, с которой действовали бы правящие демократы. Но это отнюдь не меняет ни ее форму, ни содержание, ни основные принципы. Она просто делает эти принципы не столь абсолютными и императивными для выполнения, допуская временные отступления и меньшую категоричность из-за обстоятельств внутреннего порядка. Прежде всего кризиса самого американского общества⁴⁶.

В этих целях чрезвычайно важное значение приобретает собственно военная мощь США, особенно стратегические наступательные и оборонительные вооружения, которые должны позволить без показаний использовать практически любые силовые средства и способы (включая террор) против потенциального противника. Другими словами, эта мощь выступает гарантией. Из этого, в частности, следует, что США будут продолжать развивать свои ЯО несмотря на любые декларации «о безъядерном мире»:

- развитие потенциала СНВ и ПРО США будет иметь решающее значение в период 2017–2025 годов, в частности, будет подготовлена замена новых МБР, системы стратегического управления, модернизированы ПЛАРБ типа «Огайо», а также завершены работы до 2027 года над новым типом ПЛАРБ «Колумбия».

Кроме того будут модернизированы ТБ В-52 и В-2, а также завершено создание нового ТБ В-21 «Рейдер», которые к 2025 году должны заменить стары ТБ, и их количество составит 100 единиц.

В настоящее время на вооружении ВМС состоит 14 ПЛАРБ типа «Огайо», которые поочередно несут дежурство в Мировом океане. Однако срок службы этих лодок завершится уже к концу 20-х годов текущего столетия, и их будет необходимо заменить новыми атомными субмаринами типа «Колумбия». ПЛАРБ «Колумбия», в свою очередь будут эксплуатироваться в течение 40 лет и обеспечат защиту США до 80-х годов текущего века. Первые из этих лодок должны будут встать на боевое дежурство в начале 2031 года. Поэтому для выполнения плана боевого развертывания ПЛАРБ следующего поколения их строительство должно быть начато в 2021 году.

Для решения задач ядерного сдерживания и обеспечения безопасности США ВМС должны располагать, по меньшей мере, десятью ПЛАРБ типа «Колумбия», находящимися в постоянной готовности к выходу на боевое дежурство. Однако для решения всего комплекса задач по поддержанию атомного флота на требуемом уровне боевой готовности на вооружении ВМС должно состоять 12 таких подлодок⁴⁷.

Руководство ВМС, заявил Морен, принимает самые активные меры к сокращению сроков закупок подводных лодок, снижению их стоимости и внедряет в их конструкцию самые современные технологии, главной из которых является технология снижения заметности «Стелс». Это позволяет обеспечить скрытность действий ПЛАРБ и существенно снижает уровень их уязвимости. Данная технология широко используется в конструкции лодок типа «Колумбия».

ВВС несет ответственность за две трети боевых элементов ядерной триады ВС США, включая более 400 МБР и 66 атомных бомбардировщиков. Примерно 75% систем управления и связи СЯС Пентагона эксплуатируется специалистами этого вида ВС. ВВС располагают и парком истребителей, способных нести тактическое ядерное оружие. Численность военнослужащих и гражданских специалистов, обслуживающих ядерные силы ВВС, составляет около 30 тыс. человек.

Руководитель ВВС США генерал считает, что сегодня решения по ядерной триаде должны приниматься не в категориях принятия мер по модернизации существующих вооружений или продления сроков

их эксплуатации, а лежать исключительно в пределах выбора между необходимостью кардинального совершенствования СЯС и риском утраты ядерного потенциала страны уже в начале 20-х годов текущего столетия⁴⁸.

По словам зампреда КНШ, Соединенные Штаты вот уже более двух десятилетий стремятся всячески уменьшить роль СЯС в своих планах и стратегиях. Но многие вероятные противники Америки, и прежде всего Россия, Китай, Северная Корея и Иран движутся в обратном направлении и принимают все меры по повышению своих ядерных потенциалов.

Сегодня США вступают в тот период, когда на повестку дня встает задача кардинальной модернизации ядерных сил и структур, обеспечивающих их функционирование. При этом первостепенное внимание должно уделяться созданию самых современных ядерных боеголовок ядерных бомб, а также совершенствованию средств доставки ядерных зарядов к целям, то есть МБР, КР, бомбардировочной авиации и ПЛАРБ. В 2016 финансовом году затраты на ядерные программы составили 3,2% от военного бюджета. До конца 2020-х годов их необходимо ежегодно увеличивать и довести до 6,2%⁴⁹.

Бывший начальник Стратегического командования ВС США отставной генерал Роберт Келер, почти три года стоявший во главе этих сил, отметил, что XXI век характеризуется большой неопределенностью и быстрыми изменениями ситуации в мире. Сегодня угрозы национальной безопасности США лежат в очень широких пределах. Они могут возникнуть в самые кратчайшие сроки и исходить как от боевиков, вооруженных автоматами, пулеметами и пушками, так и от противостоящих Америке стран, оснащенных мощным ядерным оружием. Вчерашние региональные ТВД завтра могут превратиться в глобальные пространства боевых действий, на которых кибернетическое противоборство может очень быстро распространиться на военный космос, еще до того, как в сражении непосредственно вступят воинские контингенты объединенных и специальных командований. При этом особое внимание уделяется сохранению возможностей СЯС по нанесению ядерных ударов как в ограниченном, так и в глобальном масштабах.

Сопоставление политики стратегического сдерживания России и политики «новой публичной дипломатии» США говорит о том, что:

- политика стратегического сдерживания ограничена по своим целям только предотвращением использования военной силы, т.е. носит исключительно оборонительный характер;
- эта политика ограничена только угрозами территориальной целостности и суверенитета, не говоря, например, о таких приоритетах, как национальная идентичность, либо другие национальные интересы;
- отсутствует, как минимум, общая, интегрированная, политическая цель для политики стратегического сдерживания (хотя бы в традиционном варианте «обеспечения благоприятных условий для национального развития»).

Нужна качественно иная политика стратегического сдерживания в противоборстве с западной ЛЧЦ, в которой акцент делается не только на военные средства насилия, но и на невоенные средства и способы противоборства, а также их синтез по аналогии существующей сегодня в США «стратегией принуждения» (*«strategy of coercion»*).

Рис. 3.37.⁵⁰

Современное понятие «интегрированная стратегическая угроза» по своему содержанию кардинально отличается от понятия, использовавшегося во времена холодной войны, и лежит в значительно более широких пределах. В те времена под стратегической угрозой понимался только ядерный удар. Сегодня в это понятие входят возможности противника по уничтожению основных элементов ВС США, таких как, например, системы разведки, наблюдения, рекогносцировки (ISR) и связи, и по противодействию развертыванию и продвижению обычных сил.

Кроме того, в США считают, что современные противники Запада разрабатывают стратегические планы нанесения обычных ударов по территориям США и их союзников со значительных удалений. Они противники стремятся поднять риски и расходы Америки на ответные действия до неприемлемых масштабов, заставить федеральные войска распылять свои силы и средства по многим регионам мира и предпринимают меры по развалу существующих военных союзов западных стран. Последним звеном в этой цепочке действий враждебных США армий являются ядерные удары. Первое место в реализации интегрированных стратегических угроз отводится Москве и Пекину⁵¹.

Окончание холодной войны, позволило Америке существенно снизить значение ядерного оружия для обеспечения национальной безопасности США. В соответствии с действующими договоренностями

ми количество боеголовок на стоящих на боевом дежурстве ядерных системах по сравнению со временами холодной войны к 2018 году сократится в 10 раз. Однако, ядерное оружие будет и впредь играть основную роль в стратегии обеспечения безопасности США, их союзников и партнеров, и оставаться ключевым гарантом выживаемости наций в разных концах света, и прежде всего на западе.

В то же время в США считают, что «сегодня уже нет такой острой потребности в ядерном оружии, которое было самым эффективным средством защиты от массированных атак огромных танковых армий объединенных ВС стран Варшавского договора. Вместе с тем, подчеркивается, что роль высокоточного и некинетического (лазерного, электромагнитного, лучевого и т.д.) оружия и различных средств предупреждения о нападении на современном этапе продолжает возрастать. В том числе по военно-экономическим причинам. Так, системы С-300ПМУ-1 12ПУ (12 ракет и мобильный командный пункт с радаром) стоит \$115 млн. (Цена комплекса поставленного в Венесуэлу \$1 млрд.), а крылатая ракета Tomahawk Block IV(2006) стоит \$1.59 млн. *(то есть, почти в сто раз меньше — ЭР).*

Но это ракета (для армии объединенной в одну сеть), — трудная мишень, — каждая боевая единица может указывать цель ракете. Перед запуском Block IV можно зафиксировать 15 альтернативных целей, во время полета выбирать одну из них, или вообще ввести новую цель. Есть режим кружения над местностью в ожидании информации о цели. Ракета может передавать изображения местности и статус ракеты через выделенный канал спутника. Усовершенствованна и защита от средств глушения GPS навигации. Сейчас идет работа по использованию неизрасходованного топлива ракеты в дополнительную взрывную силу.

Налет КР на аэродром в Сирии весной 2017 года показал новую тактику: комплексы «земля-воздух» (также как С-300 разрабатывались против стандартной военной авиации, которая обычно дорогая. Истребитель F-15 стоит от \$30 млн. до \$115 млн., что как бы обосновывает цену ракетных комплексов. Но сейчас США также используют боевые дроны (легкий истребитель без пилота в нем), по программам ЦРУ. Один боевой дрон стоит \$4 млн. Дроны несут высокоточные ракеты Hellfire (\$110 000) для разных целей, а КР — 1 млн.

Если предположить что США разными способами могут зафиксировать любой пуск ракет на местности, то если С-300 выпускает ракету по дрону, комплекс автоматически становится целью для крылатых ракет. Получается, что часть из 60-ти выпущенных в апреле 2017 года США в Сирии «Томагавков», могли в один миг уничтожить все комплексы ПВО, которые бы попытались подать признаки жизни. Сегодня Пентагон должен уделять все большее внимание угрозам использования противником кибернетического оружия, эксплуатирующим его подразделениям и БЛА. Кроме того, необходимо сосредоточить усилия на повышение живучести космических и сетевых элементов систем управления и связи СЯС. Для сохранения и развития профессиональных навыков специалистов в области проектирования и производства ядерного оружия, более серьезное значение должно придаваться процессам создания его прототипов и другим мероприятиям аналогичной направленности. Не меньшего внимания, по убеждению Келера, заслуживают и меры по наиболее эффективной интеграции контингентов ВС США в смежных областях их взаимодействия⁵².

3.2. Вариант № 2 («Реалистический») базового сценария военно-политического развития США

Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всеми независимым, незападным сообществом⁵³

*А. Гилев,
военный эксперт*

В период 2017–2025 годов наиболее высока вероятность реализации «реалистического» варианта «Военно-силового сценария развития США», который сформировался еще в 2014–2016 годы при президентстве Б. Обамы и явился развитием силового сценария,

существовавшего в США в 2008–2014 годы. Иными словами, «Реалистический» вариант сценария является последовательным развитием военно-силового сценария США, ставшего основой американской внешней политики еще в начале века. Его целью является сохранить (удержать, либо даже укрепить) существующее доминирование и контроль США над сложившимися МО и ВПО в мире к началу века в условиях усиления других ЛЧЦ и центров силы. И для этого в США есть основания, о чем свидетельствует, например, масштаб, динамика и структура их федерального бюджета, который вырос за 37 лет с 2,5 до 5,4 трлн. долл.

Этот вариант, по сути — инерционный вариант развития США, — который реализовывался еще администрацией Б. Обамы, а до него администрацией Буша. В целом он является консервативным вариантом реализации того же базового сценария развития США, при котором сохраняются в силе прежде всего парадигмы предыдущих десятилетий развития, когда страна находилась под управлением не только демократических, но и республиканских администраций, ориентированных на глобализацию, во «главе которой стоят США» и создания военно-политических и финансово-экономических систем, контролируемых США. Эта инерционность фиксируется в структуре федерального бюджета страны

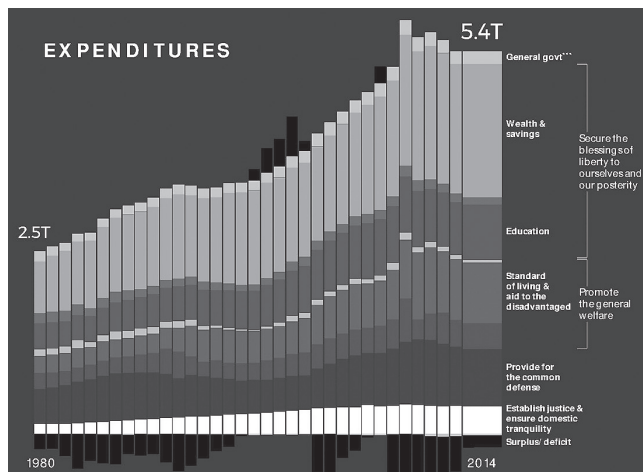
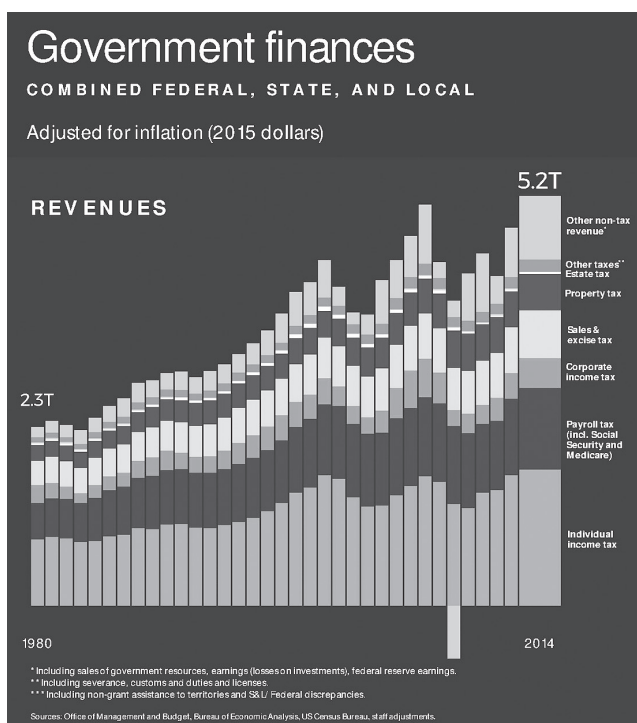
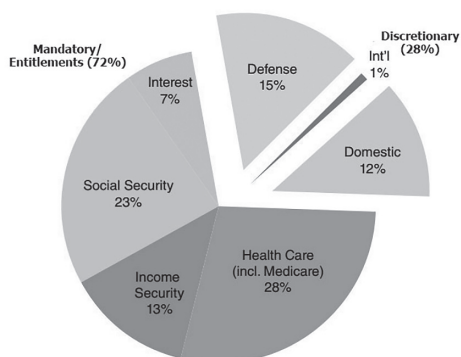

Рис. 3.38.

Рис. 3.39.⁵⁴Рис. 3.40. Структура расходов федерального бюджета (2017 ф.г.)⁵⁵

Этот вариант также предполагает, что США, как минимум, сохранят до 2025 года свое положение в военно-политической коалиции западной ЛЧЦ и в мире на сегодняшнем уровне, прежде всего, за счет активизации своего участия в расширении процессов глобализации. Его представляет и реализует в основном та часть правящей элиты, которая находится во главе с либералами-демократами из кланов Обамы–Клинтонов. Этот вполне реалистический сценарий будет достаточно ресурсно-затратным, так как предполагает сохранение, и не предполагает резких движений и пересмотра правил внутри американских союзов и партнерств.

В условиях неизбежного изменения соотношения сил в пользу других центров силы, этот — подход будет неизбежно отвлекать все большее количество ресурсов для сохранения привычно-комфортной обстановки в мире для США. Даже в том случае, если придется и избегать ненужных военных интервенций и крупных заморских специальных операций. Но этот рост издержек будет существенно ниже, чем в случае реализации «оптимистического» варианта Д. Трампа.

3.2.а). Основные показатели военно-политического развития США

... война будущего будет вестись в режиме онлайн, когда
неприятель, неспособный совладать с нашей военной мощью
не поле сражения, сможет воспользоваться уязвимостью
наших компьютерных систем здесь, у нас дома⁵⁶

Б. Обама

Реалистический вариант базового сценария военно-политического развития США до 2025 года предполагает, что при Д. Трампе (или его приемнике) продолжится эскалация стратегии «принуждения силой», активно начатая при Б. Обаме в 2013–2016 годы. Коррективы, вносимые Д. Трампом и ориентированной на него частью правящей элиты, не имеют принципиального значения в рамках реализуемого сценария, но их активность будет во многом предопределяться как Трампом, так и его оппонентами.

REVENUES (\$ BILLIONS, NOT ADJUSTED FOR INFLATION)				
REVENUE ¹	Федеральные	Штатов и местные	Всего ¹ :	
Tax revenue	3,047.5	2,169.7	5,217.2	
Individual income taxes	2,912.6	1,498.6	4,411.2	
Portion from long-term capital gains (estimate from the Treasury – adjusted FY)	1,394.6	341.1	1,735.7	
Payroll taxes	119.0	na	119.0	
Social security	1,040.8	na	1,040.8	
Retirement	751.3	na	751.3	
Disability	642.2	na	642.2	
Railroad retirement	109.1	na	109.1	
Medicare	5.4	na	5.4	
Unemployment insurance	228.2	na	228.2	
Corporate income taxes	56.0	na	56.0	
Sales and excise taxes	320.7	54.6	375.3	
General sales	93.4	517.4	610.7	
Excise taxes	na	347.2	347.2	
Property taxes	93.4	170.2	263.6	
Estate and gift taxes	na	466.4	466.4	
Severance taxes	19.3	5.0	24.3	
Customs duties	na	17.9	17.9	
Licenses	33.9	na	33.9	
Other taxes	9.9	28.2	38.2	
Non-tax revenue	134.9	671.1	806.0	
Sales of government resources	8.7	19.7	28.4	
Rents and royalties from outer-continental shelf	7.5	na	7.5	
Spectrum auctions and licensing	1.2	na	1.2	
Sales of major assets	0.0	na	0.0	
Federal reserve earnings	99.9	na	99.9	
Earnings (losses) on investments	na	539.0	539.0	
Other non-tax revenues	26.3	112.4	138.7	
Note: Intergovernmental revenue from federal government (net)	na	598.8	na	

¹Due to using different sources for federal and state and local budgets, there is a discrepancy between the total funds that the federal government reports granting to states and the receipts reported by state and local government. As a result, there is a statistical discrepancy between total expenditures and the sum of federal, state, and local revenue (see usafacts.org/methodology for more info)

Рис. 3.41. Доходы правительства США⁵⁷

Основными характерными чертами (параметрами) развития США по этому варианту при Д. Трампе могут быть следующие черты, которые были вполне допустимы, но не желательны и при реализации Варианта № 1 («Оптимистического») базового сценария, не противореча ему по принципиальным особенностям, либо даже совпадая по некоторым из них в деталях:

- **В области экономики** — сохранится устойчивый рост ВВП, измеряемый величиной в 2,5–3,5% в год, при относительно высоких темпах роста производительности труда и доходов населения в 2018–2024 годы, которые могут быть выше, чем в период президентства Б. Обамы.

Не исключается, что Д. Трамп сможет увеличить темпы роста национальной экономики до 4 и даже 4,5, что дает существенную возможность увеличения доходов федерального бюджета и сокращения внешнего долга США. (Рис. 3.41)

Этот экономический рост может позволить:

- пропорционально увеличивать военные расходы;
- при необходимости увеличить их с 15% до 20 и 25%.

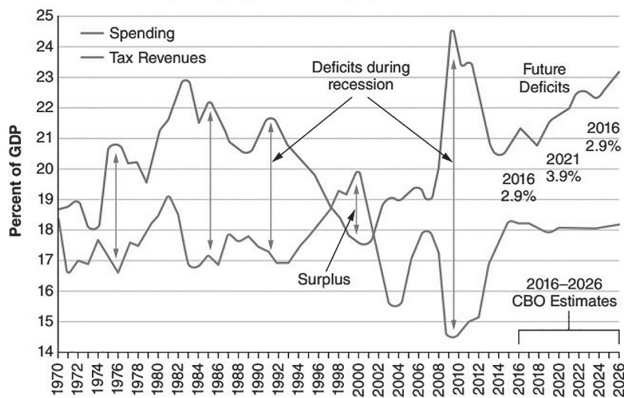

Рис. 3.42. Федеральный бюджет США до 2026 года:
расходы, доходы и дефицит⁵⁸

- **В области государственного управления** сохранение существующей системы управления, при которой:
 - как и при «оптимистическом» варианте Д. Трампа, огромную

- роль играют негосударственные и транснациональные институты, созданные в последние годы, в том числе отчасти в качестве альтернативы государственным институтам, но при возвращении части функций управления государственным институтам. По сути, этот вариант — компромисс между двумя частями американской элиты, возглавляемыми Д. Трампом и демократами;
- создание новых институтов мирового управления с помощью транснациональных корпораций, фондов и ассоциаций, основная функция которых заключалась бы в усилении эффективности управления со стороны США. В частности, могла бы произойти делегирование части функций лидера западной коалиции таким ключевым ее членам как Япония (в АТР), саудовской Аравии (на Ближнем и среднем Востоке) и Германии (в Европе), возложив на них бремя и ответственно «региональных лидеров» западной ЛЧЦ;
 - усиление «универсализации» международного права и институтов в интересах США, ослабления тех норм и правил, которые мешают США и их ЛЧЦ контролировать ситуацию в мире.
 - **Территориальные изменения** станут частью общей политики сторонников ускоренной глобализации, включая нередко игнорирование собственно государственного суверенитета не только США, но и других государств в самых разных областях:
 - политической (навязывание внешних норм);
 - дипломатической (свертывание дипломатических привилегий);
 - военной (игнорирование норм поведения) и т.д.;
 - **Природные ресурсы** в рамках этого варианта сценария в среднесрочной перспективе будут играть более важную роль в политике США. При этом логика их использования и освоения все больше становилась бы под международный, в том числе корпоративный, контроль. Это предполагало бы также, что произойдет переоценка значения целого ряда таких ресурсов в пользу, например, пресной воды, редкоземельных металлов, газа;
 - **Население** приобретает исключительно важное значение при развитии по этому варианту сценария потому, что его развитие

зависит от качества человеческого потенциала и институтов его развития в США, которые должны обеспечить американское лидерство:

- в области образования;
- развития общественных институтов;
- международного общественного сотрудничества и влияния на другие государства и их институты управления;
- создания международных центров управления информационно-сетевой активностью и т.п.

Именно по отношению к населению своих противников предполагается использовать, прежде всего, преимущества США в «мягкой силе» и других невоенных инструментах насилия. Для понимания этих инструментов необходимо обратиться к показателям «мягкой силы»:

«Культура» — количество туристов, посещающих страну ежегодно, использование языка страны в мире, количество памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО, успех страны в Олимпийских играх, влияние культурного наследия страны на мировую культуру в целом⁵⁹.

«Политические ценности» — критерий измеряет привлекательность политических ценностей, эффективность деятельности политических институтов государства, модель национального правительства: прозрачность, демократичность и др. Однако, как отмечают сами авторы исследования, индекс политической привлекательности страны смещен в сторону западных политических концепций.

«Дипломатия» — способность страны формировать благоприятный образ для мирового сообщества, внешняя политика и дипломатические ресурсы, членство в международных организациях и наличие культурных миссий за рубежом и др.

«Образование» — количество иностранных студентов в стране, качество высшего образования, наличие программ обмена студентами, количество учебной литературы и др.

«Бизнес/Инновации» — привлекательность экономической модели страны: открытость, способность к инновациям, уровень коррупции, конкурентоспособность отраслей экономики, регулирование.

По итогам проведенных расчетов Рейтинг использования фактора «мягкой силы» представлен в таблице 3.6

Таблица 3.6. Рейтинг использования Войска «мягкой силы» по странам⁶⁰

Место	Страна	Индекс
1	США	7,41
2	Великобритания	6,78
3	Франция	6,21
4	Германия	6,15
5	Австралия	5,64
6	Швеция	5,35
7	Япония	5,08
8	Швейцария	5,07
9	Канада	4,91
10	Нидерланды	4,90
11	Норвегия	4,82
12	Дания	4,78
13	Испания	4,68
14	Республика Корея	4,52
15	Финляндия	4,45
16	Италия	4,28
17	Новая Зеландия	4,17
18	Австрия	4,10
19	Бельгия	3,80
20	Китай	3,74
21	Бразилия	3,55
22	Сингапур	3,49
23	Турция	3,33
24	Чили	2,94
25	Португалия	2,81
26	Израиль	2,67
27	Индия	2,64
28	Россия	2,43
29	Чешская Республика	2,36
30	Греция	2,35

В сравнении с рейтингом 2010 г., в котором США занимали третье место, благодаря широкому задействованию ИКТ в 2011 г. они возглавили данный рейтинг. США также крупнейший экспортер в мире по объему культуры: киноиндустрия, музыка и др. Кроме того, весомым вкладом в фактор «мягкой силы» является качество высшего образования, привлекающее иностранных студентов, а также тот факт, что университеты США доминируют в рейтинге Times Higher Education Top 200 и в настоящее время 73 нынешних и бывших премьер-министров и президентов обучались в университетах США.

Наконец, США создали и активно используют политико-дипломатическую систему, обладающую реальными инструментами вмешательства во внутренние дела государств — Государственный департамент и аффилированные с ним фонды, СМИ, НКО и т.д. Это — огромная машина, аккумулирующая десятки миллиардов долларов для целевого, очень точного и последовательного силового давления на зарубежные страны. В августе 2017 года С. Лавров сказал о ней следующее: «К вопросу о вмешательстве в выборы. Я не знаю, какие планы у американского посольства, но было много эпизодов, когда американские дипломаты были замечены в противоправной деятельности. Конечно, наши соответствующие службы должны принимать соответствующие меры. Например, очень много российских граждан работает в американском Посольстве как принятые на работу на месте. По Венской конвенции, если нанимаешь персонал в стране, где ты имеешь посольство, то этот персонал может быть только техническим — водитель, машинистки, стенографистки — и не имеет права заниматься дипломатической деятельностью, включая политические аспекты, естественно. Но нередки случаи, которые мы выявляли, когда сотрудники Посольства США из числа нанятых на месте ездили по разным регионам, проводили опросы населения, спрашивали об отношении к губернатору, как они вообще относятся к федеральному центру. В таких ситуациях мы просто вежливо просим наших американских коллег разорвать с этими людьми служебные отношения»⁶¹.

«Думаю, — продолжал С.В. Лавров, — что это в американской традиции, и они, может, даже сами не считают это вмешательством, потому что, во-первых, им все можно, а во-вторых, это у них в крови. Где угодно, в любой стране — в Восточной, Центральной Европе есть масса фактов, когда американское посольство буквально руководит процессами, в том числе действиями оппозиции. Надеюсь, что после всех голословных обвинений в наш адрес (потому что ни единого факта не было предъявлено в течение тех 9 или уже 10 месяцев, что твердят в Вашингтоне о нашем вмешательстве в эти выборы), сама острота этой темы для американского истеблишмента, как говорят, все-таки заставит их лишний раз подумать. Если это будет происходить, у нас есть наши законы, Венская конвенция о дипломатических сношениях, которая очень конкретно прописывает, что можно делать

дипломатическим представителям, а что нельзя. Будем руководствоваться ею и нашими законами»⁶².

3.2.6). Военно-политические особенности «Варианта № 2» базового сценария

Нет недостатка в угрозах, требующих отказа от сохранения американского лидерства⁶³

Б. Обама

Сохранение американского лидерства требует сохранения американского военно-технического превосходства. Эта аксиома в XXI веке не ставится под сомнение правящей элитой США. Обсуждается лишь вопрос о том, каким образом сохранить это военно-техническое превосходство в XXI веке. Основной особенностью этой установки до 2025 года при реализации «реалистического» варианта Сценария развития США остается стремление создать к 2025 году такой стратегический потенциал, который позволил бы использовать весь спектр стратегических наступательных вооружений — любой мощности и на самых разных носителях. Такая установка предполагает, что к 2025 году будет завершено создание системы, состоящей из комплекса наступательных и оборонительных вооружений, в следующих областях:

- развертывание мощного потенциала стратегических ВТО на самых разных носителях, насчитывающих более 5 тысяч единиц с помощью которого можно наносить удары с разных стратегических направлений;
 - создание потенциала ядерных СНВ, способного гарантировать отказ от военной эскалации конфликта на неядерном уровне, а также космических ударных вооружений;
 - создание эффективного потенциала ПРО–ПВО, способного уничтожать значительную часть сил ответного удара;
 - создание потенциала боевого управления, гарантирующего сохранение контроля над конфликтом.
- **В области военной политики этот вариант соответствует «оптимистическому» варианту сценария развития США до 2025 года.**

Следует исходить из констатации того, что в США уже выстроена долгосрочная стратегия, заложены основные НИОКР (например, ПЛАРБ, МБР, ТБ и др.) и др. программы, которые будут реализовываться до 2050–2060 годов. Внесение существенных коррективов в эту стратегию и программы возможно, но маловероятно. Причем, такие коррективы могут быть направлены на усиление и дополнительное развитие этих программ.

Исключительно важное значение будет иметь развитие наступательно-оборонительного потенциала США, который будет включать уже не только традиционную «триаду», но и различные системы стратегических неядерных вооружений (прежде всего ВТО), а также системы ПРО. Резкое обострение российско-американских отношений после удара по Шайрату во многом заслонило другой, стратегически во многом более важный сдвиг. Недавно российские высокопоставленные военные продолжили серию высказываний, идущих вразрез с ура-патриотическими штампами.

Замначальника главного оперативного управления Генштаба ВС России **Виктор Познихир**: *«Наличие глобальной системы ПРО снижает порог применения ядерного оружия, так как у США создается иллюзия безнаказанности внезапного применения стратегических наступательных вооружений под зонтиком противоракетной обороны...».*

«Российские специалисты провели оценку ПРО США и считают, что сводные возможности третьего позиционного района ПРО на северо-востоке страны, который планирует развернуть Вашингтон, смогут перехватывать любые ракеты РФ и Китая».

«Средства системы противоракетной обороны США уже сегодня обладают потенциалом перехвата российских и китайских баллистических ракет и представляют угрозы стратегическим ядерным силам России и Китая. В дальнейшем эти возможности будут возрастать».

«По российским оценкам, количество ракет системы ПРО США к 2022 году составит более тысячи единиц, а в перспективе превысит число боевых блоков, развернутых на российских межконтинентальных баллистических ракетах. Такое количество огневых средств ПРО представляет серьезную угрозу для российского потенциала сдерживания, в особенности с учетом постоянно ведущихся работ по модернизации огневых комплексов ПРО».

Иными словами, пока бесчисленные «военные эксперты» объявляют ПРО США фейком, а американскую ядерную угрозу — эфемерной, у Генштаба сложилось принципиально другое мнение.

Немного теории. Почему формально сугубо оборонительная ПРО традиционно считалась дестабилизирующим фактором? Во-первых и в основных, задолго до того, как у нее появляется возможность более или менее успешно отразить полноценный удар противника по своей территории, она может быть использована как средство обеспечения безнаказанного первого удара — разумеется, при наличии специфического наступательного вооружения. **Схема сводится к тому, чтобы нейтрализовать подавляющую часть ядерных сил противника превентивным ударом, после чего уничтожить с помощью ПРО их успевшие стартовать остатки.**

Во-вторых, не стоит забывать, что обмен взаимными ударами на уничтожение — это не единственный и, более того, наименее вероятный сценарий ядерного конфликта. Так, один из вариантов — проигрывающая сторона наносит ограниченный по масштабам удар, получает симметричный ответ, но «победитель» вынужден отступить перед непропорциональными потерями и перспективой дальнейшей эскалации. Однако развертывание ПРО фактически обнуляет сценарии ограниченной ядерной войны, заставляя жертву агрессии выбирать между полномасштабным применением атомного оружия, равносильным взаимному самоубийству и, скажем, некритичными для выживания территориальными потерями или другими требованиями. Очевидно, в этом случае агрессор останется безнаказанным.

Исторически ПРО США строилось именно по схеме «добить выживших». Так, СОИ принято считать чистым блефом. Факт, однако, состоит в том, что заявленную цель — перехват порядка 1,75 тыс. советских ракет, которые «империя зла» решит запустить в самоубийственном первом ударе — никто и никогда не планировал достичь. На практике развитие ПРО шло параллельно с наращиванием средств обезоруживающего удара, способных доставить боеголовки либо слишком быстро для реакции жертвы (ракеты средней дальности в Европе, баллистические ракеты подводных лодок повышенной точности), либо незаметно до последнего момента (низковысотные крылатые ракеты и стелизированные самолеты). В 1980-х в СССР предполагалось, что возможна ситуация, когда выживут менее 3% от

исходного ядерного потенциала; огромные размеры стратегических сил Союза должны были гарантировать доставку в США суммарной мощности «всего» 150 мегатонн. В нормальной ситуации для этого было бы достаточно 20 ракет Р-36М2.

Теперь вернемся к практике. В конце января 2016 года состоялось успешное испытание модернизированной противоракеты GBI, входящей в стационарную систему ПРО собственно США. При этом, как сообщается, баллистическая ракета, выступавшая в качестве условной цели, помимо инертной боеголовки была снаряжена ложными целями и средствами для создания помех — иными словами, имитировала полноценную МБР.

Здесь следует учитывать, во-первых, что прежние варианты противоракеты, ставшие объектом отечественных насмешек, вполне официально считались «суррогатными». Во-вторых, даже на предыдущем этапе программы речь шла отнюдь не о перехвате «простой баллистической цели» — т. е. единичной боеголовки без «сопровождения». Успешные испытания систем ПРО на способность выделить боеголовку при использовании средств ее преодоления датируются еще 2008-м. В-третьих, в качестве стандартной мишени уже на ранних испытаниях выступала STARS — комбинация из двух ступеней баллистической ракеты подводных лодок «Поларис А-3» с блоком ORBUS-1A в качестве дополнительной. Между тем, дальность двухступенчатого «Полариса» без «дополнений» достигала 4600 км.

При этом «поголовье» американских тяжелых противоракет активно увеличивается — если в 2014-м в Форт-Грили на Аляске было только 26 единиц, то в прошлом году — уже 40. Аналогичные «процессы» происходят в калифорнийском Ванденберге — с 4 в 2014-м до 15 в этом году.

Ранее, в октябре 2015-го был заключен миллиардный контракт на строительство на Аляске РЛС LRDR (Long-Range Discrimination Radar) — то есть, новейшего радара ПРО с расширенными возможностями по высокоточным измерениям и, следовательно, «отсеиванию»/дискриминации ложных целей.

Тем временем, без особого шума началось полноценное развертывание ЕвроПРО. 12 мая прошлого года начал функционировать комплекс на румынской базе Девеселу. 13 мая было официально объявлено о строительстве «аналога» в Польше.

Первое успешное испытание наземного варианта SM-3(Aegis Ashore), размещаемого в Восточной Европе, было проведено в декабре 2015-го. Напомним, что именно эти системы в качестве «акта доброй воли» должны заменить планировавшиеся до 2009-го десять GBI в Польше. Проблема в том, что десять противоракет планируется заменить 6–7 батареями SM-3 (в нынешнем варианте — 48–56 противоракет) и тремя батареями (24 перехватчика) в Румынии.

Ashore стационарен, однако никаких препятствий для создания наземной мобильной версии нет («масштабы» ракеты сопоставимы с «боеприпасами» C-300 в его «П» варианте и намного меньше, чем у C-300B) и такие работы ведутся. Потенциально это позволит почти произвольно наращивать, например, группировку в Европе в течении 24 часов. Мобильные радары ПРО с высокими характеристиками уже существуют (AN/TRY-2, используемый в комплексе THAAD).

SM-3 позиционируются как «нестратегическая ПРО», однако то, что практически это далеко не так, уже секрет Полишинеля. Фактически программа, предусматривавшая только перехват ракет средней и малой дальности, была перезагружена еще в 2001-м и новые цели программы озвучивались неоднократно. В статье, опубликованной в The New York Times, экс-министр обороны США **Роберт Гейтс** прямо заявил: «Мы продолжим развивать их (SM-3), чтобы добиться возможности перехватывать ракеты класса МБР». Начало четвертого этапа развития системы, предусматривающего развертывание противоракет с нужными характеристиками, намечено на 2020-й, и пока американцы выдерживают заданный темп.

Параллельно Вашингтон и спутники неоднократно заявляли, что «нестратегическая» ПРО не угрожает России — в сопровождении хора отечественных «экспертов» и разработчиков стратегических ракет. Генсек НАТО **Андерс Фог Расмуссен**, 2012 год: РФ не может блокировать размещение ЕвроПРО, поскольку эта система «не направлена против России и не будет подрывать ее силы сдерживания».

Проблема в том, что это «описание» подходит для модификаций SM-3 Block-IA/B, однако они изначально рассматривались как промежуточный вариант на основе «классической» зенитной ракеты с добавленными третьей ступенью и кинетическим перехватчиком. Между тем, в феврале, после летных испытаний в 2015-м, мишень со средствами преодоления ПРО поразила SM-3 Block-IIA, которой предстоит

сменить на вооружении Block-IB. Block-IIA — это, по сути, новая ракета, с в полтора раза большим диаметром маршевых ступеней и преобладанием новых компонентов в целом.

«Официально» скорость и дальность противоракеты «всего» в полтора раза больше чем у предшествующей модификации (4,5 км/с и 1500 км), однако 4,5 км/с — это договорный предел, при превышении которого перехватчик считается стратегическим, а изначальное техзадание предусматривало удвоение скорости и дальности по сравнению с «компромиссным» вариантом. «Неофициально» скорость составляет 5,6 км/с, что подтверждается, например, китайскими расчетами. Между тем, в реальности уже 4,5 км/с достаточно, чтобы перехватчик стал проблемой для ракет межконтинентальной дальности.

Проблемы усугубляются, если перехватчики расположены в относительной близости к району пуска МБР или патрулирования стратегических ПЛ. Так, в отличие от ситуации, обычной для перехвата на конечном участке, когда противоракета и мишень сближаются «лоб в лоб» со скоростями свыше 12 км/с, относительные скорости при раннем перехвате могут быть весьма невелики, что позволяет повысить вероятность попадания до 0,9. **Собственно, именно это, а отнюдь не защита спутников служит основным мотивом для максимального приближения передовых элементов американской ПРО к границам России и Китая (уже характеристики Block-IIA абсолютно избыточны для защиты Европы от иранской угрозы).**

При этом новая ракета, разумеется, полностью совместима со стандартным устройством вертикального пуска Mk41 и безболезненно заменит прежние модификации. Польша и участвовавшая в разработке и испытаниях «двойки» Япония, где также планируется и наземное размещение, получают ее изначально.

Следующая итерация — Block-IIIB — должна обладать увеличенной энергетикой за счет модификации верхней ступени (дальность должна вырасти на треть), усовершенствованной системой наведения и разделяющейся боевой частью (5 кинетических перехватчиков). Последнее, как нетрудно понять, представляет собой качественный скачок — одной «многоголовой» МБР не придется противопоставлять внушительное количество недешевых противоракет. Примечательно также, что речь идет о программе, формально отмененной в 2009-м, но неожиданно и эффектно всплывшей вновь два года назад.

При этом слухи о неуязвимости российских МБР сильно преувеличены и явно не разделяются Генштабом.

Иными словами, «оборонительный» (сугубо в кавычках) компонент американских стратегических сил развивается весьма бурно. Что происходит с наступательным?

Как обычно, слухи о кончине американских ядерных сил сильно преувеличены как оппонентами прошлой администрации, так и отечественными диванными экспертами. На практике, США, уступая России в количестве развернутых боеголовок, значительно превосходят ее в количестве носителей, при этом количество резервных боеголовок больше развернутого (2260). Примечание — речь именно о резервных боеголовках. Формально списанных и «ожидających демонтажа» — порядка 2800. В то же время, в отличие от Китая и РФ, перед Штатами в принципе не стоит проблема компенсации возможного обезоруживающего удара — пока его в полноценном варианте просто некому и нечем наносить.

При этом еще при Обаме начата модернизация ядерных сил. Наиболее примечательна модернизация боеголовок морских баллистических ракет, проведенная именно прошлой администрацией с 2008-го года, при этом ее старту сопутствовала приснопамятная речь Обамы о всеобщем ядерном разоружении. Речь об установке на 100 кт боевые блоки W76 новой системы MC4700, обеспечивающий подрыв боеголовки на оптимальной высоте с учетом обнаруженного отклонения. Это превращает устанавливаемые на «Трайденды» в количестве до 14 шт. «легкие» боевые блоки в эффективное средство ударов по высокозащищенным целям (ракетные шахты, бункеры и т.д.). Всего к 2019-му намечено модернизировать 1200 ед. Ранее такими возможностями располагали только гораздо более мощные (475 кт) W88 (не более 8 на ракете, общий «тираж» из-за дороговизны не превысил 400 ед.). Иными словами, речь об огромном расширении потенциала для превентивного ядерного удара.

С 2012-го идет разработка, а с июля 2015-го — испытания новой модификации ядерной бомбы B-61 — по сути, нового планирующего боеприпаса с точностью (КВО) порядка 10 м. Вряд ли стоит уточнять, что она необходима только и исключительно для уничтожения весьма специфических целей и в сочетании с малозаметным носителем превращает бомбу в достаточно эффективное средство первого удара.

В 2013-м эта стратегия получила документальное оформление — 19 июня Обама подписал директиву по применению ядерного оружия, предполагающую ставку на контрсилу удар взамен «традиционной» стратегии минимального сдерживания. Примечательно, что в тот же день президент «призвал Россию сократить вместе с США арсеналы стратегических наступательных вооружений на треть от уровня, предусмотренного новым Договором по СНВ. Он также предложил Москве обсудить перспективы сокращения нестратегического ядерного оружия», где Штаты резко уступают РФ.

В том же 2013-м начата разработка новой крылатой ракеты воздушного базирования (КРВБ) LRSO для замены AGM-86. Особенно — малозаметность, высокая точность (3–5 м), дальность 3–3,5 тыс. км.

В июне 2016-го в США начался прием предложений по разработке новых МБР.

Трамп уже в ходе предвыборной гонки постулировал необходимость ускоренного наращивания ядерного потенциала. Позднее к этому добавились заявления о необходимости пересмотра в пользу США договоров СНВ и усиленное раскручивание темы «нарушений» Россией договоров по РСМД (ракетах средней и малой дальности). При этом как «симметричный» ответ на отсутствующие нарушения заявлена разработка собственных ракет такого рода. Иными словами, второе пришествие «Першингов» в любой момент уже готовит-ся в Вашингтоне.

Таким образом, мы видим комбинацию из быстрого наращивания возможностей ПРО и столь же быстрого — и официально декларированного как цель — наращивания возможностей для обезоруживающего удара. При этом в обоих случаях мы видим преемственность в действиях весьма разных по идеологии администраций. Так, решение о развертывании стратегической ПРО было принято в действительности еще при Клинтоне, начало явно воплощаться при Буше; курс был продолжен при Обаме и, несомненно, будет продолжен при Трампе. Иными словами, перед нами стратегическая цель, не подверженная политическим колебаниям и не зависящая от «поведения» Москвы и, тем более, от ситуации вокруг КНДР и Ирана.

Далее, курс на наращивание возможностей ядерного обезоруживающего удара был взят в 2012-м и официально декларирован в 2013-

м — также вне контекста текущих российско-американских трений и будет продолжен администрацией Трампа. Иными словами, под аккомпанемент антиядерных речей пять лет назад было принято решение воспроизвести рейгановский сценарий 1980-х. При этом несложно заметить, что и украинский кризис и «мелочи» в стиле обвала нефтяных цен как средства давления на Москву демонстрируют разительное совпадение методов и целей⁶⁴.

В целом военная политика на 2017–2025 годы будет означать, что США будут стремиться сохранить и даже усилить свои качественные преимущества по отношению к другим центрам силы, прежде всего России и КНР, которые сегодня (на примере КНР) можно проиллюстрировать следующим образом. (Рис. 3.43)

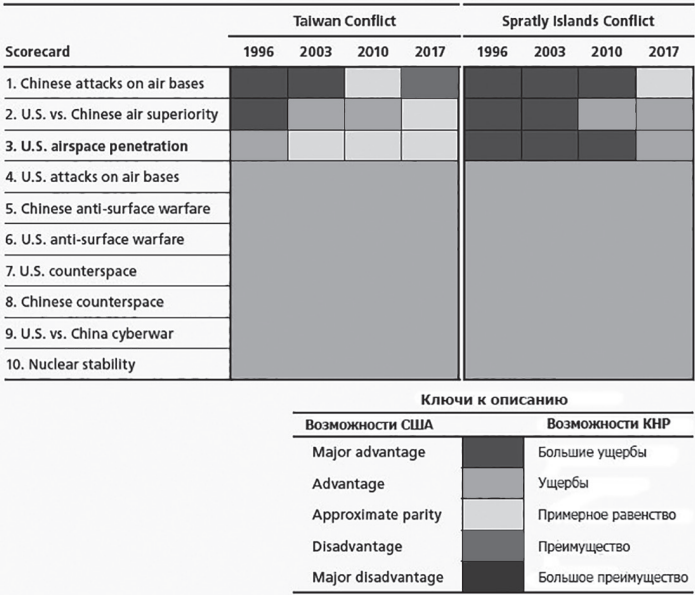

Рис. 3.43. Варианты последствий использования ЯО в конфликте США-КНР⁶⁵

Выводы: 1. Военная политика США на 2017–2025 годы запрограммирована и просчитана достаточно конкретно и обоснованно и вряд ли претерпит серьезные изменения.

2. Военная политика обеспечена материальными и может быть обеспечена дополнительными ресурсами, как США, так и всех стран коалиции.

3. Военная политика будет гарантировать силовую поддержку политике «новой публичной дипломатии» в реализации основного сценария «Военно-силового противоборства».

3.3. Вариант № 3 («Пессимистический»)

Россия обладает необходимым опытом и возможностями, чтобы справляться с рисками, возникающими в процессе становления Большой Евразии⁶⁶

Д. Ефременко

Развитие США по негативному, «пессимистическому» варианту базового сценария до 2025 года возможно в двух случаях: во-первых, в том случае, если их стратегия окажется в силу разных причин малоэффективной, либо когда противостоящие им ЛЧЦ, коалиции и центры силы смогут продемонстрировать успешные результаты своего развития. На это могут указывать некоторые признаки, например рост задолженности, включая федеральный, которые угрожает стабильности финансовой системе США.

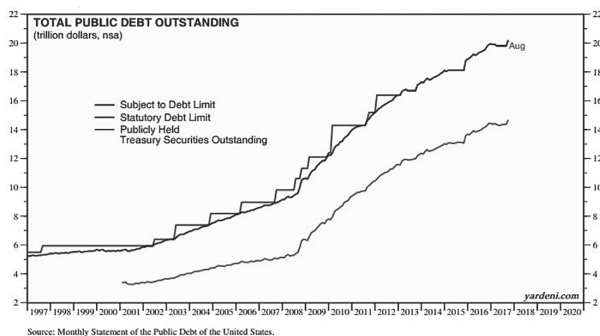

Рис. 3.44. Рост долговых обязательств⁶⁷

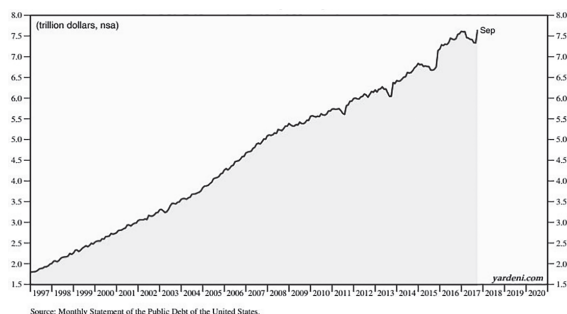

Рис. 3.45. Рост задолженности федерального бюджета⁶⁸

На стабильности могут сказаться и цены на энергоносители, которые в определенные периоды истории США росли практически одномоментно в несколько раз, что при прочих негативных условиях (как в начале 70-х годов XX века) приводило к серьезным внутриполитическим тряскам.

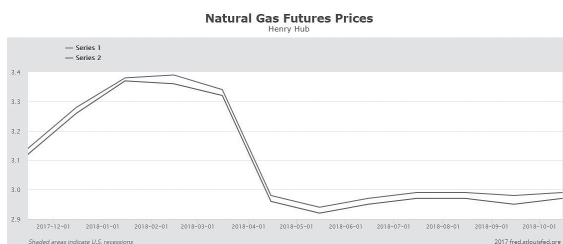

Рис. 3.46. Natural Gas Futures Prices

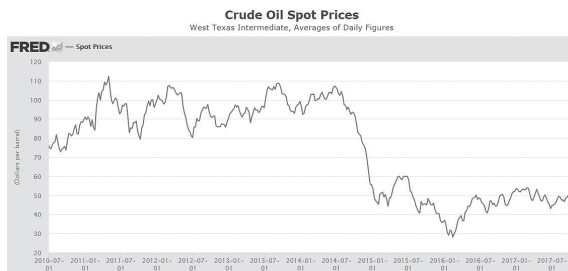

Рис. 3.47. Crude Oil Spot Prices

А, во-вторых, в том случае, если сами Соединенные Штаты столкнутся с серьезными внутренними трудностями, прежде всего в трех традиционных областях, угрожающих существованию государства:

- в социальной области;
- в национальной области;
- в религиозной и конфессиональной области.

Надо сказать, что полностью исключать эти негативные сценарии нельзя. Так, достаточно сказать, что криминализация американского общества, тесно связанная с расовыми проблемами, стремительно нарастает. Уже сегодня видно, что численность заключенных за последние годы увеличилась в 7–8 раз, а распределение их по расовому признаку в стране — очевидно

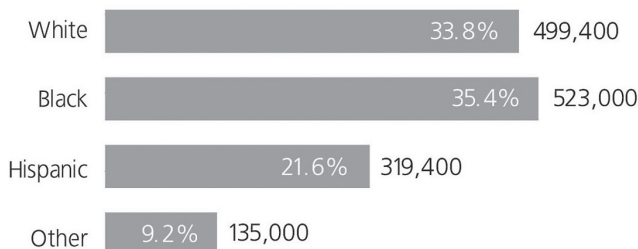

Рис. 3.48. People in State and Federal Prisons, by Race and ethnicity, 2013-2014

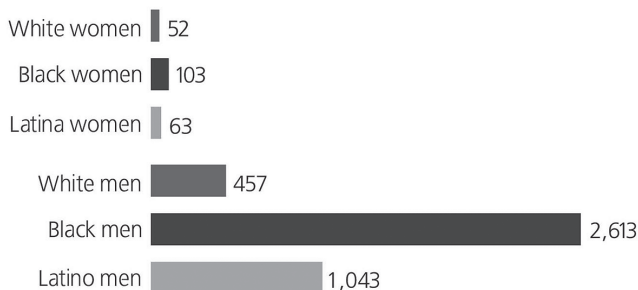

Рис. 3.49. Количество заключенных (на 1000.000)
по гендерному и расовому признаку⁶⁹

Подобное социальное и расовое разделение общества на фоне миграции и усугубления других социальных проблем может привести к значительным потрясениям, о чем уже свидетельствует политическая ориентация «цветных» на демократов и «белых» на республиканцев.

Водораздел проходит и между «цветной» молодежью и «белой» по социальному и образовательному признакам, по степени криминализации, а также по гендерному признаку — значительная часть преступников формируется из цветной молодежи.

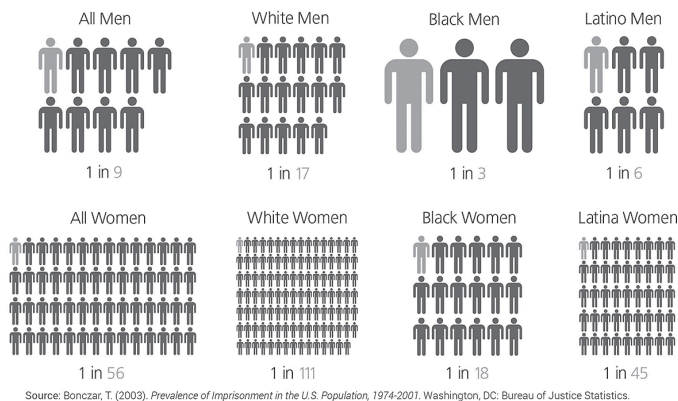

Рис. 3.50. Доля пожизненных приговоров⁷⁰

Во многом это будет зависеть от того, как быстро и эффективно США сумеют реализовать свою идею формирования региональных союзов единой западной ЛЧЦ во главе с ее региональными лидерами, которые смогут противостоять другим ЛЧЦ и центрам. Эта идея представлена на рисунке 3.51.

Как видно из этого рисунка, развитие и стратегия других ЛЧЦ до 2025 года будет не менее важным обстоятельством, чем развитие и стратегия США и их союзников. На каждом из этих стратегических направлений в эти годы может возникнуть (более того, — которое ускорилось в 2008–2017 годы, может привести к превращению этого союза в мощную военно-политическую коалицию, объединенную общими целями обеспечения безопасности и едиными вооруженными

силами не только антитеррористической направленности, но и ВКО, и общим сухопутным командование.

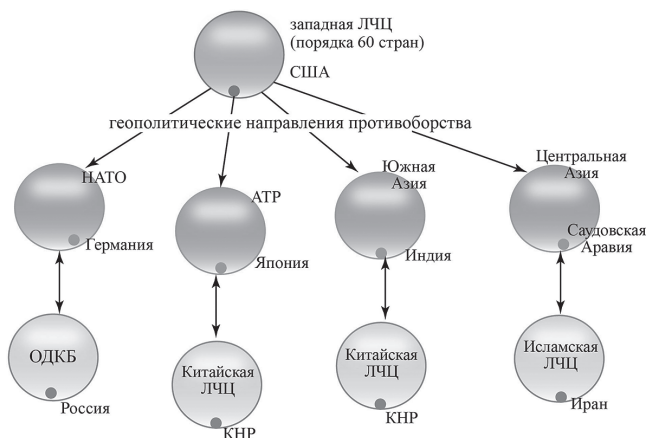

Рис. 3.51. Формирование региональных союзов единой западной ЛЧЦ

В 2017 году ОДКБ уже обладал двумя быстро развивающимися направлениями в своей военной политике — созданием совместных сил специального назначения, в которые входило порядка 10 батальонов (около 25 тыс. человек) и объединенной системой ВКО.

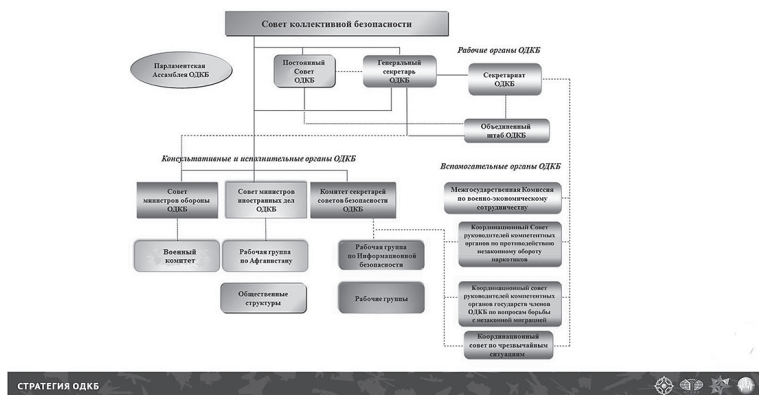

Рис. 3.52. Организация Договора о коллективной безопасности⁷¹

В настоящее время эта организация превратилась в международную структуру, обладающую общим потенциалом развития. Кроме входящих в нее сегодня государств (России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Армении), чей демографический потенциал уже превышает 200 млн. человек, к ней в будущем могут присоединиться и другие государства. В том числе не только бывшие советские республики. Если предположить, что к 2025 году в ОДКБ присоединятся Узбекистан, Туркмения, Украина, Монголия, Иран, то этот потенциал существенно превысит 300 млн. человек и станет вполне сопоставимым потенциалами других ЛЧЦ.

Это развитие, соответственно, сделает относительную благополучную обстановку для развития США и западной ЛЧЦ в Евразии е столь «оптимистичной».

Можно констатировать, что принципы стратегии ОДКБ достаточно универсальны и подходят для большого числа стран, а не только участников современной организации.

Стратегия ОДКБ исходит из посылок:

- Сегодня наблюдается кризис идентичности.
- Происходит укрепление ОБСЕ по трем измерениям: евроатлантическому, европейскому, евразийскому (концепция интеграция трех интеграций).

Необходимые направления деятельности ОДКБ:

1. Баланс между безопасностью, экономикой и гуманитарным сотрудничеством.
2. Укрепление правовой базы ОДКБ (уточнение положений устава).
3. Укрепление институтов ОДКБ.
4. Взаимодействие ОДКБ и ОБСЕ.

Рис. 3.53. Стратегия ОДКБ⁷²

К этому же универсальному подходу можно отнести и правовую базу ОДКБ, которая в будущем может стать моделью базы широкой коалиции.

Правовая база ОДКБ

1. Договор о коллективной безопасности. 1992 г.
2. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. 2002 г.
3. Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог. 2003 г.
4. Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации. 2004 г.
5. Соглашение о подготовке военных кадров для государств-членов ОДКБ. 2005 г.
6. Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. 2009 г.
7. Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов ОДКБ. 2011 г.
8. Протокол о противодействии преступной деятельности в информационной сфере. 2014 г.
9. Стратегия ОДКБ до 2030 года. 2016 г.

СТРАТЕГИЯ ОДКБ

Рис. 3.54. Правовая база ОДКБ⁷³

При таком «оптимистическом» варианте базового сценария США (несмотря на огромные ожидаемые усилия, предпринятые США и их союзниками до 2025 года), возможно, потеряют часть своих позиций в мире, а также в западной коалиции, но все равно останутся бесспорным мировым и коалиционным лидером, как минимум, до 2025 года.

Такое развитие событий возможно в том случае, когда руководство собственно США будет совершать серьезные ошибки, с одной стороны, а их потенциальные противники — ЛЧЦ, прежде всего, КНР, исламская и российская ЛЧЦ — максимально эффективно развиваться и проводить свою политику, с другой стороны.

В определенной степени такой результат также может возникнуть и в следствии усиления западноевропейского центра силы, его обособления от североамериканского, противопоставления ему, в том числе и в военно-политической области.

Очевидными оппонентами США до 2025 года становятся исламская и китайская ЛЧЦ, а также Россия, которые неизбежно будут эффективно противодействовать сохранению влияния США в мире. При этом обе эти ЛЧЦ будут использовать разные средства (даже «набор» средств) противоборства с США.

Так, исламская ЛЧЦ будет активно использовать вооруженное противостояние по всему миру, включая террористическую деятель-

ность. 2014–2017 годы достаточно определенно продемонстрировали, что эта деятельность:

- во-первых, направлена преимущественно против США, как главного противника, который явно выделяется среди других представителей западной ЛЧЦ или любой другой ЛЧЦ;
- во-вторых, по мере увеличения численности собственно в странах исламского мира, а также в Европе и США, будет нарастать потенциал — экономический, политический, информационный и прочий — этих этнических и религиозных групп, что будет означать быстрый рост враждебности в отношении развитых государств и прежде всего США в мире.

Сказанное иллюстрируют последние данные посвященные статистике вооруженных нападений исламских радикалов.

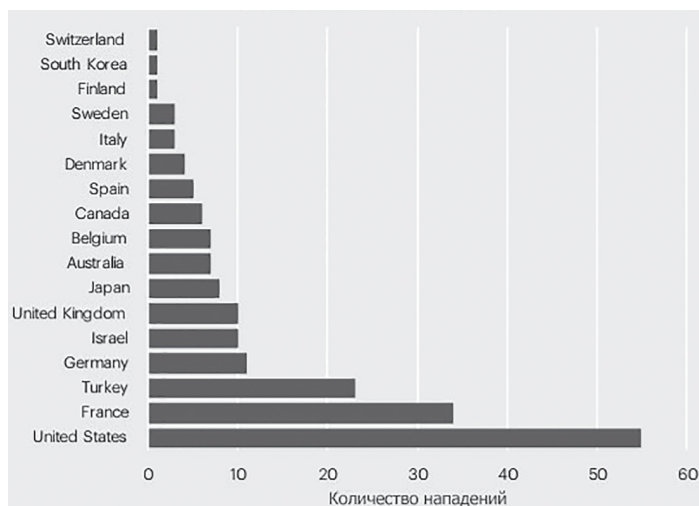

Рис. 3.55. Нападения ИГИЛ на страны ОЭСР в 2014-середины 2016 гг. (треть всех нападений на США)⁷⁴

Эта террористическая деятельность имеет самую разную направленность и характер, но организована преимущественно из одного центра. В 2014–2016 годах таким центром преимущественно был ИГИЛ. Но такие центры можно создать достаточно быстро и в будущем в случае заинтересованности какого-то государства и его

спецслужб, которые готовы выступить против США, например, Иран или КНДР. Их содействие быстро и многократно увеличило бы возможности террористов, которые сегодня страдают от недостатка базы и государственной поддержки. Так, например, современные средства ПВО, включая ПЗРК, могут поставляться организации только через посредничество государства и его спецслужб.

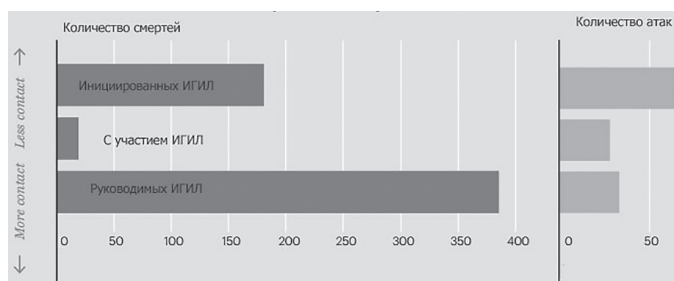

Рис. 3.56. Количество смертей и атак с участием ИГИЛ⁷⁵

Кроме того, поддержка и даже создание террористических и экстремистских организаций может в ряде случаев решительным образом повлиять на формирование ВПО в мире и в регионах, более того, внести существенные коррективы в будущие сценарии развития МО. Известно, что поддерживаемые США и их союзниками бандформирования сыграли решающую роль во время войны СССР в Афганистане, поддержка Ираном антиизраильских и просирийских отрядов стала серьезным фактором, влияющим даже на отношения между Россией и США и Израилем.

Яркий пример будущей возможности обострения обстановки может дать поддержка США и НАТО антироссийских вооруженных формирований на 3-х ТВД — украинском, кавказском и среднеазиатском, которые уже фактически сложились к 2017 году и могут быстро эскалировать до 2025 года.

Существует и реальная угроза использования тех или иных экстремистских группировок и начала террористических операций для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. Так было против СССР и России, но так может быть и против США. Так, например, государственная поддержка террористическим и ра-

дикальным организациям на территории самих США может привести к серьезной внутрисполитической дестабилизации в стране. Особенно, если она будет опираться на этнические или социальные слои американских граждан.

Таким образом, можно говорить о новых политических технологиях, включающих новые технологии войны. В этом случае США и их союзники будут в среднесрочной перспективе до 2025 года менее склонны использовать военную силу в прямой форме, прибегая к новым технологиям ведения войны как наиболее приоритетным. Прежде всего, с использованием специально создаваемых экстремистских и террористических организаций.

Внесенный в Конгресс законопроект в июле 2017 года с отдельным блоком мер, затрагивающим интересы России и ее граждан, если будет принят, подвергнется тщательному и всестороннему анализу специалистов разной отраслевой принадлежности. Я же сейчас хочу обратить внимание на несколько новых для меня моментов, изложенных в законопроекте. Потому что они отражают эволюцию санкционного мышления США за три года, после введения «Крымских санкций».

Законопроект предполагает ежегодную подготовку ряда докладов Президента и Правительства США по вопросам, касающимся России.

Министр финансов по согласованию с Директором национальной разведки и Госсекретарем США не позднее 180 дней после принятия закона, а впоследствии ежегодно, должен предоставлять соответствующим комитетам Конгресса открытый Доклад об олигархах и полугосударственных организациях Российской Федерации. В нем должны быть представлены данные о ключевых политических фигурах России и олигархах; идентифицирован уровень их близости к Владимиру Путину и другим членам российской правящей элиты; установлены масштабы их состояний и источники доходов; перечень их родственников, включая супругов, детей, родителей, их активы, включая инвестиции, бизнес-интересы, собственность, приносящую доходы; выявление зарубежных компаний, аффилированных с этими лицами.

Доклад должен проанализировать также происхождение полугосударственных организаций/компаний, их роль в экономике России; выяснить их руководящие структуры и бенефициарную собственность этих организаций; объемы их зарубежной собственности. Будут

выяснены масштабы проникновения российских лиц, с политическим влиянием, и полугосударственных организаций в ключевые сектора американской экономики — банковский, страхование, ценные бумаги, недвижимость.

Обращает на себя внимание и раздел законопроекта, посвященный проблеме «противостояния российскому влиянию в Европе и Евразии». В нем утверждается, что «Конгресс выявил попытки России оказать влияние на политические процессы в Европе и Евразии путем предоставления ресурсов политическим партиям, «мозговым центрам», группам гражданского общества, которые «сеют недоверие к демократическим институтам, продвигают ксенофобские и нелиберальные взгляды, подрывают европейское единство».

Не позднее, чем через 90 дней после принятия закона Президент США должен представить доклад «Об организациях СМИ (Медиа), контролируемых и финансируемых правительством России». В него будет включена информация о тех СМИ, которые влияли на исход избирательных кампаний в любой стране Европы и Евразии в течение предыдущего года, включая, как прямую поддержку политических партий, кандидатов, лоббистских кампаний, так и поддержку неправительственных организаций и структур гражданского общества.

США поддержит создание комиссии по свободе СМИ в Совете Европы по аналогии с Венецианской комиссией, занимающейся вопросами верховенства закона. Эта комиссия будет готовить экспертные рекомендации правительствам по поддержанию правового и регулятивного режимов, поддерживающих свободные и независимые СМИ и информированное гражданское сообщество, «способное делать различия между репортажами, основанными на фактах, мнением и дезинформацией».

Конгресс утвердил финансирование «Фонда противодействия российскому влиянию» в размере 250 млн. долларов на 2018 и 2019 финансовые года.

Законопроект расширяет потенциальный круг физических и юридических лиц, против которых могут быть введены санкции. Будет налажена система выявления тех, кто совершает сделки от имени или в интересах организаций, связанных с разведывательным и оборонным ведомством России. Санкции грозят всем, кто участвует в российских проектах глубоководной разведки и добычи, арктической нефте-

добычи и сланцевой нефти и газа. Аналогичные меры будут введены и в отношении тех, кто содействует поставкам товаров, услуг, лицензий, информации и технологий для строительства трубопроводов для экспорта российских, энергоносителей.

Любопытен один из пунктов энергетического раздела законопроекта, касающегося Украинской энергобезопасности. Он почему-то указывает на необходимость для США «приоритизировать экспорт энергоресурсов США для того, чтобы создавать американские рабочие места, помогать союзникам и партнерам и укреплять внешнюю политику США».

Мне показался любопытным всегдашний компромисс между принципами и интересами в официальных документах Конгресса. Все те «безобразия», творимые Россией, которые породили такой пламенный отпор в виде новых санкций, оказывается не затрагивают вообще сферу инвестиций и технологий в отношении НАСА и всех аэрокосмических клиентов, не имеющих отношения к Министерству обороны США. То есть там, где американцы зависят от наших технологических возможностей, они глухи к «стонам страдающих народов». Даже трудно представить, что было бы с российско-американскими отношениями, будь Россия экономически и технологически развитой державой. Это, кстати, и подсказка тем нашим умам, которые, если верить бытующему в столице апокрифу, дено и ночно разрабатывают детальный пошаговый экономический план будущего нашей страны. Все ответы, оказывается, лежат на поверхности. При одном затруднении: не до конца ясно, как добиться технологического прогресса в тех сферах нашей жизни, которая находится на периферии интересов оборонно-промышленного комплекса, т.е. там, где обычно обходятся без государственных финансов. Подозрение к частному капиталу велико. Особенно в контексте его возможных политических предпочтений.

Сказанное означает, что США смогут до 2025 года существенно разнообразить как средства, так и способы ведения силовых операций, которые будут включать как уже известные невоенные и военные действия, так и принципиально новые. Это означает, что эволюция политического и военного искусства принуждения в США будет аккумулировать и отбирать из всего спектра использования силы наиболее эффективные, но не отказываться от прежних. По сути до 2025 года не произойдет «революции» в военном искусстве, когда одни

формы и способы вытекали другие (танковые прорывы вместо прорывов конных армий), как иногда считали накануне Второй мировой войны. Практика показала, что наиболее бронетанковых и конных корпусов как в стратегической обороне, так и в стратегическом наступлении.

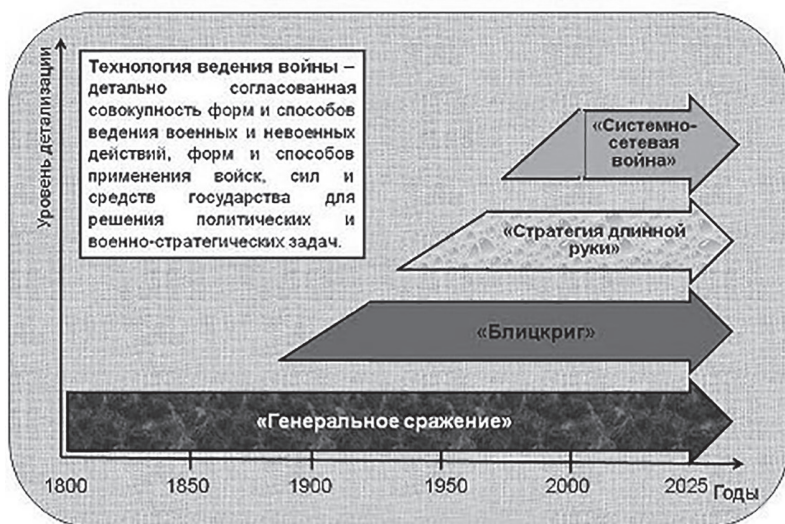

Рис. 3.57. Эволюция технологий войны⁷⁶

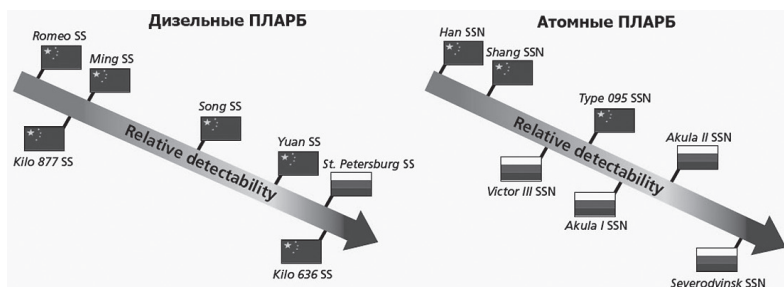

Рис. 3.58. Относительная способность обнаруживать ПЛАРБ России и КНР⁷⁷

Развитие сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил показывает, что на практике США и их союзники готовятся как с полномасштабной традиционной войне (об этом свидетельствует объем ВВСТ сухопутных сил), так и ВС этих стран.

¹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 5.

² Боришполец К.П. Методы политических исследований. — М.: Аспект Пресс, 2010. — С. 8.

³ Кравченко С.А., Подберезкин А.И. «Переопознавание» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4. — С. 110–117.

⁴ См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография/ под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 652–842.

⁵ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 9.

⁶ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>

⁷ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>

⁸ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>

⁹ Новиков Я.В. Вступительное слово / Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 5.

¹⁰ Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 171–305.

¹¹ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 265.

¹² Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

¹³ Analytical Perspectives Budget of the U.S. Government. Fiscal Year 2017. — Office of Management and Budget. 2017. — P. 25.

¹⁴ National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February.

-
- ¹⁵ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 343–382.
- ¹⁶ Внешняя политика США — «большая сделка» между белым домом и республиканским истеблишментом. 2017. 3 марта / <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnyaya-politika-ssha-bolshaya-sdelka/>
- ¹⁷ Ассанж Дж. В Каталонии началась первая в мире интернет-война / Эл. ресурс: «Регнум». 2017.30.09 / <https://regnum.ru/news/2328680.html>
- ¹⁸ Analytical Perspectives Budget of the U.S. Government. Fiscal Year 2017. — Office Of Management and Budget. 2017. — P. 305.
- ¹⁹ Demography Briefing: United States. Yardeni Research, Inc. October 6, 2017. — P. 10 / www.yardeni.com/pub/usdemo.pdf
- ²⁰ Demography Briefing: United States. Yardeni Research, Inc. October 6, 2017. — P. 10 / www.yardeni.com/pub/usdemo.pdf
- ²¹ Demography Briefing: United States. Yardeni Research, Inc. October 6, 2017. — P. 3. / www.yardeni.com/pub/usdemo.pdf
- ²² Federal Reserve Board, Bureau of Economic Analysis. Through Q1 2016 / Hoisington Investment Management Co. Presented to: Grant's Conference. New York, NY. October 4, 2016 / <http://www.hoisingtonmgt.com/pdf/HIM2016Q1NP.pdf>
- ²³ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: Разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм / пер с англ. и нем. — М. 2002. — С. 408–409.
- ²⁴ Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. — М.: Весь Мир, 2011. — С. 149–156.
- ²⁵ Financial Report of the United States Government. FY 2016 / Department of the Treasury. January, 2017. P. 58 / https://www.fiscal.treasury.gov/fsreports/rpt/treasBulletin/b2017_2.pdf
- ²⁶ Financial Accounts of the United States. September 21, 2017 / <https://www.federalreserve.gov/RELEASES/z1/current/z1.pdf>
- ²⁷ «U.S. Position in the World». 2016 / RAND RR1631-2.5
- ²⁸ Howard J. Shatz, U.S. International Economic Strategy in a Turbulent World, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1521-RC, 2016 / RAND RR1631-2.6
- ²⁹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 / Стратегия ОДКБ / <http://eurasian-defence.ru/?q=strategiya-odkb>
- ³⁰ Dina Smeltz, Foreign Policy in the New Millennium: Results of the 2012

Chicago Council Survey of American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, Chicago,

III.: Chicago Council on Global Affairs, 2012; Pew Research Center, 2016b / RAND RR1631-1.1

³¹ Киселев В.Д., Рязанцев О.Н., Данилкин Ф.А., Губинский А.М. Информационные технологии в оборонно-промышленном комплексе России и стран НАТО. — М.: Знание, 2017. — С. 11.

³² The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 340 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>

³³ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 349 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>

³⁴ Богданов К.

³⁵ Орлов А. Перспективы развития тактики и оперативного искусства форм и способов вооруженной борьбы по опыту минувших войн. 08-11-2016 / <http://csef.ru/ru/articles/print/7222>

³⁶ «Максимальный репост». Как социальные сети победили нашу способность отличать правду от лжи / <http://rvs.su/statia/maksimalnyy-repost-kak-socialnye-seti-pobedili-nashu-sposobnost-otlichat-pravdu-ot-lzhi>

³⁷ Monty G. Marshall and Benjamin R. Cole, Global Report 2014: Conflict, Governance, and State Fragility, Vienna, Va.: Center for Systemic Peace, 2014, p. 13 / RAND RR1631-2.2

³⁸ Global Terrorism Index 2016. Trends, — Wash., 2016. — P. 36.

³⁹ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 35 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

⁴⁰ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 10 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

⁴¹ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 13 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

⁴² http://www.e-news.su/uploads/posts/2016-05/1463903355_e-news.su_1.jpg

⁴³ UNCTAD secretariat calculations, based on data from Clarksons Research. / Review Of Maritime Transport 2016. P. 61 / https://www.safety4sea.com/wp-content/uploads/2016/11/UNCTAD-Review-of-Maritime-Transport-2016_11.pdf

⁴⁴ UNCTAD secretariat calculations, based on data from Clarksons Research. / Review Of Maritime Transport 2016. P. 42 / https://www.safety4sea.com/wp-content/uploads/2016/11/UNCTAD-Review-of-Maritime-Transport-2016_11.pdf

⁴⁵ Хамзатов М.М. Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21

февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

⁴⁶ Косырев Д. Гражданская война в США уже давно идет / Эл. ресурс: «РИА Новости». 2017. 20 мая / https://ria.ru/location_United_States/20170520/

⁴⁷ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

⁴⁸ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

⁴⁹ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

⁵⁰ Подберезкин А.И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

⁵¹ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

⁵² Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

⁵³ Гилев А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике, 2014. Сентябрь–октябрь. — С. 47.

⁵⁴ USAFacts Annual Report 2017. May 11, 2017 / <https://www.usafacts.org/report/docs/SAFactsReport2017.pdf>

⁵⁵ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 10 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

⁵⁶ Цит. по: Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий / пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — С. 23.

⁵⁷ USAFacts Annual Report 2017. May 11, 2017 / <https://www.usafacts.org/report/docs/SAFactsReport2017.pdf>

⁵⁸ Meese M. The American Defense Budget 2017–2020. P. 63 / Bureau of Economic Analysis, St. Louis Federal Reserve / <http://ndupress.nd.edu>

⁵⁹ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И. Смирнов, И.Н. Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 27.

⁶⁰ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И. Смирнов, И.Н. Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 28.

-
- ⁶¹ Лавров С.В. Выступление Министра иностранных дел России на молодежном образовательном форуме 11 августа 2017 года / Эл. ресурс: «Официальный сайт МИД РФ», 2017. 11 августа / www.mid.ru
- ⁶² Лавров С.В. Выступление Министра иностранных дел России на молодежном образовательном форуме 11 августа 2017 года / Эл. ресурс: «Официальный сайт МИД РФ», 2017. 11 августа / www.mid.ru
- ⁶³ National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 1.
- ⁶⁴ Пожидаев Е. Ядерный клинч: США готовят почву для внезапного удара по России и Китаю. 2017. 10 апреля / https://easaily.com/ru/news/2017/04/10/yadernyy-klinch-ssha-gotovyat-pochvu-dlya-vnezapnogo-udara-po-rossii-i-kitayu?utm_source=smi2
- ⁶⁵ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 131 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>
- ⁶⁶ Ефременко Д. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике, 2016. Ноябрь–декабрь. — № 6. — С. 46.
- ⁶⁷ US Government Finance: Debt / October 5, 2017 / <https://www.yardeni.com/pub/usfeddebt.pdf>
- ⁶⁸ US Government Finance: Debt / October 5, 2017 / <https://www.yardeni.com/pub/usfeddebt.pdf>
- ⁶⁹ Fact Sheet: Trends in U.S. Corrections / Walmsley, R. (2016). World Prison Brief. London: Institute for Criminal Policy Research. Available online: <http://www.prisonstudies.org/world-prison-brief> / <http://www.sentencingproject.org/wp-content/uploads/2016/01/Trends-in-US-Corrections.pdf>
- ⁷⁰ Fact Sheet: Trends in U.S. Corrections / Walmsley, R. (2016). World Prison Brief. London: Institute for Criminal Policy Research. Available online: <http://www.prisonstudies.org/world-prison-brief> / <http://www.sentencingproject.org/wp-content/uploads/2016/01/Trends-in-US-Corrections.pdf>
- ⁷¹ Подберезкин А.И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.
- ⁷² Подберезкин А.И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.
- ⁷³ Подберезкин А.И. Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.
- ⁷⁴ Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace (IEP). P. 44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf
- ⁷⁵ Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace

(IEP). — P. 44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf

⁷⁶ Хамзатов М.М. Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

⁷⁷ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 186 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>

Глава IV.
На горизонте:
прогноз развития США
после 2025 года

Опираясь на глубокое знание и понимание истории, а не на экстраполяцию в будущее, в угрозу политическим настроениям... Свечин оказался в целом прав в оценке характера будущей войны¹

*А. Кокошин,
академик РАН*

Любой прогноз на долгосрочную, стратегическую, перспективу 10 и более лет имеет исключительно важное значение для государств, акторов и других субъектов международной и военно-политической обстановки будущего. От него, в конечном счете, зависит стратегия развития государств в эти годы, политические, экономические и иные шаги, формирующие ту или иную тенденцию развития. А. Свечин, предсказавший будущий затяжной глобальный характер войны, не соответствовавший доминировавшим в то время в СССР представлениям о «пролетарской мировой революции», во многом предопределил характер подготовки к этой войне СССР в 30-ые годы.

Известные трудности долгосрочного прогноза в настоящее время усугубляются особенностями «переходного периода», переживаемого человеческой цивилизацией с конца прошлого века. «Переходный период» неизбежно ведет к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, отношения между субъектами и акторами, формирующими международную и военно-политическую обстановку. Формируется не только новая международная реальность, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведет к политическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности.

Причем, во-первых, совершенно не обязательно этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII вв. в ряде стран он закончился положительно, но до этого — в начале тысячелетия, — в Римской империи, он отнюдь таковым не оказался, чему справедливо соответствуют разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разная). Другими словами, от **качества правящих элит и эффективности управления**, видимо, зависит сама возможность перехода цивилизаций из одного состояния в другое. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и России в частности.

Во-вторых, такой переход неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений — экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он не может быть плавным, безболезненным, бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает роль силовых инструментов, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений приобретают откровенно силовой характер.

Это означает, что правящие элиты государств должны тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и своевременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины, а также доктрины информационной безопасности и стратегии научно-технологического развития. Примечательно, что о последнем, в самом важном в условиях переходного периода документе («Стратегии национальной безопасности России», утвержденной 31 декабря 2015 года Президентом РФ) до сих пор почти ничего не говорилось. А зря, ведь именно от успеха его реализации, как увидим ниже, в наибольшей степени будет зависеть национальная безопасность России в условиях переходного периода от одной экономической, технологической и общественно-политической формации к другой, ибо условия такого перехода будут предопределяться научно-технологическими особенностями.

В перспективе периода с 2025 до 2040 года США могут преимущественно развиваться как в рамках традиционных парадигм, сло-

жившихся до 2025 годов, так и под влиянием новых парадигм или парадигмах, которые уже будут существовать к этому времени. При этом, естественно, что в любом случае неизбежно сохранится инерция и определенное влияние прежнего экономического, социально-политического и военного развития, существовавшего до 2025 года, которое, например, очень заметно в военно-технической области. Так, к 2017 году в США была создана эффективная система силового обеспечения политики «новой публичной дипломатии», которая включала в себя, например, такое направление как «цифровая дипломатия

В стратегическом плане Госдепа выделено 8 тематических категорий электронной дипломатии²:

1) **Управление знаниями** (knowledge management): эффективное и оптимальное использование накопленных знаний, в т.ч. с целью защиты национальных интересов государства за рубежом.

2) **Публичная дипломатия** (public diplomacy): основная функция — поддержание контактов с целевой аудиторией посредством Интернет, с использованием новейших средств коммуникации для передачи важнейших сообщений и воздействия на целевую аудиторию в режиме реального времени.

3) **Управление информацией** (information management): использование соответствующей информации при принятии политических решений, а также для выработки превентивных мер для предупреждения новых вызовов и угроз.

4) **Консульское реагирование** (consular communications and response): создание специальных порталов для осуществления коммуникаций с гражданами, находящимися за рубежом, в т.ч. оказание содействия при возникновении кризисных ситуаций.

5) **Реагирование при возникновении чрезвычайных ситуаций** (disaster response): использование возможностей ИКТ для реагирования в случае возникновения стихийных бедствий или иных чрезвычайных ситуаций.

6) **Обеспечение свободы сети Интернет**: создание технологий для поддержания открытости сети Интернет.

7) **Внешние ресурсы** (external resources): использование специальных ИКТ для работы с зарубежными экспертами с целью продвижения своих национальных интересов.

8) **Стратегическое планирование** (policy planning): создание специальных технологий для обеспечения координации, планирования и эффективного контроля деятельности органов правительства в сфере международной политики.

Идея создания электронной дипломатии возникла в США еще в 2002 г. с учреждения целевой рабочей группы по проблемам электронной дипломатии (в настоящее время — Офис электронной дипломатии).

Сейчас в различных структурах Госдепартамента функционируют 25 узловых отделений электронной дипломатии. Некоторые из них фокусируются исключительно на проблемах, имеющих отношение к электронной дипломатии. Другие были учреждены на традиционных рабочих местах, например, в территориальных подразделениях, с целью облегчения адаптации к меняющимся условиям ведения дипломатии.

Проблема, однако, в том, чтобы точно определить, насколько определяющим будет это влияние в новых условиях³ в будущем. Причем не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе (после 2025 года), что во многом будет предопределяться общим состоянием МО и ВПО в мире и военно-политическим развитием США.

Другими словами, нам необходимо рассмотреть сценарии и их варианты военно-политического развития США, которые будут предопределять не только особенности ВВСТ и способов их использования в мире, но и специфику применения других силовых средств политики.

Учитывая, что (при всей гипотетичности развития сценариев) нам необходимы достаточно конкретные направления силовой политики США, я в очередной раз предлагаю несколько сценариев военно-политического развития США после 2025 года. В частности, например, предлагается рассмотреть три возможных сценария развития США после 2025 года:

- основного (инерционного) сценария (и его вариантов) развития США после 2025 года, основанного на сохранении влияния старых парадигм (Глава № 4);
- сценария развития, находящегося под влиянием новых парадигм (Глава № 5);

— сценарии развития, находящиеся под доминированием новых парадигм (Глава № 6).

Как и в предыдущих разделах, каждый сценарий рассматривается в виде какого-то наиболее вероятного варианта (вариантов) такого сценария, что позволяет попытаться проанализировать их конкретные и субъективные особенности.

4.1. Особенности «переходного периода» в развитии США после 2025 года

«Переходный период» в развитии США после 2025 года связан с реальным переходом США и мироустройства от однополярности (о которой заговорили на два десятилетия раньше) к многополярности, о чем лучше всего будет свидетельствовать новое соотношение сил, при котором будет очевидно существование этих новых центров силы в виде:

Китая и возглавляемой им ЛЧЦ, контролирующего не только Юго-Восточную Азию, но и значительную часть Центральной Азии, Ближнего Востока и Юга Африки;

Индии, которая по демографическим и экономическим показателям приблизится к США и КНР, а по военно-политическим критериям станет вполне с ними сопоставима;

Исламская ЛЧЦ под лидерством одного или нескольких государств, аккумулирующих огромную демографическую и экономическую мощь и влияние.

Очевидно, что на какое-то время после 2025 года наступит примерное равновесие сил, которое каждая из сторон захочет поставить под сомнение: такое состояние (сомнения в первенстве) — самое нестабильное и провоцирующее, если только стороны не смогут договориться о модели и системе поведения в отношении друг с другом.

Очень многое будет зависеть от успеха коалиционной политики той или иной ЛЧЦ. До 2025 года США и их союзники, создавшие вполне дееспособную коалицию, продемонстрировали не только то, что придают огромное значение партнерству, но и умеют его

организовывать. Поэтому можно вполне допустить, что к этой коалиции постепенно может примкнуть и Индия, которая начала эволюцию в этом направлении еще в первом десятилетии нового века.

4.1.а). Соотношение мировых сил и сценарии развития США после 2025 года

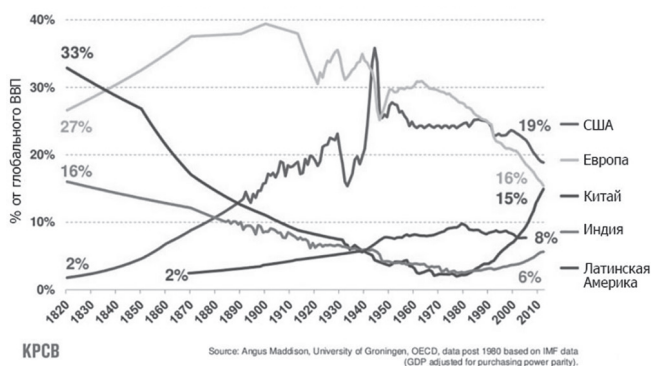

Рис. 4.1. Процент глобального ВВП США против Европы, Китая, Индии и Латинской Америки, 1820-2012 ⁴

«Переходный период» неизбежно ведет к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, соотношение сил и отношения между субъектами и акторами, формирующими международную и военно-политическую обстановку.

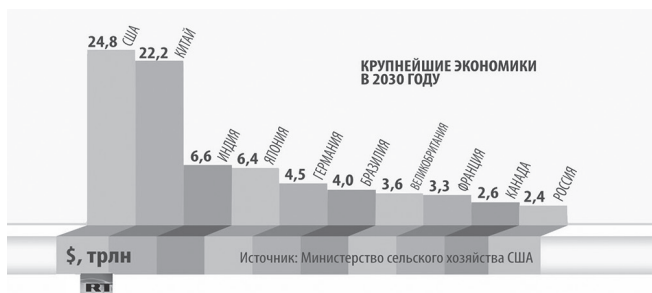

Рис. 4.2. Крупнейшие экономики в 2030 году⁵

Формируется не только новая международная реальность, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведет к политическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности имеющим крайне противоречивый и конфликтный характер. В связи с этим переход к военным действиям после 2025 года становится неизбежным, а до 2025 года — вероятным.

МЕСТО	Государство	ВВП (Млрд. долл.)			
		2013	2018	2023	2025–30
1	 Соединенные Штаты Америки	16724	21556	26693	32241
2	 Китай	8939	14334	21956	33513
3	 Япония	5007	5827	6076	6415
4	 Германия	3593	3435	3708	4398
5	 Франция	2739	2696	2837	3265
6	 Великобритания	2649	3108	3658	4305
7	 Бразилия	2190	2730	3764	5143
8	 Россия	2118	2923	3613	4125
9	 Италия	2070	2349	2631	2930
10	 Канада	1825	2274	2900	3677
11	 Индия	1768	2481	4124	6560
12	 Австралия	1488	1702	2303	3095
13	 Испания	1356	1242	1246	1377
14	 Мексика	1327	1758	2521	3697
15	 Южная Корея	1198	1702	2464	3490
16	 Индонезия	867	1212	1881	2919

 Рост или спад показателя ВВП по отношению к предыдущему прогнозируемому периоду.

Рис. 4.3. Прогноз экономического развития 15 ведущих стран мира⁶

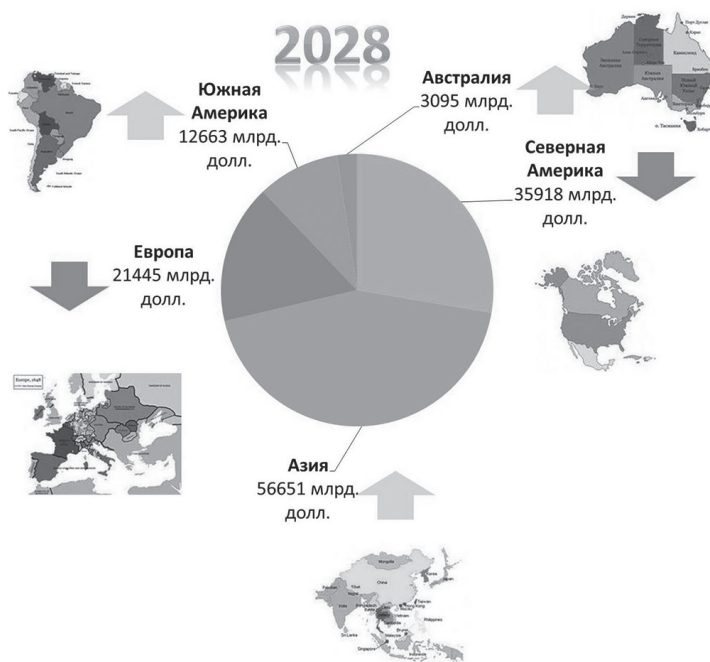

Рис. 4.4. Доли государств в структуре мирового ВВП к 2028 году⁷

Красными и зелеными стрелками на рисунке отмечены, соответственно, снижение и увеличение доли государств в структуре мирового ВВП. Не стоит, однако, забывать, что данные приводятся исключительно для 15 государств-лидеров. Также за прогнозируемый период могут произойти политические или экономические события, в корне меняющие ситуацию на мировом рынке.

Одной из таких особенностей будет усиление влияния развития собственно военных факторов на формирование стратегической и военно-политической обстановки, а также, в конечном счете, развитие того или иного сценария МО и его вариантов. Это означает, что как известные, так и неизвестные парадигмы развития СО-ВПО, будут в возрастающей степени влиять на будущую МО! Вероятно возвращение к ситуации после Второй мировой войны, когда появление ядерных боеприпасов и стратегических средств доставки резко повлияло

на состояние всех областей, из которых формируется МО: экономических, финансовых, дипломатических, иных.

Так, появление и быстрое развитие у СССР ракетно-ядерного оружия в 50-е и 60-е годы сделало невозможным его уничтожение в глобальном военном конфликте. Более того, ЯО «уравновесило» абсолютное экономическое, финансовое и технологическое превосходство США над СССР.

В настоящее время мы наблюдали аналогичный процесс, но уже не связанный с оружием массового уничтожения (ОМУ), а с созданием превосходства западной ЛЧЦ в военно-технологических областях, имеющих ключевое значение для безопасности государств, — системах воздушно-космического нападения и обороны, ВТО, кибернетических системах, сетевом и информационном оружии, применении когнитивных приемов и т.д.

Представляется, что стратегическая перспектива развития ВВСТ и способов их использования в США представляется именно таким образом.

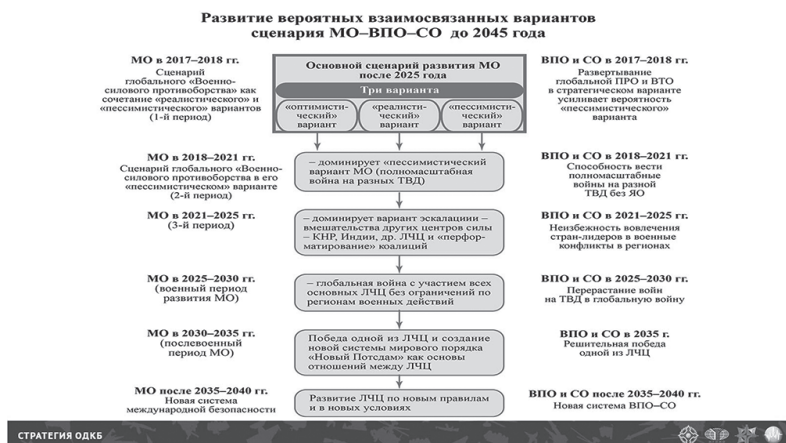

Рис. 4.5. Развитие вероятных взаимосвязанных вариантов сценария МО–ВПО–СО до 2045 года⁸

Как видно из этого рисунка-схемы, противостояние западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ будет развиваться по военно-силовому

(«реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы, вероятно, переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий (ТВД) от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ, а после 2025 года глобальную войну.

Динамика развития вооруженного противоборства чрезвычайно высока и требует соответствующего политического, государственного и общественного управления из единого центра и с помощью единых средств информации, связи и управления.

Очевидно, что подобное «стратегическое будущее», формируемое США, требует попыток более глубокого анализа с тем, чтобы попытаться полнее представить себе возможные конкретные шаги США в этой области особенно в той ее части, от которой непосредственно зависит безопасность России.

Переход от одной формации в развитии человечества, как правило, происходил в условиях череды войн. Причем, во-первых, совершенно не обязательно этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII вв. в ряде стран он закончился положительно, но до этого — в начале тысячелетия, например, — в Римской империи, он отнюдь таковым не оказался. Этому, видимо, соответствуют разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разная).

История России — СССР — Российской Федерации также иллюстрация того, как переход из одной социально-экономической системы в другую сопровождался огромными и нерациональными издержками. Также, впрочем, во многом из-за качества правящих элит — имперской, советской, российской.

В наименьшей степени это привело, как думается, пока что затронуло США. История этого молодого государства показывает, что его развитие в прошлом сопровождалось в целом эффективной деятельностью правящей элиты, которая превратила эту страну к началу XXI века в единственную сверхдержаву на планете. Это, конечно, отнюдь не гарантирует того же в долгосрочной перспективе, но следует признать — опыт и результаты деятельности говорят в пользу правящей элиты США.

В качестве наиболее вероятного сценария МО до 2050 годов предлагается новый этап развития сценария глобального «Военно-силового противоборства западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ)» с другими ЛЧЦ, центрами силы, их военно-политическими коалициями и странами за сохранение контроля над созданными в предыдущие десятилетия этой западной ЛЧЦ военно-политической и финансово-экономическими системами в мире.

Рис. 4.6.⁹

Другими словами, в долгосрочной перспективе после 2025 года можно ожидать, что от качества правящей элиты и эффективности управления в США, видимо, будет зависеть сама возможность перехода западной цивилизации из одного качественного состояния в другое. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и США, в частности. Во многом такая эффективность правящей элиты основывается на объективных тенденциях, которые сложились в настоящее время, и определяется, в частности, реалиями, которые меняются достаточно революционно. В частности, если говорить о роли тех или иных ЛЧЦ и центров силы в качестве мировых инвесторов, это видно, что с 2000 года значение США и западной ЛЧЦ радикально изменилось. (Рис. 4.7.)

Во-вторых, такой переход США в новое качество неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений — экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он в принципе не может быть плавным, безболезненным, бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает — объективно и субъективно — роль силовых инструментов в политике, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений приобретают откровенно силовой характер. Сказанное означает, что именно сам характер переходного периода и его влияния на МО и ВПО делает вооруженное противоборство практически

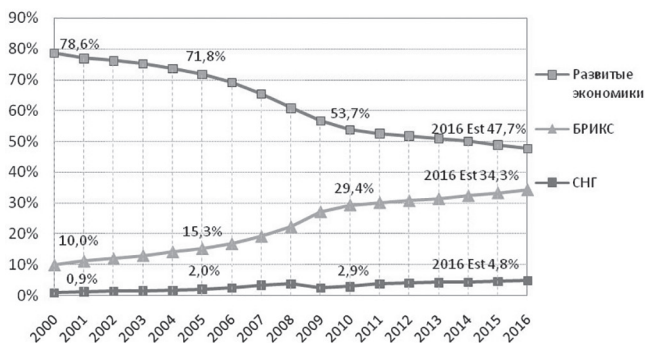

Рис. 4.7. Доля инвестиций регионов в глобальном объеме инвестиций¹⁰

неизбежным. Его эскалация от силовых средств к военно-силовым и военным, уже отчасти произошедшая, доказывает такой характер перспектив в развитии МО.

Это означает, что правящая элита не только США, но и (как следствие) России, должна тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и своевременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины, а также доктрины информационной безопасности и стратегии научно-технологического развития.

Примечательно, что в последнем, самом важном в условиях переходного периода документе («Стратегии национальной безопасности России», утвержденной 31 декабря 2015 года Президентом РФ) до сих пор почти ничего не говорилось об этих особенностях переходного периода. А зря, ведь именно от его результатов в наибольшей степени будет зависеть национальная безопасность России.

4.1.6). Логика развития сценариев

В перспективе периода с 2025 до 2050 годов США могут преимущественно развиваться как в рамках традиционных парадигм, сложившихся до 2025 годов, так и под влиянием известных новых парадигм или не известных парадигм, которые будут существовать к этому времени. При этом, естественно, что в любом случае неизбежно сохранится инерция и определенное влияние прежнего экономическо-

го, социально-политического и военного развития, существовавшего до 2025 года, которое, например, очень заметно в военно-технической области. Это можно отразить схематично на рисунке следующим образом.

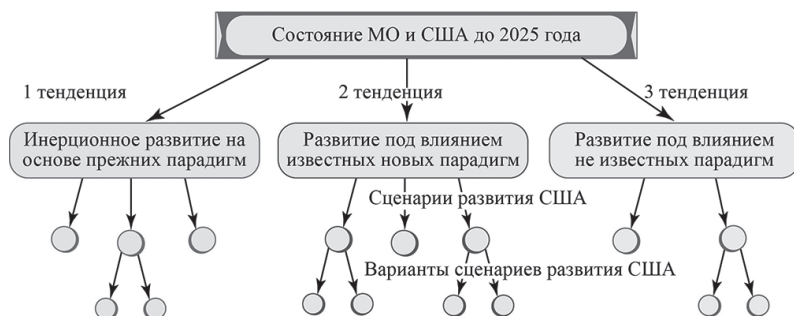

Рис. 4.8. Развитие США после 2015 года
(принципиальная схема сценариев)

Как видно из рисунка, исключительно важное значение имеет информация и оценка:

Во-первых, состояния МО и США в 2025 году, т.е. «точки отсчета» дальнейшего развития, которая может быть очень разной объективно и субъективно.

Во-вторых, того, по какому преимущественно варианту (тенденции) развития пойдет США после 2025 года. Так, например, по некоторым оценкам, доля нового технологического уклада США в 2016 году составила 5% американской экономики, т.е. этот указ еще не доминировал, т.е. развитие шло по пути первой тенденции. Соответственно рассматриваются сценарии и их варианты развития США в рамках этой тенденции.

Другая сторона проблемы заключается, в том какие средства политики (в т.ч. военные) будут созданы и использоваться в 2025 году, в каких масштабах и с какой эффективностью? Так, к 2017 году в США была создана эффективная система силового обеспечения политики «новой публичной дипломатии», которая включала в себя, например, такое направление как «цифровая дипломатия», которое относится к будущей, второй тенденции в развитии США.

Очевидно, что в практическом плане развитие этих средств будет означать, в конечном счете, какая политика и с какой эффективностью будет реализовываться США после 2025 года. Самое общее представление об эволюции этих средств дает следующая табличка.

Структура средств политики государств в XIX веке	Структура средств политики наций в XX веке	Структура средств политики США в XXI веке
– официальная дипломатия;	– официальная и публичная дипломатия; – международные организации; – коалиции и союзы и т.д.	– официальная, публичная и «новая публичная дипломатия»; – международные организации; – НАТО; – коалиции, союзы, блоки; – глобальные союзы (ТПП, ТПА и т.д.);
– традиционные средства вооруженной борьбы: Армия, Флот;	– средства вооруженной борьбы: Армия, Флот, стратегическая авиация, ЯО, космические средства и т.п.	– средства вооруженной борьбы: – Армия, Флот ВВС, ВКС, ЯО; – частные военные компании; – экстремизм; – терроризм
– СМИ (в зачаточном варианте в XIX в.)	– СМИ: – электронные; – печатные; – интернет	– СМИ: – электронные; – печатные; – интернет; – сетевые; – веб 2.0 технологии, веб 3.0, 4.0 и пр.

СТРАТЕГИЯ ОДКБ

Рис. 4.9. Парадигмы средств политического влияния: сравнение средств политического влияния государств и ЛЧЦ в XIX и XX веках¹¹

Из этого сравнения видно, что противоборство ЛЧЦ в XXI веке будет опираться, прежде всего, на те силовые инструменты политики, которые связаны с **количеством и качеством национального человеческого капитала и его институтов**. И не случайно, объективные критерии английского рейтинга «мягкой силы» в основном состоят из показателей, характеризующих именно количество и качество НЧК и его институты.

4.2. Сценарии развития США после 2025 года, основанные на известных парадигмах

Конфронтация между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Китаем и Россией — с другой, уже налицо, но значение факторов жесткой силы и экономической мощи постепенно будет уменьшаться ... все более острым будет становиться соперничество в интерпретации реальности, производстве смыслов и трансляции ценностей¹²

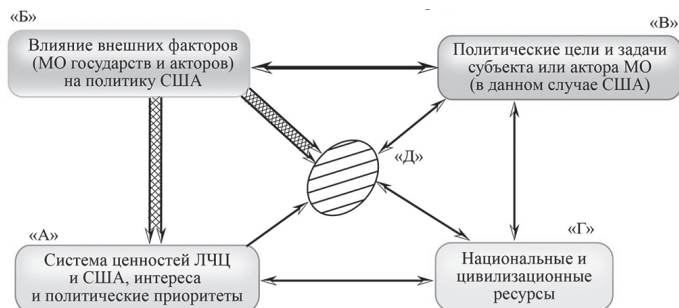
*Д. Ефременко,
политолог*

Перенос акцентов противоборства между ЛЧЦ после 2025 года на области ценностей, смыслов и интерпретаций, вероятно, неизбежен. Он фактически уже начался с формирования в конце XX века отдельных ЛЧЦ, их центров силы и военно-политических коалиций¹³. Кризис либеральной глобализации 2008 года еще больше ускорил этот процесс, который привел к переоценке политических приоритетов в стратегии ЛЧЦ с традиционных политических целей и задач на ценностные и цивилизационные. Именно эти приоритеты после 2008 года стали выходить на первый план, оттесняя традиционные цели политики, что очень наглядно стало видно на примере политики ЕС и политика западной ЛЧЦ в целом применительно к событиям на Украине, в Сирии и целом ряде других стран.

Эта общая тенденция в практическом плане вылилась в два мощных тренда, народившихся в первом десятилетии XXI века, но которые будут доминировать, как минимум, в ближайшие десятилетия. Они отмечаются многими исследователями и лежат в основе подхода США к современным внешним угрозам¹⁴:

- **во-первых**, «блок спорных норм» («contested norms»), которые будут использовать нарождающиеся новые центры силы — государства и отдельные акторы, — угрожающие интересам США;
- **во-вторых**, хаотизация, «устойчивый беспорядок» («persistent disorder»), создающийся государствами, которые не способны справиться с внутренними кризисами и проблемами.

Получается, что объективный перенос акцентов в противостоянии государств и их коалиций на системы ценностей совпадает в настоящий период развития МО с процессами усиления противоборства между нарождающимися и прежними центрами силы и хаотизацией, вызванной дестабилизацией внутри многих государств. Используя нашу модель политического процесса, политику США в период после 2025 года можно прогнозировать следующим образом, экстраполируя существующие процессы.

**Рис. 4.10. Модель политики США после 2025 года,
основанная на известных парадигмах**

Где:

- влияние вектора «Б» — «А» (за счет новых центров силы и хаотизации) на политику США резко усиливается и приобретает еще более долгосрочный, системный и стратегический характер;
- происходит неизбежное усиление и влияния влияния вектора «Б» — «Д» (внешних условий на правящую элиту) и на вектор «Б» — «Г» (политические цели и задачи);
- из этого со всей неизбежностью следует, что США для того, чтобы противостоять растущему внешнему влиянию, с одной стороны, и усилить свое влияние, с другой, придется... в еще большей степени воздействовать по направлениям этих векторов, как на новые центры силы, так и новых акторов.

Усиление этого внешнего влияния США на другие субъекты и акторы МО уже к 2017 году привела к перерастанию влияния в новое качество — «принуждения», а дальнейшем и «силового принуждения»,

которые, в свою очередь, приобретает во все большей степени черты военно-силового принуждения («the power to coerce»).

Эта политика приобрела свои основные черты к началу XXI века и отчетливо проявилась в конфликтах в Афганистане, Ираке, Ливии, Украине и Сирии.

Важно также отметить, что достаточно системная и долгосрочная стратегия США приобрела еще более долгосрочный и системный характер, что объясняется вполне объяснимыми причинами: продолжительность влияния на системы ценностей должна быть значительно дольше, чем на политическую элиту или политические цели. Это продолжительное влияние на систему ценностей, таким образом, перешло по своему характеру от требований политической конъюнктуры к требованиям, предъявляемым цивилизационному влиянию. В самом общем виде эту эволюцию влияния факторов «Б» на факторы «А» можно описать следующим образом.

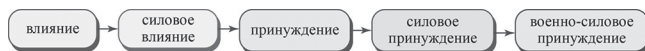

Рис. 4.11. Эволюция влияния факторов «Б» на факторы «А»

4.2.а). Прогноз эволюции развития национальных интересов США

Интегрированная оценка оперативной обстановки в мире до 2035 года предназначена для подготовки ВС США к защите страны, ее интересов и союзников до 2035 года¹⁵

*Оперативный план
подготовки обороны до 2035*

Также как и у других государств, интересы США можно условно разделить на несколько крупных групп, каждая из которых достаточно автономна, с одной стороны, и взаимосвязана с остальными группами, с другой. Эти группы делятся следующим образом:

Биологические интересы — интересы США, как части западной ЛЧЦ и мировой цивилизации, выживание которой отдельно от остального человечества невозможно или крайне уязвимо

Глобальные интересы — интересы США в мире, включая самые удаленные регионы и не самые приоритетные области

Национальные интересы — самый широкий круг интересов США, включающий как глобальные и региональные, так и локальные интересы

Государственные интересы — интересы американского государства и его институтов власти

Социально-классовые интересы — интересы отдельных классов, социальных слоев и групп

Групповые интересы — интересы отдельных групп, корпораций и коллективов

Личные интересы — интересы отдельных личностей, семей и близких

Очевидно, что «в чистом виде» отдельных интересов в политике не существует. В реальности происходит пересечение и даже столкновение интересов, например, национальных и групповых. Тем не менее, мы можем говорить о том, что некоторые интересы доминируют в определенный период времени и при определенных обстоятельствах над другими интересами. Поэтому, анализируя наиболее широкие политические национальные интересы, необходимо учитывать и влияние других интересов, которое может быть незначительным, но может быть и очень заметным. Так, например, интересы безопасности ядерных стран требуют испытания новых ядерных боезарядов, однако биологические интересы (прежде всего экологические) требуют их ограничения и запрещения.

Кроме того, эти интересы могут по временной продолжительности быть разделены на:

- современные, краткосрочные;
- среднесрочные (5–7 лет);
- долгосрочные (7 и более лет).

Это обстоятельство также необходимо иметь ввиду потому, что краткосрочные интересы («сиюминутные», тактические) могут оказываться сильнее стратегических, долгосрочных. Особенно в случае, когда возникает «политическая целесообразность», вызванная тактическими обстоятельствами — выборами, политической конъюнктурой, состоянием здоровья и другими субъективными причинами.

В практических целях, когда необходимо определенное упрощение анализа и стратегического прогноза тех или иных интересов, они могут быть объединены в более крупные группы, например, вокруг национальных интересов, а именно: «Глобальные», «Национальные», «Государственные» и «Групповые-элитные» интересы, которые, в свою очередь, делятся на наиболее крупные функциональные подгруппы, отличающиеся ярко выраженной спецификой интересов. Как минимум, можно говорить о следующих подгруппах:

Подгруппа, объединяющая политические интересы субъектов и акторов МО;

Подгруппа экономических интересов (финансовые, торговые, экономические и пр.);

Подгруппа военных интересов (военно-политические, военнотехнические и пр.);

Подгруппа широкого спектра гуманитарных интересов (цивилизационных, культурных, духовных, научных, нравственных и пр.).

Таким образом, если составить матрицу основных интересов США, то они делятся на 16 основных групп интересов продолжительностью (длительностью) в три временных периода — краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный — т.е. таких групп интересов может быть вычленено в три раза больше.

Представляется, что подобная формализация позволит полнее вычлениить особенности и наиболее характерные черты тех или иных интересов, хотя в ряде случаев и будет оказываться, что одновременно в той или иной степени присутствуют сразу несколько интересов, либо одни интересы противоречат другим. Именно поэтому механическая абсолютизация тех или иных интересов может привести к ошибочным выводам анализа.

В случае с необходимостью анализа и прогноза внешней и военной политики США можно остановиться на доминирующей группе интересов, получивших на практике название «национальные интересы США», которые отражают в действительности как объективные национальные и государственные интересы (потребности) США, так и субъективные интересы — групповые, социальные, личные — правящей элиты стран, а также другие интересы в разной временной перспективе. Как видно из этого определения, понятие «национальные интересы» США — очень размыто. Тем не менее оно лежит в основе

американской внешней и военной политики, которые в разных документах его конкретизируют и детализируют¹⁶.

Кроме того, в документе КНШ США, планирующем оборону до 2035 года, например, изначально обращают на себя внимание два обстоятельства, имеющих принципиальное значение. В анализе проблем безопасности приоритет уделяется, прежде всего, национальным интересам США, оставляя для других групп приоритетов менее важное значение. В этой связи предлагается рассматривать собственно национальные интересы США, группируя вокруг них все остальные интересы и группы интересов. Этот подход упрощает анализ, сводя его только к анализу некоторых аспектов интересов национальной безопасности США, а именно:

Во-первых, обеспечение безопасности США, национальных интересов США и безопасности союзников рассматривается как единая, общая задача, т.е. не существует формального или иного раздела на:

- безопасность США;
- интересы США;
- безопасность союзников.

Во-вторых, основные внешние угрозы, по мнению КНШ США, исходят из двух тенденций:

- роста новых центров силы, претендующих на изменение существующей системы безопасности;
- и внутривнутриполитических и социальных конфликтов внутри развивающихся государств.

Важно также отметить, что базовые интересы и система ценностей в представлении правящих кругов США не только рассматриваются в едином комплексе, но и защита этих базовых ценностей предполагается в качестве важнейшего, исключительного национального интереса США, вокруг которого так или иначе формируются остальные интересы. Вместе с тем, выделение в этом комплексе национальных интересов своего рода отдельных приоритетов — «безопасности США», «национальных интересов США» и «безопасности союзников» предполагает, что и в реальной политике страны национальные интересы подразделяются на:

- **интересы безопасности собственно США и их системы ценностей** (образа жизни, государственного устройства и пр.), что наглядно проявилось в том значении, которое придается раздуванию скандала с «вмешательством России в выборы в США»;

- **национальные интересы США за рубежом**, необходимость которых защищать с помощью силы и рассматривается, прежде всего, политиками и аналитиками, но приоритетность которых порой (как в случае с использованием ядерного оружия в интересах безопасности союзников США в Европе) вызывает серьезное сомнение;
- **безопасность союзников США по военно-политической коалиции**, которая даже у союзников не идентифицируется абсолютно с безопасностью США.

Таким образом, выделяются наиболее приоритетные национальные интересы США, которые условно делятся на **3 группы**, каждая из которых, в свою очередь, также соответствует своему «рангу приоритетности» — «жизненно важные национальные приоритеты» (1-го ранга), «национальные интересы за рубежом (2-го ранга), «интересы США и их союзников» (3-го ранга). Эту структуру интересов и деление их на приоритеты можно изобразить на рисунке следующим образом.

Рис. 4.12. Структура национальных интересов США после 2025 года

С учетом такого деления понятия «национальные интересы» предлагается их рассмотреть в той же последовательности.

Таблица 4.1.

Группа I. «Интересы национальной безопасности собственно США и их системы ценностей» (интересы 1-го ранга).

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические цели и задачи (субъективные), после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг №1
1. Сохранение (выживание) американской нации, существующей системы ценностей и образа жизни в США связано с сохранением американского лидерства в мире (предпринимательский дух, система образования и т.д. — Страт. Нац. Без.-ти США, 2015 г.). Это предполагает обязательное условие — «лидерства Америки»	1. Сохранение американской нации, системы ценностей и образа жизни, а также существующей общественно-политической системы. 2. Вопрос не в том, быть ли Америке лидером, а в том, КАК она должна лидировать	1. Гарантии национальной идентичности, сохранения системы ценностей и их распространения в качестве обязательных международных норм.	1. Политика, экономика, военная область, социальная, культурная и другие области	1

- 1.1. Модель американского лидерства, основанного на:
 - экономических;
 - технологических;
 - коалиционных преимуществах и ценностях США.
- 1.2. США возглавляют мировые усилия по борьбе со стихийными бедствиями, угрозами и опасностями. Американское лидерство — лидерство «сил добра».

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические цели и задачи (субъективные), после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг №1
---	---	---	-----------------------------------	------------

1.3. Предотвращение оче-
редного экономического
и финансового спада.

2. Сохранение политической системы и общественно-политического устройства, которым угрожают:	2. Сохранение суверенитета в области политического и общественного устройства, которым угрожают внешние опасности	2. Обеспечение полного суверенитета и жизнедеятельности институтов	2. Общественно-политическая жизнь	1
--	---	--	-----------------------------------	---

- «жесткий экстремизм»;
- терроризм;
- киберугрозы;
- агрессия России;
- климат;
- инфекции.

3. Распространение влияния информации и интернета США	3. Сохранение доминирования информационного влияния и контроля под интернетом	3. Политические гарантии распространения влияния интернета и социальных сетях	3. Информатика, интернет	
---	---	---	--------------------------	--

Исключительно важное значение для стратегического прогноза развития США после 2025 года имеет анализ и прогноз возможной эволюции не только системы ценностей, но и системы национальных и государственных интересов (имеющих объективный характер) и субъективных представлений об этих интересах, которые выражены

в конкретных политических целях. Это блоки факторов «А» и «В», которые можно коротко представить в виде следующей матрицы.

Таблица 4.2.
Группа II. Интересы национальной безопасности США за рубежом
(интересы 2-го ранга).

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические (и иные) цели и задачи (субъективные) после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг № 2
1. Сохранение контроля над существующими системами в мире со стороны США, «способность США мобилизовать мировое сообщество»	1. Укрепление контроля над будущими системами в мире со стороны США	1. Американское доминирование в мире и регионах	политическая	2
		2. Контроль над коалицией	военно-политическая	2
		3. Контроль над финансово-экономической системой в мире	финансовая и экономическая	2
		4. Контроль над идеологией	идеологическая	2

- 1.1. Сохранение «основанного на правилах и обеспеченного американским лидерством мирового порядка»
- 1.2. Уважение американских ценностей во всем мире.
- 1.3. Укрепление международного сотрудничества в целях сохранения мирового порядка, основанного на американских ценностях и силе

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические (и иные) цели и задачи (субъективные) после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг № 2
---	---	--	-----------------------------------	-------------

1.4. Борьба с «главными стратегическими опасностями американским интересам»:

- нападениям на США и объекты инфраструктуры;
- глобальный экономический кризис или спад;
- распространение ОМУ;
- мощные вспышки инфекционных заболеваний;
- изменения климата;
- перебои на рынках энергоресурсов;
- действия «слабых» государств

2. Американское лидерство примером. «Нет проблем в мире, которые можно решить без США»

2. Сохранение максимально благоприятных внешних условий для экономического и гуманитарного развития США с помощью лидерства и политики силы.	2. Улучшение максимально благоприятных условий для экономического и гуманитарного развития	2. Развитие союзов, коалиций и двусторонних отношений внутри западной ЛЧЦ	политическая	2
		2. Размывание и уничтожение противостоящих военно-политических группировок	военно-политическая	2

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические (и иные) цели и задачи (субъективные) после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг № 2
2.1. Сильные вооруженные силы — основа для защиты интересов национальной безопасности;	2.1. Сильные вооруженные силы — основа для защиты интересов национальной безопасности;			
2.2. Гарантированное сдерживание;	2.2. Гарантированное сдерживание;			
2.3. Способность применения в любой точке мира;	2.3. Способность применения в любой точке мира;			
2.4. «Меньше, но остаться доминирующей во всех областях»	2.4. «Меньше, но остаться доминирующей во всех областях»			
3. Продвижение системы ценностей США в мире в качестве доминирующих и универсальных	3. Превращение системы ценностей США в универсальную (наиболее распространенная система ценностей)	3. Закрепление в качестве политических обязательств системы ценностей США	3. Политическая, цивилизационная	2

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические (и иные) цели и задачи (субъективные) после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг № 2
4. Продвижение выгодных для США норм и правил поведения в мире в качестве универсальных и обязательных с точки зрения интересов безопасности США	4. «Закрепление универсальных» норм в международном праве и «правилах поведения»	4. Создание новой мировой системы международного права, соответствующей интересам США	4. Международно-правовая	1
5. Ограничение суверенитета государств нормами, отвечающими интересам США	5. Создание в основном системы международных норм и правил, отвечающих интересам США	5. Создание новой международной системы, отвечающей интересам США («после Хельсинки»)	5. Политическая, международно-правовая	2
6. Продвижение экономических интересов США в новые регионы и субрегионы	6. Закрепление политическими средствами результатов экономической экспансии США	6. Формирование политической системы, обеспечивающей экономические интересы США	6. Экономическая	3
7. Защиты экономических интересов США от экспансии новых экономических гигантов	7. Создание системы противодействия экономической экспансии китайской, индийской, пр. ЛЧЦ	7. Укрепление экономических позиций западной ЛЧЦ	7. Политическая, экономическая	2

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические (и иные) цели и задачи (субъективные) после 2025 года	Сфера проявления (основная)	Ранг № 2
8. Сохранение научно-технологического превосходства США	8. Укрепление научно-технологического лидерства США	8. Н-т превосходство как главное условие военно-политического превосходства	8. Научно-техническая	2
9. Сохранение информационного и медийного превосходства западной ЛЧЦ и США	9. Укрепление превосходства западной ЛЧЦ и США	9. Политико-информационное доминирование США	9. Политика, информатика	2
10. Образовательное лидерство и доминирующие позиции западной ЛЧЦ и США	10. Расширение сферы влияния образования западной ЛЧЦ и США	10. Контроль над системой подготовки кадров и профессиональной ориентации	10. Образование	2
11. Когнитивно-смыслового лидерство и продвижение системы ценностей США в мире	11. Расширение и укрепление когнитивно-смыслового лидерства	11. Формализация политическими средствами американского лидерства в политике и идеологии	11. Идеологическая	
12. Продвижение «пражской повестки» (запрещения ядерного оружия).	12. Как основы политического лидерства		12. Военно-политическая	2

Наконец, третья область в системе национальных интересов США, связанная с безопасностью союзников США по военно-политической коалиции.

Таблица 4.3.
Группа III. «Национальные интересы США
с точки зрения обеспечения безопасности союзников
по западной коалиции» (интересы 3-го ранга).

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические цели и задачи (субъективные), вытекающие из интересов	Область проявления (основная)	Ранг № 3
1. Развитие влияния коалиции западной ЛЧЦ на другие ЛЧЦ, нации, государства и акторы.	1. Повышение эффективности членов коалиции;	1. Консолидация политических, экономических и военных усилий членов коалиции под контролем и в интересах США	1. Политическая, военная, экономическая.	2–3
1.1. Силовое принуждение других ЛЧЦ, наций и коалиций к нормам и правилам США и их коалиции	2. Повышение финансового, экономического и военного вклада союзников в коалиционные возможности.		2. Социо-культурная и цивилизационная	
1.2. Военно-силовое противоборство с ЛЧЦ и центрами силы как средство компенсации относительного падения экономического и политического влияния США	3. Увеличение способности «мобилизации для коллективных действий».			

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объек- тивные) интересы США после 2025 года	Политические цели и задачи (субъек- тивные), вытека- ющие из интересов	Область проявле- ния (основная)	Ранг № 3
1.3. Универсальность принципа силового принуждения для всех областей — от военной до культуры.	4. Сохранить, укрепить и развить «команду из более 60-и партнеров по коалиции»			
1.4. Избегать «перенапряжения сил»				
1.5. Способствовать основам укрепления «национальной мощи»				
2. Союзники — «центральная составляющая всех усилий по обеспечению безопасности США.»				
— укрепление НАТО, новых чле- нов и скандинавских стран;				
— Япония, Корея, Австралия — в АТР;				
— перспективы: Филиппины, Таиланд				
3. Усиление силового противобор- ства коалиции с другими ЛЧЦ, нациями и странами в интересах США и их союз- ников с целью проведения политики «силового принуж- дения».	3. Превосходство западной коалиции над другими коалициями ЛЧЦ и центров силы	3. Создание эффективного военно-по- литического инструмента принуждения других ЛЧЦ	3. Политическая, военная	1–2
3.1. Противоборство с акторами «выше и ниже уровня наци- ональных государств»				

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объективные) интересы США после 2025 года	Политические цели и задачи (субъективные), вытекающие из интересов	Область проявления (основная)	Ранг № 3
---	--	--	-------------------------------	----------

3.2. Связывание динамичными системами безопасности новых акторов на основе новых технологий (глобальные коммуникации).

3.3. Усиление борьбы между поколениями в ряде стран за рубежом наносит ущерб интересам безопасности

4. Усиление влияния США и их коалиции на ситуацию внутри других стран и коалиций, а также ЛЧЦ	4. Обеспечение влияния и при- нуждения на другие страны и их внутри- политическую ситуацию.	4. Влияние и возможность контролировать внутри- политические процессы в раз- вивающихся государствах	4. Политика, экономика, культура и пр.
4.1. Дестабилизация внутри- политических ситуаций с целью создания «ситуации хаоса»	4.1. Дестабилизация внутри- политических ситуаций с целью создания «ситуации хаоса»	4.1. Дестабилизация внутри- политических ситуаций с целью создания «ситуации хаоса»	4.1. Внутриполи- тическая
4.2. Поддержка сателлитов и оппозиции- сторонников западной ЛЧЦ	4.2. Поддержка сателлитов и оппозиции- сторонников западной	4.2.Поддержка сателлитов и оппозиции- сторонников западной	4.2. Военно-по- литическая
			4.3. Внутри- политиче- ская

Существующие (объективные) интересы США	Будущие (объек- тивные) интересы США после 2025 года	Политические цели и задачи (субъек- тивные), вытека- ющие из интересов	Область проявле- ния (основная)	Ранг № 3
5. Создание коалиций:				
– по борьбе за демократию;				
– против коррупции;				
– поддержке открытых прави- тельств				
6. Сохранения позиции «мораль- ного лидера» США в мире				

В этой связи предлагается рассмотреть следующие возможные особенности сценариев развития США после 2025 года: основанного на сохранении влияния старых парадигм.

**4.2.6). Основные особенности развития
США после 2025 года**

В ближайшие годы мы увидим первые проявления нового глобального социально-технологического устройства, которое изменит правила игры на ключевых рынках, а значит экономическое, политическое и военное соотношение сил¹⁷

*А. Безруков,
политолог*

Дело, однако, в том, что сами эти внешние условия формирования МО и ВПО радикально изменятся не в пользу западной ЛЧЦ: если, например, из 10 ведущих стран мира к Западу относились 5, то в 2040–2050 годах останется 4, но даже оставшиеся будут существенно «потеснены» новыми центрами силы. Так, резко усилятся не только Китай, но и другие страны Юго-Восточной Азии: численность Индо-

незии превысит 300 млн. человек, Филиппин — 150 млн., Малайзии — 100 млн., а Вьетнам и Республика Корея превратятся в ведущие мировые державы уже через 10 лет.

Конечно, если Западу удастся вовлечь в свою орбиту Индию (что сейчас активно делается), Индонезию и Мексику, то «Запад» сохранит свое влияние, изменившись цивилизационно и этнически. Также как он меняется последние 30 лет в Европе и США.

Основные изменения в экономических позициях стран-лидеров, которые произойдут в период 2025–2040(50) годов, некоторые аналитики иллюстрируют следующим образом:

	2016	2050	
<i>China</i>	1	1	<i>China</i>
<i>US</i>	2	2	<i>India</i>
<i>India</i>	3	3	<i>US</i>
<i>Japan</i>	4	4	<i>Indonesia</i>
<i>Germany</i>	5	5	<i>Brazil</i>
<i>Russia</i>	6	6	<i>Russia</i>
<i>Brazil</i>	7	7	<i>Mexico</i>
<i>Indonesia</i>	8	8	<i>Japan</i>
<i>UK</i>	9	9	<i>Germany</i>
<i>France</i>	10	10	<i>UK</i>

E7 economies
 G7 economies

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 4.13. Новые растущие рынки будут доминировать до 2050 года¹⁸

Крайне важно то, что изменения в соотношении сил между крупнейшими державами в 2025–2050 годы, неизбежно повлияют как на

соотношение сил между старыми и новыми центрами силы, так и соотношение сил между ЛЧЦ и их военно-политическими коалициями. С этой точки зрения позиции западной ЛЧЦ и их коалиции будут неизбежно потеснены другими ЛЧЦ во главе с КНР, Индией, Индонезией и Бразилией (соотношение экономик «Большой семерки» и «Большой двадцатки»). Экономически, но не обязательно политически, технологически и с военной точки зрения, где позиции западной ЛЧЦ и их коалиции могут даже ... укрепиться и компенсировать относительное отставание в экономике.

Может произойти то же самое, что произошло в области науки и технологий, где США «потеснились», но отнюдь не уступили своего лидерства. Так, в частности, за счет роста расходов государства частных инвесторов в мире доля США в НИОКР планеты сократилась с 69% до 30%, а в военных государственных НИОКР с 36% до 4%.

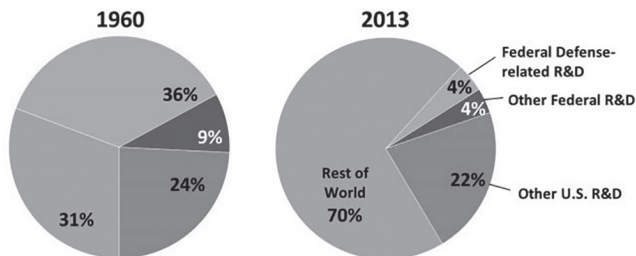

Рис. 4.14. Сравнение расходов на НИОКР 1960-2013 гг.¹⁹

Однако подобное относительное падение американских расходов на НИОКР сопровождалось их абсолютным ростом (в постоянных целях), который составил за 1960–2013 годы 220%, а в целом 540%.

Быстрые темпы роста ряда новых центров силы, которые (как мы уже говорили) рассматриваются в качестве угроз США, вызывают серьезные опасения. Это и понятно, ведь США делают ставку на два стратегических ресурса — технологическое превосходство и эффективную коалицию. В 2000–2013 годы эти темпы роста расходов на НИОКР новых центров силы и традиционных лидеров западной ЛЧЦ свидетельствуют о том, что приоритеты безопасности и экономики по-прежнему связываются с приоритетами научного и технологического развития.

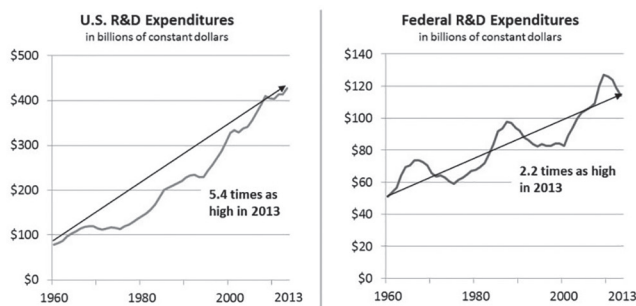

Рис. 4.15. Федеральные и общие расходы США на НИОКР²⁰

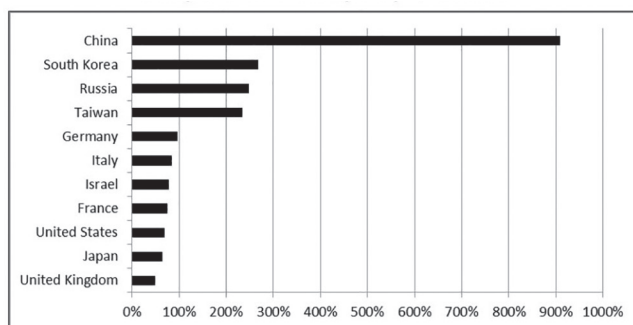
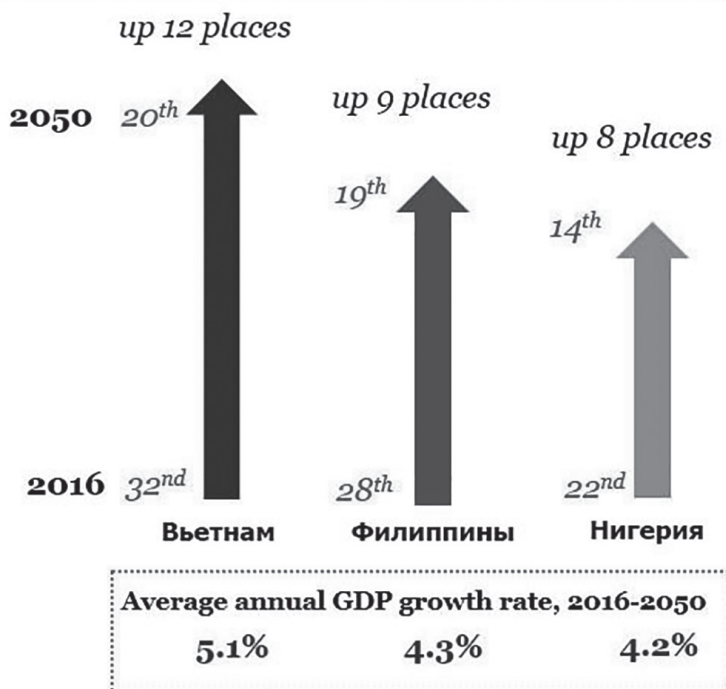

Рис. 4.16. Рост затрат на НИОКР некоторых стран, 2000-2013 гг.²¹

Более того, целая группа новых экономических гигантов, готовых войти в ту или иную сферу влияния ЛЧЦ, либо даже создать свою, будет существенно влиять на расстановку сил в мире и на отношения между ЛЧЦ и их коалициями. В зависимости от их положения и отношения может сформироваться совершенно новая конфигурация сил в мире, которая, безусловно, отразится на положении США в мире и их политики.

Ситуация в мире после 2025 года будет характеризоваться сохранением доминирования США в политике, военной области, науке и ряде других областей при качественном изменении в соотношении сил в экономической и демографической областях в пользу незападных ЛЧЦ.

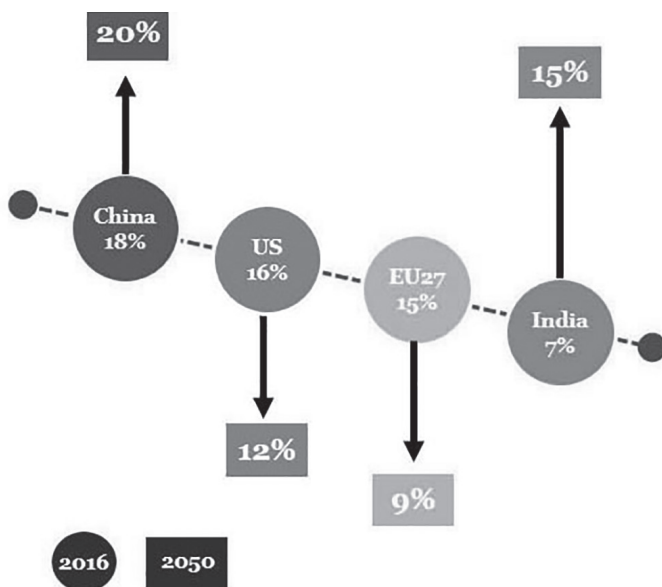
Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 4.17. Вьетнам, Филиппины и Нигерия могут серьезно подняться в рейтинге держав²²

Очень важно, например, насколько КНР сумеет сконцентрировать вокруг себя силы и государства, расположенные не только в АТР, но и в Африке и даже в Европе. Его влияние в Африке, например, уже ощущается сильнее, чем традиционных бывших колониальных держав, а на Ближнем и Среднем Востоке можно прогнозировать стремительное усиление позиций КНР еще до 2025 года.

Пока что явно недооценивается будущая роль в мире Индии, которая может:

- стать частью западной ЛЧЦ и центра силы;
- остаться самостоятельным национальным центром силы, занимая (доля) 2-ое место с США.

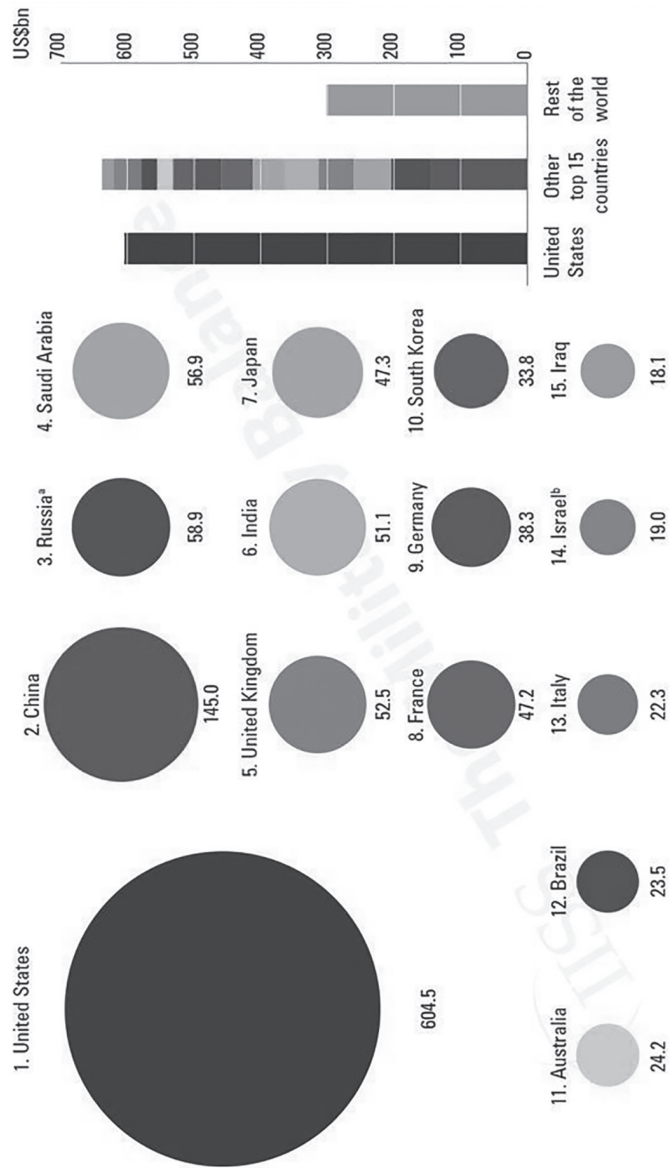

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 4.18. США и Европа уступят к 2040 году свои экономические позиции Китаю, Индии и другим странам²³

В любом случае перераспределение экономической мощи к 2040 году между «старой семеркой» (США, Японией, Германией, Великобританией, Францией, Канадой и Италией), представляющей **западную ЛЧЦ** и «новой семеркой» (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Россия, Мексика и Турция), представляющей, как минимум, четыре ЛЧЦ и центры силы, будет лежать в основе будущего миропорядка. Достаточно спрогнозировать, например, как эти перемены повлияют на соотношение военных бюджетов ведущих государств.

Если в 2016 году только Китай, Индия и Россия могли претендовать на самостоятельную военную роль, а их бюджеты были только лишь «заметны» на фоне доминирования военных бюджетов западной ЛЧЦ, то в будущем ситуация, безусловно, изменится не в пользу США. Этим во многом объясняется стремление Д. Трампа заставить своих союзников увеличить военные расходы.

* Under NATO defence spending definition; ^b Includes US Foreign Military Assistance
Note: US dollar totals are calculated using average market exchange rates for 2016, derived using IMF data. The relative position of countries will vary not only as a result of actual adjustments in defence spending levels, but also due to exchange-rate fluctuations between domestic currencies and the US dollar. The use of average exchange rates reduces these fluctuations, but the effects of such movements can be significant

Рис. 4.19. Сравнение военных бюджетов ведущих 15 государств (в 2016 году)²⁴

Можно предположить, что увеличение военных расходов в 2025–2040 годы США и их союзников по коалиции достигает огромной цифры в 3,0–3,6 трлн. долл. (США — 1,5 трлн.; ЕС — 1,5 трлн.; др. страны — 0,5 трлн.), что во многом компенсирует изменение соотношения сил не в пользу западной ЛЧЦ. Для этого у западной ЛЧЦ есть существенные резервы:

- во-первых, мы до сих пор реально недооцениваем военные расходы США: фактически военный бюджет США уже достигает 900 млрд. долл., даже с учетом сокращения в последние годы. Ожидается, что его рост достигнет 1 трлн. к 2025 году и до 1,5 трлн. до 2040 года. Но это только самые первые оценки. В действительности, при необходимости, США могут увеличить свои военные расходы еще больше, ориентировано до 5–6% ВВП страны в 2025 году, который может превысить 25 трлн. долл.

Таблица 4.4. Общая сумма расходов на оборону на 2017 ф.г.²⁵

(All figures in then-year dollars)	FY 2016	FY 2017	FY 2018	FY 2019	FY 2020	FY 2021
DoD (base discretionary)	\$521.7B	\$523.9B	\$556.7B	\$564.8B	\$570.4B	\$585.2B
DoD (base mandatory)	\$6.8B	\$7.9B	\$8.0B	\$8.0B	\$7.8B	\$7.9B
DoD (OCO)	\$58.6B	\$58.8B				
Atomic Energy Defense Activities	\$20.0B	\$20.5B	\$19.6B	\$20.2B	\$20.6B	\$21.1B
Other Defense-Related Activities	\$8.3B	\$8.4B	\$9.9B	\$9.3B	\$9.4B	\$9.6B
Veterans Benefits and Services	\$164.4B	\$179.2B	\$183.4B	\$194.7B	\$203.2B	\$211.7B
Amortization of Unfunded Liabilities	\$82.6B	\$83.4B	\$85.5B	\$88.5B	\$91.6B	\$94.8B
Tax Expenditures	\$23.1B	\$22.8B	\$23.4B	\$24.3B	\$25.3B	\$26.3B
Total Defense-Related	\$885.5B	\$904.8B	\$886.5B	\$909.8B	\$928.3B	\$956.7B

- во-вторых, если страны ЕС и НАТО выполняют свои обязательства в масштабах Великобритании, то этот «вклад» в оборону НАТО к 2025 году составит не менее 1 трлн. долл., а с учетом роста военных расходов Японии, Саудовской Аравии и других членов западной коалиции общие военные расходы могут составить к 2050 году 3 трлн. долл.

С учетом того, что до 2015 года военные расходы стран-членов НАТО сокращались и только в 2016 году замечен определенный рост, можно предположить, что «отложенные» расходы могут быть компенсированы, что неизбежно приведет к быстрому абсолютному росту военных расходов в Европе.

Рис. 4.20. НАТО Европа и Канада — расходы на оборону²⁶

«Потенциал роста» военных расходов стран-членов НАТО очень велик. Теоретически, если они достигнуть доли военных расходов в ВВП США, то общие военные расходы НАТО могут вырасти до общих военных расходов США еще до 2025 года, т.е. до 1 трлн. долл.

Кроме того, военные расходы стран-членов НАТО можно «пересчитать», исходя из расходов на одного человека (в США — 1739, в Норвегии — почти 1400). Таким образом, существует еще один «резерв» развития военной мощи США и их союзников, о котором дают представление следующие данные.

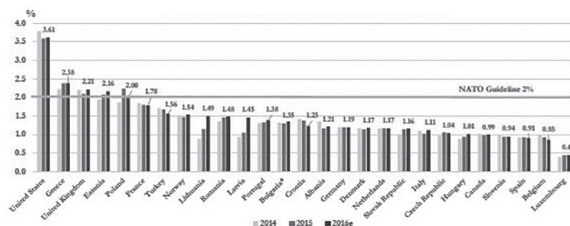

Рис. 4.21. Расходы на оборону и их доля в ВВП²⁷

«Теоретически расходы на оборону в НАТО могут быть не как в Албании (60 \$ долл.), а как в Норвегии (1400,0 долл.) на человека.

Таблица 4.5. Расходы на оборону в работе на душу населения в 2010, долл. США

Country	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Albania	60	64	64	64	61	59	52	57
Belgium	505	482	470	467	450	434	413	388
Bulgaria	115	110	92	94	103	95	97	103
Croatia	228	214	222	209	199	191	190	174
Czech Republic	293	253	216	211	204	194	222	222
Denmark	765	812	753	774	707	672	661	686
Estonia	256	249	265	314	323	339	367	392
France	811	800	772	773	770	758	745	747
Germany	567	576	565	581	542	533	536	542
Greece	878	711	584	523	493	500	537	537
Hungary	147	135	140	136	128	122	135	148
Italy	500	479	462	428	405	364	343	380
Latvia	139	120	125	114	125	130	150	214
Lithuania	124	105	103	103	109	131	175	237
Luxembourg	398	489	408	384	385	403	460	475
Netherlands	709	675	639	619	580	579	592	602
Norway	1,360	1,329	1,318	1,306	1,311	1,352	1,316	1,398
Poland	207	220	225	231	231	258	322	297
Portugal	340	335	330	300	306	281	291	309
Romania	111	103	108	104	113	123	138	147
Slovak Republic	239	210	185	189	172	178	211	221
Slovenia	369	377	306	269	240	228	224	227
Spain	349	317	285	306	268	270	283	285
Turkey	191	193	188	190	195	192	194	185
United Kingdom	956	961	937	855	907	886	857	913
NATO – Europe	503	494	476	465	458	450	452	463
Canada	646	548	595	532	488	509	492	504
United States	2,513	2,325	2,325	2,182	2,035	1,915	1,845	1,876
North America	2,328	2,149	2,153	2,017	1,881	1,774	1,710	1,739
NATO – Total	1,199	1,126	1,119	1,062	1,006	961	939	958

Наконец, есть и большие резервы увеличения военных расходов западной ЛЧЦ как за счет роста военных расходов не только стран-членов НАТО, но и других союзников, а также за счет расширения самой коалиции. Так, потенциально рассматриваются такие влиятельные союзники как Индия, Вьетнам, Индонезия, чьи интересы могут совпадать с интересами западной ЛЧЦ.

В особенности, если учитывать, что глобальная экономическая мощь «смещается» на восток, а интересы западной ЛЧЦ вступают в конфликт с интересами китайской, российской и исламской ЛЧЦ.

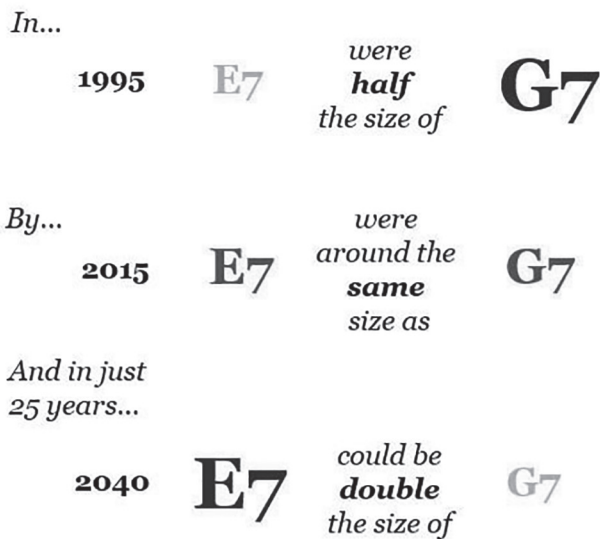

Рис. 4.22. Глобальная экономическая мощь перейдет к «новой семерке»²⁸

Подобный «конфликт интересов» ЛЧЦ неизбежно ведет к их военному разрешению, которого уже к 2025 году будет добиваться западная ЛЧЦ. В этих условиях будет существовать масса причин, стимулирующих государства присоединиться к той или иной коалиции. Таким стимулом, например, может стать отношения США и России к своим союзникам, их гарантии безопасности этим союзникам, от которых, в свою очередь, будет зависеть лояльность этих союзников.

Не случайно в этой связи, например, что в ходе сессии НАТО в конце мая 2017 года большинство стран-членов НАТО требовало от США подтверждения их гарантии в соответствии со статьей № 5 Договора НАТО, а США в лице Д. Трампа «не очень спешили» дать ясно эти гарантии.

Это противоречие понятно. Оно вытекает из того понимания, что на отдельных ТВД (в случае войны) США будут стремиться прежде всего использовать своих союзников, ограничившись своей «поддержкой», оставаясь в стороне от прямого участия. Что, естественно, крайне опасно для союзников и гораздо менее опасно для самих США. Собственно это и предполагает разделение понятия «национальные интересы» на «интересы безопасности США» и «интересы безопасности союзников».

Это направление видно на примере настойчивых попыток США добиться уязвимости основных сил ответного удара России и КНР, — которые могут быть обеспечены после 2025 года²⁹, с помощью тактических средств и ВТО, размещенного на море и в воздухе. В случае такого военного конфликта (аналогом которого может служить Украина) основные операции будут вестись на глубине до 100 км, что абсолютно безопасно для США, но крайне опасно для их союзников в Европе или в Азии.

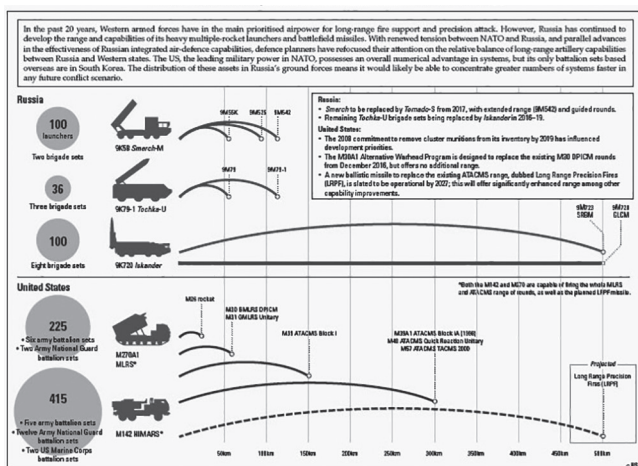

Рис. 4.23. Сопоставление ракетных систем РФ и США на ТВД

В этой связи создание в интересах безопасности самих США мощного наступательного и оборонительного потенциалов (СНВ и ПРО) предоставляет им гарантию того, что военный конфликт не выйдет за рамки оперативно-тактического уровня и не коснется территории собственно США. В этом смысле происходил разделение интересов США на «интересы безопасности США» и «интересы безопасности союзников США».

4.2.в). Инерционный сценарий развития США после 2025 года, основанный на сохранении влияния старых парадигм

... для проецирования своего влияния Соединенные Штаты часто прибегают к военному и политическому давлению³⁰

С. Хантингтон

Есть все основания полагать, что в основе политика США после 2025 года будет сохраняться сценарий силового принуждения других ЛЧЦ, стран и акторов следовать интересам своей политики. В основе такого сценария находятся долгосрочные интересы США, о которых говорилось выше. Именно долгосрочный характер этих интересов и строгая последовательность в их реализации, лежащая в последние десятилетия в основе стратегии США, являются основанием для того, чтобы сделать вывод об инерционности базового сценария развития США после 2025 года.

С этой точки зрения основные положения стратегии, базирующиеся на приоритетах интересов США, остаются прежними.

Проблема, однако, заключается в том, **насколько сильны** будут изменения в этих национальных интересах. Однако следует признать, что именно категория «национальный интерес» — наиболее консервативна.

Другое дело, что у правящей элиты могут меняться субъективные представления об этих интересах, а, соответственно и политические цели и задачи. Эти факторы являются более динамичными и поддаются большому влиянию. Так, на рубеже 90-х годов в СССР произошла радикальная переоценка представлений правящей элиты о национальных интересах и целях политики.

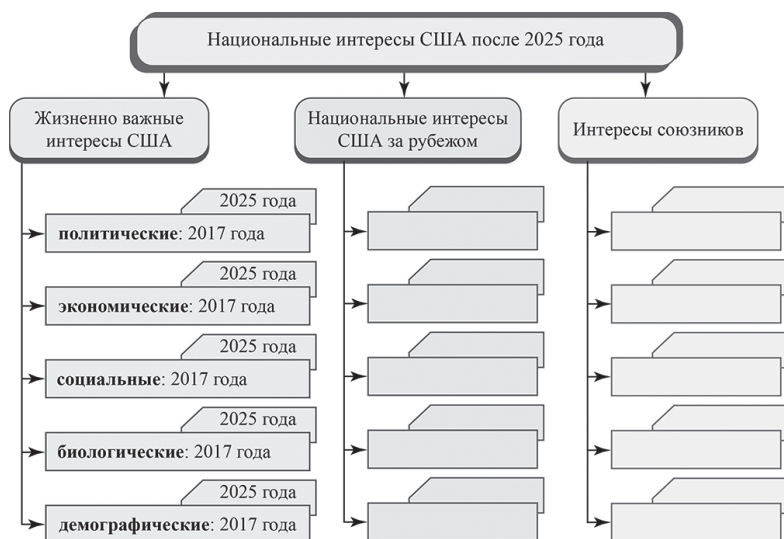

Рис. 4.24. Национальные интересы США после 2025 года

Главным аргументом в пользу этого является развитие потенциала проецирования военной силы и соответствующей ему инфраструктуры. Так, проецирование силы на огромные расстояния обеспечивает уникальный по своей мощи, оснащенности, уровню боевой подготовки Корпус морской пехоты США, насчитывающий в своем составе 317 464 чел., а также самые большие в мире ВМС, включающие в себя помимо всего прочего 11 авианосных ударных групп.

При этом, наращивая потенциал ведения обычных войн, США сохраняют и совершенствуют основу своего ядерного потенциала, крайне осторожно продвигаясь по пути дальнейших сокращений ядерного оружия и пересмотра стратегии его применения (что свидетельствует о нежелании отказываться от ядерного сдерживания), попутно продолжая активно разрабатывать новые системы противоракетной обороны.

Развитие стратегических наступательных и оборонительных сил США нацелено на стратегическую перспективу 40–50 лет. Оно строго последовательно и системно, отражая стратегические концепции, сложившиеся еще во второй половине XX века.

с другими программами США) сможет нейтрализовать возможный ракетно-ядерный удар по территории США и их союзников со стороны России и иных государств, в частности Китая. Для повышения эффективности данной системы Штаты реализуют комплекс мероприятий, направленных на улучшение качества американо-натовской инфраструктуры перехвата баллистических и крылатых ракет, повышение точности поражения, дальности полета и скорости ракет-перехватчиков всех видов базирования. А Пентагон продолжает проверочные тесты ударно-боевых средств ПРО.

В данном контексте нельзя игнорировать создаваемую систему быстрого (мгновенного) глобального удара (БГУ). Суть ее — размещение неядерного оружия на носителях межконтинентального радиуса (речь идет о летательных аппаратах (в том числе беспилотных) и ракетах, способных двигаться в 6–20 раз быстрее скорости звука), которыми можно нанести относительно точный массированный удар по любой точке планеты. Маневрирующий боевой блок боевой части делает малоэффективной любую из существующих систем ПРО.

Согласно имеющимся сведениям первоочередной целью нанесения «обезоруживающего мгновенного глобального удара» является придание ВС США возможностей по высокоточному глобальному неядерному поражению критически важных целей в любой точке Земли в течение часа с момента выявления объекта и принятия решения руководством США по его уничтожению. Необходимо отметить, что практическая реализация концепции «Мгновенный глобальный удар» осуществляется в рамках комплексной технической программы, направленной на создание и формирование группировок ГЗСВ (гиперзвуковых систем вооружений) с включением их в состав новой стратегической триады США (аналогичной «чикагской триаде» НАТО)³².

Необходимо изначально признать, что сценарий развития США после 2025 года будет находиться под влиянием огромного числа факторов — внешних и внутренних объективных и субъективных, — которые мы уже описывали в принципиальной логической модели, используемой нами. В целях формализации этих факторов влияния целесообразно вновь зафиксировать эти четыре группы:

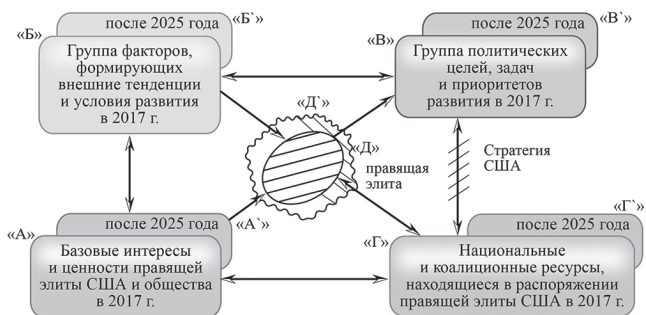

Рис. 4.27. Инерционная модель развития США после 2025 года

Эта модель исходит из экстраполяции развития существующих в 2017 году факторов и тенденций на 2025 год, что «в чистом виде», конечно же, невозможно. Иными словами, чтобы представить себе стратегию и долгосрочный сценарий развития США в 2025–2040 годы (вектор «Д» — «Г» и «Д» — «В») необходимо в соответствии с этой инерционной моделью:

- сделать инерционный прогноз возможных изменений в системе ценностей правящей элиты США и ее базовых интересах (группа «А») после 2025 года;
- сделать прогноз развития МО–ВПО и его влияния на период после 2025 годов (группа «Б»);
- сделать прогноз развития ресурсов США и их коалиции (группа «Г») после 2025 года;
- сделать прогноз вероятной эволюции целеполагания и смены приоритетов, а также конкретных задач политики США (группа «В»);
- наконец, сделать прогноз развития субъективных оценок, представлений и ментальности правящей элиты (группа «Д»). Так, в частности, если исходить из оценок военной разведки США, сделанных в мае 2017 года, то РУМО подготовило доклад, в котором России посвящены пять страниц в разделе «Региональные угрозы». Авторы его констатируют, что военная мощь рассматривается российским руководством как важная предпосылка для «достижения ключевых стратегических целей».

«Москва и впредь будет активно добиваться достижения своих целей в сфере внешней политики и безопасности, используя весь

спектр средств влияния и принуждения, включая кибероперации, — утверждают они. — Ее мощные вооруженные силы в сочетании с реальной или предполагаемой угрозой вмешательства позволяют усилиям ее правительства в целом иметь широкий резонанс. Мы исходим из того, что уровень военной активности в 2017 году будет примерно таким же, как в последние годы»³³.

Главное для адекватного долгосрочного прогноза, заключается в понимании того, что к 2025 году будет в той или иной степени реализован один из вариантов того или иного сценария развития **до 2025 года**. В конечном счете, нас интересует именно тот конкретный вариант сценария развития США после 2025 года, который обозначается в границах треугольника групп факторов «Г» — «Д» — «В» (цели, представления о них, стратегия и ресурсы). Эти группы факторов находящиеся под влиянием групп внутренних и внешних факторов («А» и «Б»), выраженных в угрозах национальным интересам США.

Наиболее вероятным сценарием развития США после 2025 года в этой связи представляется дальнейшая эскалация современного сценария «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ³⁴ во главе, которой сохраняются и после 2025 года США. Для стратегического прогноза развития США после 2025 года, однако, важны нюансы, а именно: какой из конкретных вариантов военно-силового сценария развития США имеет наибольшие шансы на реализацию после 2025 года. Этот вариант неизбежно будет следствием одного из вариантов Сценария развития США до 2025 года — «пессимистического», «реалистического» или «оптимистического» («Вариант № 1», «Вариант № 2» и «Вариант № 3» базового сценария «Военно-силового противоборства»). Этот вариант «образца 2025 года» не может появиться из ниоткуда. Он зародится в недрах того варианта, который будет ему предшествовать.

Между тем разница между этими конкретными вариантами развития США до 2025 года во многом будет предопределять не только объемы и качество необходимого ответного силового потенциала России, но и его собственно военно-техническую часть — ВС и ВВСТ. Это имеет решающее значение уже сегодня для военного планирования на долгосрочную перспективу. Очевидно, что если наиболее вероятен «пессимистический» вариант («Вариант № 2»), то ВВСТ и ВС будут использоваться после 2025 года полномасштабно, что потребует заранее подготовить не только соответствующие ресурсы, но и достаточно крупные стратегические резервы ВиВСТ.

Применительно к вероятному развитию США и ситуации в ВПО после 2025 года можно говорить о выборе между:

- полномасштабной войной с западной ЛЧЦ и ее военно-политической коалицией во главе с США, которые могут стать вероятным последствием одного из вариантов развития США после 2025 года;
- обострения системного военно-силового противоборства на различных ТВД и стратегических направлениях с Россией и другими ЛЧЦ;
- либо, наконец, военно-силового противоборства, в котором ВС сторон не принимают прямого участия, ограничившись организацией вооруженной борьбы между «облачными противниками», диверсиями и инспирированием экстремистской деятельности на территории противника. Этот вариант развития США является наиболее инерционным вариантом современного сценария. Его ограниченность по времени делает его маловероятным потому, что нельзя бесконечно заниматься эскалацией.

Иными словами, до 2025 года (а, возможно, и ранее) развитие сценария «Военно-силового противоборства» перерастет из инерционного варианта в один из вариантов этого сценария с прямым (и вероятно масштабным) участием Вооруженных сил обеих коалиций, т.е. в открытый военный конфликт или даже войну между возглавляемой США западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ и Россией.

4.2.г). Наиболее вероятные варианты инерционного сценария развития США после 2025 года

Там (в богатых странах — потребителях) сформируется человеческий капитал высокого уровня, финансовые центры, научно-технологическая и индустриальная база для экономики нового типа³⁵

*А. Безруков,
доцент МГИМО*

Необходимо помнить, что развитие США по инерционному варианту не исключает происходящих глубоких революционных из-

менений, связанных с переходным периодом от одной технологической, экономической и социально-политической формации к другой. Вопрос заключается в том, насколько эти глубокие перемены могут сказаться на состоянии политической, экономической и социальных систем США. Схематично это можно представить себе следующим образом.

Таблица 4.6. Качественно новые изменения, связанные с переходным периодом до 2025 года и после

	2017 г.	2025 г.	2040 г.	2050 г.
В экономике доля нового технологического и экономического уклада	5%	15%	30%	50%
В военной области доля новейших ВВСТ	15%	25%	40%	50%
В социально-политической области	10%	25%	50%	70%
В технологической области	10%	20%	40%	60%

«Завершение перехода» в мире и МО, о котором говорили эксперты РАН еще в 2013 году, характеризуется, как уже говорилось, прежде всего стремлением западной ЛЧЦ сохранить этот монополярный мир силовыми, а, фактически военными средствами. У западной ЛЧЦ и США, — надо признать, — есть возможности сохранить и даже увеличить свое лидерство в этом процессе. Но завершение «переходного периода» от монополярного мира к многополярному, отнюдь, не означает, что «переходный период», как смена основных парадигм, также завершается. Совсем наоборот, мы являемся свидетелями двух параллельных процессов, которые развиваются с разной скоростью. Это, если говорить очень коротко, и является той основой для базового прогноз, на которой базируется наиболее вероятный сценарий и его конкретных вариантов развития США в долгосрочной перспективе после 2025 года.

По сумме и сочетанию всех факторов и тенденций, формирующих МО, известных к середине 2017 года, можно также сделать вывод о высокой степени вероятности развития именно «пессимистического» варианта сценария Глобального военно-силового противоборства

между ЛЧЦ после 2025 года. В качестве естественной эволюции это сценария можно говорить об эволюции варианта, его перехода из развивающейся стадии глобального конфликта в стадию глобальной войны, которая может вестись и без ОМУ. Это развитие во многом предопределяет переход от одного варианта силового сценария США к другому варианту после 2025 года.

Сказанное не означает, однако, что при реализации такого Сценария до 2025 года будут использоваться только военно-силовые средства, а сам Сценарий всегда соответствовать только своему «пессимистическому» варианту. Тем более, что такая откровенно военно-силовая составляющая сохранится и после 2025 года. Характер развития современной внешнеполитической и военной стратегии развитых государств неизбежно предполагает, что она строится на принципах системности (т.е. использовании всех национального ресурса для достижения окончательного результата), сетцентричности (т.е. военно-технического и информационного обеспечения против многих объектов политики) и сети (т.е. комплексности подхода), что изначально предполагает инициативу и лидерство в подготовке, принятии и навязывании решений, а также использования всего спектра «умной силы» («smart power»).

Соглашение России и США по прекращению огня в Сирии в феврале 2016 года — яркий пример реализации такой тактической возможности (как, впрочем, и договоренностей о КНДР и Ираке), которые используются, как правило, в тактических, временных целях. Они — и это подтвердили последующие события вокруг Сирии и КНДР — не меняют содержания и направленности развития основного сценария, но могут делать временные отступления в пользу одного из его вариантов.

Иными словами в реализации указанного варианта сценария развития США после 2025 года могут быть использованы несколько (в нашем случае только три) конкретных варианта развития одного и того же военно-силового сценария, сутью которого будет все та же эскалация силовой борьбы за сохранение контроля США в мире. Средствами противоборства в реализации этих вариантов неизбежно станут не только стратегические вооружения и вооруженные силы, а также другие ВВСТ, но и невооруженные средства насилия и принуждения. В этих целях в США ускоренно создается широкая система мер сило-

вого противоборства — от «мягкой силы» до прямого вооруженного насилия, — в основе которой находится сетцентрические средства ведения системного противоборства и войны.

Рис. 4.28. Логическая схема развития США после 2025 года по одному из возможных сценариев (и их вариантов)

Развитие по тому или иному варианту Сценария будет зависеть от многих факторов, наиболее важными из которых являются:

- состояния МО и ВПО к 2025 году, прежде всего отношений между ЛЧЦ, характера военно-силового противоборства;
- развития тех или иных трендов в мире (политических, экономических, технологических и пр.), определяющих темпы и особенности «переходного периода»;
- состояния безопасности, экономики и темпов развития США;
- результатами движения к 2025 году по тому или иному варианту сценария;
- перспективами развития МО–ВПО и собственно США.

Разница между этими тремя вариантами будет не только «в доле», «массе» и интенсивности использования военной силы, но и в том, как она будет использована. Другими словами выбор стоит не между «жесткой силой» (hard power) и «мягкой силой» (soft power), а в пользу «умной силы» (smart power) — различного сочетания жесткой и мягкой силы. Условно говоря, эти варианты с точки зрения значения в них военной силы можно проиллюстрировать (впрочем, весьма условно) в следующей матрице. Для нас это необ-

ходимо понимать потому, что фактический «отсчет» развития Сценария США после 2025 года начался уже в настоящее время. От того, как именно будет реализовываться тот или иной конкретный вариант Сценария до 2025 года, непосредственно зависит в том числе и **вероятность** развития того или иного конкретного варианта сценария наиболее вероятного сценария развития США после 2025 года и характер политики США.

Таким образом, в зависимости от значения тех или иных силовых компонентов в политике США при реализации основного Сценария развития до 2025 года можно выделить, как минимум, три варианта основного Сценария развития США после 2025 года:

- **«оптимистический»**, где основной упор будет делаться на невоенные силовые инструменты политики. Этот вариант во многом зависит также от тех внешнеполитических условий, в которых окажутся США после 2025 года, когда, например, прямое использование военной силы будет менее эффективным, чем другие формы, либо связано с повышенными рисками;
- **«реалистический»** вариант базового военно-силового Сценария, где военная сила, как и в 2017 году, является неотъемлемой частью внешней политики США и используется открыто;
- **«пессимистический»** вариант, где военная сила выступает основным, а в ряде случаев и исключительным инструментом политики.

4.2.д). Варианты основного сценария развития США после 2025 года, основанного на известных парадигмах

В рамках предлагаемого основного сценария развития США после 2025 года неизбежно существование, как минимум, нескольких вариантов, в основании которых находятся известные в настоящее время закономерности и парадигмы развития. В нашем случае представляется, прежде всего, попытка дефиниции этих вариантов по роли и значению военной силы для политики США, которые можно проиллюстрировать следующим образом:

Таблица 4.7. «Доля военной силы в вариантах основного сценария развития США после 2025 г.

Условное название варианта	Значение различных элементов силовой политики			
	Прямые варианты военной силы (война)	политико- дипломатиче- ские	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40%	25–30%	20–30%	10%
«реалистический»	40–50%	15–20%	20–25%	0–5%
«пессимистический»	75–80%	5–10%	5–10%	0–5%

Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции соотношении различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе, которые традиционно относят к «мягкой силе» или «жесткой силе».

В зависимости от обстоятельств варианты стратегии и использование тех или иных форм военной силы будут меняться, а значит изменяться и варианты одного и того же сценария. Собственно в военной стратегии США об этом говорится прямо: «военная сила должна обеспечить эффективность других инструментов политики»³⁶. Причем в короткое время. Так, развитие МО и ВПО на Украине в 2014–2016 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым.

Более того, примечательно, что одновременно сохранялась теоретическая возможность развития в тот или иной период всех трех вариантов одного и того же базового сценария, которая ставилась, например, в зависимость «от поведения России». Причем не только на Украине, но и в других регионах и областях.

Эти три варианта развития одного и того же сценария развития США будут нести на себе конкретные черты и особенности развития ВПО каждого конкретного периода времени уже после 2025 года. Этот будет связано, прежде всего, с резким ускорением военно-технической революции, чьи последствия скажутся радикально как в области ВиВТ, так и средств управления и особенно, в военном искусстве. Так, массовое внедрение ВТО и сетецентрических способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии не только ВПО в мире, но и МО. Иными словами мы обнаруживаем самую сильную и растущую взаимосвязь между развитием того или иного Сценария США и всей МО–ВПО после 2025 года прежде всего из-за усиления влияния фактора военной силы в политике США до степени его доминирования. Можно также сказать, что эволюция МО–ВПО–СО в мире после 2025 года будет находиться под доминирующим влиянием США.

Таким образом, переход от одного периода к другому в развитии США будет решающим образом влиять на развитие различных вариантов МО и их реалистичность. И наоборот. В самом общем виде такая «совмещенная» картинка развития основного Сценария США и МО–ВПО может выглядеть следующим образом.

Рисунок ниже показывает, что если в прежней истории (вплоть до появления ОМУ и средств его доставки) СО в мире имела подчиненное значение МО и ВПО вытекала, в конечном счете, из нее, являлась «чистым» продуктом, следствием ее развития, то по мере развития ВиВТ, средств управления ими и появления возможностей для ведения гибридных и сетецентрических войн, влияние развития США на формирование сценария ВПО и даже МО постоянно усиливалось. В частности, возможность развертывания США после 2021 года глобальной ПРО (в сочетании с массовым развертыванием неядерных стратегического ВТО) коренным образом меняет не только всю ВПО и СО в мире, но и МО.

В этой связи необходимо подчеркнуть два принципиальных обстоятельства:

Во-первых, в рамках этого базового Сценария развития США после 2025 года военная сила всегда выступает важным компонентом всей **системы силового принуждения** политики США по отношению к другим ЛЧЦ, государствам и акторам.

Во-вторых, тот или иной вариант Сценария может быть заменен, либо использован в сочетании друг с другом в зависимости от конкретных политических, военных, экономических и иных условий и развития ВПО–СО. Очень условно, прежде всего, в целях иллюстрации уже высказанных мыслей, предлагается следующая матрица развития вариантов базового Сценария в зависимости от изменений в ВПО и СО.

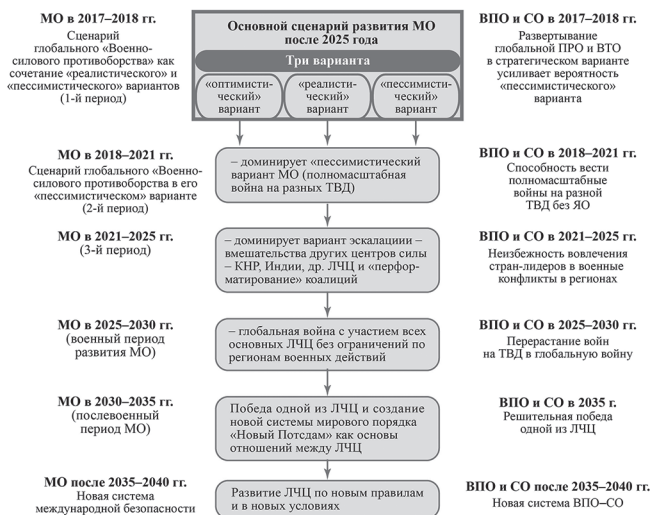

Рис. 4.29. Развитие вероятных взаимосвязанных вариантов сценария МО-ВПО-СО до 2045 года

Как видно из этого рисунка, я исхожу из постулата (который пытался обосновать выше) о том, что уже после 2017 года сценарий развития США и Западной ЛЧЦ (которая находится под их влиянием) будет развиваться по военно-силовому («реалистическому» или «пессимистическому») варианту, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант в 2021–2025 годы переходит в войну на большинстве театров военных действий от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ. Причем, если прежде я полагал, что это произойдет ближе к 2025 году³⁷, то, как оказалось, эволюция в 2015–2017 годы происходила быстрее.

Крайне маловероятно, что объективные изменения в соотношении мировых сил, с одной стороны, и попытки западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами, с другой стороны, не приведут к военному конфликту и войне. Поэтому «благополучные» сценарии развития МО после 2025 года не рассматриваются. Вопрос, как уже говорилось выше, в «доле» собственно военной силы и других инструментов «жесткой силы» в общей силовой компоненте «умной силы» («smart power»). Очень приблизительно эту «долю» (роль военной силы) среди других инструментов политики западной ЛЧЦ можно показать следующим образом.

Таблица 4.8. Роль «жесткой силы» («hard power») и «мягкой силы» («soft power») среди инструментов «умной силы» («smart power») в ходе эволюции различных сценариев и их вариантов развития США

	Доля инструмента военной силы США в 2017–2050 гг.	Инструменты «мягкой силы»
США в 2017 г.	40%	60%
США в 2021–2025 гг.	45%	55%
США в 2025–2027 гг.	55%	45%
США в 2027–2050 гг.	75%	25%
	95%	5%
	?	?

Таблица 4.9. Роль «жесткой силы» («hard power»), включая военную силу, и «мягкой силы» («soft power») среди инструментов «умной силы» («smart power») в ходе эволюции различных сценариев и их вариантов развития США

	Инструменты до 2025 года и после 2025 года «жесткой силы»	Инструменты «мягкой силы»
США в 2015 г.	60%	40%
США в 2021 г.	70%	30%
США в 2025 г.	80%	20%
США в 2025–2026 г.	85%	15%
США в 2026–2029 г.	90%	10%
США в 2030 г.	95%	5%
США после 2030–2031 гг.	?	?

Как видно из матрицы, до 2025 года будет происходить радикальное изменение в соотношении силовых и несиловых методов США, когда силовые средства начинают абсолютно доминировать над несиловыми средствами влияния. Этот процесс стал заметен уже до 2015 года, но именно к 2025 году произойдет его первое качественное изменение, когда силовые (прежде всего военные) средства политики США будут наиболее предпочтительными по отношению к другим средствам.

Второй этап качественных изменений произойдет на рубеже 2025 года. В этот период силовые, прежде всего военные, инструменты политики США станут не только основными, но и исключительными, сократив влияние других силовых средств относительно военных до минимума. Эта означает, что любые силовые действия США будут обеспечиваться военной поддержкой.

Если сравнивать с таблицей, в которой оценивается «доля» военной силы в каждом из вариантов доминирующего сценария, то оказывается, что на нее приходится от 35% до 70% (в «оптимистическом» и «пессимистическом») вариантах, а на силовую политику в целом — 90–95%. Иначе говоря, любой вариант известного Сценария развития США после 2025 года предполагает не только безусловное доминирование силовых инструментов, но и очевидно исключительное значения военной силы как средства внешней политики. Это может означать только одно: изменение в соотношении сил в мире будет встречать активное силовое, прежде всего военное действие США.

Сетецентричность, системность и сетевая сочетаемость всех инструментов «умной» политики («smart power») ведет к тому, что далеко не всегда «жесткая сила» представляется как инструмент явного принуждения. Нередко он преподносится (даже в условиях войны) как инструмент «договоренности», даже «помощи».

Можно допустить, что подобное развитие базового Сценария США приведет к тому, что на втором этапе развития полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2030 гг.) в конфликт втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны. Дело даже не в том, что в войны вовлекаются соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы послевоенного

урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы и ЛЧЦ, чье влияние в XXI веке неизбежно усилится.

На третьем этапе (2030–2035 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалиций, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка³⁸.

Рассматривая подобный гипотетический сценарий развития США и, как следствия, МО и ВПО после 2025 года, я сознательно в очередной раз исхожу из того, что это — наиболее вероятный сценарий, реализуемый в нескольких вариантах, из всего множества потенциально возможных сценариев. Некоторые из них описывались в предыдущих работах, в частности, в специальной книге «Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года»³⁹. Таких теоретически возможных сценариев развития МО может быть неограниченное количество. И, естественно, их переход из статуса «возможного сценария» в статус «вероятного сценария» должен внимательно отслеживаться. Более того их анализ должен всегда сопровождать анализ вероятных сценариев как неожиданная альтернатива.

Вместе с тем, именно наиболее вероятный вариант сценария после 2025 года, нас интересует более всего потому, что, в конечном счете, этот сценарий, во-первых, окажется, в конце-концов, единственным реальным, а, во-вторых, к нему надо готовиться уже сегодня. Таким образом, мы наблюдаем очевидное противоречие: с одной стороны, мы не можем «гарантированно» спрогнозировать будущий сценарий развития МО (и его вариантов), а, с другой, — нам в любом случае придется к чему-то готовиться.

В случае реализации «пессимистического» варианта сценария развития США, они могут выделить огромные ресурсы для военно-силового уничтожения своих противников, прежде всего, исламскую, китайскую, российскую ЛЧЦ.

Выбор того или иного варианта это не выбор между войной и миром, а выбор в пользу военно-силового противоборства.

Разрешить это противоречие можно только выделив из всего спектра возможных сценариев какой-то один, наиболее вероятный. И именно этот, — наиболее вероятный вариант выбранного сценария, —

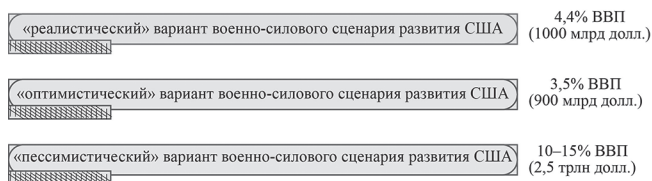

Рис. 4.30. Распределение ресурсов в зависимости от того или иного варианта развития США (% ВВП) после 2025 года

взять за основу внешнеполитической стратегии и военной политики, базой для последующего стратегического планирования. Даже теоретически государство и общество не могут готовиться ко всем сценариям развития МО–ВПО, а тем более их вариантом. Даже самый точный прогноз может позволить, в конечном счете, указать на наиболее вероятный вектор развития МО–ВПО, который будет корректироваться множеством конкретных обстоятельств и условий, которые невозможно предусмотреть. И, тем не менее, государство должно выбрать один из базовых прогнозов развития МО–ВПО, как минимум, для выделения приоритетов своего развития и распределения ресурсов.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития США, а так же, как следствие, — МО и его варианты — указывают на необходимость:

- переоценки внешнеполитических приоритетов России с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов — идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
- пересмотра планов оборонного строительства, прежде всего с учетом специфики навязываемой системной, сетецентрической и сетевой войны.

Но прежде всего, необходимо признать, что современная «точка отсчета» развития существующего сценария США и МО уже говорит о начале против России сетецентрической войны и сделать соответствующие политические выводы. Такое смелое решение, естественно,

потребуется веского обоснования (хотя никто не может гарантировать абсолютной точности такого обоснования), которое имеет огромное последствие для государства. От этого прежде всего зависит ресурс времени, который является очень важным, а иногда и невозполнимым ресурсом в современной обстановке. Ошибка, например, в оценке со стороны руководства СССР с точной датой войны с Германией на 2–3 недели (т.е. радикального изменения ВПО) привела не только к разгрому в короткие сроки Западного и Юго-Западного фронтов СССР, потере миллионов солдат, тысяч танков и самолетов, но и радикальному изменению в МО — вступлению на стороне Германии в войну целого ряда европейских государств, которые поспешили присоединиться к будущему победителю.

Подготовка к современной войне занимает уже не годы, а десятилетия. Она требует не только новых НИОКР, но и фундаментальных исследований, разработки новых технологий, а также существенных корректив в существующей военной организации государства и управлении страной, обществом и вооруженными силами, нового качества национальной мобилизации.

В нашем случае, когда руководство страны ориентируется на негативные сценарии, допускается высокая вероятность экстраполяции нынешнего негативного сценария развития МО (и его «реалистического» варианта) не только до 2025 г., но и далее. При этом «точка отсчета» перехода «реалистического» варианта в «пессимистический» может быть пройдена уже в 2016–2017 годах, а с 2021 года прогнозируется доминирование «пессимистического» варианта Сценария, а именно перехода системного и сетецентрического противоборства в открытую фазу вооруженной борьбы на всех ТВД. Это означает, что системность и сетецентричность в использовании всех сил и средств западной ЛЧЦ против России будут в значительной степени трансформированы в ведение уже не только силовой, но и открытой вооруженной борьбы. Та ведущаяся гибридная война против России, о которой в апреле 2015 года говорил командующий Западным округом А. Сидоров, будет существенным образом трансформирована в вооруженную борьбу сразу на нескольких ТВД, а затем и глобально. В немалой степени именно «благодаря» нарастающему в 2015–2021 годы противоборству между ЛЧЦ.

Таким образом, признание в качестве наиболее вероятного «пессимистического» варианта развития сценария «Глобального военно-силового противоборства ЛЧЦ» после 2025 года диктуется не только соображениями логики и вития МО, но и обстоятельствами вынужденного характера: для нейтрализации негативных последствий развития подобного негативного сценария МО необходимо уже в настоящее время принять срочные и масштабные меры, включая мобилизацию национальных ресурсов, от которых после 2021 года будет зависеть выживаемость государства и нации. Учитывая бескомпромиссность межцивилизационного противоборства, исключающую компромиссы, риски сохранения национальной идентичности и государственного суверенитета требуют исходить именно из этого, «худшего» сценария.

Самое трудное, но и самое важное, это определить появление новых парадигм и степень их влияния на сценарий развития того или иного субъекта МО или в целом на МО–ВПО–СО. При этом существует известная закономерность: чем менее известна и заметна новая парадигма, тем сильнее может быть ее влияние.

Кроме базового сценария «Военно-силового противоборства» США как лидера западной ЛЧЦ, в основе которых лежит инерционный сценарий и его вариантов, сложившийся к 2025 году, на основе существующих парадигм требуется попытаться рассмотреть, как минимум, несколько сценариев, которые возможно и даже вероятно возникнут на базе новых парадигм.

4.3. Варианты развития США после 2025 года, основанные на известных новых парадигмах

Мы можем стать свидетелями противостояния группы стран во главе с Соединенными Штатами контролирующими доступ к глобальным финансам, передовым технологиям и талантам, с одной стороны, и государств индустриальной экономики, в том числе держав БРИКС, доступ которых на развитие рынка будет всячески ограничиваться — с другой⁴⁰

*А. Безруков,
доцент МГИМО*

Сценарий развития США после 2025 года и его конкретные варианты, в основе которых лежат известные новые парадигмы, представляется одним из наиболее вероятных и перспективных. Действительно, в 2017 году стало ясно, что в мире начали происходить радикальные изменения в основных парадигмах развития, которые уже нельзя отнести к простым случайностям⁴¹. В частности,

- нельзя не признать, что относительно мирный период развития человечества закончился: ежедневно и еженедельно все последние годы мы являемся свидетелями роста международной напряженности, войн, террористической активности и пр. эскалации силовых действий между различными субъектами МО;
- произошло резкое обострение противоречий между ЛЧЦ, причем западная ЛЧЦ во главе с США избрала откровенно военно-силовой сценарий противоборства;
- экономически и технологически западная ЛЧЦ будет стремиться ограничить влияние других ЛЧЦ.

В отличие от предыдущего («инерционного») сценария развития США после 2025 года этот сценарий и его варианты предполагает существенное влияние принципиально новых, но уже относительно хорошо известных факторов, тенденций и парадигм.

Эти известные тенденции достаточно инерционны и оценивались следующим образом (см. табл.).

Данные свидетельствуют о высоких темпах мирового экономического развития (росте ВВП на душу населения) в первой четверти XXI века. Среднегодовой темп прироста составит в 2001–2025 годах 3,3%. Названный показатель мирового экономического развития в фазе процветания большого цикла второй половины XX столетия составлял 3,2%. Тогда основным локомотивом были развитые страны, темп прироста у которых составлял 3,5%. В XXI веке высокие темпы задаются развивающимися странами. У них названный показатель в указанный период ожидается равным 4,4%, тогда как у развитых стран — 2,4%.

Среднегодовой темп прироста мирового ВВП достигнут 4,3%. В этом показателе разница между развивающимися и развитыми странами еще больше (5,5 против 3,1%) за счет более быстрого роста населения в развивающихся странах.

Таблица 4.10. Перспективы мирового экономического развития в разбивке по трем группам стран⁴²

Годы \ Страны	Развитые	Развивающиеся	Переходной экономики	Все
Численность населения, млрд. человек				
2000	861,1	4767,2	409,9	6038,2
2025	940,0	6390,0	410,0	7740,0
2050	990,0	7150,0	410,0	8550,0
ВВП на душу населения в ценах и по ППС 2000г., тыс. долл. США				
2000	28,9	3,7	6,5	7,5
2025	57,8	10,7	22,0	17,0
2050	87,5	22,4	40,8	30,8
ВВП в ценах и по ППС 2000г., трлн. долл. США				
2000	24,9	18,0	2,7	45,6
2025	54,3	68,0	9,0	131,3
2050	86,6	160,0	16,7	263,3

По всем прогнозам, в рамках первой четверти XXI века развивающиеся страны впервые превзойдут по размеру ВВП развитые страны. Мир станет многополярным. Это подкрепляется и данными Таблицы. В 2025 году по величине ВВП, рассчитанном по ППС, Китай превзойдет США, а Индия — Японию. Бразилия к этому же сроку опередит Германию. По размеру ВВП на душу населения развивающиеся страны в среднем достигнут уровня благосостояния развитых стран конца 1960-х годов.

Во второй четверти XXI века темпы мирового экономического развития существенно замедлятся. Среднегодовой темп прироста мирового ВВП на душу населения составит 2,4%, т.е. будет ниже показателя первой четверти на 0,9 процентного пункта. Еще более резким будет снижение интенсивности роста ВВП (до 2,8%, т.е. на 1,5 процентного пункта) в связи с замедлением роста численности населения.

К середине XXI века развивающиеся страны по величине ВВП займут доминирующее положение в мировом хозяйстве. Не только Китай, но и Индия превзойдет США по этому показателю. Развитые страны сохраняют свои позиции как лидеры научно-технического и организационного прогресса. Развивающиеся страны в целом по величине ВВП на душу населения приблизятся в 2050 году к показателю Западной Европы конца XX века. Их достижение будет ниже показателя развитых стран 2050 года примерно в 4 раза и меньше показателя стран переходной экономики того же года — в 2 раза. Отставание развивающихся стран от развитых по величине ВВП на душу населения за 50 лет сократится вдвое.

Еще в 2008 году считалось, что умеренно благополучная картина экономического развития мира подразумевает отсутствие крупных военно-политических конфликтов, сопоставимых с мировыми войнами XX столетия. Ожидаемое более равномерное распределение экономической мощи способствует формированию многополярного мира, конструкции более устойчивой по сравнению с той, когда одна страна или узкая группа стран навязывает или имеет искушение навязать свою волю остальному миру.

Повышение уровня экономического развития в развивающихся странах и странах переходного периода позволяет надеяться, что проблема устранения нищеты и голода уже к концу первой четверти XXI века в глобальном масштабе будет снята с повестки дня.

Таблица 4.11. Крупнейшие страны мира по величине ВВП

Страны Годы	США	Япония	Китай	Индия	Бразилия	Россия
Численность населения, млрд. человек						
2000	285	128	1275	1017	172	145,6
2025	340	125	1450	1335	215	140,0
2050	375	122	1400	1550	235	140,0
ВВП на душу населения в ценах и по ППС 2000г., тыс. долл. США						
2000	35,2	25,8	4,0	2,5	7,7	7,3
2025	63,0	50,4	17,2	10,7	20,5	20,9
2050	97,5	73,1	36,0	25,4	42,9	38,7
ВВП в ценах и по ППС 2000г., трлн. долл. США						
2000	10,0	3,3	5,1	2,5	1,3	1,1
2025	21,4	6,3	24,9	14,3	4,4	2,9
2050	36,6	8,9	50,4	39,4	7,4	5,4

Следует ожидать обострение проблемы обеспеченности природными ресурсами, защиты и оздоровления окружающей среды. Причем проблема природных ресурсов и экологии могут принять характер глобального кризиса. К такому предположению подвигают целый ряд обстоятельств.

Во-первых, наиболее высокие темпы экономического роста ожидаются в крупных по численности населения странах, переживающих этап индустриализации. Индустриализация связана с большей энергоемкостью и материалоемкостью производства, нежели постиндустриальное развитие, в которое вступили передовые страны.

Во-вторых, для развивающихся стран недоступны, в силу дороговизны, продвинутое безотходные технологии, которые служат экономии энергии и материалов и одновременно снижают загрязнение окружающей среды. Основные устремления этих стран в первой

четверти XXI столетия связаны повышением уровня материального благосостояния.

В-третьих, обеспечение природными ресурсами потребует разведки и освоения природных месторождений на труднодоступных территориях, что приведет к удорожанию сырья.

В-четвертых, проблема оздоровления окружающей среды уже приобрела весьма острый характер в густо населенных развивающихся странах, что негативно отражается на здоровье населения.

Вторая четверть текущего столетия будет характеризоваться большим акцентом на улучшении качества жизни, наряду с повышением материального благосостояния. Научные исследования и стандарты в области производственной деятельности будут нацелены на снижении затрат природных ресурсов, оздоровление окружающей среды, повышение уровня и качества образования и здравоохранения.

Замедление экономического роста в мировом масштабе во второй четверти XXI века, вызванное наступлением нисходящей волны большого цикла и вздорожанием природного сырья, облегчит преодоление сырьевого и экологических кризисов.

С точки зрения развития этого сценария развития США после 2025 года, например, достаточно определенно выделяются три конкретных варианта развития военно-силового сценария. При этом варианты другого сценария, которые будут рассмотрены ниже, основанного на новых парадигмах, носят исключительно важный, но достаточно умозрительный характер. В этих целях можно условно определить понятия «влияние» и «доминирование» новых парадигм по следующим критериям:

- отношение влияния новых парадигм и, соответственно, доминирование прежних парадигм, как 20 : 80;
- и, наоборот, доминирование новых парадигм и соответственно влияние старых парадигм, как 80 : 20.

В этом случае рассмотренный выше базовый «Сценарий № 1» развития США после 2025 года соответствует понятию «влияние новых парадигм», а базовый «Сценарий № 2», наоборот, — «доминированию новых парадигм», а степень влияния этих парадигм оценивается, соответственно, как 20 : 80 и 80 : 20.

В качестве примера можно привести экономику США, где новым парадигмам (новому экономическому укладу, социальной структуре,

новой политике и т.п.) по некоторым оценкам соответствует до 10% экономики и ее структуры, но ожидается, что к 2025 году это соотношение достигнет 50/50. Это означает равную вероятность (как это видится сегодня) продолжения как «Сценария № 1», так и развитие «Сценария № 2» после 2025 года.

Китай вскоре обгонит Соединенные Штаты по развитию цифровой экономики. Согласно расчетам аналитиков Statista, цифровой рынок Китая опередит американский уже в 2018 году. В результате Китай станет крупнейшей цифровой экономикой мира.

Диаграмма ниже показывает прогноз развития цифровых рынков B2C в США, Китае и ЕС5. Ожидаемая выручка цифрового рынка B2C в 2018 году в Китае составляет \$765 млрд, таким образом, выдвигая страну в лидеры мирового рынка. В США же выручка ожидается на уровне \$698 млрд, а в Европе \$434 млрд⁴³.

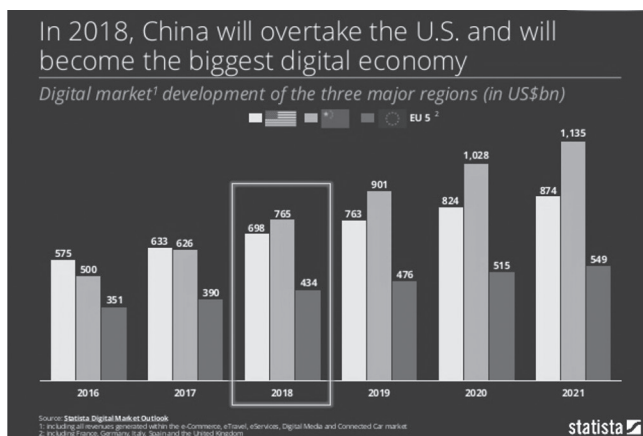

Рис. 4.31. В 2018 году Китай обгонит США и станет крупнейшей цифровой экономикой⁴⁴

Таким образом, доминирующий Сценарий развития США до 2025 года — «Военно-силовое противостояние», — станет исходной базой для превращения в один из двух базовых сценариев развития США после 2025 года — «Сценария № 1» («Развитие на базе прежних парадигм») и «Сценария № 2» («Развитие на базе новых парадигм»), которые будут определяться, прежде всего, достигнутым соотношением

между старыми и новыми парадигмами к 2025 году и теми вариантами развития до 2025 года, которые будут доминировать.

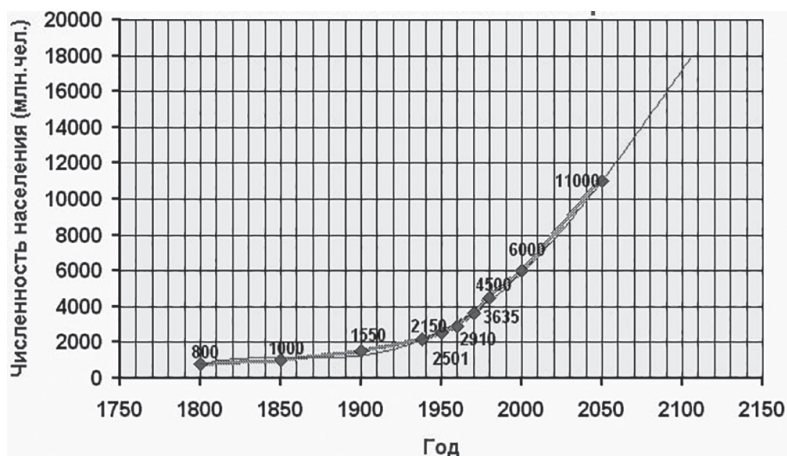

Рис. 4.32. Рост численности населения мира⁴⁵

Причем важно оговориться, что такое соотношение между влиянием новых парадигм у двух Сценариев может быть не только явным, например, 30/70, но и гибким — 40/60 или даже определяться их равновесием в каждой из отдельных основных сфер жизнедеятельности: политике, экономике, социальной области и т.д. В самом общем виде логику этого развития будет определять следующая модель сценариев и их вариантов развития США, на основе новых парадигм, которая носит, естественно, абстрактно-логический характер.

И количество сценариев, и количество вариантов может быть разным в зависимости от подхода исследования и глубины анализа, а также имеющихся для этих целей ресурсов.

Таким образом, ключевым фактором долгосрочного прогноза развития США будет являться **соотношение влияния** новых и старых парадигм развития, которые будут формироваться до этого, а именно, в период 2017–2025 годов. Если внутренние парадигмы политики США (например, победа «белого» национализма или какого-то из национальных/этнических меньшинств) сменят существующую, то это, безусловно, отразится на всем развитии США и их стратегии в мире.

Рис. 4.33. Логика развития сценариев и их вариантов США с 2025 по 2040 годы в зависимости от степени влияния новых парадигм

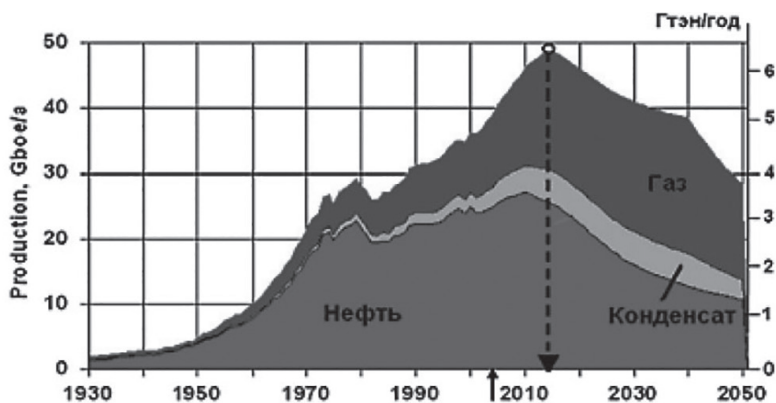

Рис. 4.34.⁴⁶

Подробная эта логика описана в специальном исследовании RAND-корпорации, опубликованном в марте 2017 года.

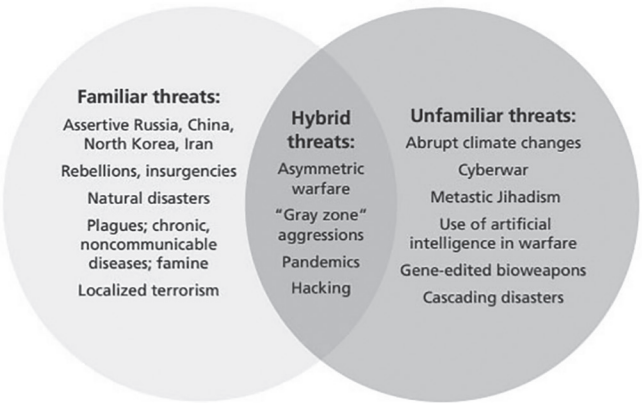

Рис. 4.35. Известные и неизвестные угрозы⁴⁷

Эта логика раскрывается ниже подробнее в деталях.

Таблица 4.12. Characteristics of Challenges

Variable	Familiar	Hybrid	Unfamiliar
Characteristics	Problems, however intractable or expensive, that the United States has managed or overcome before Remedies are known, however difficult to apply Often arise from states that break the international rules and therefore can be addressed by traditional tools of statecraft May be law enforcement or public health problems	Emerging problems that have familiar and unfamiliar characteristics that require new thinking or responses May emerge from a concatenation of developments that might be manageable individually but create chaos when one compounds another	United States has little or no experience Deterrence likely does not apply Solutions require extensive international cooperation Remedies are unknown, or existing methods or technologies are unproven or prohibitively costly May combine with other factors to cause cascading failures or compounding problems May also generate unforeseen opportunities

Variable	Familiar	Hybrid	Unfamiliar
Examples	Great-power competition among states, sometimes leading to warfare.	Hybrid warfare — the blending of regular warfare (identified troops), with irregular warfare (unmarked troops, sabotage, infiltration), making it difficult to identify the adversary	Hybrid warfare + cyberattack
	Major-power nuclear adversaries	Nuclear proliferation to more, smaller states	Proliferation of nuclear materiel or weapons to terrorists or unstable polities.
Examples (Continued)	Insurgencies within states Rebellion and civil war Religious wars	Transnational insurgencies, revolutionary movements that transcend regions and have international ideological appeal (Spanish civil war, Communist revolution)	State capture by terrorists Infiltration of experienced foreign fighters Self-radicalization
	Espionage Sabotage Physical attacks on critical national infrastructure in wartime	Hacking of government or corporate computers for the purposes of theft, espionage, extortion, or embarrassment	Cyberwar causing physical infrastructure damage, such as blackouts, failure of dams or water supplies, paralysis of financial system Hacking to falsify election results.
	Pollution Natural disasters Conflict over resources Refugee crises	Transnational pollution (acid rain, ozone damage) Greenhouse gas warming and its effects on energy, transportation, water, agriculture, health, and migration	Abrupt climate change advancing with unknown speed and effects, such as rapid sealevel risea or mass migration of climate refugees
	Plagues High rates of noncommunicable disease	Pandemics Increased disease due to warmer temperatures	Antibiotic resistance Genetically modified pathogens

Variable	Familiar	Hybrid	Unfamiliar
	Space race Attacks on ground assets of national space programs	Attacks on satellites or spacecraft in space	Unattributable cyberattack on a satellite
Available tools	Intelligence, diplomacy, defense, deterrence, alliances, economic and military assistance, economic coercion, public diplomacy, subversion, and as a last resort, war	Coordinated international responses to isolate threats; support for improved governance within affected areas; covert instruments where applicable	No known, affordable, feasible tools International cooperation often necessary to develop and enforce solutions
	Actionable intelligence and prompt action are necessary	Anticipation and resilience are necessary	Resilience is imperative to reduce negative consequences

Очень важно пытаться определить силу влияния новых парадигм в таких областях, как:

- наука и техника, технологии;
- социальная трансформация общества;
- появления новых акторов (ИГИЛ, например) или субъектов МО (Южный Судан) в мире;
- резкое изменение в состоянии того или иного субъекта МО;
- и т.д.

4.3.а). «Вариант №1» («Силовое принуждение») базового сценария развития США после 2025, основанного на влиянии новых парадигм

В этом варианте базового сценария будут доминировать парадигмы и тенденции политики, существовавшие до 2025 года, при их дополнении новыми парадигмами: экологическими, демографическими, природно-ресурсными, социальными и др. Этот вариант можно назвать «Силовым принуждением».

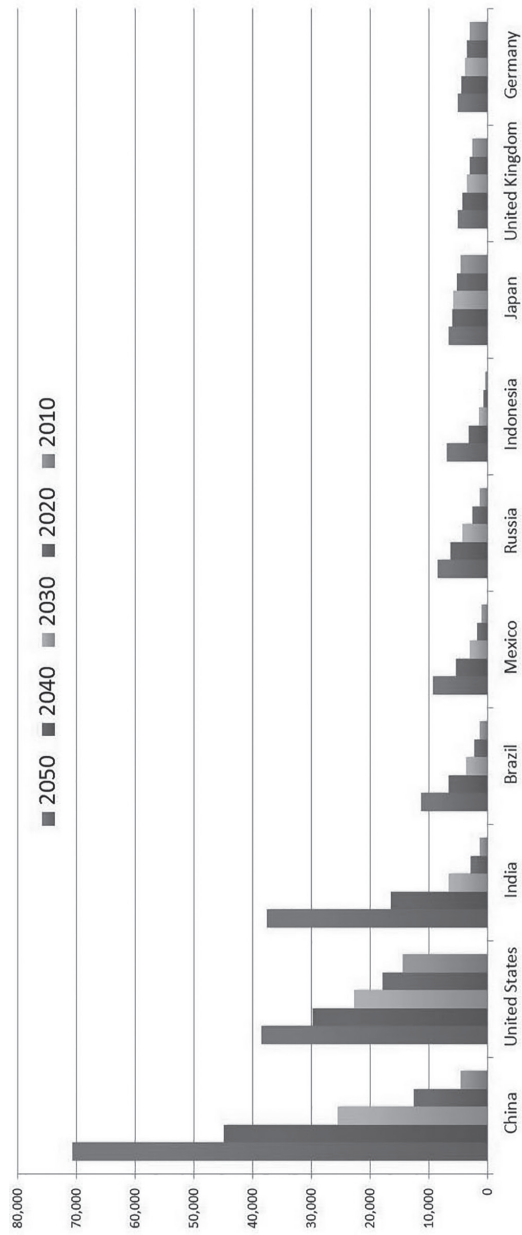
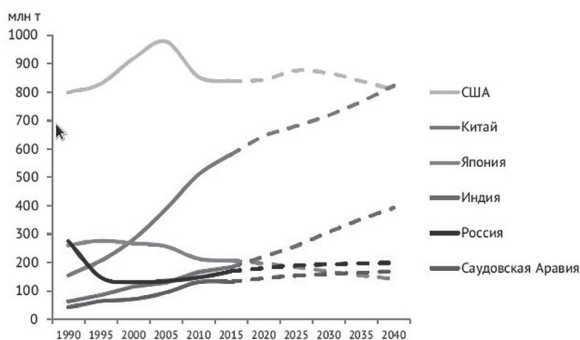

Рис. 4.36.48

Есть основания полагать, что этот вариант сценария может стать основным и наиболее предпочтительным после 2025 года для правящей элиты США в силу ряда обстоятельств, а именно:

- он является «прямым наследником» базового сценария развития США до 2025 года и в силу этого привычным как с политической, так и военно-технической точек зрения;
- временной промежуток (до 2025 года) существования предыдущего варианта сценария относительно мал, а радикальных изменений в МО–ВПО может и не произойти, что не потребует радикального изменения национальной стратегии;
- инерция не только существующих договоров, связей, НИОКР, промышленных производств и технологий диктует изменения в стратегии в том случае, если они крайне, критически необходимы;
- наконец, можно предположить, что реализованная стратегия и сценарий США до 2025 года могут оказаться вполне успешными и вообще не потребовать корректив.

Вместе с тем, «переходный период», в котором находится мир и США, предполагает развитие новых и появление принципиально новых парадигм. При этом основные новые парадигмы ожидаются, прежде всего, в группах, формирующих международную и военно-политическую обстановку в мире.

Источник: ИВЭИ РАН

Источник: Институт энергетических исследований российской академии наук
Аналитический центр при правительстве российской федерации
Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года Москва, 2014
<http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf> стр.49

Рис. 4.37. Крупнейшие нефтяные потребители мира, Базовый сценарий⁴⁹

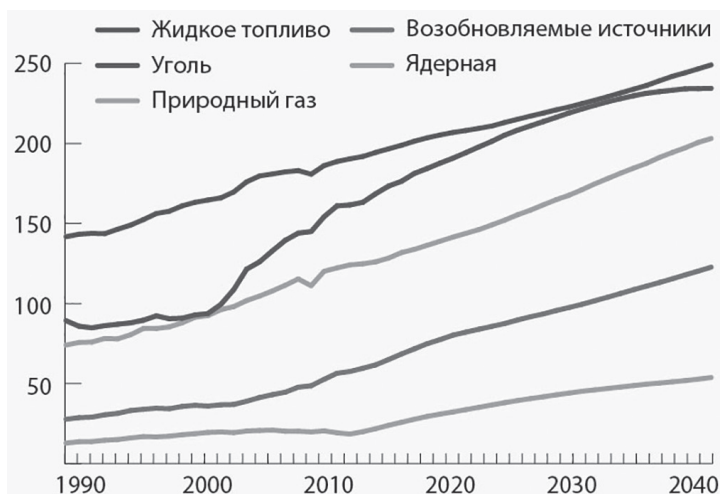

Рис. 4.38. Мировое потребление энергии по видам топлива, 1990-2040 (квадриллионов БТЕ)⁵⁰

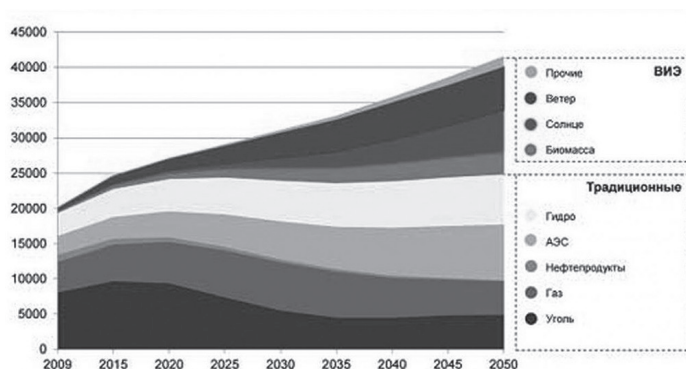

Рис. 4.39. Мировая электроэнергетика 2050: прогноз доли ВИЭ — около 40% от общего объема генерации⁵¹

Ранее, в предлагаемых теоретических и методологических обоснованиях стратегического прогноза развития МО-ВПО и сценариев развития отдельных субъектов, предлагалось выделить эти группы и обозначить взаимосвязь между ними следующим образом:

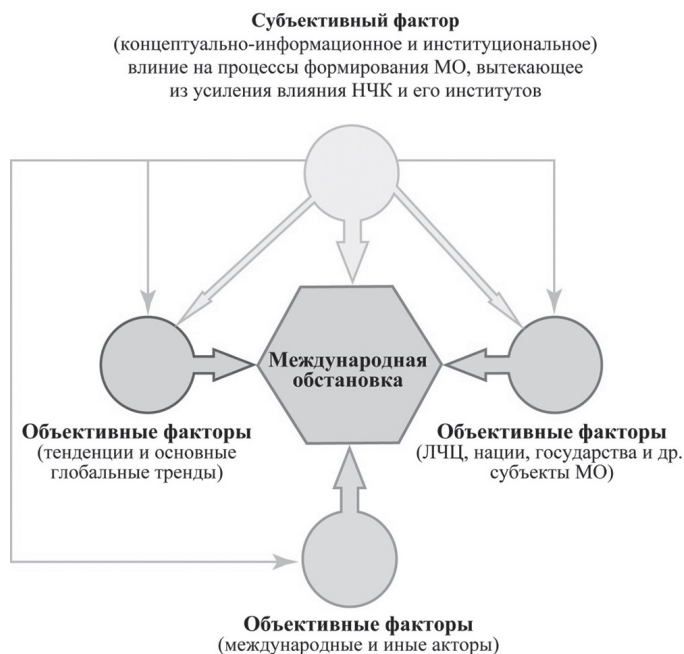

Рис. 4.40. Основные факторы, формирующие международную обстановку

Из рисунка видно, что традиционно существуют известные (но не всегда явные) три группы объективных факторов, формирующих МО, и одна группа — субъективных факторов, — появившаяся в конце XX — начале XXI века в качестве самостоятельной группы. Ее возросшее влияние на формирование МО связано с развитием значения национального человеческого капитала и его институтов, которые в XX веке превратились сначала в главный фактор экономического и социального развития человечества, а позднее и в широкий набор средств и способов влияния на МО и даже ВПО, прежде всего потому, что они ориентированы непосредственно на человека и на область управления — политическую элиту.

Эти новые средства (электронные и сетевые СМИ), интернет и его производные (Веб 2.0 и Веб 3.0), средства связи и пр. значительно опережают в своем развитии способы их использования в общественно-политических целях. Так, массовое применение Веб 2.0 с по-

дачи государственного секретаря США Х. Клинтон началось менее 10 лет назад, превратившись к 2016 году в мощный политический инструмент.

Учитывая, что наиболее приоритетной политической целью в XXI веке стали правящие элиты наций и государств, новые средства и способы влияния на НЧК, общество, его институты превратилось в наиболее эффективный набор политических инструментов, который занимает главное место в политике «новой публичной дипломатии»

В стратегии ведущих западных государств в XXI веке произошли два качественных изменения в основных областях — целях стратегии и средствах стратегии, — что, естественно, неизбежно отразилось и на смене способов применения тех или иных средств. Как, впрочем, и всегда способы (военное и политическое искусство) появлялись вслед за средствами.

Таблица 4.13.

Стратегия XX в.		Стратегия XXI в. («новая публичная дипломатия»)	
Цель:	Армия, государство, институты государства, столицы, промышленность	Цель:	Правящая элита, общество, система ценностей, нормы, общественные институты и НЧК
Средства:	Политические; военные; экономические; дипломатические	Средства:	Информационные; психологические; институты НЧК; дипломатические; политические; экономические; военные
Способы:	Военные конфликты; войны; шантаж; интервенции; блокады и т.д.	Способы:	Информационно-психологическое воздействие Давление на правящую элиту и общество; Институты НЧК и публичной дипломатии

Резко возросла в XXI веке тех средств, которые могут являться инструментами влияния НЧК на политику. Так, например, университеты превратились в мощные инструменты влияния не только внутри страны (спорят, например, о том, кто сильнее лоббирует кандидатов на пост президента США от Демократической партии — кланы Кеннеди, Клинтона или Гарвард), но и за рубежом, которые по степени своего влияния соперничают с государственными институтами. Достаточно сказать, что объем финансирования крупного университета США равен российскому федеральному бюджету на образование.

В еще большей степени это влияние НЧК и его институтов чувствуется на политической позиции наиболее активной части общества — среднего и особенно креативного класса, — формирующих политическую повестку дня уже не только в развитых, но и развивающихся государствах. Так, идеи и средства (сетевые СМИ, например) креативных слоев населения, которые были соответственно настроены, играли ведущую роль в «цветных революциях» в Грузии, Египте, на Украине и др. странах.

Ниже мы подробнее рассмотрим способы формализации количественных, а также качественных оценок трех основных групп объективных факторов, формирующих МО и ВПО. Здесь же важно подчеркнуть, что воздействие на МО группы субъективных факторов влияния (чье значение в XXI веке существенно возрастает) может быть измерено только качественно. Это — намерения («intentions»), симпатии, предпочтения, системы ценностей и личные интересы отдельных личностей: политических лидеров и других представителей правящих элит, а также влияние институтов развития НЧК, которое не всегда легко определить, хотя оно и огромно.

Если четыре группы объективных факторов можно систематизировать, анализировать, а их развитие прогнозировать, то влияние группы субъективных факторов необходимо учитывать иными способами, требующими самостоятельного теоретического и методологического обеспечения, а, главное, — политического внимания.

Очевидно, что даже официальные взгляды, какими является, например, Военная доктрина РФ, выражают в лучшем случае более точный и обоснованный подход, который, однако, является всего лишь точкой зрения, позицией одной части правящей элиты в конкретный период времени. Так, уточненная Военная доктрина России, приня-

тая в декабре 2014 года, является именно уточненным вариантом Военной доктрины 2010, а та — Военной доктрины 1999 года. Примечательно, что между двумя последними вариантами Военной доктрины прошло чуть более четырех лет, однако развитие ВПО потребовало новой редакции. Не случайно и то, что в новой редакции наибольший приоритет уделен описанию «мирового развития» и «глобальной конкуренции», «перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения», а также «соперничества ценностных ориентиров».

В действительности суть современного процесса формирования МО и ВПО вытекает из противоборства локальных цивилизаций и формирования соответствующих сценариев развития будущей МО и СО и будущих войн, т.е. во многом из ценностного противоборства, борьбы за лидерство, т.е., в конечном счете, понимание элит. Она имеет мало общего с прежними представлениями об отношениях государств в XX веке и, тем более, попытками их прогноза на будущее. Эта новая суть МО прямо вытекает из признания качественно нового характера военно-политической и международной обстановки, а также принципиально новых средств вооруженного насилия. Признание того, например, что МО и ВПО в XXI веке качественно, радикально отличаются от обстановки в XX веке. Эта новая суть требует рассматривать новую парадигму МО, а не механически экстраполировать МО, сложившуюся в XX веке, на XXI век, что особенно заметно на той части МО, которая непосредственно относится к ВПО:

- соотношение и расстановка сил в мире (включая военные) становится совершенно иной: формируются новые центры силы на базе ЛЧЦ и их коалиций; это хорошо понимают лидеры западной ЛЧЦ, которые пытаются, в том числе, силовыми средствами сохранить контроль над МО и ВПО;
- произошла революция в средствах ведения войны (ВиВТ), когда системы управления, связи и разведки стали решающими характеристиками, определяющими эффективность ВС и военной силы;
- радикально изменились способы ведения войны (военное искусство);
- появились совершенно новые пространства для ведения войн, прежде всего, воздушно-космическое, глобальное (на море и суше), информационное;

— изменилось представление о времени, необходимом для начала и ведения войны, а также множество иных представлений.

Эти и другие радикальные изменения привели к качественному изменению не только всего характера СО, войн и конфликтов, сделав их частями, производными от глобальных цивилизационных факторов, что ярко проявилось в концепции «сетевой войны». Это же, в свою очередь, стало мощным стимулом для усиления влияния субъективного фактора на формирование МО.

Война — как высшая форма социального конфликта — обладает множеством решающих субъективных особенностей, которые затем влияют уже на более высокие уровни формирования ВПО и МО. Достаточно привести примеры войны 2014 года на Украине, где эти особенности проявились очень ярко. Так, появление небольшой патриотической группы решительных людей во главе с И. Стрелковым в Славянске привело к началу вооруженного восстания и изменению, в конечном счете, не только ВПО, но и МО во всем регионе. И, наоборот, отсутствие такой активной группы в Харькове и Одессе не позволило «сепаратистам» оказать достаточное сопротивление и захватить власть.

В итоге формирование всей СО, а затем и ВПО и МО вокруг восточных регионов Украины стало следствием во многом субъективного частного случая — решимости нескольких десятков людей, возглавлявшихся И. Стрелковым. Более того, до этого, в Крыму, произошло ровно то же самое: несмотря на противодействие объективных факторов (власть, ресурсы, вооруженное насилие и т.п.), субъективная воля отдельной группы граждан Крыма в короткие сроки изменила стратегическую обстановку, затем — военно-политическую обстановку и, наконец, международную обстановку вокруг Крыма, втянув в себя все сколько-нибудь влиятельные субъекты, объективно формирующие МО.

Субъективность, таким образом, выражается в сознательном приближении, даже интеграции особенностей стратегической обстановки (т.е. конкретных условий силовой и вооруженной борьбы) с международной обстановкой. В XXI веке прежняя жесткая логика и иерархия МО–ВПО–СО меняется на «смыкание флангов» — при формировании сценариев МО и СО. Средством для этого становится сетевая и сетецентрическая война, которые трансформируются из

средства политики в важнейшие атрибуты и особенности. Этот феномен хорошо виден на примере войны в Сирии, где произошла интеграция средств «новой публичной дипломатии и информационно-психологической войны, с одной стороны, и вооруженных действий ВКО РФ, Сирии, Ирана и курсов, — с другой.

Растущее значение субъективных факторов особенно важно учитывать с точки зрения возможности влияния на правящие элиты отдельных государств и разработки специальных средств и методов такого влияния в качестве политических инструментов. Так, например, информационно-психологические средства воздействия на представителей правящей элиты, меры ограничения их доступа к финансовым ресурсам, банковским активам, счетам за рубежом, выезды в служебные и частные зарубежные поездки и т.д. можно с полным основанием рассматривать как средства влияния на отобранных специально представителей правящей элиты, что наглядно было видно на примере санкций в отношении отдельных деятелей РФ в 2014–2016 годы. Введение, «дозирование» и распространение этих санкций на отдельные группы лиц и корпорации превратилось в систему мер принуждения представителей правящей элиты России в рамках политики «новой публичной дипломатии».

Постепенно происходила интеграция всех силовых средств политического влияния и воздействия в некую стратегию, которая охватывает индивидуальные, даже частные объекты и весь возможный спектр воздействия, получившую название «сетевая стратегия». Этот военный термин, предполагающий интеграцию систем разведки и управления со средствами поражения, оказался очень удачным для иллюстрации новой военно-политической стратегии западной ЛЧЦ.

Суть современной сетевой, системной и «сетевой войны» (которая не имеет начала и конца, ведется постоянно, без формального объявления войны и соблюдения каких-либо договоренностей) заключается в максимально широком использовании любых средств — политических, экономических, информационных, психологических, военных и других для достижения конечной и глобальной геополитической цели. Естественно, что в такой широкий спектр средств входят и средства, которые относятся к «нетрадиционным» военным средствам — подготовки экстремистских и террористических

групп на территории противника. В СССР и России такая подготовка велась особенно активно с конца 80-х годов XX века.

Суть этой стратегии также выражается в том, что силовые и военно-силовые (вооруженные) действия ведутся, не только системно, но и одновременно, и скоординировано на всех уровнях, против множества целей, как правило, изначально, либо планируются такими с самого начала. В самом общем виде эта суть может быть выражена в следующей матрице «сетевых войн», где масштабы и интенсивность применяемых средств условно распределены от 1 до 20:

Используемые средства	Масштабы и интенсивность						
	1	2	3	5	10	15	20
1. Политические							
2. Дипломатические							
3. Информационные							
4. Экономические							
5. Финансовые							
6. Общественные							
7. Гуманитарные							
8. Военные							
9. Военно-технические							
Другие (специальные)							

Рис. 4.41. Суть современной «сетевой войны»
(на примере войны США-ЕС против России на Украине
в 2014-2016 гг.)

Из этой матрицы видно, например, что собственно военные и военно-технические средства используются параллельно и в разных масштабах с другими силовыми средствами, что отражало суть сетевой войны против России на данном этапе (2014–2016 гг.). При этом акцент делается, очевидно, на силовых (информационных, экономических) мерах, а вооруженные средства используются пока ограниченно, в рамках спектра специальных мер — создания оппозиционных и экстремистских, а также (при возможности) террористических групп на территории противника.

Конфликт на Украине в этом смысле был очень показателен: не только госсекретарь США, но и его пресс-секретари (вспомним «псакизмы») и даже ООН, ОБСЕ и другие международные институты, «вдруг» претерпели мгновенную трансформацию, превратившись в средства ведения не «чистой» политики, а сетцентрической войны на стороне западной ЛЧЦ.

Так, например, можно предположить, что развитие демографических тенденций в мире повлияет на внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию в США заметным образом. В частности, быстрое демографическое развитие стран Африки и особенно Латинской Америки неизбежно отразится на социально-экономической обстановке в мире и отношениях между США и этими государствами.

Эти изменения неизбежно приведут к дальнейшему пересмотру основных положений политического и военного искусства в целях их адаптации к новым международным реалиям. В целом вариант «Силовое принуждение» военно-силового сценария развития США предполагает, что он будет характеризоваться следующими особенностями.

Основные особенности варианта «Силовое принуждение» военно-силового сценария развития США после 2025 года:

- **В области государственного управления** и политики США неизбежны серьезные перемены в военной организации страны. Прежде всего, с точки зрения:
 - мобилизации национальных ресурсов и ресурсов своих союзников по коалиции, к чему активно приступила в 2017 году администрация Д. Трампа;
 - дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в странах, которые рассматриваются в качестве потенциальных противников;
 - создании ресурсов и резервов для ведения глобальных военных операций (например, запасов КР всех типов базирования).

В целом мероприятия в области государственного управления можно отнести как к внутривнутриполитическим (изменениям в политической системе США), так и внешним (отношениям с другими странами).

Реализация варианта «Силовое принуждение» на новом технологическом укладе и на новом уровне общественных отношений может,

например, привести к политике США по отмене у противника не только суверенитета, но и вообще самого государства и его институтов, т.е. превращение существования государства и его институтов в политическую цель войны. Противник должен быть целиком интегрирован (на выгодных для США условиях) в новую экономику и политическую систему США, что потребует полного уничтожения его государства, суверенитета, и системы ценностей, т.е. уничтожения нации Соединенным Штатам будут мешать любые государства, обладающие суверенитетом, а также любые акторы, претендующие на это право.

Другая сторона вопроса — заинтересованность США в ослаблении влияния и уничтожении международных институтов и организаций, находящихся вне их контроля.

Это также означает не только постепенное ослабление позиций ООН, но и в целом международного права, как такового. Цель — заменить международное законодательство, для чего потребуются серьезная политическая и силовая работа по принуждению других государств и акторов.

И первое, и второе невозможно при сохранении национальных систем ценностей, которые США будут девальвировать и адаптировать к американским.

Таким образом, силовая политика США распространится на самые разные, в том числе новые области отношений между государствами и станет объектом силового влияния и прямого воздействия. Среди таких областей необходимо выделить следующие, которые еще к 2025 году должны стать явными объектами влияния и прямой агрессии:

- национальные системы ценностей;
- культура, наука, образование;
- религия;
- правовая система;
- традиции.

Если до 2025 года стратегия принуждения США ставила своей целью подчинение элит воле и управление через них государством, то после 2025 года национальные элиты в качестве политических субъектов должны будут вообще исчезнуть: в новом обществе экономике и политике США будут не нужны альтернативные центры силы в лице государственных институтов других субъектов.

— **В области внешней и военной политики это означает смену политических целей и их приоритетов.** Основными объектами внешнеполитического воздействия после 2025 года станут:

- противостоящие ЛЧЦ: Еще С. Хантингтон заметил, что в будущем «Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. По окончании холодной войны складывается новый мировой порядок, и по мере его формирования, принадлежность к одной цивилизации или, как выразился Х.Д.С. Гринвэй, «синдром братских стран» приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций. О постепенном возникновении этого синдрома свидетельствуют все конфликты последнего времени — в Персидском заливе, на Кавказе, в Боснии. Правда, ни один из — этих конфликтов не был полномасштабной войной между цивилизациями, но каждый включал в себя элементы внутренней консолидации цивилизаций. По мере развития конфликтов этот фактор, похоже, приобретает все большее значение. Его нынешняя роль — предвестник грядущего»⁵².
- системы ценностей и традиции;
- институты нации и государства.

Очевидно, что средства силового воздействия на эти цели также изменятся:

- **во-первых**, расширится спектр силовых средств, непосредственно влияющих на новые политические цели;
- **во-вторых**, собственно военные средства и способы должны будут приспособиться к нанесению ущерба новым целям;
- **в-третьих**, неизбежно должны произойти радикальные изменения в политическом и военном искусстве, т.е. **способах** применении новых ВВСТ.

Очень наглядно эту тему иллюстрируют бывшие помощники начальника Генерального Штаба ВС И. Попов и М. Хамзатов:

В любом случае политические и военные силовые действия в новых общественно-политических, экономических и технологических условиях после 2025 года будут иными потому, что радикально изменятся политические цели и объекты применения военной силы. В середине XXI века потребуются разрушение основ государства и его институтов до основания, включая систему воспроизводства национальной самоидентификации. Это можно сделать только системным силовым сетевым воздействием, когда собственно военная сила выступает в качестве одного из многих средств насилия.

Рис. 4.42. Война вчера, сегодня, завтра...⁵³

Подобные условия формируют и **предопределяют военную политику США**, которая в период 2025–2040 годов будет ориентирована на системное и комплексное использование всех видов насилия: информационного, психологического, дипломатического, военного.

Эксперты справедливо говорят о том, что в XXI веке характер войн претерпит серьезные изменения. Традиционные войны и конфликты между развитыми государствами уже фактически исчезли.

Соответственно и классическая военная наука должна сделать выводы из того факта, что, как правило, военные столкновения происходят между очень разными по военной мощи и другим показателям противниками.

В 2020–2025 годы традиционная война окончательно уступит место «асимметричным конфликтам» даже между ведущими державами, которые будут использовать друг против друга своих союзников, либо искусственно создавать «облачного противника». В 2016 году, например, в США было признано ошибочным использовать в конфликтах большие массы войск», чья эффективность в Ираке и Афганистане оказалась низкой.

Как видно из рисунка И. Попова и М. Хамзатова, «матрица» военных конфликтов оказывается значительно разнообразнее традиционных представлений.

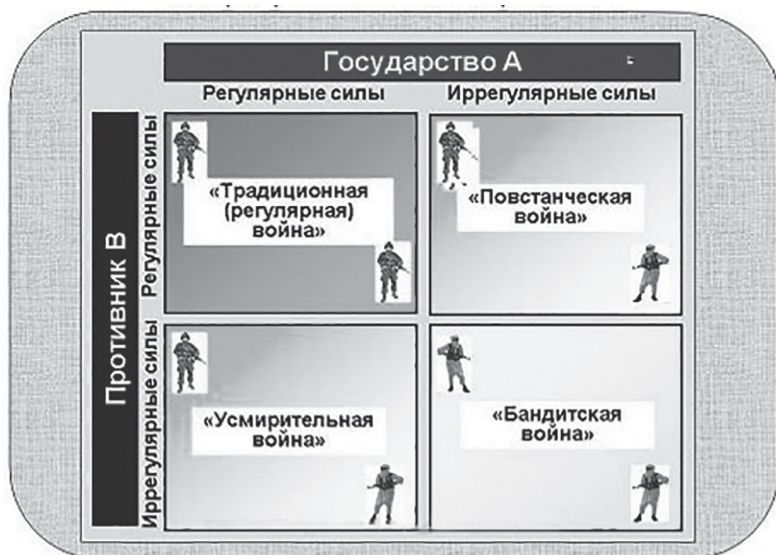

Рис. 4.43. Матрица военных конфликтов⁵⁴

В действительности даже это очень упрощенное представление о характере войн и конфликтов в XXI веке заставляет предположить с полным на то основанием, что после 2025 года любой конфликт

будет по своей сути «асимметричен», похож на «слоеный пирог», когда в нем участвуют в разной степени все силовые возможности государства и коалиции. Логическая схема, иллюстрирующая этот тезис, может выглядеть следующим образом:

Таблица 4.14. Логическая схема системного «асимметричного» военного конфликта после 2025 года

Все виды и способы и силового воздействия (по приоритетности)	Цель/объект	Средства силового воздействия
– дезинформация	– система ценностей	СМИ, интернет, социальные сети, образование
...	...	...
– санкции, бойкот	– экономическая структура	– экономические и финансовые операции
– военные операции – локальные; – ТВД; – глобальные	правящая элита	
– комплекс, системное воздействие	нация	все средства: системно и комплексно

В частности, можно привести пример с использованием социальных сетей. Так, правительство США определяет цифровую дипломатию как применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями интернета. Цифровая дипломатия США — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитой зарубежных государств, методами публичной дипломатии Web 2.0 являются «размещение радио- и теле передач в сети интернет, распространение в открытом доступе литературы

о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонифицированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны».

Реализация программ цифровой дипломатии США проводится с опорой на крупные компании интернет-индустрии, среди которых лидирующие позиции занимает корпорация Google. Отправной точкой для активизации политики Государственного департамента в цифровой сфере стало осознание потенциала воздействия интернета на значительное число пользователей персональных компьютеров и обладателей мобильных телефонов в мире. Действительно, на сегодняшний день более 30 % населения планеты являются активными пользователями интернета, и цифра эта постоянно растет⁵⁵.

Публичная дипломатия Web 2.0. — это механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством следующих методов: размещение радио и телепередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонифицированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны.

Программы интерактивного радио и телевидения позволяют правительству США быстро достигать потребителей, мгновенно получать обратную реакцию (feedback) аудитории и, как следствие, изменять содержание своей информационной пропаганды. Электронные журналы о США оказывают влияние на молодежь, которая воспринимает информацию через визуальные и клиповые образы. Мониторинг социальных сетей позволяет Вашингтону направлять дискуссии блогеров в нужное русло и мобилизовать группы протестной молодежи и диссидентов. Создание персональных страничек представителей политического истеблишмента на таких платформах, как Facebook и Twitter, способствует выстраиванию реального общения между представителями Вашингтона и участниками социальных сетей. Наконец, рассылка SMS-сообщений на мобильные телефоны зарубежных граждан позволяет правительству США добраться до той части аудитории, которая не имеет доступа к сети Интернет.

В таблице представлены особенности традиционной публичной дипломатии и публичной дипломатии Web 2.0⁵⁶.

**Таблица 4.15. Особенности традиционной публичной дипломатии
и публичной дипломатии Web 2.0**

Характеристики	Традиционная публичная дипломатия	Публичная дипломатия Web 2.0
Цель	Продвижение внешнеполитических интересов США	Продвижение внешнеполитических интересов США
Методы реализации	Информационная пропаганда через печатные СМИ, радио и телевидение; образовательные обмены; программы в области культуры	Информационная пропаганда через интернет-телевидение, социальные сети и мобильные телефоны
Основная целевая зарубежная аудитория	Элита зарубежного государства.	Молодежь, имеющая протестные настроения; диссиденты
Методы продвижения основной темы среди целевой аудитории	Одностороннее информирование зарубежной целевой аудиторий	Диалог с зарубежной целевой аудиторий

Сказанное означает, что после 2025 года военная организация США будет включать все возможные средства и способы силового принуждения, а не только собственно военные, а война перестанет быть только войной, а станет набором «силовых альтернатив» принуждения.

4.3.6). Вариант № 2 базового сценария развития США после 2025 года («Решительное уничтожение»).

Высшее американское военно-политическое руководство неоднократно планировало применить тактическое ядерное оружие в различных региональных конфликтах и в периоды драматического противостояния между Востоком и Западом...⁵⁷

*В. Козин,
политолог*

Вариант «Решительное уничтожение» достаточно реалистичен для реализации после 2025 года в связи с необходимостью достиже-

ния радикальных политических целей вытекающих из приоритетов, обозначенных в системе национальных интересов США.

Рис. 4.44. Государственный долг США в процентном соотношении к ВВП⁵⁸

Эти интересы и цели могут радикально меняться, что хорошо видно на примере возможного внешнего долга США после 2025 года, который может быть:

- разумным, привычным («а»);
- сложным для покрытия («б»);
- «пессимистическим», опасным («в»).

Этот пример хорошо иллюстрирует возможные последствия и угрозы национальным интересам США после 2025 года, разброс которых может быть огромным.

Напомню об этих интересах и вытекающих из них военно-политических целях.

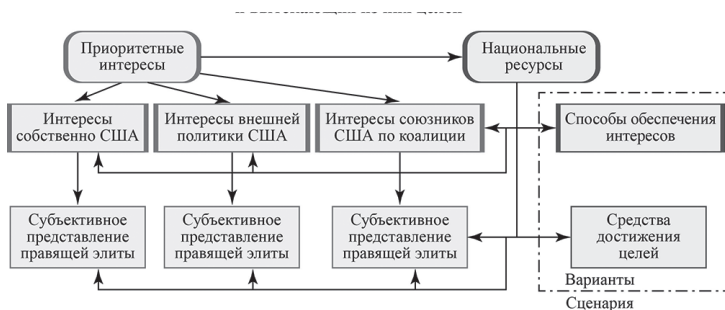

Рис. 4.45. Система приоритетных национальных интересов и вытекающих из них целей

Как видно из схемы, варианта «Решительное уничтожение» военно-силового сценария развития США зависит, прежде всего, от субъективных представлений правящей элиты США о национальных интересах страны и политических целях, вытекающих из этих интересов. Но эти интересы могут быть очень разными, а, соответственно, и вытекающие из них цели отличаются друг от друга. Естественно, что и вытекающие во многом из этих целей средства и способы их реализации будут иметь от них прямую зависимость (учитывающую, естественно, ресурсы и возможности).

Радикальные цели США после 2025 года могут потребовать применения радикальных средств и способов. Учитывая, что после 2025 года МО и ВПО прогнозируется как кризисная, даже критичная, применение радикальных средств и способов представляется неизбежным.

Прежде всего, на глобальном уровне отношений между ЛЧЦ и их коалициями. Но не только. Этот радикальный вариант развития США после 2025 года возможен также в результате явных угроз интересам США, которые возникнут в отдельных регионах планеты. Например, на Большом Ближнем Востоке, где редко увеличатся враждебность и вырастут возможности противников США. Во многом это будет связано с проблемами США внутреннего плана

Отличие этого варианта от «Варианта № 1» заключается не только в масштабах, но и радикальных способах применения военной силы, когда невоенные инструменты насилия будут носить все еще важный, но вспомогательный характер. Военная сила в ее прямой, даже грубой форме, возвращается в политику, «упрощая политические отношения» до традиционного уровня отношений в международной области.

Можно сказать, что «Вариант № 2» будет достаточно примитивным, традиционным, вариантом использования военной силы в новых геополитических условиях, когда победа предполагает не просто физический разгром противника, но и его полное подчинение, и лишение суверенитета с последующим неизбежным лишением национальной идентичности. Именно эта радикальная цель части правящей элиты является главной.

Вариант «Решительное уничтожение» предполагает, что опираясь на военно-техническое превосходство противник (как субъект ВПО) будет полностью уничтожен, а его институты управления и контро-

ля разрушены. Такие радикальные цели вытекает из опасных демографических и экономических изменений, которые произойдут после 2025 года в мире и в отдельных регионах. Это видно на примере ситуации в странах залива.

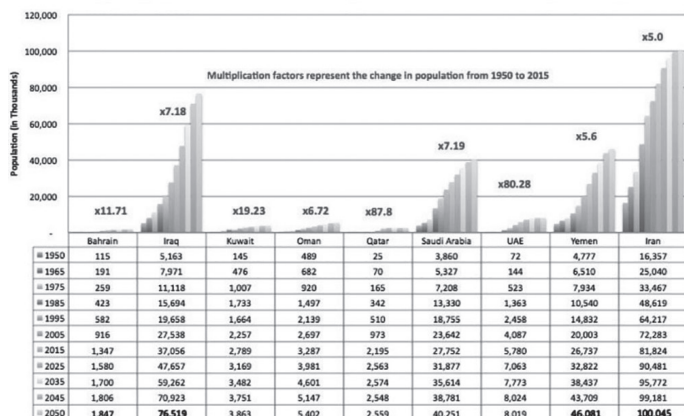

Рис. 4.46. Демографические изменения в странах Залива в 1950-2050 (в тысячах)⁵⁹

По оценке экспертов, к 2040–50 годам демографическая ситуация в арабских странах Залива радикально изменится: численность населения некоторых из них (Ирак, Йемен, Иран) достигнет численности крупных государств. Если к этим странам добавить исламские государства Юго-Восточной и Южной Азии, где численность будет еще выше, (например, в Малайзии численность превысит 100 млн. человек при среднегодовых темпах роста ВВП с 1970 года в 6%), то станет ясно, что исламский центр силы неизбежно и объективно займет ключевое место в будущей мировой расстановке сил, а его влияние на западную ЛЧЦ и США будет очень сильным, а возможные угрозы — крайне опасными.

Это вероятно приведет к росту конфликтности в отношениях США и в целом Запада с исламским миром, которая будет нарастать и с высокой степенью вероятности генерировать региональные и локальные войны — от стран Северной Африки, до стран Юго-Восточной Азии.

В этом случае очень вероятен «Вариант № 2» («Решительное уничтожение») развития Сценария политики США в период после 2025 года как силовая реакция на происходящие перемены. Этот вариант может во многом повторять войну США и их коалиции в Югославии, Афганистане, Ираке и Сирии с некоторыми нюансами, но иметь и очень существенные отличия.

Во-первых, США и их коалиция будут избегать масштабных сухопутных операций из-за повышенных рисков и затрат, стараясь как можно чаще, радикальнее и активнее использовать ударные воздушно-космические силы и создаваемых или «облачных противников» и террористические или экстремистские организации.

Спектр таких возможных средств и действий — очень широк и иллюстрируется уже сегодня примерами поведения на Украине (где долгосрочная стратегия развития антироссийских сил учитывала повышенные риски) или быстрая и масштабная операция США в Афганистане и Ираке.

Во-вторых, США и их союзники будут максимально широко использовать достижения, средства и способы политики «новой публичной дипломатии», где собственно военная сила должна обеспечить высокую эффективность применения невоенных средств и методов. Это означает, что информационные, когнитивные, экономические средства принуждения будут использоваться максимально широко, но отнюдь не вместо военных, а вместе с военными средствами.

В-третьих, неизбежно произойдет активизация сил специальных операций и ускорится процесс создания и развития проамериканских террористических и экстремистских группировок в интересах США. В целом спектр вооруженной борьбы в рамках этого варианта сценария будет смещен в направлении активных, масштабных, но нетрадиционных военных действий. Достаточно образно этот процесс показал И. Попов.

Как видно из рисунка, постепенно будет свернута традиционная «симметричная» война, когда структуры вооруженных сил, ВВСТ уже не будут достаточно зеркально отражать друг друга. В настоящее время, сравнивая ВС противостоящих сторон, мы исходим из аналогичных структур и возможностей ВВСТ: по количеству и качеству бронетанковой техники, артиллерийских систем, самолетов ВВС и т.д. за исключением ВМС, где структура ВМФ России не отражает структуру ВМС США.

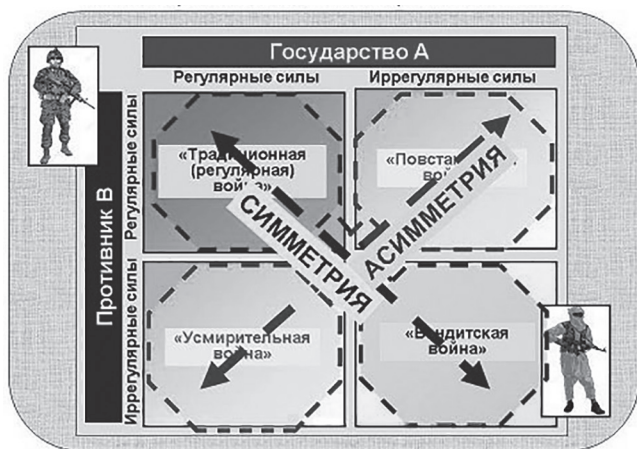

Рис. 4.47. Симметричные и асимметричные войны⁶⁰

Ожидается, что после 2025 года такое несоответствие станут нормой и будет отражать те политические цели и задачи, которые формулирует перед военной политикой правящая элита после 2025 года. Так, например, для военных действий против китайской ЛЧЦ вряд ли целесообразно использовать в массовом порядке сухопутные силы США и их союзников по НАТО, но можно использовать ВС других союзников по коалиции.

Соответственно резко увеличивается спектр возможных войн и вооруженных конфликтов, которые адаптируются к конкретным противникам. Например, для ведения боевых действий против представителей Ю.-В. Азии и коалиции требуются силы и средства, которые приспособлены для борьбы в тропических лесах и на побережье, а для войны на Ближнем и Среднем Востоке — подразделения для ведения военных действий в условиях пустынь. Естественно, что ВВСТ, подготовке ВС должны быть ориентированы на природные и цивилизационные условия.

Существенно изменится и характер вооруженной борьбы, которая, с одной стороны, будет полнее отражать специфику борьбы с противником, а, с другой стороны, реагировать на радикализацию политики США в условиях обострения военно-силового противостояния.

Так, из рисунка подготовленного И. Поповым и М. Хамзатовым видно, что собственно традиционная война становится лишь одним из вероятных проявлений вооруженной борьбы. Это же в полной мере относится и ко всем областям военного искусства — военной стратегии, оперативному искусству и тактике, — которые условно можно выделить как отдельные направления военного искусства для «повстанческой войны», «усмирительной войны» и «бандитской войны», которые существенно будут отличаться не только от традиционного военного искусства, но и друг от друга. Очевидно, например, что «бандитская война» с точки зрения не только тактика, но и стратегии будет радикально отличаться от военного искусства «усмирительной войны».

Особенное значение после 2025 года приобретает развертывание США по существу нового потенциала СНВ и ПРО. Подходы к построению системы стратегического сдерживания после 2021 г., на мой взгляд, достаточно ясно описал сотрудник нашего Центра В. Каберник: «В 2021 г. прекращается действие договора СНВ-3, который наряду с договорами по РСМД от 1987 г. и режимом ДНЯО составляют основу современной системы сдерживания. На фоне наблюдаемого обострения российско-американских отношений переговорный процесс по продлению действия СНВ-3 — по взаимному согласию сторон действие договора может быть продлено еще на 5 лет — практически заморожен⁶¹. Несмотря на то, что официальные представители МИД РФ высоко оценивают структуру соглашений по СНВ, а также считают неактуальным выход из этого договора в связи с развертыванием систем ПРО США на своей территории и в Европе, независимые эксперты все чаще высказывают мнение о том, что основные положения СНВ-3 должны быть пересмотрены с учетом меняющихся политических реалий⁶².

В западных публикациях все чаще высказываются довольно радикальные концепции, берущие свое начало из заявлений президента Обамы в начале его первого срока. Поддерживая идеи о полном отказе от ядерного оружия как средства обеспечения международной стабильности, ряд иностранных экспертов, очевидно, стараются подвести научное обоснование под подобные заявления, за которыми стоят в действительности соображения военно-стратегического порядка — достаточное (несколько тысяч) количество ВТО дальне-

го действия вполне в состоянии будет выполнить функции СЯС по нанесению разоружающего («контрсилового») удара. Более глубокие исследования, по мнению В. Каберника, такие как книга Терезы Делпех, изданная RAND Corporation⁶³, рассматривают вопрос эволюции схем сдерживания в исторической перспективе. Общий вывод при этом остается прежним: существующая двусторонняя схема сдерживания с развалом СССР устарела и должна быть пересмотрена. Этот тезис обосновывается на самых различных уровнях, включая критику теории игр с нулевой суммой, саму концепцию взаимного гарантированного уничтожения, а также возрастающую опасность международной стабильности при использовании типичного для времен холодной войны подхода ответно-встречного удара.

С подобными заявлениями можно дискутировать по целому ряду основополагающих деталей, но нельзя не согласиться с основным выводом: система взаимного стратегического сдерживания, основанная на ряде соглашений, заключенных между США и СССР, а также Россией в настоящий момент нуждается в переработке. Одним из подходов к такой переработке является вовлечение в систему сдерживания большего количества участников на основе многосторонних обязывающих соглашений⁶⁴.

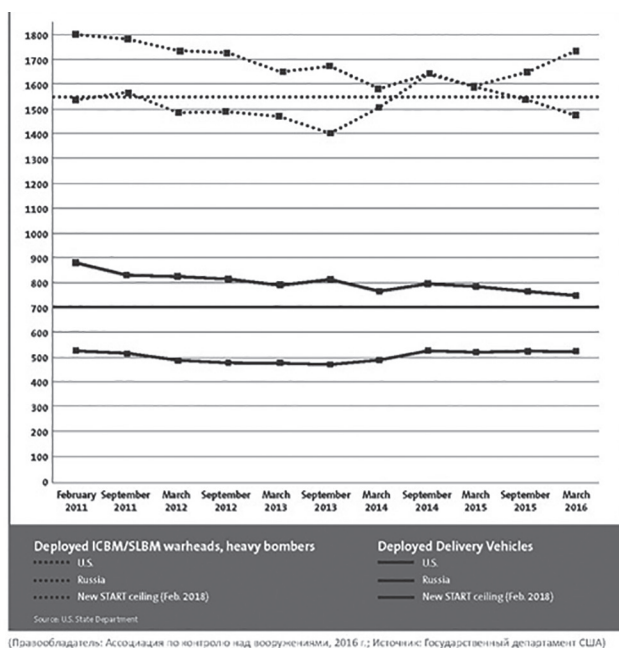
Такой комплекс предложений по пересмотру основополагающих соглашений, обеспечивающих стратегическую стабильность, довольно широк, и традиционно для России включает в себя критику выхода США из договора по ПРО, упоминания о нарушении 13-й статьи договора СНВ-3, проблемы возвратного потенциала, тактического ядерного оружия (ТЯО), размещенного в Европе, а также перспектив возобновления переговоров по ДОВСЕ-2, в настоящее время практически утопичных. Объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть эту проблематику в полном объеме. Наибольший интерес, однако, вызывает предложение о вовлечении в договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (далее в тексте СНВ) не только России и США, но и других ядерных государств — «как юридических так и фактических», считает, например, сотрудник Центра В. Козин⁶⁵. Между тем, на мой взгляд, практическая вероятность таких соглашений в 2020-е годы будет равна нулю. Безусловно, вовлечение всех государств, располагающих ядерным оружием, в глобальную систему сдерживания является желательным результатом, и в перспективе могло бы

положительно повлиять на укрепление международной стабильности, однако детальное рассмотрение ядерных потенциалов, равно как и взаимного географического положения ядерных держав, вызывает серьезные сомнения в реализуемости предлагаемой концепции.

Динамика сокращений

Статья 2 договора СНВ-3 ограничивает суммарные количества стратегических наступательных вооружений России и США до 700 развернутых носителей (МБР, БРПЛ и стратегических бомбардировщиков) и 1550 боезарядов на развернутых носителях (МИД России, 2010), причем предельный уровень для развернутых и неразвернутых носителей устанавливается в 800 единиц. По оценкам СИПРИ, на момент заключения соглашения по СНВ-3 США располагали примерно 2150 развернутыми боезарядами, а ядерный арсенал России насчитывал около 1800 боезарядов. Отметим, что приведенные цифры отражают оценки лишь развернутых боезарядов. Вне зависимости от подхода к оценке, очевидно, что оба государства — подписанта договора СНВ-3 в настоящий момент не вышли на установленные этим соглашением пороги в 700 развернутых носителей и 1550 боезарядов, которые должны быть достигнуты к 2018 г. Экспертами неоднократно указывалось, что если для США данное соглашение является соглашением по сокращению СНВ, то для России оно позволяет увеличить потенциал СЯС для достижения паритета. Именно этот процесс мы и наблюдаем в настоящий момент. Его динамику хорошо иллюстрирует график, приведенный в докладе «Отказ от конфронтации» Комиссии по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия⁶⁶.

Этот же график наглядно демонстрирует, что США и Россия избрали различный подход по выходу на установленные договором СНВ-3 пороги. Россия в текущий период практически не увеличивает количество носителей, поддерживая его на стабильном уровне. Это связано с естественным устареванием и снятием с вооружения ряда МБР предыдущих поколений, на смену которым приходят новые образцы с лучшими характеристиками. При этом, демонтируемые со снимаемых с вооружения ракет боезаряды до их перехода в статус длительного хранения считаются американской стороной развернутыми, что показано как временное превышение порога по боезарядам, установленным договором.

(Прямообладатель: Ассоциация по контролю над вооружениями, 2016 г.; Источник: Государственный департамент США)

Рис. 4.48. Число развернутых боезарядов и развернутых носителей согласно обмену данными по Договору СНВ-3

Показанная динамика по СЯС позволяет утверждать, что к 2018 г. обе стороны договора по СНВ-3 выйдут на согласованные пороги сокращений СНВ. Однако структура СЯС при этом будет существенно различаться. В России основу сил сдерживания составят современные и модернизированные носители с несколькими боезарядами на каждом. В США к 2021 г. большинство носителей будет иметь значительный возраст, что предопределяет необходимость модернизации СЯС. Эта модернизация будет проходить по двум направлениям: увеличение срока службы имеющихся носителей ядерного оружия и разработка новых образцов с улучшенными или принципиально новыми характеристиками.

Рассмотрение опубликованных документов по модернизации СЯС США позволяет **выделить опорную дату: 2030 г.** Именно к этому моменту на вооружение должны заступить новые ПЛАРБ, МБР

и бомбардировщики. Отметим, что к 2030 г. срок действия договора по СНВ-3 в любом случае истекает, что подразумевает заключение нового соглашения, которое будет учитывать перспективные образцы вооружений и их изменившиеся характеристики. В то же время следует выделить период 2026–2030 гг., когда действующие соглашения — даже в случае их продления на 5 лет — не будут ограничивать СНВ сторон, а заключение новых будет еще преждевременным, поскольку не может учитывать перспективные, еще не состоящие на вооружении платформы. В то же время некоторый оптимизм вызывает то, что согласно опубликованным данным по модернизации СЯС, США не планируют увеличивать количество развернутых боезарядов сверх установленных договором СНВ-3 лимитов даже после 2026 г.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы⁶⁷:

1. Как США, так и Россия к 2018 г. выйдут на установленные договором СНВ-3 лимиты по количеству носителей и боезарядов, причем для США это будет означать некоторое сокращение ядерного арсенала, в то время как для России — его модернизацию с некоторым увеличением количества носителей;

2. В 2021 г., к моменту прекращения действия СНВ-3, Россия будет обладать в значительной степени модернизированными СЯС, в то время как США только приступят к масштабной модернизации своих СНВ;

3. Модернизация СЯС США, начало которой запланировано на 2020-е гг., позволит принять на вооружение фактически новый класс средств доставки с существенно улучшенными характеристиками, которые могут нарушить складывающийся баланс сил к 2030 г.;

4. Ни Россия, ни США не планируют в настоящее время увеличивать количество развернутых боезарядов и носителей сверх установленных договором СНВ-3 порогов, что позволяет обеспечить паритет по силам сдерживания как минимум на среднесрочную перспективу;

5. Даже в рассмотрении установленных СНВ-3 порогов СЯС как России, так и США кратно превосходят СЯС третьих стран — Китая, Великобритании и Франции — количественно и качественно, причем это превосходство будет сохраняться.

В связи с обозначенным временем начала программы модернизации СЯС США, можно сделать вывод о том, что продление соглашения по СНВ-3 было бы выгодно российской стороне, поскольку будет

способствовать сохранению стратегического паритета и обеспечивать необходимый уровень международной стабильности в переходный период до 2030 г. Однако ситуация не столь однозначна. Простое продление договора СНВ-3 создает предпосылки к возникновению стратегической неопределенности на период 2026–2030 гг., когда СНВ сторон не будут контролироваться или ограничиваться в мере, необходимой для поддержания адекватного уровня международной стабильности. К 2030 г. США получат практически полностью обновленную ядерную триаду, которая будет обладать принципиально новыми характеристиками. Перспективное соглашение по ограничению СНВ потребует серьезной работы экспертов с тем, чтобы учесть возможности обновленного ядерного потенциала США. При этом нельзя пренебрегать другими факторами: ростом возможностей ПРО, появлением новых видов вооружений стратегического класса, распространением высокоточного оружия и т.п.⁶⁸

Оптимальным вариантом соглашения на промежуточный период 2021–2030 гг. был бы переработанный договор «СНВ-3+», который с одной стороны сохранил бы установленные в действующем договоре пороги, а с другой стороны позволил бы хотя бы в минимальной степени ограничить развитие перспективных носителей и средств доставки. Следует понимать, что такое соглашение может иметь лишь промежуточный статус, и для упрощения процедур его принятия текст договора по СНВ-3 должен быть подвергнут минимальным модификациям в части номенклатуры контролируемых вооружений и пределов возможной модернизации, т.е. соответствующих пунктов статей III и V договора. В качестве достоинств пересмотра номенклатуры можно отметить упрощение контроля по типам носителей в соответствии с п.8 Статьи III договора, которая в современном прочтении включает носители, снятые с вооружения.

Заключение нового соглашения по ограничению СНВ после 2030 г. представляется совершенно неизбежным. При этом в интересах российской стороны сохранение установленных СНВ-3 порогов, в то время как выдвигаемые США предложения о сокращении боезарядов до уровня 1000–1100 в настоящий момент выглядят привлекательно только с точки зрения миролюбивой риторики. Реальный же потенциал обновленных СЯС США еще предстоит оценить, причем не исключено, что предложения о сокращении количества боезарядов

проистекают именно от уверенности в повышении эффективности их использования после проведенной модернизации.

Отдельной болезненной для России темой остается вопрос «возвратного потенциала» по боезарядам, где количественное превосходство США может создавать существенные угрозы обеспечению взаимного сдерживания. Согласно официальной статистике министерства обороны США, по состоянию на сентябрь 2015 г. на вооружении находилось 4571 боезарядов. Таким образом, за срок, прошедший с момента заключения договора СНВ-3, США осуществили утилизацию порядка 830 боезарядов. Ведущий специалист по разоружению Федерации американских ученых Х. Кристенсен при этом отмечает, что за 2015 г. США утилизировали лишь 109 боезарядов, а еще порядка 2300 списанных боеголовок ожидают демонтажа. Это означает, что темпы сокращения ядерного арсенала США резко сократились с приходом в Белый дом администрации Обамы, а наибольшее сокращение стратегических наступательных вооружений произошло еще в период правления Дж. Буша.

Договор СНВ-3 никак не нормирует возвратные потенциалы по ядерным боезарядам, но в тоже время можно предположить, что как Россия, так и США сохраняют значительное количество боезарядов в резервах различной степени готовности. Предполагаемое превосходство США по данному параметру связано, прежде всего, со значительным потенциалом по доразвертыванию боезарядов на уже существующих носителях, где техническая возможность по использованию разделяющихся головных частей позволяет при необходимости увеличить количество развернутых боевых блоков как минимум вдвое. Однако такой диспаритет в процессе модернизации СЯС России постепенно сглаживается. Прежде всего, это связано с постепенной заменой моноблочных МБР РТ-2ПМ «Тополь-М» на РС-24 «Ярс» в оснащении 3-мя боезарядами, а также поступлением на вооружение новых РПКСН проекта 955 «Борей» с БРПЛ Р-30 «Булава», каждая из которых может нести до 10 боезарядов. При условии выполнения госпрограммы вооружений, к 2020 г. Россия будет иметь техническую возможность разместить на развернутых носителях не менее 3000 боезарядов при установленном договором СНВ-3 лимите в 1550. Таким образом, к 2021 г., когда придет время думать о заключении нового соглашения на смену СНВ-3, проблема превосходства США в части воз-

вратного потенциала по ядерным боезарядам в значительной степени будет сглажена. Это позволяет надеяться на конструктивный диалог в области дальнейшего регулирования СНВ и укрепление взаимного доверия в этой чувствительной области.

Серьезным недостатком всех оценок, лежащих в основе предложений по вовлечению в соглашения по ядерному сдерживанию третьих сторон является то, что они предпочитают оперировать лишь абсолютным количеством боезарядов и средств доставки, справедливо считает В. Каберник. В то же время, решающую роль в сдерживании играет даже не столько качество средств доставки и их выживаемость при преодолении ПВО/ПРО противника, сколько фактор досягаемости территории противника с использованием имеющихся средств.

С момента подписания договора по ОСВ-2 в 1979 г. ни США, ни Россия не обладают потенциалом глобальной досягаемости в первом ударе. Напомним, что согласно положениям этого договора введено ограничение на размещение ядерного оружия в космосе, что в частности привело к снятию с вооружения ракеты Р-36орб, обладавшей глобальной досягаемостью.

Типично высказывается возражение о способности США нанести удар в любой точке планеты, связываемое с инициативой Prompt Global Strike (PGS) — глобального молниеносного удара. Однако эти предположения не выдерживают критики, поскольку концепция PGS предполагает использование имеющихся МБР и/или БРПЛ в неядерном оснащении, а их количество лимитировано соглашением СНВ-3. Кроме того, их досягаемость также не является в подлинном смысле глобальной и ограничена максимальной дальностью баллистической ракеты. Попытка же переориентировать часть средств доставки на нанесение неядерного удара неизбежно вызывает сокращение развернутых носителей в ядерном оснащении, что ослабляет потенциал ответно-встречного удара и негативно сказывается на эффективном решении задач стратегического сдерживания. Таким образом, до принятия на вооружение перспективных средств доставки, таких как гиперзвуковые крылатые ракеты большой дальности и орбитальные платформы, ни одна страна мира не обладает стратегическим наступательным вооружением с малым — менее часа — временем реакции и глобальной досягаемостью.

Характерная досягаемость наиболее боеготовых средств доставки ядерного оружия для России и США составляет 10–11 тыс. км, а максимальная дальность МБР в моноблочном оснащении достигает 16 тыс. км. Сходные характеристики дальности имеют перспективные китайские МБР DF-41 и новейшие французские БРПЛ М51. Среди других государств, которые могли бы быть вовлечены в многосторонние соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, средствами доставки межконтинентальной досягаемости, вероятно, располагает только Израиль. Остальные страны — обладатели ядерного оружия полагаются на средства доставки средней или промежуточной дальности в лучшем случае.

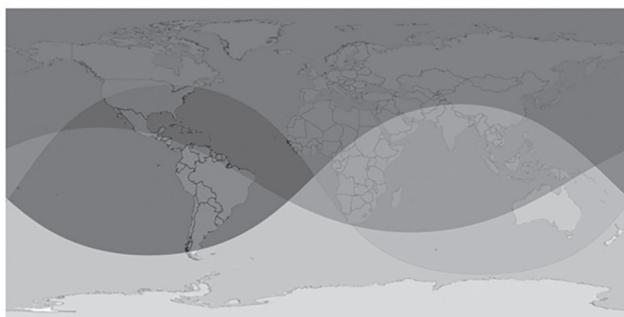

Рис. 4.49. Схема ракетного покрытия России, США и Китая

Приведенная выше карта дает наглядное представление о досягаемости МБР с максимальной дальностью 11000 км, запущенной из известного места дислокации в России, США или в Китае. Светлым тоном показана досягаемость китайских МБР; темнее — российских; темным — ракет США.

Разумеется, данная иллюстрация схематична. В целях наглядности показана досягаемость только для одной точки, в то время как запуск МБР с разных баз приводит также к расширению досягаемости. Кроме того, на этой иллюстрации не отражен потенциал досягаемости БРПЛ, которые могут быть запущены из различных районов патрулирования ПЛАРБ.

В то же время даже в таком схематичном изображении наглядно видно, что Китай не способен имеющимися МБР поразить значи-

тельную часть территории США. США также не могут поражать цели на территории южного Китая без привлечения ПЛАРБ, разворачиваемых вдали от типичных зон патрулирования.

Еще более наглядна иллюстрация, представляющая планету при взгляде со стороны полюса⁶⁹:

Рис. 4.50. Траектории МБР, вид с полюса

Здесь на карту в вертикальной перспективе нанесен набор характерных траекторий МБР, размещенных в известных точках базирования в России, США и Китае без учета возможностей по достигаемости имеющихся МБР. Далее можно привести рассуждения В. Дворкина, имеющие достаточно сомнительный характер⁷⁰. Карта наглядно иллюстрирует то, что траектории движения МБР при гипотетическом ударе Китая по целям в США неизбежно проходят над территорией России. На этой же иллюстрации видно, что траектории движения МБР из Китая по целям в России во многих случаях сходны с таковыми при гипотетическом ударе Китая по целям в США.

Из приведенного рассмотрения траекторий движения китайских МБР следует важнейший вывод: российская система предупреждения о ракетном нападении (СПРН) не способна с необходимой точностью отличить ракетный удар Китая по США от удара по целям в России. При этом подлетное время китайских МБР при ударе по целям в России крайне невелико, что оставляет очень мало времени для принятия решения об ответно-встречном ударе.

Таким образом, рассмотрение гипотетической ситуации «изолированного» ракетно-ядерного конфликта США и Китая без вовлечения России не выдерживает критики. Россия будет вынуждена реагировать на МБР, движущиеся в направлении ее территории с максимальной оперативностью для сохранения потенциала ответно-встречного удара.

Даже из приведенного простейшего геопространственного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Географическое положение России предопределяет возможности по поражению стратегических целей, как в Китае, так и в США на любую глубину;

2. Географическое положение России предопределяет ее уязвимость от атак, как из Китая, так и из США, причем возможные атаки из Китая проходят по коротким траекториям и характеризуются крайне малым подлетным временем;

3. Китай — даже в чисто географическом рассмотрении — не имеет в настоящее время возможностей по поражению стратегических целей на всей территории США. Такой потенциал может быть развит в будущем, с началом серийного производства МБР DF-41;

4. США в чисто географическом рассмотрении могут реализовать угрозу уничтожения не более 50% китайского стратегического потенциала со своей континентальной территории. При этом не затрагиваются южные промышленные районы Китая, Гуаньчжоу, Шеньжень и т.д., а подлетное время оказывается большим при работе на максимальную дальность. В то же время США обладают возможностью поражения целей на любую глубину с использованием БРПЛ при развертывании ПЛАРБ в Тихом океане с некоторым ущербом сдерживанию России;

5. Траектории полета имеющихся и перспективных ракет из Китая по целям в США неизбежно проходят над российской терри-

ей, в связи с чем их несогласованное применение может быть воспринято как атака на СЯС России, что вызовет ответный удар;

6. Траектории полета ракет из Китая по некоторым целям в России могут не вызвать ответного удара со стороны США, поскольку распознаются СПРН как не угрожающие;

Из этого следует, что — даже если пренебречь количественными оценками, приведенными в предыдущем разделе — Китай и США не находятся в полной мере в отношениях взаимного сдерживания. Таким образом, попытки вовлечения Китая в многостороннее соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений не вызовет интереса со стороны китайского правительства.

С другой стороны, Россия, находясь в зоне досягаемости стратегических наступательных вооружений Китая при очень малом подлетном времени по целям в Зауралье, должна быть заинтересована в заключении от- дельного двустороннего соглашения с Китаем. Такое соглашение не может предусматривать взаимное сокращение ядерных вооружений, поскольку потенциалы России и Китая в этой области несопоставимы. В то же время подобное соглашение может включать в себя обязывающие пункты о взаимной ненаправленности наступательного потенциала, о сотрудничестве в части обмена данными по мониторингу ракетных запусков и установлению горячей линии между государствами для купирования возможных инцидентов.

Следует заметить, что на фоне отсутствия напряженности в российско-китайских отношениях предлагаемое соглашение может казаться излишним. В то же время, подходы к его заключению должны прорабатываться, поскольку наличие такого обязывающего пакта будет способствовать снижению международной напряженности и увеличению стабильности в регионе.

В приведенном геопространственном анализе не отражена роль стратегических наступательных потенциалов Франции и Великобритании. С точки зрения географии, траектории полета британских и французских БРПЛ отчетливо выделяются от траекторий средств доставки, находящихся в распоряжении Китая и США, и не могут создавать проблем распознавания для СПРН. Проблема британского и французского потенциала в части СНВ, будет дополнительно рассмотрена ниже в соответствующем разделе.

Фактор ПРО

Статья XIV договора СНВ-3 дает право выхода из него в одностороннем порядке, если сторона считает, что поставлены под угрозу ее высшие государственные интересы. Уже в день принятия договора Президентом России было сделано заявление относительно противоракетной обороны, в котором, в частности говорится: «Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанный в г. Прага 8 апреля 2010 года, может действовать и быть жизнеспособным только в условиях, когда нет качественного и количественного наращивания возможностей систем противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки». Таким образом, российская сторона однозначно увязывает прогресс в развитии систем ПРО с возможностью дальнейшего продления СНВ-3.

Накал дискуссий о ПРО США и степени ее влияния на взаимное сдерживание порождает массу противоречивых заявлений. Критики ПРО обычно указывают на высокие темпы производства ракет-перехватчиков и мобильность морских носителей, что может привести к существенному ослаблению потенциала ответного удара России даже при сравнительно невысокой вероятности перехвата современных МБР и БРПЛ. «Скептики» ПРО в то же время указывают на не доказанную эффективность средств перехвата против современных баллистических ракет, оснащенных комплексом средств преодоления ПРО, а также на недостаточную глубину выстраиваемой обороны, которая не сможет эффективно парировать ответный удар, и не предотвратит нанесение неприемлемого ущерба. При этом в дискуссиях нередко смешиваются три компонента системы ПРО США: морской, Европейский и Национальный (НПРО США), которые характеризуются принципиально различными параметрами и степенью угрозы силам стратегического сдерживания России⁷¹.

Рассмотрим проблематику ПРО, проиллюстрировав ее картой, аналогичной той, которую мы использовали в предыдущем разделе (см. рис.).

Здесь на уже знакомые нам характерные траектории движения МБР наложены радиусы досягаемости уже существующих и планируемых стационарных баз размещения перехватчиков ПРО:

Рис. 4.51. Траектории МБР, вид с полюса

- Комплексы Aegis Ashore с перехватчиками Standard SM-3 в Румынии и Польше;
- Элементы НПРО с перехватчиками GBI на Аляске и базе Вандерберг в Калифорнии.

На иллюстрации в европейской части более темным цветом показан радиус поражения баллистических целей при использовании перехватчиков SM-3 Block IB. Более светлым оттенком выделен радиус поражения при использовании перспективных перехватчиков SM-3 Block IIА/В. Следует отметить, что такой же радиус поражения будут иметь и крылатые ракеты класса «Томагавк», если они — **в нарушение договора по РСМД** — будут размещены в тех же точках базирования, о технической возможности чего часто упоминают критики ЕвроПРО.

Для НПРО темным цветом выделен радиус поражения 2500 км, заявленный для перехватчиков GBI. Оттенок светлее демонстриру-

ет радиус перехвата в 5000 км, который может быть достигнут при использовании перспективных перехватчиков НПРО на встречных курсах.

Мы намеренно не отразили на схеме возможные места размещения морской компоненты ПРО. Даже поверхностное рассмотрение траекторий позволяет убедиться, что для эффективного использования морской ПРО против МБР,двигающимся по характерным полярным траекториям потребуется вывод кораблей-носителей системы в высокие широты севернее Исландии и далее в Северный Ледовитый Океан. Такое развертывание морской компоненты требует поддержки ледокольного флота и находится на грани возможностей имеющихся морских платформ ПРО в части мореплавания в полярных широтах. Тем не менее, такой вариант развертывания нельзя исключить, хотя он и не имеет шансов остаться незамеченным.

Приведенная иллюстрация наглядно демонстрирует, что ЕвроПРО в ее существующем виде не представляет никакой угрозы для СЯС России при нанесении удара по целям в США. Единственная траектория, которая находится в теоретическом радиусе досягаемости ракет-перехватчиков, планируемых к размещению в Польше, подразумевает перехват на догонном курсе, резко снижающем эффективность противоракет. Косвенно безвредность ЕвроПРО подтверждается заявлением замглавы МИД РФ С.А. Рябкова, который в мае текущего года отметил неактуальность выхода из договора СНВ-3 в связи с размещением ПРО США в Европе.

В то же время, как видно из приведенной выше иллюстрации, оснащение баз ЕвроПРО перспективными перехватчиками способно создавать некоторую угрозу для нанесения ответного удара из мест дислокации МБР в европейской части России. При этом следует отметить, что перехват МБР и в этом случае будет осуществляться на догонных курсах, что снижает эффективный радиус поражения.

Иначе дело обстоит с комплексами НПРО, размещаемыми на Аляске и базе Вандерберг в Калифорнии. На иллюстрации видно, что при заявленных дальностях досягаемости при перехвате боевого блока обеспечивается сравнительно надежное прикрытие объектов на Западном Побережье США. Однако всю территорию США НПРО в ее существующем виде прикрыть не может. Теоретические возможности перехвата могут быть обеспечены после модернизации системы и доведения эффектив-

ной дальности поражения до 5000 км. Отметим, что эта же дальность является пороговой для БРСД согласно договору по РСМД от 1987 г., и соответствующие зоны поражения на карте позволяют оценить потенциал двойного использования пусковых установок НПРО.

В то же время опасность НПРО в части предотвращения эффективного встречного удара также преувеличена. Существующие планы развертывания перехватчиков GBI подразумевают размещение 40 ракет на базе в Аляске, а база Вандерберг используется преимущественно для испытаний. Используемый алгоритм перехвата подразумевает пуск двух перехватчиков по одной цели для достижения приемлемой вероятности поражения. Даже если предположить, что комплекс средств преодоления ПРО российских МБР и БРПЛ окажется беспомощным против перехватчиков GBI, при стопроцентной эффективности НПРО может быть перехвачено не более 20 МБР/БРПЛ. Такое число не имеет значения при массированном ответном ударе, поскольку ракеты, прорвавшие пояс НПРО в любом случае нанесут неприемлемый ущерб противнику.

Одновременно с этим система НПРО подвергается критике в самих США. В докладе Счетной палаты США указывается, что «Наземная система противоракетной обороны на маршевом участке полета (НСПО) продемонстрировала частичную способность борьбы против малого числа простейших баллистических ракет, запущенных из Северной Кореи и Ирана». Приведенный выше геопропространственный анализ при этом показывает, что т.н. «иранские ракеты» не могут угрожать континентальным США просто по причине недостаточной досягаемости. Тот же комментарий, — хотя и в меньшей степени, — относится и к северокорейским ракетам. Единственная территория США, теоретически находящаяся в радиусе досягаемости северокорейских ракет промежуточной дальности (пока еще не доказавших свою надежность) — Аляска. При этом траектория полета гипотетических северокорейских ракет — как и китайских — неизбежно проходит над Японией и Дальним Востоком России, что, несомненно, вызовет немедленную реакцию этих государств на запуск. Таким образом, утверждения о том, что НПРО предназначена для прикрытия континентальных США от «иранских и северокорейских ракет» следует признать заведомой дезинформацией, рассчитанной на публику, не знакомую с основами географии.

Выводы:

1. Европейская наземная ПРО в ее современном состоянии не представляет угрозы для МБР России или Китая, использующихся для поражения целей в континентальных США, поскольку не затрагивает траектории даже самых западных районов запуска;

2. Европейская ПРО в оснащении перспективными ракетами оказывает незначительное влияние на эффективность ракетного удара по территории США, производимого из Китая или России. Перехват МБР должен производиться на догонных курсах, либо на курсовых углах, что значительно сокращает зону эффективного поражения целей. Европейская ПРО даже в ее перспективном варианте не представляет угрозы для МБР, размещенных восточнее Урала;

3. Система НПРО с перехватчиками GBI, размещенная на Аляске и в Калифорнии, теоретически эффективна для прикрытия Западного побережья США от МБР, приближающихся через полюс из Китая или России, особенно из Сибири. В то же время, буферность этой системы ПРО в современном состоянии недостаточна для надежного предотвращения ответного удара, а способности по прикрытию объектов на Восточном побережье под вопросом.

Фактор ПРО, как видно из приведенного анализа, в его современной фазе развития оказывает некоторое влияние на баланс СЯС США и России — равно как и другие рассматриваемые факторы. В среднесрочной перспективе влияние ПРО на создаваемую систему сдерживания будет расти, и этот фактор должен учитываться при подготовке перспективных соглашений.

В то же время, рассматривая фактор ПРО в свете перспектив заключения многосторонних договоренностей в части взаимного сдерживания, можно утверждать, что НПРО создает больше угроз потенциалу СНВ Китая, а не России. Действительно, прикрываемые зоны Западного Побережья США полностью совпадают с характерной зоной досягаемости китайских МБР. С учетом сохраняющегося пока отставания Китая в области ракетных технологий и неизвестной эффективности комплекса средств преодоления ПРО китайского производства, разрушительный потенциал китайского ответного удара может быть минимизирован перехватчиками НПРО.

Основанное на этом тезисе вовлечение китайской стороны в будущие соглашения по ограничению ПРО может вызвать заинтересо-

ванность в многосторонней структуре соглашения. В то же время, подобные предложения требуют серьезной работы на дипломатическом фронте, и неизбежно будут встречать серьезное сопротивление со стороны США. РСМД и неконвенциональное использование ПУ ПРО

Независимые эксперты часто обращают внимание на три фактора, связанных с развертыванием глобальной ПРО США:⁷²

1. Пусковые установки Mk.41, используемые в комплексе Aegis Ashore пояса ЕвроПРО технически способны к запуску крылатых ракет «Томагавк», что позволяет использовать их как наступательные вооружения;

2. Шахтные пусковые установки НПРО, использующие перехватчики GBI могут быть переоборудованы для запуска БРСД (но не МБР) и не регулируются соглашениями об ограничении СНВ;

3. Энергетический потенциал ракет-перехватчиков ЕвроПРО и НПРО достаточен для их использования в качестве БРСД для нанесения первого удара при их оснащении ядерными боевыми частями.

С приведенными опасениями нельзя не согласиться с технической точки зрения. Однако они не выдерживают критики с точки зрения режима контроля РСМД, который в его нынешнем состоянии является бессрочным. Размещение крылатых ракет и ракет средней дальности в пусковых установках, используемых в интересах ПРО, либо в любых других форматах, является прямым нарушением статей договора по РСМД.

В последнее время США и Россия все чаще обвиняют друг друга в нарушении этого основополагающего для современной международной стабильности соглашения. Иллюстрация досягаемости БРСД и КР в рассмотрении данной проблемы является излишней, но опорные радиусы досягаемости можно увидеть на карте из предыдущего раздела. Даже поверхностный взгляд на зоны поражения дает понять, что БРСД и КР при их характерных дальностях наибольшую угрозу представляют в Европе. При сохраняющейся асимметрии потенциалов в пользу блока НАТО, выход России из РСМД угрожает развязыванием новой гонки вооружений в Европе, которая окажется куда более ресурсоемкой для нашей страны, чем для США.

Крайняя заинтересованность России и Европы в поддержании бессрочного статуса режима РСМД создает возможность по вовлечению в него других европейских государств — обладателей ядерного

оружия, прежде всего Франции и Великобритании. Здесь, вероятно, следует в полной мере использовать тезис о том, что располагаемый потенциал СНВ этих европейских государств уже длительное время опирается на ракеты межконтинентальной досягаемости, а сохранение или производство ракет средней дальности как части средств сдерживания не предусмотрено программами развития стратегических вооружений. Вовлечение в договор по РСМД государств Европы, включая те из них, которые не обладают ядерным оружием, будет способствовать серьезному упрочнению этого выгодного для России договора и создадут также препятствие для развития национальных программ производства ядерного оружия и средств доставки. В то же время совершенно очевидно, что расширение участия в договоре по РСМД будет наталкиваться на агрессивную риторику стран-членов НАТО о российской угрозе. Такая риторика, впрочем, не имеет под собой рациональных оснований, особенно в свете отсутствия БРСД на вооружении большинства стран Европы.

В 2007 г. Москва на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вышла с инициативой придать Договору по РСМД глобальный охват и заключить на его основе новое многостороннее соглашение, причем Вашингтон поддержал эту инициативу. В июле 2014 г. МИД РФ призвал страны НАТО придать договору многосторонний характер.

К сожалению, расширение режима РСМД до уровня глобального соглашения по образцу ДНЯО в обозримой перспективе невозможно. Потенциал СНВ Индии, Пакистана, Китая и других государств «второго ядерного эшелона» опирается на ракеты средней и промежуточной дальности в значительной степени. Тем не менее, придание договору по РСМД даже общеевропейского статуса окажет самое положительное влияние на укрепление международной стабильности. В перспективный общеевропейский договор по РСМД можно также включить статью, запрещающую использование пусковых установок и мест базирования ПРО для размещения наступательного оружия, что снимет часть опасений российской стороны по возможности их использования для нанесения первого удара.

Создание предпосылок для расширения договора по РСМД до общеевропейского потребует снижения общего уровня напряженности и тщательного соблюдения основных положений уже существующего соглашения во избежание любых провокаций, которые —

пока на уровне громких и необоснованных заявлений — наблюдаются все чаще. В ближайшей перспективе падение уровня напряженности выглядит маловероятным, но это не означает, что работу в этом направлении следует заранее признать бесперспективной. Отметим, что оптимальным путем вовлечения государств Европы в подобное соглашение является последовательное проведение многовекторной политики с заключением двусторонних соглашений на первом этапе и созданием возможности добровольного присоединения к ним других государств на добровольной основе. Для России выход из Договора по РСМД является неприемлемым, особенно в свете приближения возможных районов размещения БРСД, например, в Прибалтику и сокращением подлетного времени до единиц минут.

Третьи страны

Эксперты отдельно отмечают роль британского ядерного потенциала, который не ограничен обязывающими договорами, включая СНВ-3, и может использоваться как лазейка для обхода условий этого договора. Кроме того, британский арсенал включен в систему ядерного планирования США с 1962 г. и может рассматриваться как дополнение к американскому арсеналу носителей и боезарядов, не связанный ограничениями и обладающим существенно меньшим подлетным временем в сравнении с американскими средствами доставки. Попытки российской дипломатии учитывать британский ядерный арсенал в рамках соглашений по ограничению СНВ неизменно наталкиваются на сопротивление Госдепартамента США, указывающего на независимый характер британской оборонной политики.

Однако британский независимый потенциал СНВ ограничивается внутривнутриполитическими причинами. Так, с 2010 г. общее количество боеготовых боезарядов — развернутых и неразвернутых — в Великобритании ограничено 160 с потенциалом дальнейшего сокращения до 120 а количество боезарядов на БРПЛ ограничено 8 из возможных 16. Из имеющихся в распоряжении Великобритании 58 БРПЛ только 48 поддерживаются в готовности к применению, а оставшиеся 10 составляют возвратный потенциал.

С учетом устаревания БРПЛ «Трайидент-2» британский ядерный арсенал в ближней перспективе будет сокращаться. В настоящее время сложно предсказать, каким будет обновленный ядерный потенциал Великобритании, но можно уверенно прогнозировать, что он

существенно не увеличится по внутривнутриполитическим и внутриэкономическим причинам.

Скользким моментом в части оценки перспективного потенциала СНВ Великобритании является соблюдение статьи XIII договора по СНВ-3, которая, в частности, гласит: «Стороны не передают третьим сторонам стратегические наступательные вооружения, подпадающие под действие настоящего Договора». В то же время, в перечне вооружений, подпадающих под действие соглашения не указана и не могла быть указана перспективная БРПЛ, находящаяся в разработке в США. Таким образом, формально договор ограничивает передачу Великобритании дополнительных БРПЛ «Трайидент», а не вновь создаваемых средств доставки.⁷³

В связи с высоким потенциалом по созданию международной напряженности, связанным с передачей Великобритании перспективных СНВ в нарушение договора СНВ-3, можно предположить, что этот вопрос будет в среднесрочной перспективе отложен. Вместо этого США, вероятно, будут оказывать скрытое или явное содействие Великобритании с тем, чтобы продлить сроки эксплуатации уже имеющихся БРПЛ. Проводя сотрудничество по этой линии, США будут очевидным образом ссылаться на другое положение той же статьи XIII договора по СНВ-3: «Настоящее положение не распространяется на какую бы то ни было существующую на момент подписания настоящего Договора практику сотрудничества, включая обязательства, в области стратегических наступательных вооружений между одной из Сторон и третьим государством.» Таким образом, со ссылкой на уже имеющиеся соглашения о сотрудничестве в области СНВ между США и Великобританией, британский ядерный потенциал будет и далее выводиться за рамки СНВ-3 или перспективного соглашения в этой области. По крайней мере, такой будет позиция США в любой обозримой перспективе.

Перспективы заключения двустороннего соглашения об ограничении ядерных вооружений между Россией и Великобританией следует признать маловероятными. В обозримом будущем Великобритания не готова отказываться от ядерного оружия и средств его доставки, и оно очевидным образом нацелено на Россию (а также, возможно, некоторые единичные цели в Китае, по которым британские средства доставки имеют лучшие характеристики досягаемости в сравнении

с американскими). При этом, как и в случае с Китаем, гипотетическое двустороннее соглашение об ограничении СНВ между Россией и Великобританией наталкивается на несопоставимость ядерных потенциалов сторон в количественном измерении.

Независимый потенциал СНВ Франции с марта 2008 г. ограничен 290 боезарядами, из которых 30% — 90 боезарядов — находятся в распоряжении ВВС Франции. Потенциал СНВ Франции, находящийся в постоянной готовности, представлен тремя ПЛАРБ, каждая из которых несет на борту до 16 БРПЛ М45 с перспективой переоснащения на БРПЛ М51 к 2018 г. Из трех ПЛАРБ одна постоянно находится на патрулировании. В реальности это правило не выдерживается, поскольку ПЛАРБ *Le Vigilant* с 2011 г. проходит модернизацию. БРПЛ М45 может нести до 6 боезарядов и обладает дальностью около 6000 км, то есть является ракетой промежуточной дальности, лишь на 1000 км превосходя критерии БРСД, установленные договором по РСМД 1987 г.

Остальная часть боеготового ядерного арсенала Франции опирается на средства доставки ВВС, в первую очередь ракеты ASMP-A с дальностью порядка 500 км. Такая дальность не позволяет считать авиационную компоненту французских ядерных сил в полной мере стратегической. Носителями ракеты ASMP-A в настоящее время являются истребители-бомбардировщики *Mirage 2000N* и *Rafale N* с боевым радиусом не более 2000 км. Таким образом, совокупная дальность поражения целей с использованием ядерного оружия для ВВС Франции ограничивается 2500 км, что примерно соответствует дальности КРМБ «Томагавк». Подлетное время при этом исчисляется уже часами, что не дает оснований рассматривать ядерную компоненту ВВС Франции в качестве эффективного средства первого удара⁷⁴.

Таким образом, СНВ Франции представлены не более чем 96 постоянно готовых к применению на промежуточную дальность боезарядов, размещенных на носителях с малым подлетным временем. В радиусе поражения имеющихся средств доставки стратегического класса находится европейская часть России, Урал, Восточное побережье США, но не Китай. Из этого следует, что вовлечение Франции в многосторонние соглашения по ограничению СНВ выглядит маловероятным по чисто географическим причинам, даже если отбросить

неоднократно уже упомянутую проблему несопоставимости ядерных потенциалов.

Тем не менее, поскольку концепция ядерного сдерживания Франции в высокой степени независима, сохраняются хорошие шансы на заключение двусторонних соглашений. В настоящий момент действует рамочное соглашение о взаимном ненацеливании ракетно-ядерных сил России и Франции на территории друг друга, а в 2012 г. на экспертной площадке РИСИ выдвигалось предложение о взаимном неприменении ядерного оружия первыми.

Двусторонний диалог между Россией и Францией в области сокращения СНВ при благоприятном его развитии может создать предпосылки к вовлечению в такие переговоры и других государств Европы. Увязывание такого диалога с предложенным выше расширением соглашения по РСМД до общеевропейского может создать хорошую основу для снижения напряженности в европейском регионе и предпосылки для дальнейших договоренностей в части ПРО, тактического ядерного оружия в Европе и т.д.

Рассмотрение потенциала СНВ иных третьих стран, располагающих ядерным оружием и средствами доставки с малым временем реакции, выходит за рамки данной статьи, поскольку в настоящее время ни одна из них (за исключением, возможно, Израиля) не создает стратегической угрозы для России. Здесь оптимальным будет содействие установлению регулируемого и надежного режима взаимного сдерживания в отдельных регионах: треугольнике Китай–Индия–Пакистан, на Ближнем Востоке и на Корейском полуострове. Россия может выступать посредником и инициатором переговоров по таким соглашениям, а также взять на себя роль гаранта обеспечения стратегической стабильности. Однако такие договоренности являются скорее делом будущего и выходят за рамки рассматриваемой перспективы первоочередных шагов по установлению новых схем сдерживания.

Общие выводы

Поддержание стратегической стабильности и эффективное сдерживание в современном мире обходятся недешево. По данным, приведенным изданием «Коммерсант Деньги», содержание одной ядерной боеголовки обходится США в \$1.8 млн. ежегодно. По различным оценкам Россия каждый год расходует на поддержание ядерного арсенала \$10–15 млрд. На фоне растущего уровня международной на-

пряженности и продолжающейся стагнации в экономике России повышение расходов на содержание российских СЯС — несмотря на то, что эта задача остается первостепенным приоритетом развития вооруженных сил России — едва ли можно считать оптимальным вариантом развития системы стратегического сдерживания в среднесрочной перспективе. Поэтому раздающиеся иногда призывы выйти из ряда основополагающих международных соглашений, резко нарастить ядерный арсенал, кратно увеличить производство носителей СНВ и им подобные, в рамках данного рассмотрения следует считать как минимум несвоевременными⁷⁵.

Проведенное рассмотрение возможностей по совершенствованию системы сдерживающих соглашений проведено в свете анализа перспектив расширения круга участников, что придаст системе международного сдерживания больший уровень стабильности. Представляется, что такой подход необходим на фоне снижающейся роли Совета Безопасности ООН и общего снижения роли международных институтов по поддержанию мира. Как результат, предложение к вовлечению в обязывающие договоры по сокращению или ограничению СНВ, высказанное Советом Безопасности ООН, либо на Генеральной Ассамблее — как это уже было в 2007 г. по режиму РСМД — не вызовет интереса и не имеет серьезной перспективы превратиться в обязывающий договор.

Рассматривая основополагающий на сегодняшний день договор о взаимном сокращении стратегических наступательных вооружений, СНВ-3, следует признать невозможность вовлечения в него третьих сторон. Даже если пренебречь оценкой совокупного ядерного арсенала сторон этого соглашения, уже установленные лимиты сокращений являются в обозримой перспективе недостижимыми для любого из третьих государств, как по боезарядам, так и по средствам доставки.

Для России и США договор СНВ-3, как показано в проведенном анализе, является важнейшим ориентиром по поддержанию стратегического паритета. Трудно не согласиться с замглавы МИД РФ С. Рябковым, который отмечает, что «Текст СНВ-3 действительно отражает баланс интересов, строгий паритет». В то же время СНВ-3 истекает в 2021 г., и именно на этот год запланировано начало реализации программы модернизации СЯС США, которая может существенно изменить складывающийся к 2018 г. паритет не в пользу России. В этом

свете перед Россией стоит выбор: согласиться ли на продление договора СНВ-3 на 5 лет, до 2026 г., либо отказаться от предлагаемого продления. Этот выбор не так прост, как может показаться⁷⁶.

С одной стороны, договор СНВ-3 уже несколько устарел и подвергается обоснованной критике. Среди критических точек можно отметить упомянутую выше проблему возвратного потенциала, отсутствие в договоре лимитов по общему количеству неразвернутых боезарядов, непростую ситуацию по увязыванию количества носителей с эффективностью развертываемой ПРО, проблему независимых потенциалов третьих стран, вопросы контроля уничтожения носителей, не соответствующую современной обстановке номенклатуру носителей и другие. Изменение текста договора, либо принятие нового соглашения, которое могло бы ограничить пути модернизации СЯС США после 2020 г. — в интересах России. Такой переходный договор, мог бы включить в себя меры по контролю пусковых установок двойного назначения, обязывающие пункты по технической модификации разделяющихся головных частей и шахтных пусковых установок, которые сделали бы технически невозможным быстрое наращивание количества боезарядов. Подобные пункты могли бы снять значительную часть опасений российской стороны.

С другой стороны, СНВ-3 устанавливает ясные и простые для исполнения лимиты по развернутым носителям и боезарядам, которые сохраняют свою актуальность и в будущем. Ядро этого соглашения останется основой для регулирования стратегических наступательных вооружений. Чрезмерное усложнение структуры договора, внесение в него дополнительных пунктов, связанных с мерами контроля, учета оборонительного потенциала ПРО и других факторов видится нежелательным, а согласование этих пунктов займет значительное время при очевидном сопротивлении американской стороны.

Оптимальным путем представляется продление срока действия СНВ-3 до 2026 г. с параллельной его незначительной модификацией в части номенклатуры учитываемых вооружений, формулировками Статьи XIII и расширением Статьи V. Одновременно с продлением действия договора, уже с 2021 г. требуется начать работу над новым соглашением, которое заменит СНВ-3. Данное соглашение должно носить промежуточный характер и основной целью его заключения является преодоление проблемы «вакуума» в регулирова-

нии СНВ в период до 2030–2035 г. В дальнейшем, после экспертной оценки стратегического потенциала СЯС США после модернизации 2020–2030 гг. потребуются заключение нового соглашения, учитывающего изменившиеся балансы сил и, вероятно, новые виды стратегических вооружений. Установленные в СНВ-3 лимиты при этом должны остаться неизменными, так как даже без учета увеличения потенциала модернизированной ядерной триады США дальнейшее сокращение СНВ России может привести к неспособности осуществлять эффективное сдерживание, которое для нашей страны должно оставаться многовекторным. К сожалению, в настоящий момент нет никаких оснований полагать, что это перспективное соглашение сможет стать многосторонним, поскольку потенциал в части СНВ США и России и в будущем будет кратно превосходить потенциалы третьих стран.

Географическое положение России в то же время предполагает заключение отдельных двусторонних соглашений с третьими странами, прежде всего с Китаем. Здесь следует понимать, что речь не может идти о многосторонних договорах, но взамен должна проводиться активная многовекторная политика в области региональной безопасности на различных направлениях. Не может идти и речи о взаимном сокращении СНВ с третьими странами, поскольку сравнительный наступательный потенциал останется несопоставимым. Однако могут быть предприняты меры по укреплению доверия, связанные с заключением соглашений о взаимной ненаправленности ядерных потенциалов и обязательств по неприменению ядерного оружия первыми. Адресатами подобных соглашений могут стать Китай, Индия, Израиль и Франция. Создание простого и ясного корпуса соглашения позволит в дальнейшем предлагать его другим странам. Распространение такой многовекторной практики в различных регионах позволит серьезно укрепить стратегическую стабильность и создать предпосылки для выработки многостороннего договора в будущем⁷⁷

Проблематика ПРО остается болезненной для России, и следует признать, что ее увязывание с пунктами СНВ-3 или «будущего СНВ» бесперспективно. Тема противоракетной обороны должна регулироваться отдельным соглашением, предусматривающим взаимные сокращения и ограничения позиционных районов. Как было показано выше, в связи с географическим положением и спецификой своих СНВ, в работу над обязывающим договором по ограничению ПРО

можно вовлекать Китай. Привлекательность многосторонней (изначально — трехсторонней) схемы регулирования ПРО в том, что подобный договор допускает открытость, что позволит в дальнейшем стимулировать присоединение к нему новых государств, в первую очередь членов «ядерного клуба» в Европе. Однако подходы к выработке такого соглашения остаются делом будущего, поскольку все еще сохраняется заметная асимметрия в количестве и возможностях противоракетной обороны сторон. Выход на соглашение по ПРО может быть простимулирован путем предложения на международных рынках вооружений серийно производящегося российского (или российско-китайского) мобильного комплекса ПРО и развитием двусторонних консультаций по коллективной противоракетной обороне на азиатском направлении.

Различные сценарии вовлечения в процесс ограничения РСД других стран носит сегодня и в будущем очень гипотетический характер. Пример этому — рассуждения В. Каберника, где он, с одной стороны, признает, что предложение по расширению режима РСМД до глобального открытого договора, прозвучавшее на 62-й Генеральной Ассамблее ООН в 2007 г., следует признать преждевременным. С другой стороны, он отчего-то считает, что заинтересованность в расширении членства в этом соглашении могут проявить европейские государства, располагающие ядерным оружием межконтинентальной досягаемости, в первую очередь Великобритания и Франция. Более того, по его мнению, «расширение договора по РСМД до общеевропейского выглядит более реалистичной задачей в сравнении с попытками придать ему глобальный охват. Оптимальным форматом работы на этом направлении могло бы стать сотрудничество по линии ОБСЕ, но в настоящее время по ряду политических причин его следует признать неэффективным. Альтернативой могла бы снова стать многовекторная политика России, предлагающей сначала серию двусторонних соглашений отдельным государствам на основании гармонизированного корпуса договора»⁷⁸. В дальнейшем такой «пучок» соглашений может быть трансформирован в многосторонний общеевропейский договор, излишне оптимистично полагает В. Каберник.

Вариант сценария «Решительное уничтожение» предполагает резкую радикализацию, даже беспощадность ведения вооруженной борьбы против гражданского населения. Опыт Украины, Сирии, Аф-

ганистана показывает уже в настоящее время, что не только растет доля гражданских жертв, но и сами военные действия будут направлены, прежде всего, на уничтожение гражданского населения и гражданских объектов, которые будут превращены в наиболее приоритетные военные цели.

Жестокость будущих войн против гражданского населения связана и с приоритетностью вооруженной борьбы против правящей элиты, которая становится первоочередным объектом уничтожения. Кроме того, такими же приоритетными целями становятся и институты развития человеческого капитала — университеты, НИИ, КБ и пр.

¹ *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А.А. Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 239.

² *Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И.Смирнов, И.Н.Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 36.

³ *Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И. Смирнов, И.Н. Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 37.

⁴ http://ic.pics.livejournal.com/abcdefgh/108113/530475/530475_original.png

⁵ <http://ministerstvo.info/wp-content/uploads/2016/12/raduzhnye-prognozy-vashingtona-ssha-ne-v.jpg>

⁶ <http://провэд.рф/analytics/research/9264-ppognoz-ekonomicheskogo-pazvitiya-stran-mipa-na-pepiod-s-2015-po-2028-gody-mezhdunapodnye-spavneniya.html>

⁷ <http://провэд.рф/analytics/research/9264-ppognoz-ekonomicheskogo-pazvitiya-stran-mipa-na-pepiod-s-2015-po-2028-gody-mezhdunapodnye-spavneniya.html>

⁸ *Подберезкин А.И.* Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

⁹ *Подберезкин А.И.* Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

¹⁰ http://e.120-bal.ru/pars_docs/refs/21/20679/20679_html_6b5c7a05.png

¹¹ *Подберезкин А.И.* Стратегия ОДКБ / Презентация на круглом столе послов стран-участниц ОДКБ. — Братислава. 2017. 17 мая.

¹² *Ефременко Д.В.* Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике, 2016. Ноябрь–декабрь. — № 6. — С. 33.

¹³ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-

Университет, 2016. — С. 197–42, 709–715.

¹⁴ Joint Operating Environment, JOE 2035, DoD, Department Of Defense / Joint Chiefs of Staff. — Wash., 2016. 14 July.

¹⁵ Joint Operating Environment (JOE) 2035 / The Joint Force in a Contested and Disordered World. — Wash.: 2016. 14 July.

¹⁶ См., например: The National Security Policy. — Wash.

¹⁷ Безруков А. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике, 2017. Январь–февраль. — С. 59.

¹⁸ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

¹⁹ U.S. data from National Science Foundation, Science and Engineering Indicators 2016 / <http://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161>

²⁰ National Science Foundation, Science and Engineering Indicators 2016 / <http://nsf.gov/statistics/2016/nsb20161>. Figure created by CRS.

²¹ CRS analysis of OECD 2013 Gross Expenditures on R&D (GERD) data. Figure created by CRS.

²² The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

²³ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

²⁴ The Military Balance. 2017. April / <https://www.iiss.org/.../media/publications/the-militarybalance/mb2017-Top-15-defence-budgets.jpg>

²⁵ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 35 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

²⁶ Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016). 2016. 4 July / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/nato-countries-defense-spending_20160704.pdf

²⁷ Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016). 2016. 4 July / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/nato-countries-defense-spending_20160704.pdf

²⁸ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

²⁹ The Military Balance. 2017. April / [https://www.iiss.org/...the-military-balance/mb2017 further...](https://www.iiss.org/...the-military-balance/mb2017-further...)

³⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 89.

-
- ³¹ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М: Евразийское движение, 2011. — С. 39.
- ³² Анализ военно-политического компонента мирового лидерства США / Эл. ресурс: Центр стратегических оценок и прогнозов. 01-11-2016 / <http://csef.ru/ru/articles/print/7195>
- ³³ Военная разведка США: Россия вырывается из окружения НАТО. 2017. 23 мая / <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4275084>
- ³⁴ Подберезкин А.И. Наиболее вероятный вариант развития основного сценария МО после 2025 года — «пессимистический». 2016. 26 октября / Эл. ресурс: nasled.ru / <http://www.nasled.ru/?q=print/4008>
- ³⁵ Безруков А. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике, 2017. Январь–февраль. — С. 59.
- ³⁶ The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2016. — P. I.
- ³⁷ См. подробнее: Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, Март. 2015.
- ³⁸ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.
- ³⁹ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.
- ⁴⁰ Безруков А. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике, 2017. Январь–февраль. — С. 60.
- ⁴¹ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 651–842.
- ⁴² Клинов В.Г. Мировая экономика: прогноз до 2050 г. / В.Г. Клинов // Вопросы экономики. — 2008. — № 5. — С. 70–71.
- ⁴³ Китай станет лидером цифрового рынка в 2018 году / <http://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kitai-stanet-liderom-tsifrovogo-rynka-k-2018-godu>
- ⁴⁴ Китай станет лидером цифрового рынка в 2018 году / <http://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kitai-stanet-liderom-tsifrovogo-rynka-k-2018-godu>
- ⁴⁵ <http://smart-lab.ru/uploads/images/01/90/04/2016/08/13/1320cb.gif>
- ⁴⁶ http://www.ipem.ru/files/ris__5.png
- ⁴⁷ Strategic Choices for a Turbulent World: In Pursuit of Security and Opportunity / Is the World Falling Apart (And How Would We Know)? — P. 51–53 / RAND RR1631-3.2 / http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1631/RAND_RR1631.pdf
- ⁴⁸ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/79/Top_five_largest_

economies_in_2050.jpg

⁴⁹ <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/e49-2.png>

⁵⁰ http://eircenter.com/images/8/5_1394786261.png

⁵¹ https://regnum.ru/uploads/pictures/news/2016/10/23/regnum_picture_1477252264758414_normal.jpg

⁵² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016.

⁵³ Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

⁵⁴ Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

⁵⁵ Зиновьева Е. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / Индекс безопасности № 1 (104), — Т. 19. — С. 213 / <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf>

⁵⁶ Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / США и Канада: Экономика, политика, культура, 2011. — № 3.

⁵⁷ Козин В.П. Тактическое ядерное оружие США: сокращение или модернизация? — М.: РИСИ, 2015. — С. 84.

⁵⁸ <http://www.forumdaily.com/gosdolg-ssha-demokraty-i-respublikancy-otsrochili-finansovuyu-katastrofu-ameriki/>

⁵⁹ United States Census Bureau, International Data Base, Accessed. 2015. April / <http://www.census.gov/population/international/data/idb/informationGateway.php>

⁶⁰ Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

⁶¹ Арбатов А.Г. Многостороннее ядерное разоружение // Независимое военное обозрение. 25.05.2012. / URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html. (проверено 18. 08. 2016 г.)

⁶² Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁶³ Delpech Th. Nuclear Deterrence in the 21st Century. Santa Monica: RAND Corporation, 2012. —181 p. / URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1103.pdf (проверено 18.08.2016 г.).

⁶⁴ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. А.И. Подберезкина. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁶⁵ Козин В.П. Ключевые проблемы (СНВ, ТЯО, ПРО, ДОВСЕ) / Аналитика РИСИ. 22.01.2014 / URL: <http://riss.ru/analytics/4702/> (проверено 18. 08. 2016 г.)

⁶⁶ *Civiak R.* The Reliable Replacement Warhead Program. Livermore: Tri-Valley CAREs, 2006. — 30 p. / URL: http://www.trivalleycares.org/tvc_rrw_fnl.pdf (проверено 18.08.2016 г.).

⁶⁷ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁶⁸ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁶⁹ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷⁰ *Дворкин В.А.* Ядерный психоз: кому он нужен? Сценарии нападения НАТО на Россию и наоборот — полный абсурд / Военно-промышленный курьер. 29.07.2015 — № 28 (594) / URL: <http://vpk-news.ru/articles/26289> (проверено 18.08.2016 г.).

⁷¹ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷² Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷³ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷⁴ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷⁵ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷⁶ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷⁷ Полностью ознакомиться со статьей можно в сборнике статей «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁷⁸ Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений / под ред. *А.И. Подберезкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

Глава V.
За горизонтом:
сценарии развития США
после 2025 года,
основанные
на возможном
доминировании
неизвестных новых
парадигм

Говоря о будущих угрозах, следует принимать во внимание, что они не возникают «вдруг» и, как правило, недолго остаются без ответа. Существуют факторы, позволяющие в определенной степени подготовиться к их появлению...¹

*А. Фролов,
эксперт*

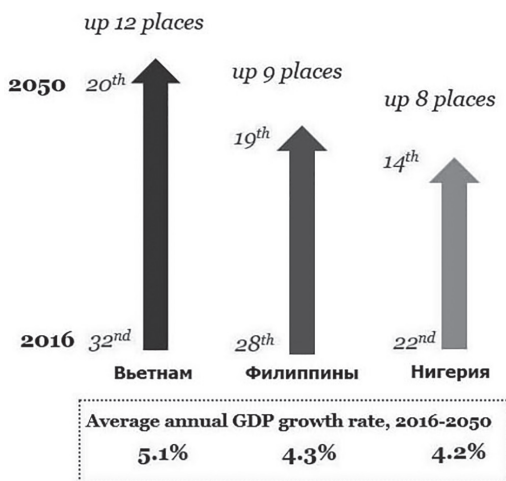
Самое трудное сделать долгосрочный прогноз развития МО и ВПО, в основе которого лежит не существующая экстраполяция и учет доминирующих парадигм, а определяющее влияние новых парадигм развития человеческой цивилизации, субъектов и акторов МО–ВПО между тем это попытаться это сделать необходимо для того, чтобы, как минимум, очертить наиболее вероятные границы и тенденции развития. Особенно, если речь идет о безопасности государств, где ошибка или опоздание, как показывает история, неизбежно ведут к тяжелым и даже непреодолимым последствиям. Поэтому очень трудно, хотя и крайне необходимо, попытаться выделить возможные и их наиболее вероятные варианты Сценария развития, основанные преимущественно на влиянии новых парадигмах и вытекающих из этого развития угрозах. Представляется, что для этого необходимо методологически обратиться к следующим приемам:

Во-первых, попытаться выделить влияние новых парадигм на развитие ЛЧЦ и государства, которое может быть условно «решающим» и «дополнительным». Как правило, в этом случае обращаются к прогнозам роста ВВП, что является традиционным приемом.

	2016	2050	
<i>China</i>	1	1	<i>China</i>
<i>US</i>	2	2	<i>India</i>
<i>India</i>	3	3	<i>US</i>
<i>Japan</i>	4	4	<i>Indonesia</i>
<i>Germany</i>	5	5	<i>Brazil</i>
<i>Russia</i>	6	6	<i>Russia</i>
<i>Brazil</i>	7	7	<i>Mexico</i>
<i>Indonesia</i>	8	8	<i>Japan</i>
<i>UK</i>	9	9	<i>Germany</i>
<i>France</i>	10	10	<i>UK</i>

E7 economies
 G7 economies

Рис. 5.1. К 2050 году новые экономики будут доминировать

Рис. 5.2. Неожиданный рост новых экономик²

Например, если речь идет об экологических и экономических последствиях такого влияния.

Таблица 5.1. Возможные сценарии экологических последствий³

Impacts of Climate Change	Cost of Decarbonizing Global Economy	
	Inexpensive (< 1% GWP)	Expensive (5 to 10% GWP)
Large reduction in GWP in 2100 (5 to 40%)	«Easy to be green» Decarbonize rapidly to avoid worst climate effects and reap co-benefits such as reductions in air pollution/	Worst outcome Accept significant economic costs to decarbonize, or accept significant domestic adaptation costs and significant global instability, refugee flows, conflicts over resources, and, possibly, wars.
Small reduction in GWP in 2100 (< 1%)	Best outcome: Manage climate change through gradual adaptation and shift to efficient energy technologies.	«Live with climate change» Rapid decarbonization without more-affordable technologies would impose opportunity costs. Let other nations lead, help the poorest adapt, focus on domestic adaptation.

Во-вторых, необходимо определить наиболее перспективные области формирования таких парадигм. Так, применительно к США, в первой половине XXI века можно говорить о следующих областях:

- технологической, массовому переходу всех отраслей экономики на новый технологический уклад, процесс которого обозначился в настоящее время;
- социальный, радикальные изменения в социальной структуре американского общества, которое идет уже определенное время, но, как показали выборы в США Д.Трампа, не привели пока что к победе тех слоев и социальных групп, которые начали называть «креативным классом»;
- национальный, когда большинство американских граждан будут составлять этнические латино и афроамериканцы;

Так, например, в эк ономической области к 2050 году эксперты ожидают решительного изменения в соотношении сил между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ, которое может выразиться в том, что традиционная «Большая 7» уступит «Нарождающейся 7» (страны БРИКС плюс Мексика и Турция) объем ВВП в 2 раза.

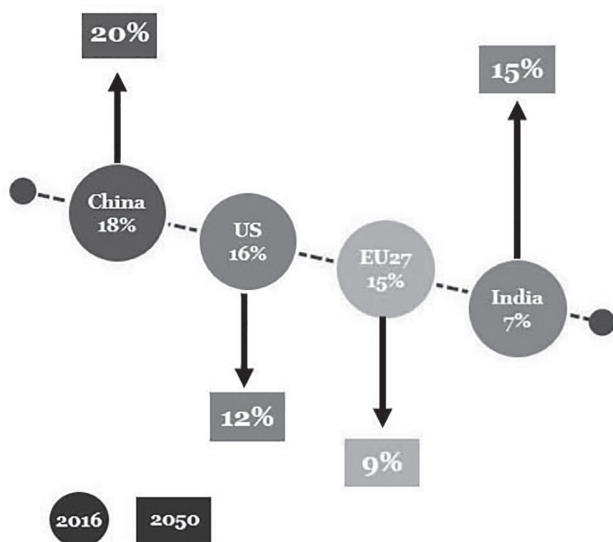

Рис. 5.3. США и Европа уступят свое место КНР и Индии
(изменения в 2017-2050 гг.)

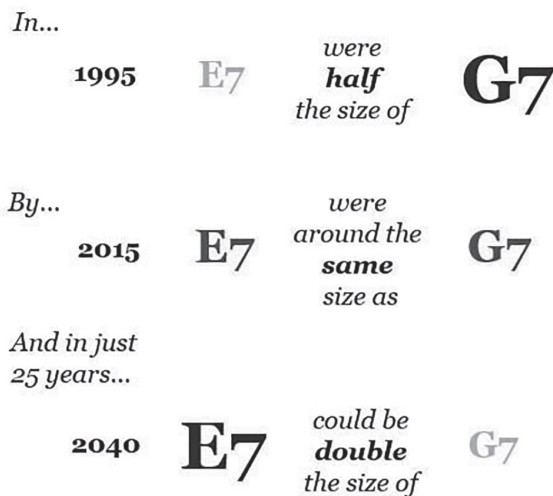

Рис. 5.4. Изменение глобальных экономических сил
в пользу новых экономик⁴

В-третьих, можно выделить сценарии «возвращения» старых парадигм, но уже на новом уровне. Например. Если обострится вопрос о ядерном разоружении, который «завис», как кажется, в 2017 году

Таблица 5.2. Ядерные потенциалы стран мира 2016⁵ и 2050 гг.

Country	Year of First Nuclear Test	Deployed Warheads	Other Warheads	Total 2016	Total 2050
United States	1945	1,930	5,070	7,000	5000
Russia	1949	1,790	5,500	7,290	5000
United Kingdom	1952	120	95	215	500
France	1960	280	20	300	500
China	1964		260	260	1500
India	1974		100–120	100–120	500
Pakistan	1998		110–130	110–130	300
Israel			80	80	100
North Korea	2006		10	10	200
Total		4,120	11,235–11,275	15,355–15,395	

В данном случае «возвращение» парадигмы ядерного сдерживания, существовавшей в своем неконтролируемом варианте до 1972 года, вполне возможно после того как Россия и США уничтожить полностью свои договоренности не только по ПРО, но и по СНВ, а также не достигнут договоренностей по ограничению ВТО.

5.1. Варианты сценария развития США после 2025 года, находящегося под доминирующим влиянием новых парадигм

... сформировавшееся представление о сущности военных угроз, их происхождения и структуры нередко не только не помогает, но и мешает обоснованному принятию решения о мерах по обеспечению военной безопасности⁶

Эксперты ЦВПИ

Главное допущение при прогнозе сценария развития США в военно-политической области на основе доминирования новых парадигм заключается в том, что после 2025 года произойдет смена основных парадигм развития:

- в экономике;
 - технологиях;
 - социальной области;
- и др.

Напомним в этой связи, что развитие США в период после 2025 года рассматривается нами как вероятность доминирования одного из двух базовых сценариев — рассмотренного выше «Сценария № 1», основанного преимущественно на влиянии старых парадигм (инерционного) и «Сценария № 2», основанного преимущественно на вероятности доминирования новых парадигм. Таким образом, мы предполагаем, что возможны 4 варианта реализации «Сценария № 2» до 2050 года.

Предлагается рассмотреть эти гипотетические военно-политические варианты «Сценария № 2» развития США последовательно, предполагая, что количество таких вариантов может быть значительно больше в связи с тем, что они формируются в результате последовательного развития МО–ВПО и под влиянием частных условий и субъективных факторов, а не только новых парадигм.

Рис. 5.5. Сценарий №2 «Доминирование новых парадигм»

В основе всех этих вариантов, тем не менее, лежат три базовые тенденции:

- демографические изменения в мире и связанные с ними экономические и социальные перемены;
- изменения экономических сил и вытекающий из них рост политических амбиций;
- развитие технологий, в том числе и в военной области.

Эти тенденции могут служить «общим знаменателем» для всех вариантов рассматриваемого «Сценария № 2» («доминирования новых парадигм»), т.е. именно новые парадигмы в этих областях рассматриваются, прежде всего.

5.1.а). «Вариант № 1» сценария развития на основе новых парадигм в период 2025–2040 годов — «Резкое усиление враждебности США по отношению к исламской локальной человеческой цивилизации»

Этот сценарий предполагает распространение военных действий на несколько арабских и европейских государств, а также на территорию собственно Соединенных Штатов. Объективно это явление может стать следствием быстрого роста численности лиц, являющихся сто-

ронниками ислама, и численности этнических арабов и других групп, традиционно составляющих исламское большинство. Как, например, в Малайзии, где приверженцы ислама составляют 60% населения.

Быстрый рост численности населения Ирана (до 100 млн. чел. с нынешних 40 млн.), Йемена, Ирака, Египта, Пакистана и др. стран неизбежно приведет к изменению соотношения сил в мире, но такие же серьезные изменения могут произойти в Европе и в США, где численность мусульман может вырасти в несколько раз и даже достигнуть 20% населения некоторых стран. Некоторые оценки этого глобального влияния ислама иллюстрируют эту тенденцию следующим образом.

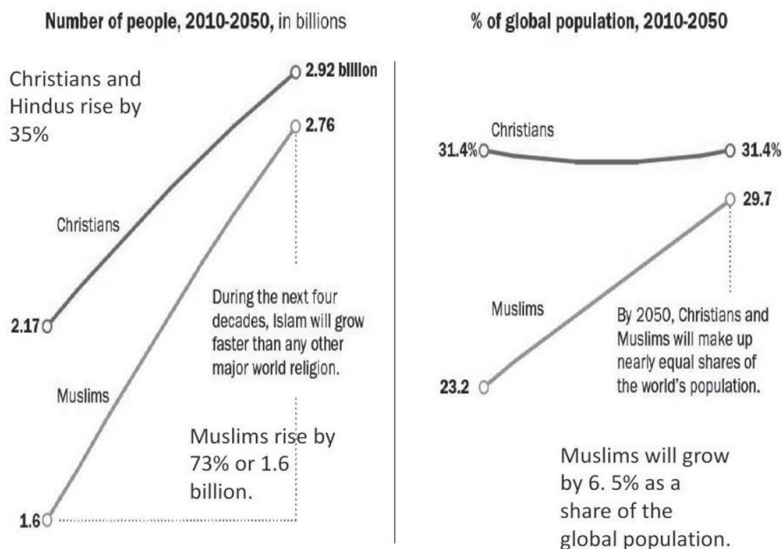

Рис. 5.6. Глобальное влияние ислама: 2010-2050 гг.⁷

5.1.6). «Вариант № 2» сценария развития США в период 2025–2040 годов, основанного на новых парадигмах — «Гражданско-религиозный конфликт в США»

Доля безработных среди этнических жителей Аляски (9,9%) и среди чернокожих (9,6%) была значительно выше, чем среди азиатов (3,8%) и белых (4,6%)⁸

Бюро статистики США

В основе возможного гражданско-религиозного конфликта в США находится тенденция ухудшения условий существования ряда этнических групп, прежде всего, цветного населения на фоне общего ухудшения социально-экономической ситуации в стране. При этом именно общее социально-экономическое положение может стать основой для радикализации частных социальных проявлений.

В частности, на фоне быстрого роста численности населения США в последние 30 лет и увеличения численности активного населения, его доля существенно и постоянно снижалась.

Прежде всего, за счет этнических групп.

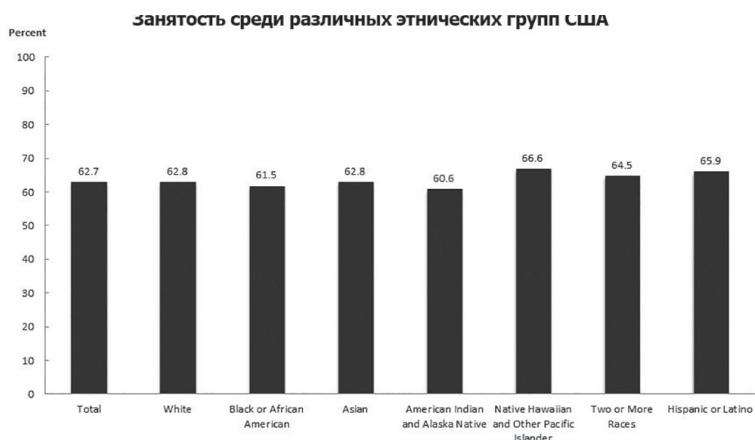

Рис. 5.7. Занятость среди различных этнических групп США⁹

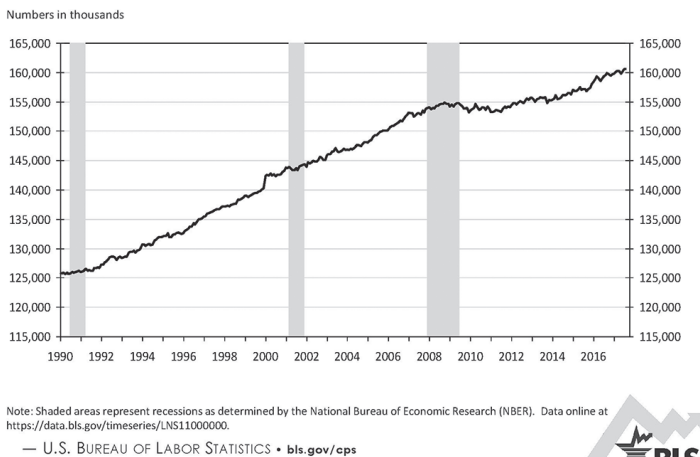

Рис. 5.8. Рост численности трудоспособного населения США (1990-2017 гг.)¹⁰

Как видно из официальных данных, численность активного населения в США, занятого в экономике, увеличилась почти на 25%, а его доля сократилась с 67,0% до 3,0%.

Рис. 5.9. Доля занятого активного населения США (1990-2017 гг.)

В это же время росла численность тех, кто по официальной статистике живет ниже уровня бедности — по разным оценкам от 46 до 54 млн. чел.

Этот радикальный сценарий не является фантастическим. В современной истории США конца прошлого и начала нового века немало примеров того, как возникали крупные гражданские беспорядки на этнической основе.

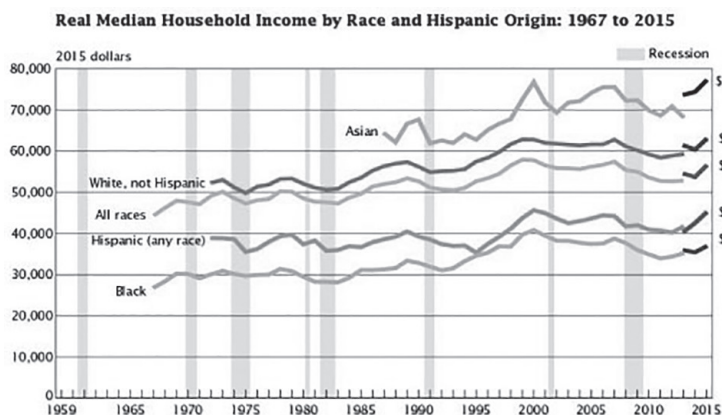
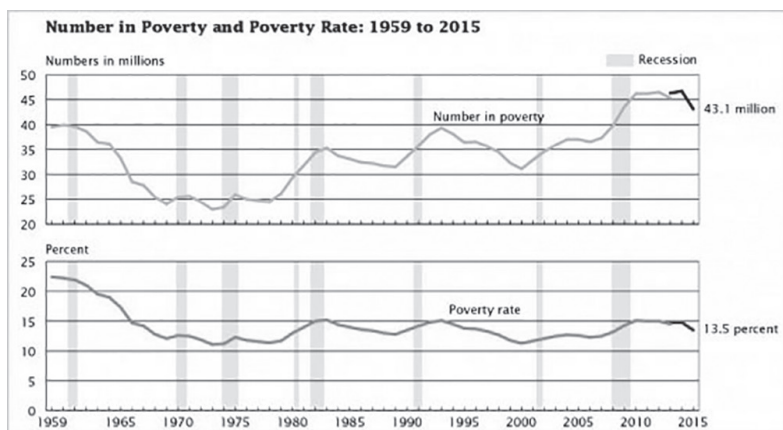
Рис. 5.10.¹¹

Рис. 5.11.

Poverty Rates by Age and Sex: 2015

(In percent)

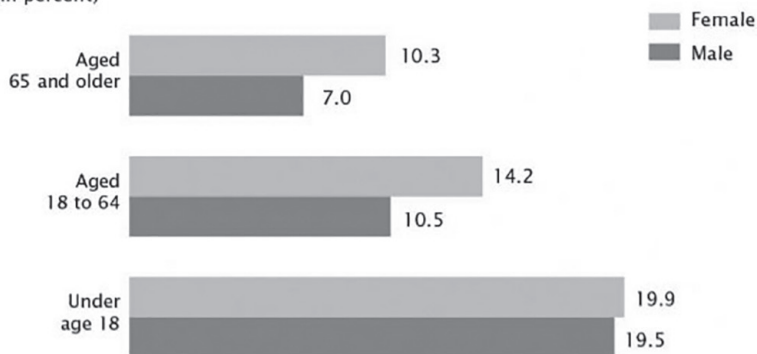

Рис. 5.12.

22 Июля есть еще один отличный повод поговорить о прелестях автоматизации. 50 лет исполнилось знаменитому Детройтскому восстанию 1967 года. Только за один этот год (в проклятом тоталитарном совке) в стране цивилизованного рынка и демократии было зафиксировано 150 массовых акций протеста (проще говоря, погромов — с убийствами, горящими машинами и прочими атрибутами общества благоденствия).

Войска и национальная гвардия были введены в (Новочеркасск) Лос-Анджелес, Ньюарк, Чикаго, Кливленд и Миннеаполис.

В Детройт же на помощь местным 4400 полицейским направились 4700 солдат из 82-й и 101-й парашютно-десантных дивизий и 8 000 солдат нацгвардии.

Чтобы отвлечься от Илона Маска, вот небольшая порция статистики, позволяющая лучше представить себе происходившее и происходящее в Детройте:

- Количество населения за чертой бедности в 1967 составляло 16% (сегодня 48%)
- Безработица — 6.2% (сегодня 9,1%)
- Численность населения в 1967 составляла 1.8 миллиона (сегодня 670 тысяч).

Чтобы прекратить беспорядки, властям пришлось арестовать 7000 человек. Согласно официальным отчетам, в те дни на улицах Детройта

было убито 43 человека, 1200 — ранено, разрушено 412 домов, разграблено 1700 магазинов.

Важно, что в отличие от беспорядков 1943 года, на этот раз детройтские события не были связаны с расовой неприязнью между черными и белыми. Бессмысленный и беспощадный бунт имел сугубо экономические причины.

Что это за причины?

Привилегированное положение, в котором США оказались после победы советского народа над фашизмом, позволило существенно поднять уровень жизни американского рабочего. Отсутствие связанных с войной разрушений и жертв, колоссальный приток капитала из Европы, все это превратило Америку в глобального эксплуататора. В этом статусе она окончательно заменила собой Британскую Империю. Соответственно и американский рабочий, вместе со своим капиталистом косвенно участвовавший в ограблении колоний, стал абсолютно неотличим от британского паразит-пролетария 19-го века.

В середине 60-х годов с американских конвейеров сходили 60% всех выпускавшихся в мире автомобилей. Но что-то пошло не так. Что же случилось с Детроитом?

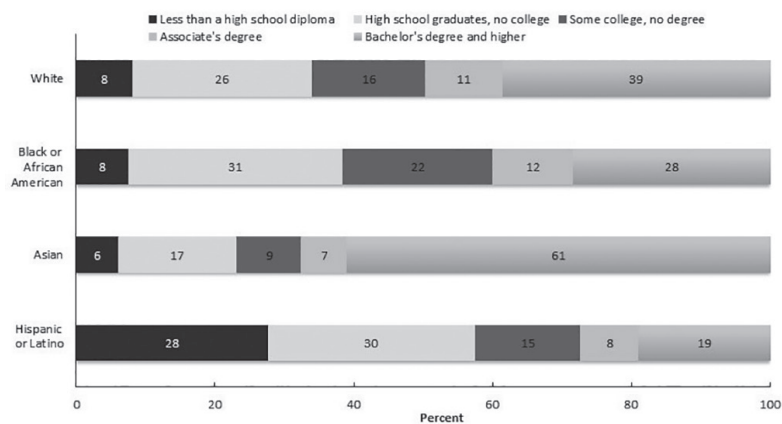

Рис. 5.13. Образовательный уровень различных этнических групп США¹²

Очевидно, что не только в области образования, но и позже, в сфере занятости, различные этнические группы США стали

занимать разные позиции. В частности, в сфере услуг и управления представители азиатских стран заняли наибольшее количество мест.

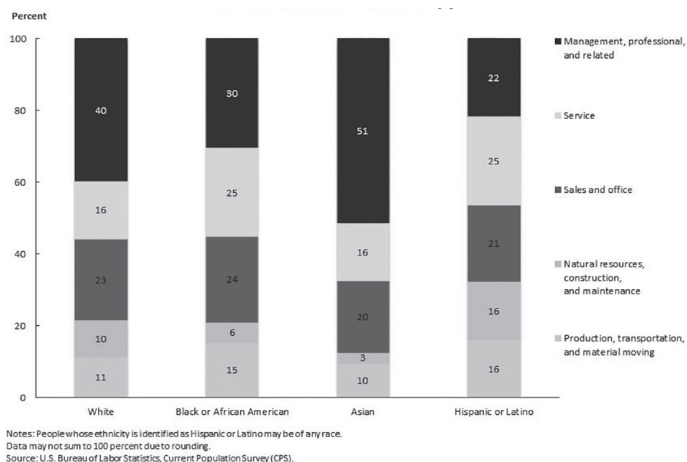

Рис. 5.14. Области занятий этнических групп США

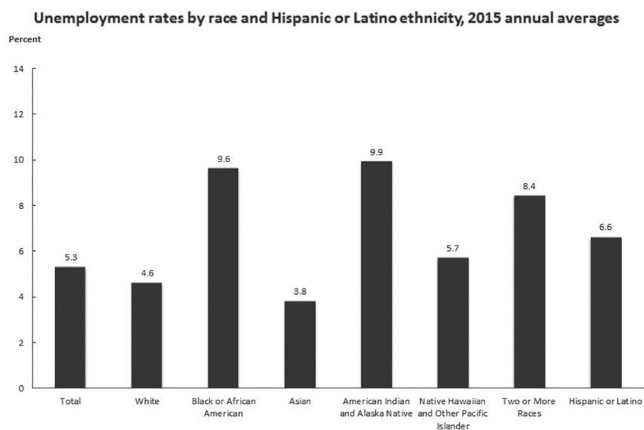
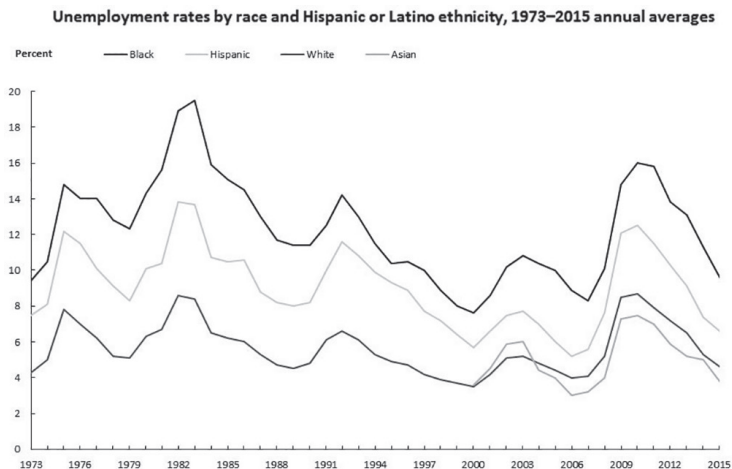

Рис. 5.15.

Наконец, безработица такие в наименьшей степени охватывает белые и азиатские этнические группы, причем в периоды кризисов

в наибольшей мере негативному влиянию подвергаются именно черные и латиноамериканцы.

Рис. 5.16.¹³

Impact of Key Terrorist Groups: 2014

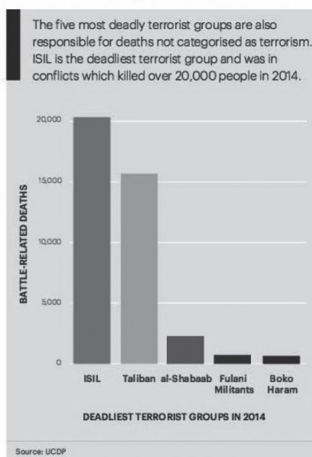
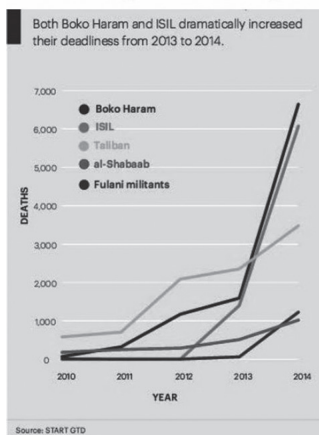
Рис. 5.17.¹⁴

Таблица 5.3. Список террористических организаций США: 2016 год.¹⁵

U.S. List of Terrorist Organizations: 2016	
Designated Foreign Terrorist Organizations	
Date Designated	Name
10/8/1997	Abu Nidal Organization (ANO)
10/8/1997	Abu Sayyaf Group (ASG)
10/8/1997	Aum Shinrikyo (AUM)
10/8/1997	Basque Fatherland and Liberty (ETA)
10/8/1997	Gama'a al-Islamiyya (Islamic Group) (IG)
10/8/1997	HAMAS
10/8/1997	Harakat ul-Mujahidin (HUM)
10/8/1997	Hizballah
10/8/1997	Kahane Chai (Kach)
10/8/1997	Kurdistan Workers Party (PKK) (Kongra-Gel)
10/8/1997	Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE)
10/8/1997	National Liberation Army (ELN)
10/8/1997	Palestine Liberation Front (PLF)
10/8/1997	Palestinian Islamic Jihad (PIJ)
10/8/1997	Popular Front for the Liberation of Palestine (PFLP)
10/8/1997	PFLP-General Command (PFLP-GC)
10/8/1997	Revolutionary Armed Forces of Colombia (FARC)
10/8/1997	Revolutionary People's Liberation Party/Front (DHKP/C)
10/8/1997	Shining Path (SL)
10/8/1999	al-Qa'ida (AQ)
9/25/2000	Islamic Movement of Uzbekistan (IMU)
5/16/2001	Real Irish Republican Army (RIRA)
12/26/2001	Jaish-e-Mohammed (JEM)
12/26/2001	Lashkar-e Tayyiba (LeT)
3/27/2002	Al-Aqsa Martyrs Brigade (AAMB)
3/27/2002	Asbat al-Ansar (AAA)
3/27/2002	al-Qaida in the Islamic Maghreb (AQIM)
8/9/2002	Communist Party of the Philippines/New People's Army (CPP/NPA)
10/23/2002	Jemaah Islamiya (JI)
1/30/2003	Lashkar i Jhangvi (LJ)
3/22/2004	Ansar al-Islam (AAI)
7/13/2004	Continuity Irish Republican Army (CIRA)
12/17/2004	Islamic State of Iraq and the Levant (formerly al-Qa'ida in Iraq)
6/17/2005	Islamic Jihad Union (IJU)
3/5/2008	Harakat ul-Jihad-i-Islami/Bangladesh (HUJI-B)
3/18/2008	al-Shabaab
5/18/2009	Revolutionary Struggle (RS)
7/2/2009	Kata'ib Hizballah (KH)
1/19/2010	al-Qa'ida in the Arabian Peninsula (AQAP)
8/6/2010	Harakat ul-Jihad-i-Islami (HUJI)
9/1/2010	Tehrik-e Taliban Pakistan (TTP)
11/4/2010	Jundallah
5/23/2011	Army of Islam (AOI)
9/19/2011	Indian Mujahedeen (IM)
3/13/2012	Jemaah Anshorut Tawhid (JAT)
5/30/2012	Abdallah Azzam Brigades (AAB)
9/19/2012	Haqqani Network (HQN)
3/22/2013	Ansar al-Dine (AAD)
11/14/2013	Boko Haram
11/14/2013	Ansaru
12/19/2013	al-Mulathamun Battalion

1/13/2014	Ansar al-Shari'a in Benghazi
1/13/2014	Ansar al-Shari'a in Darnah
1/13/2014	Ansar al-Shari'a in Tunisia
4/10/2014	ISIL Sinai Province (formally Ansar Bayt al-Maqdis)
5/15/2014	al-Nusra Front
8/20/2014	Mujahidin Shura Council in the Environs of Jerusalem (MSC)
9/30/2015	Jaysh Rijal al-Tariq al Naqshabandi (JRTN)
1/14/2016	ISIL-Khorasan (ISIL-K)
5/20/2016	Islamic State of Iraq and the Levant's Branch in Libya (ISIL-Libya)

Delisted Foreign Terrorist Organizations		
Date Removed	Name	Date Originally Designated
10/8/1999	Democratic Front for the Liberation of Palestine -Hawatmeh Faction	10/8/1997
10/8/1999	Khmer Rouge	10/8/1997
10/8/1999	Manuel Rodriguez Patriotic Front Dissidents	10/8/1997
10/8/2001	Japanese Red Army	10/8/1997
10/8/2001	Tupac Amaru Revolution Movement	10/8/1997
5/18/2009	Revolutionary Nuclei	10/8/1997
10/15/2010	Armed Islamic Group (GIA)	10/8/1997
9/28/2012	Mujahedin-e Khalq Organization (MEK)	10/8/1997
5/28/2013	Moroccan Islamic Combatant Group (GICM)	10/11/2005
7/15/2014	United Self Defense Forces of Colombia	9/10/2001
9/3/2015	Revolutionary Organization 17 November (17N)	10/8/1997

В большинстве своем экстрасенсы и прорицатели высказываются о нашей стране в хвалебных тонах, заявляя, что Российскую Федерацию после 2016 года ожидает развитие и целенаправленный путь к процветанию и усилению своего влияния на остальной мир.

Так, к примеру, П. Глоба уже не раз заявлял, что с приходом этого года Россия создаст мощный союз, в который войдут более пяти стран бывшего советского пространства. Кстати, это подтвердил и известный американский политолог Джордж Фридман, который сказал, что в 2015 году началось возрождение СССР, после чего между Россией и США начнется новый виток холодной войны.

По прогнозу П. Глобы, для России 2016 год станет временем больших перемен, связанных с большими потрясениями.

Драматичные события будут развиваться в Украине, где уже весной 2014 года произошел раскол страны на западную и восточную.

5.1.в). «Вариант № 3» — «Война с КНР»

Следует изначально оговориться, что такая угроза может быть в реальности не только в отношении США, но и их союзников. Прежде всего, Японии, Индии, Вьетнама или из-за неких территориальных

или экономических споров, что существенно повышает вероятность
военного конфликта.

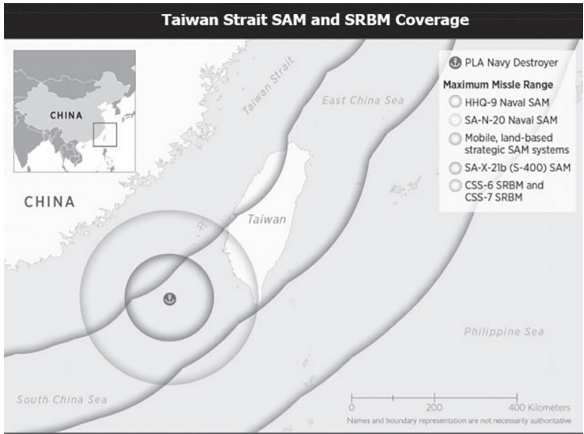

Рис. 5.18.¹⁶

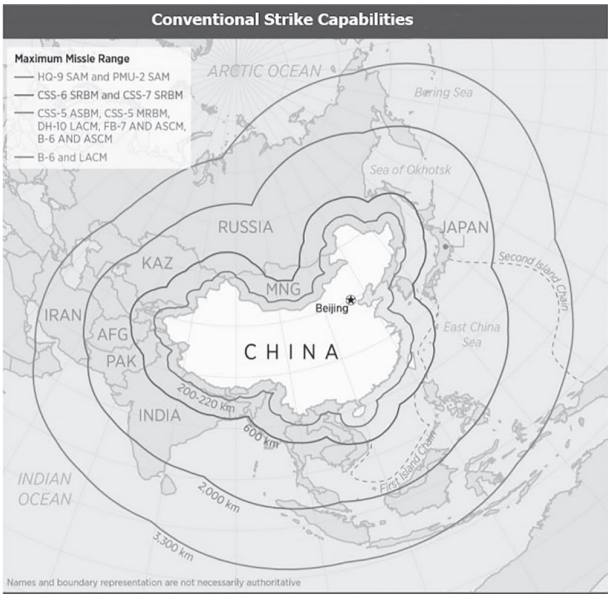

Рис. 5.19.¹⁷

До настоящего времени КНР ведет себя относительно сдержанно, что совершенно не означает, что его внешняя и военная политика могут остаться прежними после 2025 года. Наоборот столкновение интересов и ценностей США и КНР представляется неизбежным потому, что новые парадигмы развития будут сдерживаться США или приспосабливаться под свои интересы.

5.2. Гипотетические опасности и угрозы

5.2.а). «Вариант № 4» — «Угрозы США со стороны новых центров силы и локальных человеческих цивилизаций (Бразилии, Индонезии, Мексики), вытекающие из доминирования новых парадигм мирового развития в период 2025–2040 годов»

Эти гипотетические угрозы в 2019 году могут стать вполне реальными после 2040 годов, когда потенциалы Индонезии, Бразилии и Мексики станут вполне сопоставимыми с США, а амбиции правящей западной элиты будут ориентированы на сохранение неравноправного взаимодействия. Пример Филиппин, президент которых не раз в 2016–2017 годах высказывался резко негативно в адрес США, — показателен. Напомню, что до этого аналогичные заявления делали руководители Кубы, Венесуэлы, Ирана и других стран, у которых не было сколько-нибудь существенных возможностей влиять на политику США.

Разница между импортом и экспортом примерно в 5 раз.

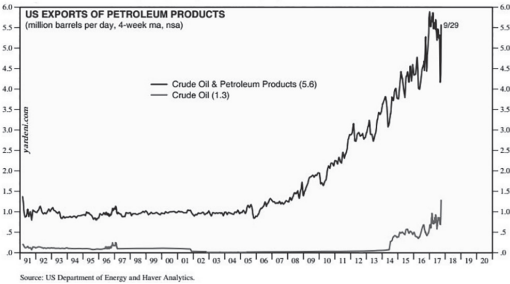

Рис. 5.20. Экспорт продуктов переработки нефти США¹⁸

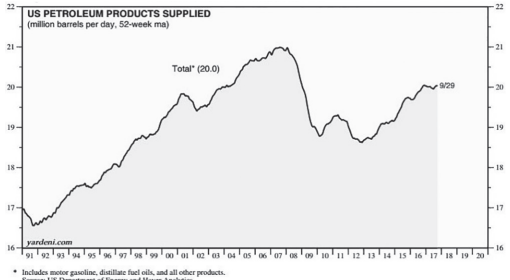

Рис. 5.21. Поставки в США нефти¹⁹

5.2.6). Энергетический кризис

Нефть остается, и будет оставаться после 2025 года главным источником энергии в США.

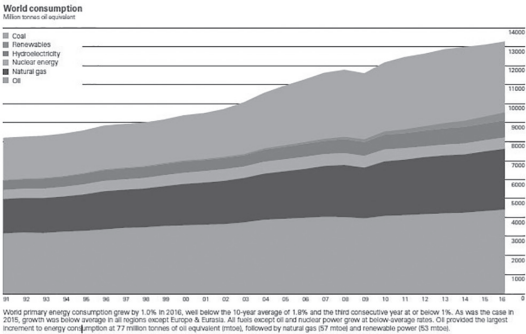
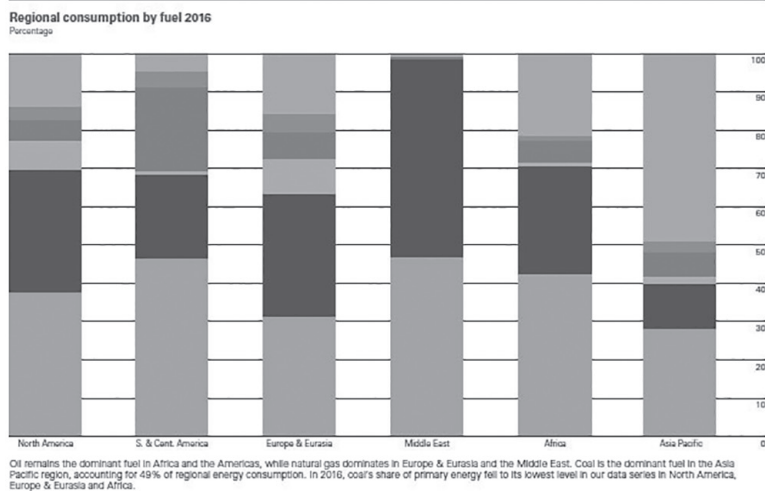

Рис. 5.22.²⁰

Рис. 5.23.²¹

Энергетический кризис может возникнуть не из-за сокращения поставок энергоресурсов, а из-за роста потребления продуктов переработки углеводородного сырья.

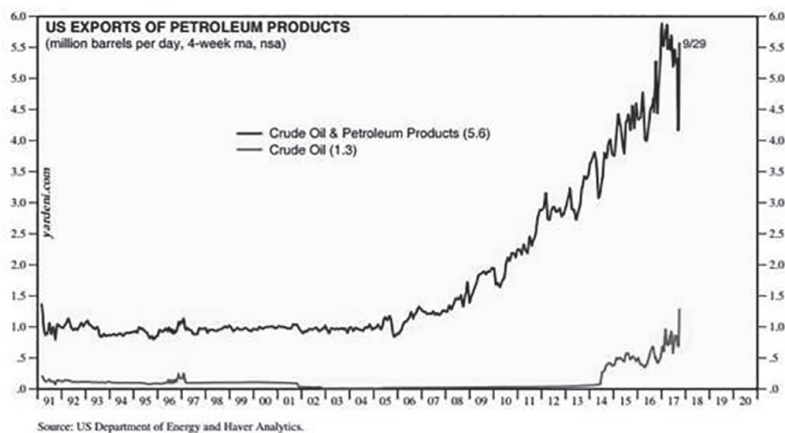
Рис. 5.24. Экспорт продуктов переработки нефти США²²

Рис. 5.25. Поставки в США нефти²³

Разница между импортом и экспортом примерно в 5 раз.

5.2.в). Новые средства и способы вооруженной борьбы

К началу XXI века в мире уже произошла очередная военно-техническая революция, которая характеризуется качественными изменениями в области управления ВВСТ и ВС. Ее наиболее характерные черты описал военный эксперт М. Хамзатов 21 февраля 2017 года²⁴.

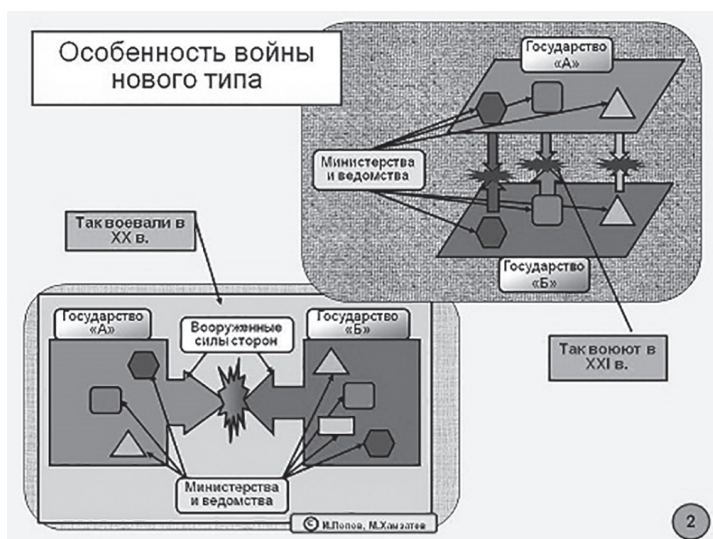

Рис. 5.26. Особенность войны нового типа

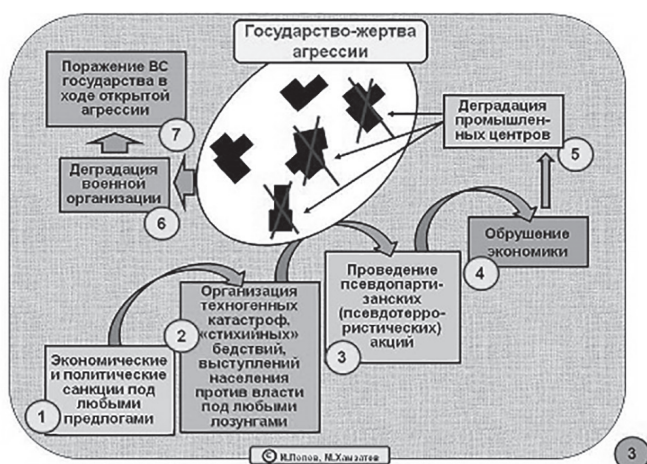

Рис. 5.27. Основные этапы современной войны

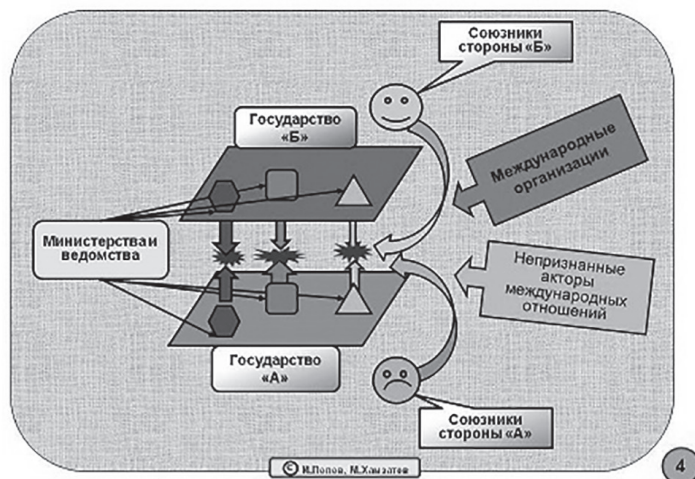
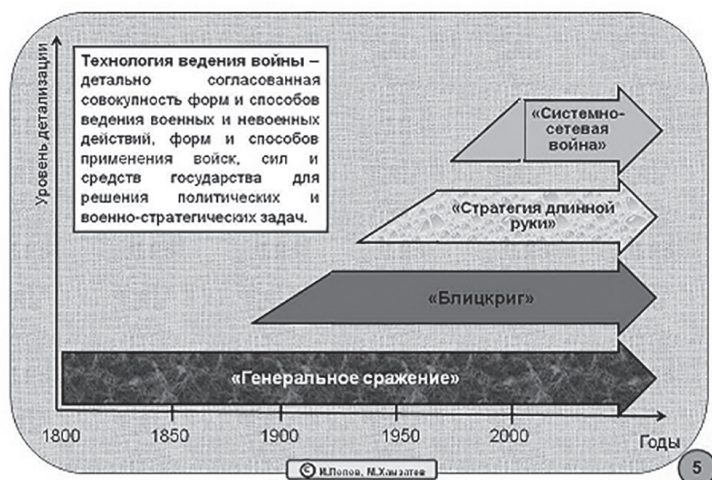
Рис. 5.28. Основные участники современной войны²⁵

Рис. 5.29. Эволюция технологий войны

	МЕТОД	СПОСОБ	ТЕХНОЛОГИЯ
Объект воздействия	Армия	Отдельные подразделения	Отдельные технические средства
Степень детализации	Низкая (общее направление деятельности)	Средняя (общий порядок действий)	Высокая (детальное описание деятельности)
Содержание	Правила, общий замысел кампании	Общий замысел действий, взаимовязанных между собой по цели, месту и времени	Детальная последовательность действий, жестко взаимовязанных между собой по цели, месту и времени
Результат	Ориентировочный по месту и времени	Достижение цели с параметрами, близкими к запланированным	Достижение цели с точно запланированными параметрами

© И.Лопов, М.Х.мзгеев

Рис. 5.30. Принципиальные различия между методом, способом и технологией ведения войны²⁶

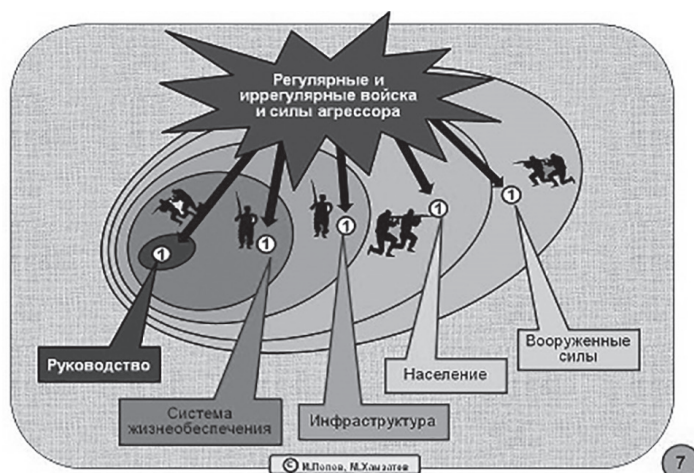

Рис. 5.31. Приоритеты поражения противника по технологии «Системно-сетевой войны»

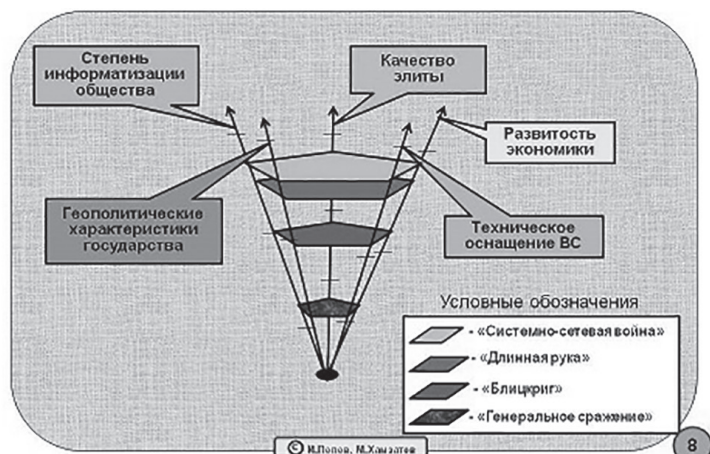

Рис. 5.32. Основные «разведпризнаки», определяющие возможный уровень технологии войны²⁷

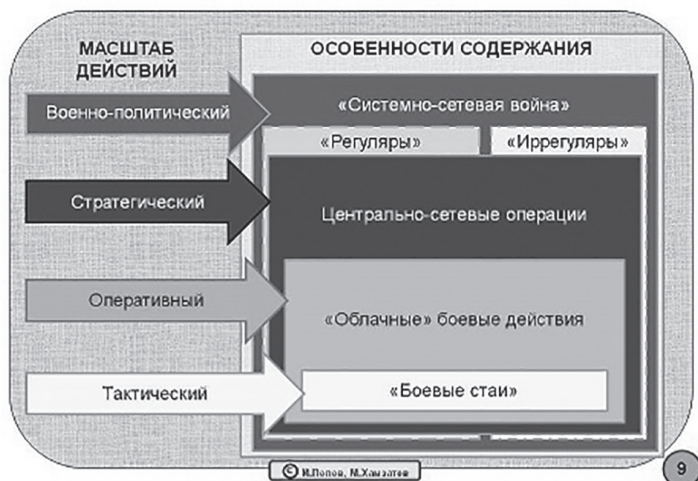

Рис. 5.33. «Системно-сетевая война»: соотношение понятий

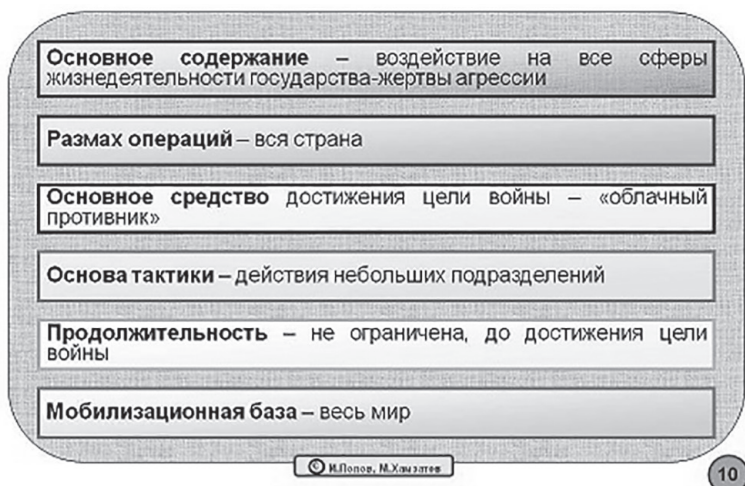
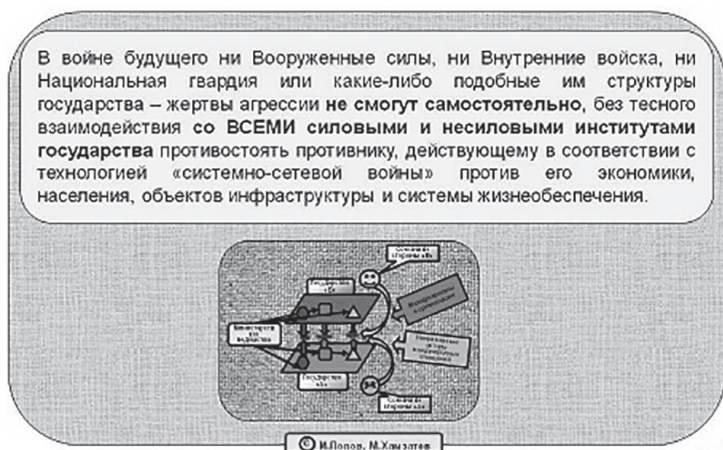
Рис. 5.34. Особенности технологии «Системно-сетевой войны»²⁸

Рис. 5.35. «Облачный» противник: сущность и особенности

12

Рис. 5.36. Вывод 1: Необходим межведомственный подход²⁹

13

Рис. 5.37. Вывод 2: Требуются новые системы вооружения

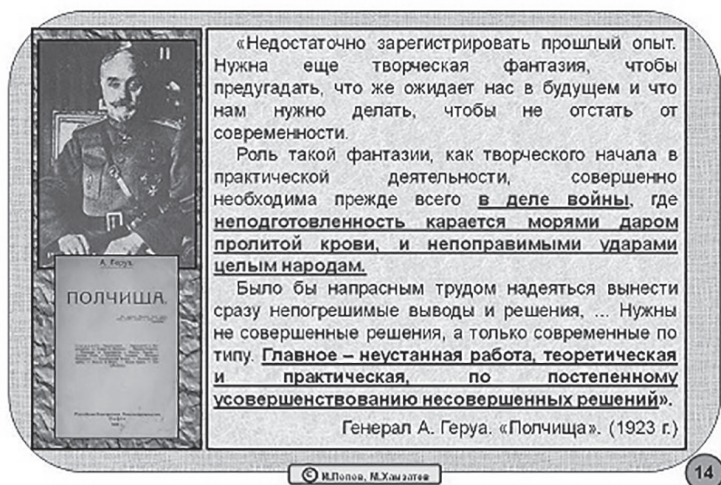

Рис. 5.38. Вывод 3: «Главное — неустанная работа ...»³⁰

¹ Фролов А.Л. Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль. — № 1. — С. 45.

² The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050 / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

³ Strategic Choices for a Turbulent World: In Pursuit of Security and Opportunity / Is the World Falling Apart (And How Would We Know)? / RAND RR1631-3.2 / http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1631/RAND_RR1631.pdf

⁴ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050 / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

⁵ Strategic Choices for a Turbulent World: In Pursuit of Security and Opportunity / Stockholm International Peace Research Institute, «Global Nuclear Weapons: Downsizing but Modernizing», web page, June 13, 2016 / RAND RR1631-3.2 / http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1631/RAND_RR1631.pdf

⁶ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 597.

⁷ The Uncertain Trends and Metrics of Terrorism in 2016 . https://docviewer.yandex.ru/?uid=35247875&url=ya-mail%3A%2F%2F161003686678498753%2F1.2&name=161107_Terrorism_Metrics_Survey.pdf&c=58caf9b3ec25

⁸ Labor Force Characteristics by Race and Ethnicity, 2015 / Report N 1062, September 2016.

⁹ Labor Force Characteristics by Race and Ethnicity, 2015 / Report N 1062, September 2016 / <https://www.bls.gov/opub/reports/race-and-ethnicity/2015/home.htm>

¹⁰ Charing the labor market: Data from the Current Population Survey (CPS) Sep. 1, 2017 U.S. BUREAU OF LABOR STATISTICS / https://www.bls.gov/web/empsit/cps_charts.pdf

¹¹ Бедность в США или Статистика знает все 05.07.2017 / <https://smart-lab.ru/blog/407915.php>

¹² Charing the labor market: Data from the Current Population Survey (CPS) Sep. 1, 2017 U.S. Bureau of Labor Statistics / https://www.bls.gov/web/empsit/cps_charts.pdf

¹³ Labor Force Characteristics by Race and Ethnicity, 2015 / Report N 1062, September 2016 / <https://www.bls.gov/opub/reports/race-and-ethnicity/2015/home.htm>

¹⁴ The Uncertain Trends and Metrics of Terrorism in 2016 . https://docviewer.yandex.ru/?uid=35247875&url=ya-mail%3A%2F%2F161003686678498753%2F1.2&name=161107_Terrorism_Metrics_Survey.pdf&c=58caf9b3ec25

¹⁵ The Uncertain Trends and Metrics of Terrorism in 2016. https://docviewer.yandex.ru/?uid=35247875&url=ya-mail%3A%2F%2F161003686678498753%2F1.2&name=161107_Terrorism_Metrics_Survey.pdf&c=58caf9b3ec25

¹⁶ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China / Office of the Secretary Of Defense/ — Wash.: GPO, 2015. April. — P. 89.

¹⁷ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China / Office of the Secretary Of Defense/ — Wash.: GPO, 2015. April. — P. 87.

¹⁸ Energy Briefing: US Petroleum Products Supplied / <https://www.yardeni.com/pub/peacockpetweekly.pdf>

¹⁹ BP Statistical Review of World Energy June 2017 / https://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_gb/united-kingdom/pdf/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

²⁰ Energy Briefing: US Petroleum Products Supplied / <https://www.yardeni.com/pub/peacockpetweekly.pdf>

²¹ BP Statistical Review of World Energy June 2017 / <https://www.bp.com/>

content/dam/bp-country/en_gb/united-kingdom/pdf/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

²² Energy Briefing: US Petroleum Products Supplied / <https://www.yardeni.com/pub/peacockpetweekly.pdf>

²³ BP Statistical Review of World Energy June 2017 / https://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_gb/united-kingdom/pdf/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf

²⁴ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

²⁵ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

²⁶ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

²⁷ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

²⁸ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

²⁹ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

³⁰ *Хамзатов М.М.* Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

**РОЛЬ США
В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ И БУДУЩЕЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ**

Монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка *Е.В. Лабыгина*
Художественное оформление обложки *Е.С. Игнатовой*

Подписано в печать 28.07.2019. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 26,85. Уч. изд. л. 17,28. Тираж 500 экз. Заказ

ИД «Международные отношения»
125481, г. Москва, ул. Свободы, д. 91/2